

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1 $\frac{02 - 8}{344 - 4}$

КОРЕЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Москва
ИВ РАН
2002

ББК 66.2+66.5(5Ко)
К66

Ответственный редактор
Ю. В. Ванин

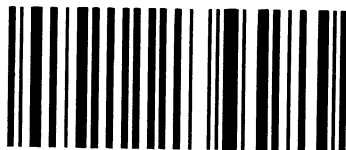
Рецензенты:
д. и. н. *Г. Д. Тягай*,
д. и. н. *А. С. Шин*

К66 **Корея на рубеже веков.** — М., Институт востоковедения РАН,
2002. — 400 с.
ISBN 5-89282-190-0

Сборник посвящен экономическому и политическому положению в Корейской Народно-Демократической Республике и Республике Корея и взаимоотношениям двух стран. Судьба разделенного народа показана на фоне военно-политической обстановки, сложившейся на Корейском полуострове, где сталкиваются интересы крупнейших государств мира — США, КНР, России и Японии.

Анализируя ситуацию, авторы опирались на обширный фактический материал корейских официальных источников. Изменения, происходящие на полуострове, позволяют говорить о тенденциях сближения Северной и Южной Кореи и о тех сложных условиях, при которых оба государства вступают в XXI век.

ББК 66.2+66.5(5Ко)

2002016195

ISBN 5-89282-190-0

© Институт востоковедения РАН, 2002

*Светлой памяти
Виктора Михайловича Мазурова
посвящается*

Содержание

Предисловие	5
В. М. Мазуров. Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития	11
<i>С. С. Суслина.</i> Государственное регулирование экономики Республики Корея на современной стадии развития	51
<i>Б. В. Синицын.</i> Финансово-экономический кризис в Республике Корея	78
Г. В. Грязнов. Актуальные проблемы экономического развития КНДР (80 — 90-е гг.)	93
<i>В. А. Шин.</i> Ядерная проблема КНДР: процесс урегулирования	199
<i>В. И. Красов.</i> Соотношение военных потенциалов Юга и Севера на Корейском полуострове	226
<i>А. В. Воронцов.</i> Эволюция политики США, КНР, Японии и России в отношении Корейского полуострова на рубеже веков	251
<i>Ю. В. Ванин.</i> Корея на трудном пути к воссоединению	315
Summary	399

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия и Корея связаны не только общей границей, но и традициями добрососедства и сотрудничества, сложившимися почти за полтора столетия их взаимоотношений. В настоящее время, как и в прошлом, корейское направление занимает видное место во внешней политике России. На Корейском полуострове у России весьма значительные экономические и политические интересы, от складывающейся там военно-политической обстановки в немалой степени зависит безопасность нашей дальневосточной территории. Вот почему этот регион неизменно привлекает к себе повышенное внимание политических, экономических и научных кругов России. В современных международных отношениях приоритет вынужденно отдан другим, более беспокойным районам земного шара (Ближний Восток, Балканы и др.). Корея вроде бы отошла на второй план. Но это поверхностное и обманчивое впечатление. Не следует забывать, что вторая половина истекшего XX века началась с Корейской войны (1950—1953), ставшей крупномасштабным международным конфликтом, с трудом удержанным на грани перерастания в третью мировую, атомную войну. С тех пор минуло много времени, но не ушли в прошлое, а лишь несколько сглажены, приглушены те внутренние и внешние факторы, которые породили войну. Последние полвека они держат Корейский полуостров в состоянии военной напряженности, нередко достигающей критических пределов, и до сих пор нет надежных гарантий того, что они не обострятся вновь и не вызовут новых международных потрясений. В результате Корейский полуостров по-прежнему остается сложным узлом неурегулированных противоречий, одним из взрывоопасных участков нашей планеты.

Как известно, раскол Кореи, начатый США и СССР после ее освобождения от японской колониальной неволи в августе 1945 г., продолженный при их содействии самими корейскими политическими силами и закрепленный Корейской войной, привел к формированию на Корейском полуострове двух государств — Республики Корея (РК) на юге и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) на севере. Каждое из них считает себя

единственно легитимным, представляющим всю Корею. С трудом, причем сравнительно недавно и далеко не в полной мере, они признают существование друг друга и ищут способы только под своей эгидой и по своему сценарию объединить всю страну. За прошедшие после провозглашения их обоих в 1948 г. более 50 лет каждое из двух корейских государств шло отличным от другого путем, далеко по нему продвинулось, преодолевая множество трудностей и лишений, которых могло не быть, останься Корея единой.

Республика Корея, развивающаяся на капиталистической основе, примерно половину срока своего существования провела в условиях жесточайшей военной диктатуры. К этому обстоятельству нельзя отнестись однозначно. С одной стороны, господствовал режим практически бесконтрольной личной власти, сочетавшийся с ограничением до крайности демократических прав и свобод, суровым подавлением любой оппозиции, что справедливо вызывало растущее сопротивление ущемленных этим политических сил. Но с другой стороны, и в этом парадокс того периода южнокорейской истории, что тогда же были четко определены ближайшие и перспективные задачи укрепления государства, разработана своевременная и последовательная система мер по их реализации в социально-экономической сфере, проводилась решительная и целенаправленная мобилизация необходимых для этого сил и средств, создавались условия для большей открытости экономики РК всему остальному миру.

Авторитарные методы управления, безудержная эксплуатация трудящихся, эффективное использование внешней помощи в основном обеспечили РК в последние десятилетия быстрый подъем экономики, который вывел ее в разряд новых индустриальных стран и привлек внимание к ее опыту у нас в России. Опираясь на достигнутые успехи, власти РК лелеяли планы скорого ее вхождения в первую десятку промышленно развитых государств мира. Однако мировой финансовый кризис 1997 г., особенно больно ударивший по странам Азии, вынудил пока оставить эти амбициозные намерения. Экономика РК переживает невиданные ранее и непривычные для нее потрясения, тяжело отразившиеся на многих сторонах ее развития. Выход из постигших страну экономических и финансовых затруднений требует от нее больших усилий и наверняка займет некоторое время в начале XXI века.

Созданный в недавнем прошлом солидный экономический фундамент позволил РК с конца 1980-х гг. активнее заняться проблемами демократизации общества. Отказ от наследия авторитаризма, внедрение в политике и общественной жизни обще-

принятых демократических норм, модернизация на этой основе важнейших сторон деятельности государства — длительный и непростой процесс. В его развитии за последние годы наметились некоторые достижения. Но этот процесс осложняют неизжитые до сих пор устаревшие взгляды и традиции, сопротивление консервативной части правящих кругов, внутривластные распри и т. д. Неожиданным серьезным препятствием явился также упомянутый выше финансово-экономический кризис. Под воздействием совокупности такого рода факторов процесс демократизации в РК идет медленно и трудно, иногда даже с отступлениями, что предвещает и в дальнейшем затяжное и противоречивое продвижение страны к провозглашенной цели — строительству подлинно демократического государства.

КНДР, в отличие от РК, избрала принципиально иной, социалистический путь развития. Следуя поначалу советским образцам, она затем постепенно трансформировала их в собственную, как там подчеркивают, корейскую модель социализма, многократно усилив централизацию управления обществом и государством и решающую роль в нем высшего руководителя. В основе проводимого Трудовой партией Кореи и правительством КНДР внутреннего и внешнего курса лежат идеи *чучхе* (дословно — «сам хозяин»), придающие первостепенное значение независимости в политике, самостоятельности в экономике, самообороне. Все попытки недругов КНДР во главе с США сбить КНДР с избранного ею пути, добиться от нее уступок в основополагающих вопросах, особенно после крушения социализма в СССР и других странах, окончились безрезультатно. Не оправдались их надежды на развал КНДР после смерти ее основателя и многолетнего лидера Ким Ир Сена. Руководство республикой спокойно, без ожидавшихся потрясений, перешло к его сыну и общепризнанному преемнику Ким Чен Иру, подтвердив тем самым достаточную прочность существующей в КНДР общественно-политической системы. Ее дальнейшему укреплению призвана служить проводимая там всеобъемлющая «чучхеизация» всех сфер жизнедеятельности общества и государства. Одновременно предпринимаются шаги к их модернизации, повышению эффективности всех ветвей власти, прежде всего — представительной, что проявилось в двукратном пересмотре в 1990-х гг. Социалистической конституции КНДР.

Присущая в недавнем прошлом всем социалистическим странам административно-командная система продемонстрировала в КНДР определенную жизнеспособность. Общеизвестно, что до 1970-х гг. КНДР обгоняла РК в экономическом развитии. Однако впоследствии эта система начала постепенно давать сбои, не в

полной мере обеспечивая непрерывно и быстро растущие потребности республики, что в значительной степени предопределило ее экономические трудности последнего времени. Власти КНДР делали и делают заметные шаги в сторону совершенствования и децентрализации управления экономикой, приобщения ее к современному научно-техническому процессу, налаживания сотрудничества с иностранным капиталом и т. д. Но по разным причинам достичь желаемого результата нелегко. К осложнениям системного характера прибавились тяжелейшие стихийные бедствия, преследующие республику несколько лет подряд. Поэтому КНДР пришлось не раз обращаться за помощью к мировому сообществу. Параллельно с этим ведется большая работа, а еще более масштабная, видимо, предстоит по устранению последствий разгула стихии и собственных экономических промахов, созданию условий для резкого повышения общего социального уровня развития республики.

Отношения между двумя корейскими государствами до недавнего времени отличали стойкое взаимное недоверие и даже враждебность. Каждое из них считало, что для этого у него достаточно веских оснований. В настоящее время их отношения во многом зависят от политического климата в мире. Разрядка международной напряженности привела к немыслимому ранее диалогу между КНДР и РК, начало которого положило Совместное заявление Севера и Юга от 4 июля 1972 года. Впоследствии диалог не раз срывался, чередуясь с периодами обострения, порой критического накала ситуации на Корейском полуострове. Окончание эпохи «холодной войны» ознаменовалось беспрецедентным для Кореи событием — подписанием в конце 1991 г. Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом и Совместной декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова. Но столь многообещающе начавшийся поворот в межкорейских отношениях был заблокирован главным образом из-за «ядерных подозрений» в отношении КНДР, использованных США и РК для силового давления на нее, что едва не вылилось в 1993 г. в крупный международный конфликт. Его постепенное урегулирование открыло возможности значительного продвижения в межкорейских отношениях, но их реализации воспрепятствовали кончина лидера КНДР Ким Ир Сена в июле 1994 г. и некоторые связанные с этим неразумные шаги властей РК.

С тех пор и до недавнего времени прямой и регулярный диалог между КНДР и РК практически отсутствовал, хотя отдельные его проявления по частным вопросам периодически возникали. Оба корейских государства разработали и отстаивают собственные программы преодоления раскола страны, которые, с одной

стороны, обслуживают политические и пропагандистские задачи правящих режимов, но с другой — отражают объективно нарастающую тенденцию восстановления национального единства Кореи. Можно с уверенностью полагать, что эта тенденция, воплощающая в себе надежды и стремления всего корейского народа, будет и дальше пробивать себе дорогу через все препятствия, которых, конечно же, еще немало. Эти ожидания сбылись в июне 2000 г., когда в Пхеньяне состоялась историческая встреча руководителей РК и КНДР — Ким Дэ Чжуна и Ким Чен Ира.

Как уже говорилось, Корея по-прежнему является одним из очагов военной опасности. Перемирие, завершившее в июле 1953 г. Корейскую войну, за истекшие с тех пор десятилетия так и не превратилось в стабильный и прочный мир. По обе стороны 38-й параллели, разделяющей Северную и Южную Корею, располагаются огромные воинские контингенты, оснащенные современным оружием и техникой. На военные цели КНДР и РК тратят колоссальные силы и средства, жизненно необходимые каждой из них при нынешних экономических трудностях. Нельзя при этом не обратить внимание на одно важное обстоятельство: уже продолжительное время РК настойчиво увеличивает свои военные расходы под предлогом подготовки к отражению «агрессии» КНДР, хотя у последней некоторые международные наблюдатели отмечают как раз обратную тенденцию — сокращение военных затрат, что как-то не укладывается в логику агрессивных приготовлений. Это вносит новый и тревожный элемент в военно-политическую обстановку на полуострове.

Корейский полуостров остается также традиционно важным местом сосредоточения экономических, политических, военно-стратегических интересов крупнейших держав — США, КНР, России и Японии. Среди них, с исчезновением СССР и ослаблением позиций России, активно выдвигаются на передний план США, традиционно преобладающие в РК, а теперь налаживающие и с КНДР разнообразные контакты, рассчитанные на далеко идущие цели. Каждая из названных выше держав исходит в Корею прежде всего из собственных задач и потребностей, имеет в чем-то отличное от других видение методов и желательных результатов решения ее проблем, в первую очередь — от объединения страны. При всех несовпадениях во взглядах и позициях у держав, связанных с Кореей, есть один объединяющий всех интерес — снижение здесь опасного для всех уровня военной напряженности, содействие для этого взаимопониманию и сближению двух корейских государств, их вовлечение в общие усилия по укреплению мира и стабильности, расширению сотрудничества стран региона.

Таковы, в самом кратком изложении, те проблемы, которые в основном определяют современную ситуацию на Корейском полуострове и вокруг него и скорее всего будут сказываться на ней в обозримом будущем. Все они в той или иной мере являются объектами изучения российским корееведением, став темами содержательных научных работ последнего времени. Эти проблемы также регулярно обсуждаются на различных научно-практических конференциях, опубликованные материалы которых дополняют накопленные российским корееведением знания и размышления о сегодняшнем и будущем Кореи.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей «Корея на рубеже веков», подготовленный учеными Института востоковедения РАН, надо надеяться, займет соответствующее место среди работ по актуальным проблемам Кореи, когда она переходит из второго в третье тысячелетие. Авторы осветили наиболее значительные, с точки зрения каждого из них, аспекты экономического и политического положения РК и КНДР, взаимоотношений между ними и их подходов к вопросам мирного объединения двух частей Кореи. Все эти аспекты подверглись обстоятельному анализу с привлечением для аргументации доступного максимума исходных данных. Причем ученые старались не только подробно осветить современное состояние рассматриваемых явлений и процессов, но и по возможности наметить вероятные перспективы их развития. В каждой статье автор высказывает личные взгляды и оценки, не всегда совпадающие с мнением других. К сожалению, в сборнике меньше, чем хотелось бы, показано положение дел в КНДР, поскольку республика крайне скупа на информацию о себе, и исследователям зачастую остается лишь обращаться к другим, не очень добросовестным источникам, а это затрудняет серьезную аналитическую работу.

Вопросы литературы, искусства, культуры КНДР и РК в сборнике не рассматриваются, так как это очень обширная и важная тема, требующая отдельного исследования.

Хочется верить, что читатели не обойдут вниманием данный сборник, и он поможет им полнее и глубже понять то, что происходит у нашего дальневосточного соседа и что непосредственно затрагивает интересы России. Не лишним, видимо, он будет и для тех, кто формирует и проводит политику России на корейском направлении. Авторы отдают себе отчет в дискуссионности некоторых своих суждений и выводов, но убеждены, что это пойдет только на пользу отечественной науке.

Ю. Ванин

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Опыт Республики Корея, который привел к стремительному преобразованию аграрной страны в индустриальную, заслуживает внимания как с теоретической, так и с практической точки зрения. В контексте проблем развития РК отчетливо видно, что она с начала 1960-х гг. (на протяжении 30 лет ею управляли представители военной формации) к концу века кардинально преобразилась. Но даже ныне, после трансформации многих сторон общественной жизни, прозвучало бы фальшиво утверждение о том, что она обладает теми же общими политическими и социальными условиями, какими располагают промышленно развитые страны Запада. Республику Корею характеризует — хотим мы того или нет — переплетение нового со старым, далекого со сравнительно недавним.

В южнокорейском обществе на пороге XXI века наряду с новыми институтами сосуществуют элементы предшествующего развития. Их присутствие — проявление общей закономерности, а не исключение из правила. В этом проявляются геополитические и национально-исторические особенности страны, влияние сложившихся традиций государственности. К тому же вряд ли стоит недооценивать процесс социального расслоения, существование общественных групп с противоположными интересами и устремлениями. Нынешние участники политических отношений, сформировавшись в социальных структурах прошлого, не могли в одночасье отрешиться от присущих им прежде позиций, идей, оценок, заблуждений, иллюзий, равно как и характерных для них черт политической культуры. И в конце 1980-х гг. экономи-

* В связи с безвременной кончиной автора (сентябрь 1998 г.) данная статья ограничена периодом президентства Ким Ён Сама (1993–1998).

ческая модернизация РК стала дополняться политической. Необходимо отметить, что переход ее общества к новым политическим отношениям развернулся в недрах авторитарных порядков.

Когда речь заходит о духовно-нравственной атмосфере, в которой осуществлялась модернизация РК, следует иметь в виду исключительную жизнестойкость конфуцианской культурно-исторической традиции. Напомним, что с приходом к власти династии Ли (1392—1910) конфуцианство обрело в Корее статус государственной идеологии. Эта перемена нанесла ощутимый урон влиянию буддизма — давнего соперника конфуцианства. В РК конфуцианство продолжает иметь важное значение для формирования духовности, помогает сохранять наследие истории и культуры. Но надо помнить и о том, что его функции в различных сферах жизни общества изменялись и изменяются поныне.

Воздействие конфуцианства на состояние общественных и межличностных отношений многомерно и не поддается описанию в каких-то одних понятиях. Конфуцианство сохраняет несколько компонентов, поэтому любое его истолкование, основанное на едином признаке, будет страдать неполнотой и односторонностью. В нем соединены система непосредственно религиозных верований (число ее приверженцев не столь уж велико), морально-этическая доктрина (именно эта сторона конфуцианства оказывает наибольшее влияние на образ мыслей и образ поведения южнокорейских граждан) и историко-философская концепция власти. Конфуцианство выступает и ныне в РК не только как хранитель ритуалов, традиционных форм жизни и типа рациональности. Оно культивирует в массовом сознании ценность образования и науки, необходимость сохранения и преумножения культурного наследия, в явной или скрытой форме воспитывает представление о значимости хорошего вкуса, здравого смысла, нравственности в ходе повседневно принимаемых решений.

Конфуцианство самым серьезным образом повлияло на восприятие обществом роли государства, которое, со своей стороны, сыграло исключительно большую роль в формировании национального самосознания. Сильное государство — важнейший идейный код в национальной психологии корейцев. Они воспринимали государство как эффективно действующую централизованную структуру, взявшую на себя заботу об организации многих видов общественно необходимых работ, и защитника страны от внешних вторжений. С конфуцианской традицией прочно связано преклонение перед государственной службой. Испокон веков этот вид занятий пользовался в Корее почетом и влиянием,

вызывая какой-то благоговейный трепет. Конфуцианский культ государственной службы создавал ореол вокруг административно-политической деятельности, относя ее к исключительному поприщу, только и достойному «благородных мужей». Государственная служба, соперничавшая по престижности разве что только с научной деятельностью, была заветной мечтой многих, поскольку приносила власть, благосостояние, уважение, прочное положение в обществе. Но надо признать и то, что доступ в сферу управления открывался (и то далеко не каждому) ценою огромного напряжения сил с самого раннего детства. Этого требовало освоение иероглифического письма, заучивание многих положений классических конфуцианских текстов.

Свой ресурсный потенциал конфуцианство отдавало служению жесткому единоличному правлению. Монарх неизменно рассматривался ключевой фигурой политической системы. Власть государя считалась священной, исходящей от Неба. Прививалась мысль о необходимости добровольно подчиняться законной власти. Конфуцианские воззрения на государство основательно проанализированы южнокорейскими специалистами в монографии «Политическая мысль в Корее»¹. В этом исследовании подчеркнута доминирующее положение конфуцианства в развитии политической мысли в Корее от периода Трех государств (37 г. до н. э. — 668 г. н. э.) и до наших дней. Справедливо говорится также о том, что его влияние отразилось на функционировании жизненно важных сфер государства. Конфуцианство, ранжируя приоритеты и ценности, в наибольшей мере влияло на усвоение индивидом норм общества, принципиально важных установок социальной системы. Оно, в частности, возвышало в глазах окружающих людей, преодолевших все жизненные невзгоды ради получения образования. Бережно создавалось представление об идеальном чиновнике. Таковым в его истолковании выступал человек, всецело отдающий себя государственной службе и получающий за это сторицей вознаграждение от власти. Помимо трудолюбия, он должен обладать чувством собственного достоинства, прямоотой суждений и критическим настроем. Подобная система суждений отнимала право называться идеальным чиновником у того, кто проявлял беззастенчивые карьеристские устремления.

После освобождения Кореи в 1945 г. привлекательность чиновничьей карьеры в южнокорейском обществе вряд ли отошла в прошлое, хотя появилось много других сфер приложения способностей и усилий. Проведение модернизации (ее идея мучительно начала пробивать себе дорогу с конца XIX в.) объективно вело к росту и обновлению бюрократической прослойки, усиле-

нию требований, предъявляемых к качеству управленческих решений. Практическая реализация давно назревшей идеи потребовала от работника профессионального образования, квалификации, широты мышления, готовности воспринимать нововведения, способности к рационализации, совершенствованию производственного процесса. Вряд ли можно погрешить против истины, утверждая, что конфуцианская традиция в качественно иных условиях способствовала созданию дееспособной и высокопрофессиональной власти.

История распорядилась таким образом, что с сентября 1945 г. Южная Корея оказалась под контролем американских вооруженных сил, что и определило вектор ее социального движения.

Реальные предпосылки для возрождения производственного сектора экономики как основы модернизации Юга отчасти были заложены в годы, предшествовавшие Корейской войне 1950—1953 гг. К числу важных предпосылок модернизации того времени можно отнести:

1. Создание государственного сектора на базе национализированных объектов собственности, находившихся в распоряжении государственных и частных японских компаний в годы японского колониального господства в Корее (1910—1945).

2. Проведение национальной аграрной реформы в конце 1940 — начале 1950-х гг. Реформа ликвидировала помещичье землевладение, наделив земель (путем распродажи в рассрочку) крестьянские хозяйства. Это изменило всю ситуацию на Юге. Создав обширный слой мелких земельных собственников, реформа подорвала повстанческое движение на Юге, укрепила в лице крестьянства социальную базу режима, сообщила мощный импульс развитию рыночных отношений в стране.

На формирование политики правящих кругов Южной Кореи в сфере безопасности и разработку ими военно-стратегических проблем самое серьезное влияние оказала общая ситуация на Корейском полуострове, а также тактика борьбы с коммунизмом. Сразу после провозглашения Республики Корея 15 августа 1948 г. возникла система национальной безопасности, силовые структуры которой были нацелены на борьбу с коммунизмом, подавление недовольства политикой правящего режима².

Исход Корейской войны, в которой не оказалось ни победителей, ни побежденных, а были лишь временно отступившие, усилил политико-идеологическую напряженность между Севером и Югом. Столкнулись два непримиримых понимания курса исторического развития.

Высокий накал эмоций в южнокорейском обществе поддерживали средства массовой информации, проникнутые националистическим духом. Они были поставлены на защиту и упрочение государственного строя Республики Корея, отстаивали такой вариант общественной эволюции на Корейском полуострове, который отвергал идеологию и политическую организацию Северной Кореи. Существенную роль в идейном противоборстве играло бурно развивавшееся радиовещание. Острый конфликт в разделенной стране не способствовал утверждению на Юге демократических ценностей и институтов. Напротив, он имел прямое отношение к жесткой организации жизнедеятельности южнокорейского общества, консолидировал силы, ориентировавшиеся на авторитарное правление, придав особую остроту вопросу взаимосвязи армии и политики.

Роль армии в общественной жизни страны необычайно возросла с начала 60-х гг., когда в результате апрельского народного восстания 1960 г. была свергнута лисынмановская диктатура. Выходу армии на политическую арену способствовали многие обстоятельства — нарастание хаоса в экономике, неспособность государственной власти справиться с множеством разнообразных проблем, отсутствие ясной социально-экономической перспективы, нестабильность политической обстановки, резкий рост социального недовольства, активизация выступлений в пользу объединения страны. Свой отсчет ускоренная индустриализация Республики Корея ведет от государственного переворота, осуществленного в мае 1961 г. с опорой на армию. Его совершила часть военных, группировавшихся вокруг генерала Пак Чон Хи. Лидеры военной фракции воспользовались нарастанием внутренней нестабильности общества и взяли в свои руки инициативу проведения реформ сверху, проявив способность управлять экономическими, социальными, политическими и иными процессами в традиционном обществе. Государство, реализуя свои функции по управлению национальной экономикой, сыграло исключительную роль в создании высокоэффективной экономики на передовой технологичной базе.

Становление и развитие современной фазы капитализма в Республике Корея потребовали решения целого комплекса сложнейших проблем. Несомненный интерес представляло раскрытие механизма формирования политики по таким направлениям, как:

- активное включение государства в механизм реформирования экономики;
- обеспечение долговременного характера планирования экономических программ;

- проведение экспорториентированной индустриализации;
- преобразование отношений собственности и развитие рыночных субъектов хозяйствования;
- отстаивание экономической безопасности страны;
- определение приоритетов научно-технического развития;
- создание инновационного климата в экономике;
- поощрение предпринимательства в научно-технической сфере;
- выделение приоритетных отраслей и жесткое регулирование конкуренции в этих отраслях (машиностроение, электроника, текстильная промышленность, черная и цветная металлургия, нефтехимия, кораблестроение);
- включение отечественной экономики в международное разделение труда.

Представление о динамичности процессов индустриализации РК можно отчасти составить на примере стремительного преобразования небольшого прибрежного городка Ульсана. За сравнительно короткое время Ульсан изменился неузнаваемо. В начале 1960-х гг. в нем проживало всего лишь 80 тыс. человек, но в 1991 г. население прежде захолустного городка составило уже 700 тыс. Ульсан по праву можно назвать флагом индустриализации Республики Корея. Начало современному Ульсану было положено в 1962 г., когда правительство приступило к выполнению первого пятилетнего плана экономического развития. Городок был выбран для строительства современного промышленного комплекса, с которым связывали будущее страны. Первенцем промышленного комплекса стал нефтеочистительный завод Корейской нефтяной корпорации «Юкон», и вскоре последовало сооружение еще ряда нефтехимических заводов, где его продукция подвергалась дальнейшей переработке. «Юкону» принадлежит стабилизирующая роль в энергетическом обеспечении страны. Основу ульсанского промышленного комплекса, помимо заводов компании «Юкон», составляют автомобильный завод и завод тяжелого машиностроения корпорации «Хёндэ», химические предприятия компаний «Корё» и «Ённам», а также заводы компании «Хангук пире» (производство минеральных удобрений). Активная роль в преобразовании облика Ульсана принадлежит корпорации «Хёндэ». Половина промышленных предприятий города появилась благодаря усилиям ее персонала. Район Тонгу, где размещаются ее компании и заводы — это настоящая империя «Хёндэ». Все, что здесь расположено, создано в основном усилиями ее работников. В доках «Хёндэ» ежегодно строятся суда,

включая супертанкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т и суда меньшего водоизмещения.

Авторитарный порядок, соединивший в себе сильную государственную власть с идеей экономического развития, предназначался прежде всего для решения внутренних проблем промышленного капитализма. Этому, в частности, способствовало подключение государственной финансовой системы к удовлетворению запросов производственного капитала. Подобная забота верхов обернулась стремительным ростом финансово-промышленных групп, усилением их давления на парламент, бюрократию, средства массовой информации и т. д. Не подлежит сомнению, что пришедшими к власти военными двигало стремление вывести страну из кризиса и направить ее по пути возрождения. Но никуда не уйти от того факта, что правление военных демонстрировало одновременно и созидательное устремление, и злую волю. Нетерпимость к инакомыслию, а то и просто насилие стали неотступными спутниками преобразовательных процессов.

Совершив рывок в экономическом развитии, Республика Корея продолжала сохранять (пусть с некоторыми модификациями) жесткую систему управления делами общества. Базовую часть политической культуры военных правителей составляли ориентация на сильное государство, унифицированное управление из единого центра, ставка на репрессивные органы, контроль за средствами массовой информации. Профессор политологии Сеульского национального университета Ким Хо Джин, основательно изучивший политическую систему южнокорейского общества³, отметил, что ориентация на сильное централизованное государство — общая черта широкого спектра социальных и философских течений в Корее. Именно такое государство рассматривалось там реальным инструментом защиты национальных интересов. Ким Хо Джин показал, что военные правители уделили много внимания тому, чтобы «легитимно» закрепить свою власть через изменение конституционно-правовой основы жизни общества. При Пак Чон Хи политическая система Южной Кореи (особенно после принятия конституции 1972 г.) оказалась замкнутой на единоличного лидера, наделенного необычайно широкими властными полномочиями, а парламент был низведен до роли декоративного придатка личной диктатуры. Необходимо отметить, что часть представителей политико-академических кругов ощущала исчерпанность авторитаризма и видела выход из положения в проведении демократических преобразований. Такое мнение разделял, например, политолог Ан Чхон Си, проанализировавший состояние южнокорейского общества

на исходе 80-х годов. Для Республики Корея того времени актуально звучало его мнение о внедрении демократических принципов устройства в политическую систему, сбалансированности отношений между субъектами власти, протекании политического процесса в рамках строго определенных процедур⁴.

Военные правители, приступая к решению задач модернизации, смогли опереться на традицию, которая устанавливала для всех участников и институтов жесткие рамки мышления и поведения. Традиция имела множество запретов, прямо не записанных в законе. Они действовали в согласии с прошлым, когда ставили на службу современным преобразованиям такие конфуцианские ценности, как ориентация на авторитет, дисциплинированность, солидарность, коллективизм, взаимопомощь, уважение к старшим, законопослушание, тяга к знаниям и совершенствованию профессионального мастерства. Здесь следует отметить, что многие южнокорейские граждане — приверженцы иных религиозных конфессий или неверующие — в межличностном общении придерживаются той же конфуцианской морали. Так что нравственные начала конфуцианства отнюдь не являются достоянием лишь тех, кто причисляет себя к его строгим последователям.

Надо сказать, что стратегия преобразований довольно скоро стала размывать многовековую психологическую привязанность корейцев к «большой семье», обнаруживая связь демографических процессов с изменявшимися условиями жизни модернизирующегося общества. Не секрет, что семья в Южной Корее накануне индустриализации являлась производственной ячейкой. Отношения между членами семьи во многом обуславливались их ролью в едином хозяйстве. Дети не только и не столько удовлетворяли эмоциональные потребности родителей, но и имели значение как работники, помощники, защитники, кормильцы родителей в старости, наследники их имущества. По мере того как страна продвигалась по пути индустриализации, эти роли детей переходили к другим социальным институтам. К тому же само государство в интересах стратегии развития ужесточало контроль над рождаемостью. Поэтому лишь на первых порах модернизации демографическая политика властей еще как-то вписывалась в круг привычных представлений о «большой семье». Размывание традиционной модели семьи показывают следующие данные. Если в 1960-е гг. каждой южнокорейской семье можно было с помощью системы мер по «планированию семьи» обзаводиться 6 детьми, то в 90-е гг. — лишь двумя⁵. Одна из форм кризисных явлений

семьи — одиночество. Число одиноких пополняется главным образом за счет людей пожилого возраста.

Модернизации в Республике Корея не в последнюю очередь способствовало наличие некоторых черт буддийского мировосприятия, бытующего у населения. С этим обстоятельством стоит считаться, поскольку буддизм — наиболее распространенная конфессия в Южной Корее, уходящая корнями в глубокие исторические пласты. В своей повседневной деятельности буддизм предостерегает против опасности трех «ядов» — ненависти, зависти, безразличия. В период реформ многим южнокорейским гражданам помогли выстоять именно буддийские нравственные императивы самоограничения (соблюдать умеренность и бережливость, проявлять человеколюбие и т. д.). К тому же со стороны буддийских кругов не проявлялось сопротивления политике верхов, нацеленной на удержание контроля над политической системой с помощью насилия, укрепления личной власти главы режима.

Гораздо сложнее, чем конфуцианство и буддизм, реагировало на реформаторскую деятельность военных правителей христианство. Оно представляло неотъемлемую составную часть национальной истории и выступало активным субъектом социального действия. Христианство в Южной Корее представлено католицизмом и многочисленными направлениями протестантизма. Достижение взаимосогласованности оказалось для христианских церквей трудной задачей. Но вместе с тем их характеризовало нечто общее — конфликт с идеологией правителей относительно прав человека, места закона в общественной жизни страны. Христианские конфессии ратовали за осуществление общественных преобразований только эволюционным путем. Они, в частности, выступали за «мирную передачу» власти. Под этим понималось создание и укрепление демократического механизма смены у руля правления элитарных группировок. Южнокорейская католическая церковь, тесно связанная с Ватиканом, не уклонялась от принципиальных решений, когда они касались защиты прав человека. Часть настоятелей католических приходов в интересах демократизации политических отношений тайно и явно поддерживала антиправительственные протесты, в том числе и леворадикальные студенческие выступления.

Особо следует сказать о позиции приверженцев протестантизма. В своем подавляющем большинстве они выступали за плюрализацию собственности, повышение эффективности ее различных форм, создание действительных стимулов предпринимательской и трудовой активности, внедрение гражданского типа политической культуры в целом. Они ориентировались на модель,

многократно опробованную на Западе, а затем в Японии. Но их привлекал опыт передовых стран в его системном единстве, то есть такой способ движения к рыночной экономике, который бы сопровождался ослаблением жесткой регулирующей роли государства и внедрением реальных, а не декларируемых демократических процедур и институтов.

Реализация курса социально-экономического развития страны вовсе не приводила к решению нарастающих проблем трудящихся. Их уделом оставались жесткое антирабочее законодательство, низкая заработная плата, интенсивная, продолжительная рабочая неделя, минимальные социальные гарантии и т. д. Характер преобразования форм собственности, состояние трудовых отношений давали повод части южнокорейских исследователей ставить вопрос о кризисе капитализма в стране. В их числе видный экономист Со Сан Мок⁶, который глубинную причину кризиса усматривал в социально-стратификационных процессах, конфликте интересов различных социальных групп, сформировавшихся на индустриальной стадии развития капитализма.

Изымание земельных ресурсов из сферы сельского хозяйства в интересах развития промышленного производства, аграрное перенаселение, существенный разрыв в доходах городских и сельских жителей, ограниченность доступа последних к образованию, задавленность невзгодами большей части селян — эти и другие факторы побуждали огромную массу деревенских тружеников покидать родные места и в поисках лучшей доли устремляться в города. Однако усвоенный прежде психологический склад, отсутствие связей в городе, требуемой в урбанизированном пространстве профессиональной подготовки затрудняли их приспособление к принципиально иным условиям бытия. Помыкавшись на чужбине, часть из них, осознав безысходность своего положения, возвращалась в деревню⁷.

Но было бы несправедливо говорить о том, что государственная власть не воздействовала на реальные проблемы, затрагивавшие судьбу сельского населения. Важным элементом политики реформ стало включение сельских жителей в модернизацию. В начале 1970-х гг. по инициативе сверху развернулось *Движение за новую деревню*. Эта мера позволила руководить переменами и в сельской местности⁸. Мобилизуя главным образом местные ресурсы, власти предприняли на селе широкомасштабное строительство жилья, объектов инфраструктуры. Одновременно через сеть учебных центров передавались населению современные агротехнические знания, опыт организации работ в условиях коллективной деятельности, правила соблюдения гигиены и

т. д. Авторитарная власть отвергла всякое местное самоуправление. Элитарные группы в регионах на протяжении длительного времени тщательно контролировали политическое волеизъявление сплоченных деревенских общин.

Движение за новую деревню явилось, в сущности, продолжением аграрной реформы, о которой мы уже упоминали. Очередное мероприятие усилило стабилизирующее начало во взаимоотношениях управляющих и управляемых. В сельской местности не проявились острые формы сопротивления власти, гражданского или прямого неповиновения. Более того, отметим еще раз, деревня стала довольно надежной опорой правящего режима и способствовала устойчивости общества.

Если под этим углом зрения рассматривать общественно-политическую жизнь в городах, то здесь обнаружится совсем иная картина. Именно в городе чаще всего выплескивались наружу проблемы и противоречия, накапливавшиеся в южнокорейском обществе. Причем правоохранительные органы в городах сталкивались с самыми радикальными формами протестной активности. Необходимо отметить, что стадия перехода от авторитаризма к демократии вовсе не сопровождалась спадом студенческого экстремизма. Леворадикальное течение — одна из составляющих политического процесса. Часть студенческой молодежи испытывала внутренний надлом при встрече с социальной действительностью Республики Корея. Экстремистски настроенные группы молодежи шли на открытый конфликт с властью, устраивали столкновения с полицией, пуская в ход камни, обрезки труб, «коктейль Молотова» (бутылки с зажигательной смесью). Нежелание встраиваться в обновленную политическую систему повлекло за собой создание в 1987 г. радикально настроенными студенческими лидерами организации «Чондэхёп» (Национальный совет студенческих представителей). Эта структура в 1993 г. была преобразована в «Ханчхонрён» (Корейскую федерацию студенческих союзов).

Одно из проявлений студенческого радикализма получило в Южной Корее название «чусапха», что означает «Школа идеологии чучхе». Термин *чучхе* имеет давнее происхождение. Его смысл, как представляется, ближе всего можно передать словами «опора на собственные силы», что означает прежде всего самостоятельный подход к решению жизненно важных проблем. Идея *чучхе* исходит из существования единой национальной общности Кореи, призывает руководствоваться глубинными истоками ее духовной культуры — патриотизмом, чувством собственного достоинства, совестью, справедливостью. За этим политическим те-

чением скрывался ряд конфликтов и противоречий южнокорейского общества, которые создают социальный потенциал для идеологии и действий с классовой окраской, служат питательной почвой для продолжения спора между капитализмом и социализмом. Приверженцы «чусапха» вовсе не воспринимают социализм как тупиковый путь, который непременно завершится оскудением и полнейшим крахом.

В основе устремлений радикально настроенной части студенческой молодежи лежало стремление создать единое общенациональное государство, воплощающее подлинное народовластие. Приверженцев «чусапха» занимает поиск представлений о наиболее справедливых формах развития социальных отношений, о взаимодополнении либеральных и социалистических идей, что вело к знакомству с различными идейными источниками. Идеологию радикального течения питали традиционная мечта о братстве, справедливости, вера в истинно социалистические ценности, концепции марксизма-ленинизма и другие формы левой идеологии. Теоретический арсенал этого течения включал часть идей Ким Ир Сена, особенно в отношении форм и методов объединения Кореи. Леворадикальное движение поддержало предложения Ким Ир Сена о воссоединении Севера и Юга при сохранении существующих в обеих частях страны идеологий и общественных систем. Данное течение характеризовалось состоянием повышенной тревоги и неудовлетворенности, критическим отношением к власти, обостренным чувством социальной справедливости. Такие психологические черты легко создавали взрывоопасный сплав духовного противоборства. В итоге — масштабные столкновения студенческой молодежи с правящим режимом.

Приверженцы «чусапха» остро реагировали на проблемы, образовавшиеся в результате раздела страны, и это создавало еще один повод для острого недовольства правителей. Ведь сторонники «чусапха» придерживались диалогового подхода к КНДР, требовали вывода американских войск с территории Южной Кореи, добивались объединения страны без выдвижения каких-либо предварительных условий. Такая позиция квалифицировалась верхами как возмутительный, совершенно недопустимый вызов прерогативам государственной власти. В атмосфере господства буржуазного сознания в Республике Корея активность приверженцев «чусапха» воспринималась как непонятное отклонение от общепринятого и обязательного для всех, как средоточие прокоммунистической и просеверокорейской активности. С этой идейной позиции государственные структуры повели борьбу против сту-

денческого движения леворадикального толка, не учитывая тот факт, что условия рыночной экономики неизбежно создают ситуацию отчуждения части молодежи от политических институтов и господствующей в буржуазном обществе идеологии.

Резкое обострение в середине 1980-х гг. противоречий авторитарной и общедемократической тенденций не привело к затуханию соперничества политиков, претендовавших на роль поборников демократических идеалов. Лидерами оппозиционных сил выступили представители христианства, различных его конфессий. Ким Дэ Чжун, например, является истовым католиком, тогда как Ким Ён Сам — не менее усердным протестантом. Они ощущали себя самостоятельными политическими фигурами и опирались на разветвленные системы связей. Между ними не было ощутимых политических расхождений, но непомерные амбиции приводили к бескомпромиссному противостоянию, что разобщало ряды оппозиции, позволяя правящему режиму раз за разом добиваться успехов на президентских и парламентских выборах.

И все же политическому руководству страны пришлось считаться с оппозицией, когда протест снизу достиг опасной точки. Именно давление со стороны масс побудило правителей прибегнуть к маневрированию и уступкам, учитывать требования оппозиции. Так, совсем не вписывалась в привычную схему деятельности военных руководителей декларация, обнародованная 29 июня 1987 г. генералом Ро Дэ У (Но Тхэу) — официальным преемником Чон Ду Хвана на посту президента. Декларация предусматривала довольно серьезные политические изменения в РК — проведение прямых президентских выборов, освобождение большинства политических заключенных, обеспечение свободы печати и основных прав человека⁹. По всей вероятности, правящая элита пришла к осознанию того, что не справляется с нарастающим динамизмом общественной жизни, рискует остаться в стороне от главного русла политического развития. Она наконец-то поняла необходимость реформирования сложившейся политической системы.

Говоря о трансформации элиты в процессе перехода к демократии, трудно пройти мимо того, что происходило в партийно-политической системе РК. В начале 1990 г. Ро Дэ У и лидеры оппозиции Ким Ён Сам и Ким Джон Пхиль пришли к идее о выгоде единения. В итоге тайного сговора ими было достигнуто соглашение о слиянии правящей Демократической партии справедливости и двух оппозиционных партий — Демократической партии за воссоединение (Ким Ён Сам) и Новой демократической республиканской партии (Ким Джон Пхиль) — в одну об-

шую структуру. Небывалый прежде в политической истории Южной Кореи эксперимент завершился созданием правящей Демократической либеральной партии (ДЛП).

Сама идея создания этого блока несла в себе глубокое противоречие. Различия в понимании целей преобразований, их возможных пределов и необходимой глубины стали питательной почвой внутрипартийных распрей. Различия подобного рода отчетливо обозначились вслед за созданием альянса, а затем лишь только усиливались. Кроме того, каждая партийно-политическая фигура преследовала собственные цели. Имелись они и у Ким Ён Сама, которого никак нельзя было заподозрить в недостатке вождистских амбиций и который точно знал, чего хочет от власти. Успеха в борьбе за «престолонаследие» он добился благодаря искусному использованию поста председателя ДЛП. Его положение еще более упрочилось, когда 28 августа 1992 г. он был избран президентом ДЛП, став тем самым обладателем высшего поста в партийной иерархии. С помощью такого рычага Ким Ён Сам установил контроль над руководящими звеньями партии. Опираясь на фракции своих сторонников, он в напряженном противоборстве смог оттеснить других деятелей, также стремившихся от имени этой партии выступить претендентами на высший государственный пост. Отметим и то, что он обладал изрядным талантом трибуна. На многочисленных митингах зажигательно говорил о том, что его приход к руководству страной ознаменует наступление «золотого века» демократии.

На президентских выборах в декабре 1992 г. встретились два главных соперника — Ким Ён Сам и Ким Дэ Чжун — оба от оппозиции. Ким Дэ Чжун, снискавший себе репутацию «вечного оппозиционера», и на этот раз оказался без лавров победителя. За него проголосовало 34% избирателей, тогда как за Ким Ён Сама — 42%. Как видно, путь Ким Ён Сама к вершине власти и обретению возможности действовать самостоятельно прошел через вхождение в состав авторитарной элиты, тесное сотрудничество с ведущими фигурами южнокорейского истеблишмента и использование ресурсов правящей партии на президентских выборах 1992 г. Он отказывался принимать упреки своих бывших соратников в том, что ради власти перебежал с одного борта лодки на другой. Представители парламентской оппозиции вскоре стали осаждать Ким Ён Сама как главу государства и лидера правящей партии каверзными вопросами относительно источников финансирования его избирательной кампании 1992 г. Ему так и не удалось убедительно опровергнуть подозрение в том, что он не обошелся без побочных, тщательно скрываемых каналов

финансирования. Так, по одному подсчету, правящая партия израсходовала сумму, близкую к миллиарду долларов, на поддержку Ким Ён Сама в ходе президентских выборов 1992 г.¹⁰ Эта сумма многократно превышала лимит, допускаемый южнокорейским законодательством.

Гражданской администрации «перемен и реформ» трудно отказать в стремлении сформулировать на пороге XXI века стратегические цели и тактические задачи, которые позволили бы Республике Корея эффективно вписаться в изменяющийся глобальный контекст. В декабре 1994 г. сверху была предложена концептуальная схема, получившая название «глобализация». Данная концепция позволяла прежде всего адекватно определить место и роль Республики Корея в перестраивающемся мире, а также учесть в национальной стратегии интеграционную динамику на фоне глобальных и региональных изменений. Вызовам, бросаемым извне, надлежало противопоставить дальнейшее неуклонное развитие и совершенствование отечественных производительных сил, укрепление экономической безопасности страны, продвижение капиталов и технологий на новые рынки и т. д. Механизм «постиндустриального общества» (конец 80-х — начало 90-х гг.) не предполагал сбоев или замедления.

Наряду с этим «глобализация» предусматривала повышение эффективности работы государственного аппарата, совершенствование законодательной базы и системы нормативов во взаимоотношениях государства и хозяйствующих субъектов, ослабление негативных воздействий свёрхурбанизации и свёрхиндустриализации на окружающую среду. Новой власти необходимо было уделять все больше внимания природоохранным мероприятиям. Затраты на эти цели в 1992 г. составили 1,64% валового продукта страны, в 1993 г. — 1,63, в 1994 г. — 1,66, в 1995 г. — 1,7% (или 7,5 млрд долл.). Затраты РК по этому показателю сопоставимы с расходами развитых стран. Так, США в 1993 г. на охрану окружающей среды потратили 1,71% валового продукта, Германия — 1,65%.

Наибольшее значение приобрела концепция «исправления ошибок прошлого». По мере того как она облекалась в реальные дела, обнаруживалась ее многослойность, пригодность для решения различных задач. Эта концепция была удобна тем, что открывала широкий простор для непринужденного обращения с неудобными страницами прошлого. То, что вызывало подозрение политического руководства, как нечто неправильное и унижающее национальное достоинство, подлежало переписыванию или же полностью отвергалось. Согласно этой концепции, на-

пример, период японского колониального господства должен быть вычеркнут из памяти корейского народа раз и навсегда, как гнетущий кошмар. Уничтожению подлежали и сохранившиеся еще символы этого господства, как, например, здание бывшего генерал-губернатора, расположенное в самом центре Сеула и имевшее богатую историческую судьбу. Ким Ён Сам в самом начале своей президентской карьеры заявил о том, что разрушение этого здания «абсолютно необходимо для воскрешения национального духа»¹¹. 15 августа 1995 г. — в день 50-й годовщины освобождения Кореи — под одобрительные возгласы собравшихся мощный кран сорвал шпиль с купола здания. Оно было полностью разрушено в конце 1996 г. На его месте решено восстановить те элементы королевского дворцового ансамбля Кенбоккун (Дворец всеобщего благополучия), которые были уничтожены японцами.

В рамки концепции «исправления ошибок прошлого» вполне укладывалась мысль о том, что авторитаризм — случайный зигзаг в историческом развитии, досадное отступление от истинного пути. В связи с этим развернулась кампания чистки высшего правительственного эшелона от тех, кто вошел в обыденный лексикон как «политические солдаты», то есть от лиц, верой и правдой служивших авторитарно-бюрократическому режиму и воплощавших в себе сращивание правящей элиты с руководящим звеном силовых структур. Администрация президента Ким Ён Сама попыталась сделать структуру органов власти и управления менее громоздкой, но при этом повысить ее эффективность. Осуществление данной программы привело к ликвидации некоторых промежуточных звеньев, слиянию части министерств, сокращению численности их штатов. В итоге произошли большие кадровые перемены в коридорах власти.

При знакомстве с управленческой практикой Республики Корея складывается впечатление, что поставторитарная государственность там без конфликтной напряженности включила в себя основную часть методов властвования, освоенных в прошлом. Традиционно и ныне власть организуется вокруг одного лица, как бы его ни величали — монарх, регент, президент. Деятельность поставторитарной элиты роднит с прошлым как раз то, что она сохранила огромную концентрацию власти в одном институте — президентском. Внешне это не сопровождалось какими-либо драматическими коллизиями: просто в силе осталась конституция 1987 г., которая наделяла главу государства чрезвычайными политико-правовыми полномочиями.

В системе принятия решений, как и прежде, главными остаются принципы иерархичности, вес и влияние первой персоны

в государстве, лучше всех ведающей «что и как надо». Понятие о государственном курсе продолжает отождествляться со взглядами одной личности. По-прежнему действует отработанная уже система назначения и снятия высших должностных лиц. Значительное влияние на процесс принятия решений сохранили структуры, занятые планированием и регулированием экономической деятельности, генералитет, службы безопасности. Подготовка решений ведется все теми же подразделениями, в рамках все тех же процедур. Связь с прошлым выражается и в том, что глава государства выступает в роли лидера правящей партии. Лидер по-прежнему четко дирижирует своим окружением.

Политический порядок, пришедший в РК на смену авторитаризму, продолжает обходиться без такого атрибута демократии развитых капиталистических стран, как двухпартийная система. Видимо, политические силы, вступавшие в борьбу за власть в поставторитарной период, не испытывали настоящей потребности в названной модели, поскольку она сопряжена с поиском каждой из них собственной идеологии и социальной базы, умением адресно обращаться с электоратом и использовать наработанные технологии. Отсутствие двухпартийной системы заявляет о себе прежде всего в деятельности Национального собрания. Парламент Республики Корея и на исходе XX века не превратился в поприще конструктивного сотрудничества исполнительной и законодательной ветвей власти. Парламентариям по-прежнему трудно договориться о механизме согласования интересов с учетом реального влияния той или иной политической силы. Процедуры прохождения законодательных актов часто осложняются узкопартийным подходом, амбициями лидеров. Деловое обсуждение нередко подменяется предложениями, лишенными конкретного содержания и не направленными на действительное исправление ситуации. Конечно, есть круг проблем, по которым взгляды законодательной и исполнительной власти совпадали полностью. Свидетельство тому — закон о создании 200-мильной специальной экономической зоны вокруг берегов Республики Корея. Он прошел очень гладко, хотя было очевидно, что подобная акция вызовет международные осложнения. Напомним, что Япония и Республика Корея оспаривают права друг у друга на небольшие острова Токто (Такэсима) в Японском море, которые реально контролируются Сеулом. Конфликт обострился после решения Токио также установить 200-мильную зону, включив в нее и острова Токто. 10 сентября 1996 г. РК ввела в действие закон об учреждении там специальной экономической зоны.

Развитие политического процесса уже в начале правления Ким Ён Сама стало обнаруживать свой «несценарный» характер. Недавнее прошлое все время вплетается в канву текущих событий. 19 июля 1993 г. 23 высокопоставленных в прошлом военных деятеля, включая бывшего начальника генерального штаба Чон Сын Хва (именно их отстранила в 1979 г. группировка Чон Ду Хвана), возбудили в сеульском окружном суде дело против двух экс-президентов РК, обвинив их в том, что они спланировали и совершили государственный переворот. Но этому делу в ту пору не дали хода. Правда, круги по воде все же уже пошли. В парламенте стали усиливаться голоса, требовавшие вернуться к событиям 12 декабря 1979 г. и извлечь из них соответствующие выводы. Особенно неистовствовал Ли Ги Тхэк — лидер крикливой карликовой Демократической партии. Он настаивал, что открытое изобличение инициаторов заговора и предъявление им судебного обвинения смогут предотвратить в будущем подобного рода повороты в судьбе страны.

На этом этапе политическое руководство Республики Корея считало, что сбросить социальное давление можно путем чистки высшей аппаратно-чиновничьей прослойки. От представителей «старой гвардии» избавлялись в первую очередь в среде военной верхушки, разведывательных органов и учреждений юстиции. Однако глава государства в борьбе со «старым злом» не рискнул заходить слишком далеко в ходе освобождения личного состава армии от выдвинувшихся при авторитарной системе старших офицеров. Как только он почувствовал скрытую угрозу со стороны армейских кругов, он приостановил непопулярные увольнения из вооруженных сил, стал придерживаться более осторожной линии в отношениях с офицерским корпусом. И в новых условиях генералитету принадлежало веское слово при решении целого ряда вопросов, особенно в части увеличения расходов на закупку вооружений и военной техники. В самом генералитете происходили зримые перемены. Вместо «политических солдат» высшие посты в военной иерархии теперь занимали земляки Ким Ён Сама, то есть выходцы из г. Тэгу и провинции Южная Кёнсан. Ясно стало одно — видные приверженцы авторитарных методов правления утратили ключевые позиции в системе власти.

Новая правящая элита продолжила наращивание и модернизацию вооруженных сил, хотя они уже и так обладали крупным военно-техническим потенциалом. С момента прихода к власти гражданского правительства оборонные ассигнования в РК ежегодно увеличивались примерно на 10 и более процентов за счет свертывания социальных программ. Увеличение оборонных ас-

сигнований, принятие на вооружение самых современных видов боевой техники главным образом делались для усиления давления на КНДР.

Политический порядок, который возникал в РК после крушения авторитаризма, в значительной мере строился вокруг прежних структур безопасности. В частности был сохранен давно вызывающий споры Закон о национальной безопасности. Власть имущие с момента образования Республики Корея усвоили привычку видеть многие проблемы через призму этого закона. Он рассматривается важным средством противодействия инакомыслию, забастовочному движению, социальным группам, выступающим за нормализацию отношений с КНДР. Закон запрещает манифестации в поддержку КНДР, любые несанкционированные контакты с Севером. Неудивительно, что руководство КНДР относит его к числу главных препятствий на пути мирного объединения двух частей Кореи и требует его отмены. В свою очередь, «реформаторы новой волны» в РК оправдывают дальнейшее существование Закона о национальной безопасности угрозой, исходящей, по их мнению, от северокорейского режима.

При разработке стратегии реформирования общества и государства Ким Ён Сам сделал упор на борьбу с коррупцией, которая приобрела огромный масштаб. Это явление глубоко укоренилось как в органах государственного управления, так и в среде делового сообщества. Забегая вперед, отметим, что усилия президента очистить властные структуры от общей предрасположенности к коррупции походили на известное сражение с ветряными мельницами. Удалось избавиться лишь от части конкретных носителей зла, но само зло продолжало существовать.

Осуществление своего замысла президент начал с самого себя. 27 февраля 1993 г. Ким Ён Сам объявил, что общая стоимость принадлежащего ему имущества составляет 1,9 млрд вон, и призвал чиновников самого высокого ранга безотлагательно последовать его примеру, обнародовав сумму их состояния. «Крестовый поход» против коррупции был начат с пересмотра в июне 1993 г. Закона об этике общественных служащих. Суть изменений заключалась в том, что высокопоставленные лица государственного и частного секторов должны систематически заявлять об источниках своих доходов. Эта мера позволила вскрыть массу уловок бесчестной деловой практики. В итоге несколько сотен влиятельных сановников и видных фигур частного сектора были арестованы либо смещены с занимаемых постов¹². Но похоже, что репрессивные меры не затронули политическую элиту, по крайней мере ее важную составную часть. Только в 1995 г. парламентс-

кий комитет по этике выявил 67 случаев искажения в декларациях депутатов сведений об их имущественном состоянии. Однако никто из депутатов, допустивших «неточности», ни в малейшей степени не пострадал. Представление о преуспевании этой части политической элиты можно составить по таким данным. В 1996 г. 299 депутатов парламента вместе с ближайшими членами семей обладали имуществом в общей сложности на сумму более чем 1,2 млрд долл.

Жертвы развернутой борьбы с коррупцией были порой неожиданные. Например, в немилость впала игра в гольф, которая вошла в моду у южнокорейского истеблишмента, только потому, что поле для гольфа представляет идеальное место, где между высокопоставленными чиновниками и бизнесменами оговаривались различного рода начинания, цель которых обойти существующие юридические законы, правила и процедуры. Напомним, что каждый из южнокорейских лидеров был неравнодушен к тому или иному виду спорта: Пак Чон Хи увлекался стрельбой, Чон Ду Хван был страстным поклонником американской разновидности футбола (был даже капитаном команды Корейской военной академии), Ро Дэ У захватило регби. Что касалось Ким Ён Сама, то он отдавал предпочтение бегу трусцой и плаванию. Играл он и в гольф. Но когда наступил его звездный час, он покинул свой клуб и заявил, что не станет играть в гольф, пока остается в должности главы государства. Большинство высокопоставленных чиновников последовало примеру президента и наотрез отказалось играть в гольф, в том числе с иностранными деятелями. Ким Ён Сам, оставаясь верным данному слову, оказывался порою в курьезном положении. Так, во время государственного визита на Филиппины в ноябре 1994 г. президент Фидель Рамос, не зная об этом его зароке, выразил намерение сыграть с гостем в гольф. Тот, не желая обижать хозяина полным отказом, нашел, как ему казалось, изобретательный выход, предложив взамен гольфа сыграть в баскетбол. Так и сделали.

В деле наведения порядка в банковской сфере заметную роль сыграл Чрезвычайный президентский указ, обнародованный 12 августа 1993 г. Указ запретил использование во всех финансовых операциях вымышленных имен или имен подставных лиц. Ранее действовавший механизм проявлял полное безразличие к использованию подлинных имен, что способствовало сокрытию источников обогащения, уклонению от уплаты налогов, незаконной финансовой деятельности. Один из замыслов указа состоял в том, чтобы подрубить коррумпированные связи между миром политики и сферой большого бизнеса. За три года со дня

подписания указа 98,7% средств со счетов, открытых ранее на вымышленные или подставные имена, были переведены на счета, указывавшие настоящих владельцев. За это время был положен конец практике использования в финансовых операциях вымышленных или подставных имен. Вместе с тем факты говорят о том, что аппаратно-чиновничья прослойка в РК продолжает использовать механизмы государства для достижения корыстных целей. По данным прокуратуры, только с января 1995 г. по март 1996 г. в коррупции изобличены свыше 4,6 тыс. человек. Более 2 тыс. из них были арестованы, среди них 582 государственных служащих.

Коррупционные связи остаются неотъемлемым компонентом деятельности многих участников властных отношений. Высокая роль государства в размещении заказов, регулировании цен, налогов, кредитно-денежных потоков неотвратимо сводит вместе бизнес-элиту и ключевые звенья государственного аппарата. Их отношения опутаны сложной системой сотрудничества и интриг, взаимных уступок, хитроумных комбинаций. Сюда же вплетены противоречивые интересы кланово-земляческих образований, лоббистских групп, корпоративных общностей и т. д. Деятельность механизма, основанного на неформальных связях, перешла, как мы еще в этом убедимся, в поставторитарное общество.

Переходный период сопровождался появлением открытой информационной системы, повышением степени понимания общественностью политических проблем. Этому способствовала такая перемена, как повышение образовательного уровня населения. Так, если в 1990 г. половину населения составляли лица, окончившие среднюю школу повышенной ступени (она предполагает три года обучения для учащихся от 15 до 17 лет), колледжи и университеты, то в середине 1990-х гг. эта доля равнялась уже 57,8%. На формирование общественного мнения активно воздействовала пресса, особенно ежедневные газеты. Основная их масса издается в столице. В середине 1990-х гг. в Сеуле выходили 10 центральных газет общим тиражом в 13 млн экземпляров. (Заметим, что в ноябре 1995 г. в Сеуле проживали 10,3 млн человек.) Между газетными компаниями шла ожесточенная конкурентная борьба за читателя. Наибольшая доля газетного рынка (22,27%) принадлежала «Чунан ильбо». Далее шли «Чосон ильбо» (21,62%), «Тона ильбо» (17,67%), «Хангук ильбо» (13,86%), «Сеул синмун» (8,86%), «Кёнхян синмун» (5,5%), «Мунхва ильбо» (3,02%), «Ханкере синмун» (2,61%), «Сеге тайме» (2,49%), «Кунмин ильбо» (1,72%). В это же время по всей стране издавалось более тысячи журналов.

Признаки неблагополучия во взаимоотношениях поставлени-тарной правящей элиты и широких общественных кругов отчетливо проявились уже в первой половине президентства Ким Ён Сама. Серьезным испытательным полигоном стали выборы в местные органы управления 27 июня 1995 г. Напомним, что до этого все администраторы в регионах, включая мэров городов и губернаторов провинций, назначались сверху, из Сеула. Оппозиционные партии добились на этих выборах серьезного успеха, выиграв две трети руководящих постов в органах местного управления. Ким Ён Сам был столь раздосадован таким исходом выборов, что своим указом сместил председателя правящей партии Ли Чун Гу, возложив на него ответственность за неудачу. Видимо, есть основания говорить о расхождении интересов центра и регионов и недовольстве общества тем, что политика монополизирована узкой группой политиков-профессионалов. Многие избиратели увидели в этих выборах реальный шанс участвовать в самоуправлении, возможность создать здоровый противовес формалистике, волоките, безответственности чиновников аппарата исполнительной власти.

Столкновения в высших сферах власти конкретных интересов, групповых и личных амбиций невероятно усиливали напряженность в обществе. Огромный резонанс вызвало дело двух экс-президентов, карьера которых окончилась скамьей подсудимых. Ро Дэ У был арестован 16 ноября, Чон Ду Хван — 3 декабря 1995 г. Бывшим главам государства вначале было предъявлено обвинение в получении взяток, но потом прокуратура добавила еще куда более серьезные обвинения. Разразившийся скандал тягивал не только высокопоставленных в прошлом военных. Он захватил и представителей экономической элиты, которые были изобличены в том, что при содействии взяток добивались огромных льгот и выгодных контрактов. Руководители ряда финансово-промышленных групп подвергались многочасовым унижительным допросам сотрудниками следственных органов.

Конечно, и прежде, если вспомнить годы правления не терпевшего никаких возражений Пак Чон Хи, деловые люди Южной Кореи не были избалованы излишней обходительностью. Верховный правитель, давая понять, кто хозяин в доме, не стеснялся в выражениях с теми лидерами бизнеса, которые по каким-либо причинам отступали в своей деловой активности от его предначертаний. Но разнос учинялся в тиши кабинета, и те, кто знал об этом, предпочитали держать язык за зубами. Экскурсы в прошлое интересен еще и тем, что именно Пак Чон Хи положил начало практике поборов с руководителей ведущих корпо-

раций негосударственного сектора. Эти поборы получили спасительное для всех участников деликатное название — «политические пожертвования». Представители бизнес-элиты воспринимали эти поборы как нечто вроде «отступной цены», которую надо платить за свою причастность к узкому кругу избранных. И хотя с огромными суммами денег расставались скрепя сердце, понимали, что делать это необходимо ради преуспевания своей предпринимательской деятельности. Благодаря государственному патронажу в руках узкого слоя крупных предпринимателей происходила концентрация огромных богатств. Так, применительно к условиям авторитарного правления, был найден механизм для построения отношений патрон — клиент, ведения негласных операций, улаживания возникавших конфликтов. Этот механизм базировался на ситуации, при которой государство выступает организатором хозяйственной деятельности, стоит на страже воспроизводственных интересов капитала в целом, а основными агентами этой деятельности являются частные монополистические объединения¹³.

Не будем забывать о том, что динамика рыночных процессов порождала разнообразные смешанные формы, построенные на сочетании государственных и частных интересов. Государство часто оставляло за собой солидную долю активов приватизированных предприятий, обеспечивая себе тем самым участие в принятии ключевых решений и распределении прибылей. Тесное переплетение государственных и частных интересов в смешанной экономике позволяло государственным управленческим структурам глубоко вмешиваться в хозяйственную деятельность.

Поборы с представителей бизнес-элиты превращались в секретные фонды, не обремененные контролем со стороны каких-либо государственных органов. Чон Ду Хван и Ро Дэ У действовали в соответствии с прецедентом, когда сами обзаводились такими секретными фондами. Ближайшие помощники первых государственных руководителей размещали полученные от промышленников и финансистов средства на счетах в банках на имена родственников или же вымышленных лиц. Не хотелось бы впадать в крайность и видеть в этих фондах лишь способ личного обогащения. Дело оказалось гораздо сложнее. Конечно, какая-то часть из средств секретных фондов, вероятно, тратилась на удовлетворение личных потребностей. Но все же основная их часть шла на обеспечение мероприятий, не предусмотренных никакими статьями бюджета, — финансирование выборов кандидатов от правящей партии, различного рода партийных форумов, услуг масс-медиа за благожелательное освещение тех или иных дея-

ний правящей верхушки и т. д. Главный смысл этих затрат заключался, как представляется, в стабилизации и укреплении возглавляемой ею политической системы. Это можно подтвердить следующим фактом. Часть средств из фонда Ро Дэ У пошла на поддержание деятельности групп, как казалось, с трудно совместимыми и даже взаимоисключающими интересами и притязаниями. 27 октября 1995 г. Ким Дэ Чжун заявил, что получил от Ро Дэ У 2 млрд вон (2,5 млн долл.) на проведение своей предвыборной кампании 1992 г. Более того, он довольно уверенно высказался о том, что и другие кандидаты также пользовались средствами из того же источника. Таким образом и часть политиков, претендовавших на обладание президентским мандатом, смогла восполнить свою оторванность от финансовых источников, средств массовой информации, институтов общественного мнения.

И еще один аспект деятельности тайного альянса между политическим руководством и столпами южнокорейского бизнеса.

Важную роль теневой фигуры с большими возможностями играл председатель группы «Тона» Чхве Вон Сок. (Запомним это имя, оно еще нам встретится.) Здесь же расскажем об особом случае, когда Чхве Вон Сок выступил связующим звеном в диалоге президента Чон Ду Хвана с эмиссаром из Пхеньяна Хо Дама — секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, пользовавшимся огромным доверием президента КНДР Ким Ир Сена. Визиту Хо Дама в Сеул (4—6 сентября 1985 г.) предшествовали два тура секретных переговоров между представителями Севера и Юга в переговорном пункте Пханмунджом в демилитаризованной зоне на 38-й параллели. Визит Хо Дама в Сеул произошел на фоне неопределенности перспектив отношений Севера и Юга. Хо Дам стремился установить хотя бы минимум взаимопонимания. Обрести эту предпосылку не удалось, но важно отметить, что стороны, находившиеся на разных позициях, искали тогда пути вступления в контакт по животрепещущей проблеме взаимоотношений. Встреча Хо Дама и Чон Ду Хвана состоялась 5 сентября 1985 г. на вилле Чхве Вон Сока в одном из пригородов Сеула. Хо Дам передал Чон Ду Хвану личное послание Ким Ир Сена, в котором содержалось приглашение посетить Пхеньян для переговоров с северокорейской стороной на высшем уровне. Хо Дам был уполномочен вести переговоры о подготовке такого визита.

На этой встрече стоит задержаться, поскольку она в какой-то мере отражает остроту конфликта, таившего в себе угрозу для мира на Корейском полуострове. Южнокорейская сторона воспользовалась случаем, чтобы добиться на ней выгодного для себя поворота. Чан Се Дон — директор Агентства планирования нацио-

нальной безопасности настойчиво вел дело к тому, чтобы северо-корейская сторона, в качестве предварительного условия диалога, принесла свои извинения за крупную террористическую акцию, в организации которой Республика Корея обвинила северо-корейские спецслужбы. Речь шла о применении мощного взрывного устройства на центральной площади бирманской столицы Рангуна 9 октября 1983 г., в результате чего погибли 18 южнокорейских высокопоставленных должностных лиц, в том числе заместитель премьер-министра. Сам Чон Ду Хван лишь чудом остался тогда невредим, поскольку запоздал с прибытием на церемонию. Со стороны Хо Дама не последовало ни извинений, ни признания в причастности северо-корейской агентуры к организации этого покушения на южнокорейскую правящую верхушку.

Нельзя не сказать и о другом аспекте тогдашнего диалога. Чон Ду Хван заявил, что Южная Корея располагает всеми техническими возможностями для создания собственной атомной бомбы. И самое главное состояло в том, что он не блефовал. Республика Корея в 1970-х гг. тайно, при опоре на научно-технический потенциал своих монополий, занималась созданием собственного ядерного оружия. Данная программа появилась на свет из-за опасений президента Пак Чон Хи, который представлял себе картину возможного развития событий (она так и осталась гипотетической) без дальнейшего присутствия американских войск на юге Корейского полуострова. Предполагаемый вывод этих войск мог, по его мнению, послужить сигналом северо-корейскому руководству к широкомасштабному вторжению в Республику Корея. Но войти в клуб «ядерных держав» РК не было суждено. Под нажимом США, не желавших расползания по миру атомного оружия, осуществление этого южнокорейского проекта было прекращено. Кстати, именно Чон Ду Хвану пришлось отдавать распоряжения, которые повели к свертыванию ядерной программы.

Посещение Хо Дамом Сеула имело ограниченное значение. Вскоре состоялся ответный визит в Пхеньян упомянутого Чан Се Дона в качестве специального посланника президента Республики Корея. Обмен визитами между Севером и Югом и на этот раз не принес реального прорыва в их отношениях. Но тайные каналы, подчеркнем еще раз, начинали действовать, когда политическое руководство Севера и Юга ощущало потребность довести друг до друга свое понимание назревших задач взаимодействия.

Мы не станем заниматься разгадкой головоломок властных отношений в Республике Корея, но рассказать о повороте в судьбе

экс-президентов все же следует. Поначалу Ким Ен Сам, похоже, не собирался сводить с ними жестокие счеты. Он раскрыл свои карты полностью лишь тогда, когда отдавал директиву фракции правящей партии провести через парламент Специальный закон о Кванджу, который бы внес существенную поправку в процесс отправления правосудия. Закон был принят 19 декабря 1995 г. и наделялся, в сущности, обратной силой. Сторонники президентской власти в парламенте доказывали, что закон призван возвести непреодолимую преграду на пути возможных в будущем государственных переворотов, когда одна из группировок вздумает прибегнуть к открытому захвату власти с помощью вооруженного насилия.

Принятый парламентом закон приостановил действие ранее юридически закрепленной неприкосновенности бывших президентов на 15 лет с 24 февраля 1993 г., то есть со дня, когда истекли президентские полномочия Ро Дэ У. Тем самым открывалась возможность предъявить обвинение экс-президентам вплоть до 24 февраля 2008 г. Прокуратура уже 21 декабря 1995 г. предъявила главным подследственным еще два обвинения — в организации военного мятежа 12 декабря 1979 г. и подавлении народного восстания в Кванджу в мае 1980 г. Прокуратура изначально требовала приговорить Ро Дэ У к пожизненному тюремному заключению. Однако суд нашел в его деле ряд смягчающих обстоятельств. Судьи, в частности, посчитали, что он во время путча в декабре 1979 г. был лишь подчиненным Чон Ду Хвана и как военный человек был вынужден беспрекословно подчиняться приказам своего начальника. Были также учтены заслуги Ро Дэ У на президентском посту, когда благодаря его «северной дипломатии» Южную Корею приняли в ООН и республика установила официальные отношения с Москвой и Пекином.

Судебное разбирательство по делу экс-президентов завершилось тем, что уголовный суд 26 августа 1996 г. приговорил Чон Ду Хвана к смертной казни, а Ро Дэ У к 22 с половиной годам тюремного заключения. Они были признаны виновными в государственной измене, организации мятежа, подавлении восстания в Кванджу и получении взяток (в общей сложности более 630 млн долл.). Оба бывших президента, выслушавшие вердикт в арестантских робах, не признали своей вины и утверждали, что действовали исключительно во имя спасения страны от кризиса и предотвращения возможного нападения со стороны Северной Кореи. Они также не считали взятками полученные от представителей деловых кругов суммы, а отнесли их к «политическим пожертвованиям», которыми не стремились воспользоваться в

личных целях. Вместе с экс-президентами были осуждены на сроки от четырех до десяти лет 13 военных чинов, являвшихся соратниками главных обвиняемых. Что касалось привлеченных по этому делу финансово-промышленных магнатов, то и они не оказались «обделенными» южнокорейской фемидой. Наибольший срок (два с половиной года) она определила Чхве Вон Соку — председателю группы «Тона». На два года были осуждены Ким У Чун — председатель группы «Дэу», Чан Джин Хо — глава группы «Чинно», Чон Дэ Су — глава группы «Ханбо». Пять других воротил крупного бизнеса, в том числе председатель группы «Самсон» Ли Гын Хи, — к условной мере наказания.

Ким Ён Сам, видимо, хотел войти в историю РК основоположником качественно иного стиля политической деятельности, лидером, положившим конец злоупотреблениям военного режима и сделавшим все возможное для торжества в стране свободы и порядка. Однако вряд ли он при этом не испытывал сомнений в связи с опасностью прецедента, когда глава государства устроил суд над своими предшественниками. К сказанному хотелось бы добавить одну деталь. Вплоть до вынесения приговора бывшие главы государства получали положенные им пенсии и дотации (на оплату услуг секретарей, медицинское обслуживание, приобретение литературы и т. д.). На этот счет интересны данные, предоставленные 10 октября 1996 г. министерством государственного управления Национальному собранию. Чон Ду Хвану и Ро Дэ У с 1991 г. было выплачено в общей сложности 993 млн вон (около 1,2 млн долл.). В период с 1991 г. по август 1996 г. Чон Ду Хван получил 599 млн вон (291 млн вон — пенсия и 308 млн вон — дотации). Ро Дэ У с момента истечения срока его президентских полномочий в начале 1993 г. получил 394,2 млн вон, из них 204,2 млн вон в виде пенсии.

И все же в драматической истории сходящей со сцены авторитарной эпохи осталась важная недосказанная страница. Следственные органы приложили огромные усилия, чтобы заполучить свидетельские показания Чхве Гю Ха, видного в прошлом государственного деятеля. Его признания придавалось решающее значение для выявления картины «второго пришествия» к власти военных под руководством Чон Ду Хвана. Чхве Гю Ха действительно был ключевой фигурой процессов на самом верху политической иерархии, поскольку являлся главой государства с момента убийства Пак Чон Хи 26 октября 1979 г. до августа 1980 г., когда был отстранен Чон Ду Хваном¹⁴. Чхве Гю Ха с самого начала отверг преднамеренные по своему замыслу планы прокуратуры получить от него сенсационные откровения в качестве сви-

детеля. Не помогли и плохо скрытые угрозы в его адрес. Он заявил, что не станет говорить, даже если его силой притащат в зал заседания суда. Свой отказ он мотивировал тем, что не к лицу бывшему президенту давать отчет о государственных делах, которые имели место в период, когда он занимал пост главы государства. К тому же он ссылаясь на плохое состояние здоровья. Непреклонность, проявленная Чхве Гю Ха, исключила уникальную ситуацию, когда три бывших президента Республики Корея собрались бы не по своей воле в одном зале суда.

В середине 1990-х гг. правящую элиту стала лихорадить новая перегруппировка сил, которая сопровождалась развалом того странного альянса 1990 г., о котором мы уже рассказали.

10 января 1995 г. Ким Ён Сам при встрече с председателем правящей партии Ким Джон Пхилем посоветовал последнему удалиться с политической авансцены в интересах изменения атмосферы в партии. Поводом для размолвки недавних политических партнеров послужило то, что Ким Джон Пхиль, заботясь о своем будущем, прибег к привлекательной для политических споров теме о том, какая форма правления — президентская или парламентская — более всего соответствует южнокорейскому обществу. Ким Джон Пхиль начал ратовать за внесение поправок в конституцию, которые должны заменить президентскую форму правления парламентской. Организация управления делами общества в этом случае должна лечь на плечи правительства, ответственного непосредственно перед парламентом. Дискуссия, о которой идет речь, берет свои истоки еще на начальном этапе правления Ли Сын Мана и вскрывает постоянное острое противоборство законодательной и исполнительной ветвей власти, причем с огромным уроном для первой из них.

Функционирование парламента в Республике Корея не стало гарантией ее устойчивого политического развития. Правящие группы упорно обделяли его реальной властью, то есть возможностью в полном объеме контролировать исполнение принятых им законов. Председатель правления Демократической либеральной партии Ким Джон Пхиль 14 января 1995 г. заявил о желании «пойти собственным путем», создав для этого свою партию. 19 января он объявил об уходе с поста председателя ДЛП, а уже 21 февраля его сторонники провозгласили создание партии Объединенных либеральных демократов во главе с Ким Джон Пхилем. Не стал более отсиживаться на задворках общественно-политической жизни и другой профессиональный политический деятель — Ким Дэ Чжун. 5 сентября 1995 г. состоялся учредительный съезд партии

Национальный конгресс за новую политику, которая своим лидером выбрала Ким Дэ Чжуна.

В итоге всего происшедшего главными лидерами оппозиции стали деятели не просто с различными, но в чем-то даже с пересекавшимися дорогами. Напомним, что Ким Джон Пхиль входил в ядро организаторов государственного переворота в мае 1961 г., выступал создателем южнокорейского ЦРУ, занимал ключевые посты при Пак Чон Хи. В 1973 г. Ким Джон Пхиль был премьер-министром, когда Ким Дэ Чжун («враг номер один» военных правителей) был выкраден агентами южнокорейского ЦРУ из отеля в Японии и тайком доставлен в Южную Корею. При этом он едва вернулся к жизни после побоев, которыми оделили его посланцы упомянутой спецслужбы. Учитывая сказанное, трудно поверить, что в отношениях Ким Джон Пхиль и Ким Дэ Чжуна могли возобладать взаимопонимание и согласие.

В споре о форме административно-государственного устройства Республики Корея президент Ким Ён Сам занял позицию, сближавшую его с теми, кто не желал расширения прерогатив парламента. Отвергая план Ким Джон Пхиль как безусловно несвоевременный, он выражал намерение сохранить в полной неприкосновенности действующую конституцию до конца срока своих президентских полномочий. Такие суждения были высказаны им 6 января 1996 г. на съезде правящей партии. Кстати, на этом съезде она официально сменила вывеску и стала называться Партией новой Кореи.

Итоги парламентских выборов, состоявшихся 11 апреля 1996 г., отразили сложный расклад сил между различными общественно-политическими течениями. Их отличал самый низкий за всю историю южнокорейского парламентаризма уровень участия в выборах избирателей (63,9%) (о причинах сужения круга политически активных граждан чуть позже). Свое безразличие к ним отчетливее всего проявили молодые избиратели, составляющие наиболее значительную группу электората. Огромная масса южнокорейских граждан не явилась к избирательным урнам, ибо изверилась в возможность изменить что-либо с помощью голосования, сказалось чувство разочарования коррумпированной бюрократией, разложением на вершине власти. Скепсис населения усилился скандальным фактом в ближайшем окружении первого лица государства. Накануне выборов, 21 марта, был арестован Чан Хак Но — личный помощник президента, по обвинению в злоупотреблении служебным положением в личных целях и получении взяток от ряда компаний. Чтобы не возвращаться к это-

му вопросу, скажем, что в июне 1996 г. он был приговорен к 5 годам лишения свободы и штрафу в размере 612 млн вон.

В начале июня 1996 г. были предприняты дальнейшие меры по очищению правительственных структур от пораженных коррупцией представителей высшей аппаратно-чиновничьей прослойки. Среди арестованных по обвинению в получении взяток оказались Пэк Вон Гу — президент Совета по контролю над ценными бумагами Республики Корея и Хан Дэк Су — генеральный директор департамента министерства финансов и экономики.

На парламентских выборах ни одна политическая партия не смогла завоевать большинство. 253 парламентария избирались, согласно принятым правилам, по местным округам и 46 — по общенациональным партийным спискам. Правящая Партия новой Кореи получила 139 мандатов (34,5%) из 299. До этих выборов ей в Национальном собрании принадлежало 150 мест, то есть минимальное большинство. Ведущая оппозиционная сила — Национальный конгресс за новую политику — 79 мест (25,3%), прежде у него было 55 представителей. Объединенные либеральные демократы — 50 (16,2%), Демократическая партия — 15 (11,2%), независимые — 16 (11,9%)¹⁵. Правящая партия не смогла собрать на выборах необходимого числа мандатов для того, чтобы продолжить играть роль доминирующей силы в Национальном собрании. Но ей все же удалось вернуть себе эту роль, когда она привлекла на свою сторону 11 человек из числа независимых и оппозиционных депутатов. Правда, этот маневр вызвал дальнейшее усиление политико-идеологического противоборства власти и оппозиции.

Эти выборы также не обошлись без громких провалов. Похоже, что в «волчью яму» на них угодил видный деятель оппозиционной Демократической партии — Пак Ки Дон. Именно он, будучи депутатом Национального собрания, 19 октября 1995 г. взорвал политическую ситуацию, заявив на пленарном заседании о том, что знает о существовании принадлежащего Ро Дэ У секретного фонда, хранящегося в коммерческих банках на счетах 40 вымышленных имен. Трудно утверждать, так это или нет, но сдается, что его заявление было отвергнуто как раз за то, что он навлек большие неприятности на Ро Дэ У. В дни, когда был оглашен приговор по делу экс-президентов, Пак Ки Дон вынужденно был отправлен как журналист в США на годичную стажировку.

Если говорить начистоту, то итоги парламентских выборов могли оказаться для правящей верхушки еще скромнее. Но она к своей выгоде воспользовалась усилением напряженности в отношениях между Севером и Югом, недальновидными действиями

северокорейского руководства. В конце марта 1996 г. вице-маршал КНДР Ким Гван Джин заявил, что на Корейском полуострове «состояние перемирия подошло к критическому пределу». Вскоре после этого в демилитаризованную зону, разделяющую две части страны со времени окончания войны в Корее, был введен на короткое время военный персонал КНДР. Хотя в указанном заявлении Ким Гван Джина прямо не говорилось о прекращении действия соглашения о перемирии, подписанного в июле 1953 г. КНДР, ДР, КНР США, оно тем не менее позволило обыграть в РК «новую угрозу с Севера». Ким Ён Сам в угаре популистско-избирательных страстей попытался, и не без успеха, встать над схваткой различных, в том числе соперничавших друг с другом, политических групп и привлечь на свою сторону часть электората. Росту оппозиционных настроений среди части электората способствовал тупиковый характер политики администрации Ким Ён Сама в сфере трудовых отношений. Споры нет, гражданское правление получило от авторитарного режима тяжелое наследие в триаде отношений: государство — профсоюзы — предприниматели. Все дело в том, что новая правящая верхушка слишком долго не проявляла озабоченности по поводу неблагополучия в этой важной сфере жизни общества.

Внутри страны и за ее пределами считалось противоестественным, что новая администрация с ее либерально-демократическими декларациями продолжала не признавать законной деятельность второго по величине профсоюзного объединения — Корейской конфедерации профсоюзов (ККП). Число ее членов в 1996 г. составило 500 тыс. человек, она представляла интересы больших групп квалифицированных рабочих, занятых на предприятиях как государственного, так и частного секторов в автомобилестроении, судостроении, телекоммуникациях. Более того, председатель ККП Квон Ён Гиль в начале 1996 г. был даже заключен на несколько месяцев в тюрьму. Правительство, как и прежде, предпочитало иметь дело только с одной самой крупной организацией, противостоявшей ККП, — Федерацией корейских профсоюзов (ФКП). В 1996 г. в ее рядах насчитывалось 1,7 млн членов. Правящая верхушка не спешила избавиться от прежнего способа управления профсоюзами с его жесткими ограничениями и запретами. Как известно, правители военной формации ради экономического роста страны осознанно шли на ущемление прав, в том числе и профсоюзных.

Разработанные при авторитаризме законодательные нормативы были направлены на то, чтобы блокировать социальные притязания трудящихся, подключить профсоюзы в максимальной

степени к обеспечению благоприятных условий воспроизводства совокупного общественного капитала, процветания финансово-промышленных групп. Профсоюзам категорически запрещалось участвовать в политической деятельности. Об этом «позаботились» в Законе о профсоюзах, равно как и в других законодательных актах, в том числе и Законе о выборах. Юридическая практика авторитарной эпохи исключила возможность взаимодействия профсоюзов и политических партий. Некоторым категориям трудящихся — школьным учителям и государственным служащим вообще было отказано в праве на создание своих профсоюзных объединений. Кроме того, пункт пятый третьей статьи Закона о профсоюзах запрещал создание более чем одного профсоюза на одном отдельно взятом предприятии. Правительство, вопреки своим намерениям, само способствовало развертыванию в стране широкой общественной дискуссии, одним из аспектов которой стало состояние трудовых отношений. Эта дискуссия оказалась напрямую связана с заявкой, официально поданной в марте 1995 г. в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), базирующуюся в Париже. В заявке выражалось желание Республики Корея стать членом этого «клуба богатых стран».

Прогрессирующая интернационализация хозяйственной жизни, с одной стороны, и нарастание экономических неурядиц в РК, с другой — побуждали сеульскую администрацию заняться поиском мер, способных придать новый импульс деловой активности. Речь шла об идее экономического сближения с развитыми странами, об использовании их опыта и преимуществ хозяйственного взаимодействия с ними. Тесно связанные между собой как политические, так и экономические соображения предопределили намерение вступить в Организацию экономического сотрудничества и развития. Именно этот шаг, как полагали лица, планировавшие политику Сеула, более всего обещал преобразовать Республику Корея в перворазрядное государство уже где-то в начале XXI века.

Венцом политики президента Ким Ён Сама на внешнеэкономическом поприще явилось принятие Республики Корея (25 октября 1996 г.) в Организацию экономического сотрудничества и развития. Она стала 29-м членом этой организации и второй в ней, после Японии, азиатской страной. Принятие в «клуб богатых стран» означало признание того, что РК приблизилась к уровню и характеру производительных сил индустриально развитого сообщества. Подобного рода признание стимулировало дальнейшие усилия южнокорейской правящей элиты по пропаганде своего опыта модернизации. Но прежде чем попасть в этот «клуб»,

перед политическими и деловыми кругами Республики Корея встали непростые вопросы — какова цена за включение страны в проект «нового мирового порядка» и стоит ли ее платить, когда она сама оказалась перед лицом экономических трудностей. Было очевидно, что прежде чем проявят себя соблазнительные выгоды от вступления в ОЭСР, надо безоговорочно выполнить, причем в сжатые сроки и интенсивно, ряд требований — приспособить хозяйственный организм страны к нуждам мировой рыночной экономики, к запросам сложившегося международного разделения труда; произвести переоценку роли и функций государственной собственности и государственного регулирования; еще в большей мере, чем прежде, открыть двери иностранному капиталу для его участия в экономической деятельности в Республике Корея.

В то же время Организация экономического сотрудничества и развития публично привлекла внимание сеульской администрации к неблагоприятному положению в профсоюзном движении в РК. Представители этой организации выступили 23 апреля 1996 г. с критикой в адрес южнокорейских властей за несоблюдение ими прав человека, в том числе профсоюзных. В их заявлении было подчеркнуто, что правила, регламентирующие деятельность профсоюзов в РК, явно не соответствуют условиям ее современной действительности, не говоря уже о развитых странах. Одновременно выражалась надежда, что правительство вплотную займется устранением ограничений, навязанных профсоюзному движению правящим режимом в прошлом¹⁶. Помимо этого, Международная организация труда (в декабре 1991 г. Южная Корея стала ее 151-м членом) также указала на эту же болевую точку в деятельности профсоюзов страны и подчеркнула настоятельную необходимость принятия мер по расширению профсоюзных прав и свобод.

Лишь под давлением критики извне сеульская администрация наконец-то проявила намерение приступить к изменению трудового законодательства. Началось с того, что 5 мая 1996 г. при президенте была создана совещательная комиссия в составе 30 человек, уполномоченных главой государства. В нее входили 5 представителей трудовых организаций, 5 — от предпринимательских объединений и по 10 — от общественных групп и академических кругов. Выработку соглашений, достижение компромисса членами этой комиссии затрудняло столкновение интересов тех сил, которые в ней были представлены. В устах конфликтующих сторон — профсоюзов и предпринимателей — доводы «за» и «против» выглядели совершенно по-разному. Представители деловых

кругов опасались, что устранение запретов и ограничений в трудовом законодательстве, на чем настаивали профсоюзы, станет фактором, ослабляющим конкурентоспособность продукции отечественных товаропроизводителей на мировом рынке, приведет к подрыву «мира в промышленности». И все же комиссия 19 сентября 1996 г. пришла к заключению: устранить запреты на участие профсоюзов в политической деятельности. Решено было рекомендовать отмену статьи 12-й Закона о профсоюзах, которая не допускала политическую деятельность профсоюзов.

В разрешении других спорных вопросов трудового законодательства президентская совещательная комиссия после шести месяцев работы так и не смогла продвинуться вперед. Ее обрекли на неудачу взаимоисключающие позиции по этим вопросам, занятые ее участниками. Представители трудовых коллективов выступали за легальную возможность создания нескольких профсоюзов на одном предприятии, полную отмену запретов на участие профсоюзов в политике, привлечение к трудовым спорам «третьей стороны». Последнее требование имело в виду использование профсоюзами услуг экспертов, адвокатов и других юридических служб в конфликтных ситуациях.

Представители трудовых коллективов в комиссии настаивали также на предоставлении законного права работникам общественных институтов и учителям создавать свои профсоюзные объединения. Кстати, вопреки упорному сопротивлению властей, группа прогрессивно настроенных учителей создала еще в 1989 г. свой профсоюз (Всеобщий профсоюз учителей и работников образования), который так и остался официально непризнанным. Что касается работодателей, то они хотели добиться включения в законодательные акты о труде положений о скользящем графике рабочего времени, а также о приостановке производства. Так как в южнокорейском трудовом законодательстве отсутствовали положения, касающиеся возможности приостановки производства, то участники трудовых споров каждый раз оказывались в зависимости от постановлений судебных инстанций.

Правящие круги попали под сильное давление организованных выступлений трудящихся, надеявшихся на ограждение своих интересов с помощью изменения трудового законодательства. Так, 10 ноября 1996 г. в центре Сеула произошла массовая демонстрация, организованная Корейской конфедерацией профсоюзов. Тысячи трудящихся, включая учителей, требовали от правительства ускорить внесение важных поправок в трудовое законодательство. Власти, на словах выступая за необходимость скорейшего улаживания трудовых споров, на деле стремились в

одностороннем порядке отстаивать интересы предпринимателей. Такая позиция вела лишь к дальнейшему обострению ситуации. 19 ноября 1996 г. два крупнейших профсоюзных объединения Республики Корея заявили о намерении начать всеобщую забастовку в знак протеста против правительственного проекта реформ трудового законодательства. Власти прибегли к репрессиям, но оказались бессильными погасить протестную активность трудящихся. В конечном счете правительство, натолкнувшись на организованное сопротивление профсоюзов, вынуждено было пойти на значительные уступки трудящимся.

На пути движения в третье тысячелетие социальная действительность Республики Корея обогатилась общественным течением, которое стремится улучшить качество жизни, защитить интересы рядовых потребителей. Причин для такого рода устремлений было больше чем достаточно. Например, затраты городской семьи на потребительские товары и услуги увеличивались на 13,6% ежегодно в течение пяти лет, с 1991 по 1995 гг. Спонтанно возникающие организации граждан включаются в решение многообразных конкретных проблем — злоупотреблений на потребительском рынке, загрязнения окружающей среды, бюрократизации различных звеньев аппарата управления, сбоя в работе городского транспорта, посягательства криминальных элементов на права и имущество граждан и т. д. Эти организации отличают восприимчивость к новым идеям, готовность оказывать воздействие на ряд аспектов государственной и общественной жизни. Важной вехой в развитии этого движения стало объединение в середине лета 1996 г. таких организаций в Коалицию граждан за экономическую справедливость. В сферу своей деятельности она включила состояние образования, культуры, взаимоотношения религий. Коалиция привлекала внимание общественности к неблагополучию в экологической и социальной среде, подвергала критике политику властных структур и деятельность монстров индустрии, особенно по вопросам имущественного неравенства, разрыва в доходах различных групп населения. Поляризация доходов в южнокорейском обществе весьма значительна. В 1995 г. средний доход каждой из 20% высших семей составлял 3,2 млн вон, тогда как у 20% низших семей — всего лишь 752 тыс. вон. Можно полагать, что в этом движении отражаются некоторые общие черты и свойства нравственной эволюции южнокорейского общества. На исходе завершившегося тысячелетия обнаружилось, что «протестантская этика» с ее упором на индивидуализм, конкуренцию, предприимчивость натолкнулась, пусть не на фронтальное, но все же противодействие норм конфуцианского поведения, кото-

рое сохраняет часть своих позиций во многих важных ячейках общества — семье, кланах, корпорациях, партийно-политической системе и т. д.

Конечно, при осмыслении этого процесса не следует допускать досадных упрощений. Под воздействием социальных перемен в «постиндустриальном обществе» сужается круг присущих конфуцианству основополагающих воззрений. Так, можно говорить о том, что в прошлом остались взгляды на божественный характер происхождения верховной власти, исключительную миссию только «благородных мужей» заниматься управлением государственными делами. Ослабло влияние таких традиционных конфуцианских добродетелей, как преданность правителю, сыновняя почтительность.

Между тем в сознании части южнокорейского общества и на «постиндустриальной» стадии развития продолжают сохраняться унаследованные из прошлого представления о неравноценности мужчины и женщины, об оправданности ограничения ее жизни лишь замужеством и материнством. Черты бытия и сознания вплоть до наших дней ставят замужнюю женщину в трудное, порою в трагическое положение, если вместо всегда желаемого наследника по мужской линии она рождает дочерей. Такая женщина чаще всего сталкивается с задевающими за живое упреками со стороны окружающих. Надо сказать, что в Республике Корея складывается понимание крайне нежелательных последствий такого рода предпочтений. По данным здравоохранения и социального обеспечения, из 40 тыс. беременных женщин, ежегодно проходящих обследование на ультразвуковой аппаратуре, примерно половина предпочитает прибегнуть к искусственному прерыванию беременности, если тестирование показало, что была зачата девочка. И как следствие, на 106 мальчиков рождается 100 девочек. Южнокорейские специалисты считают, что при сохранении такой тенденции к 2010 г. примерно два из каждых 10 мужчин рискуют остаться без жен. Строгость нравов общества с сильным влиянием традиционно-семейных ценностей уже не столь отчетливо проступает в законодательстве. Так, в апреле 1994 г. была отменена статья уголовного кодекса, которая предусматривала до двух лет лишения свободы за супружескую неверность.

На пороге XXI века, независимо от изменений политической системы в духе либеральных ценностей, сохранилось состояние глубокого отчуждения между властью и определенными группами студенческой молодежи. Перед обновленной правящей элитой возникла повторяющаяся ситуация — усиление крайних форм политической активности обитателей студенческих городков,

которые вовсе не принадлежали к марксистской идеологической школе. Деятельность студенческих организаций, попавших под влияние приверженцев леворадикального течения, оказалась в поле пристального внимания правоохранительных органов. Для властных структур не составляла тайны высокая вероятность общественных потрясений, вызванных студенческим радикализмом.

Уже осенью 1994 г. южнокорейское министерство информации открыто выразило мнение об опасном возрастании леворадикального течения до критической массы. По его оценке, многие студенческие городки становились ареной разгула угрожающего радикализма. «Тон этому задавала небольшая, но фанатичная группа студентов, которые верят в идеологию чучхе покойного президента Северной Кореи Ким Ир Сена»¹⁷. Этот материал министерства информации клеймил сторонников леворадикального течения как попутчиков северокорейского режима, безответственных разносчиков теоретических изысканий северокорейского лидера. Конфликт, о котором идет речь, произошел в августе 1996 г., накануне 51-й годовщины освобождения Кореи. Судя по всему, власти были готовы к немедленной и жесткой расправе со студентами, выступавшими в поддержку общенационального форума за объединение страны. Несколько тысяч сеульских студентов выразили готовность пройти маршем к деревне Пханмунджом, где существует единственный контрольно-пропускной пункт во всей демилитаризованной зоне. Южнокорейская молодежь требовала немедленно вступить в переговоры с Пхеньяном по вопросам объединения страны, вывода американских войск с юга, отмены Закона о национальной безопасности.

Акция протеста была подготовлена антиправительственной организацией «Ханчхонрён» — Корейской федерацией студенческих союзов, в которой заметно сильное влияние леворадикальных идей. В деревне Пханмунджом должна была состояться встреча южнокорейских студентов с группой студентов из КНДР в рамках проводившегося в Пхеньяне ежегодного форума по воссоединению двух частей Кореи. Общенациональная конференция за мир и воссоединение на Корейском полуострове проводилась ежегодно, по инициативе политического руководства КНДР, симпатизирующими Северу корейцами в некоторых зарубежных странах, а также частью антиправительственных сил в самой Республике Корея. Сеульская администрация запретила проведения такого рода шествия, что привело к крупнейшим беспорядкам на исходе XX века. Ожесточенные столкновения полиции со студенческой молодежью продолжались в Сеуле с 12 по 20 августа 1996 г. Оплотом студенческого сопротивления стал

университет Еонсе. В течение недели студенты отражали там атаки полиции. В конце концов университет был взят штурмом, в ходе которого погиб один полицейский и десятки человек получили ранения. Было задержано около 6 тыс. студентов, 444 из них предъявлены обвинения в организации общественных беспорядков и сопротивлении властям. Правящая верхушка была потрясена размахом и ожесточением августовского выступления студенческой молодежи. Власть имущие занялись срочным поиском мер, способных обеспечить стабильное функционирование институтов государства и общества, нейтрализовать влияние леворадикального течения «чусапха».

Вниманием политического руководства прежде всего завладела идея восстановления в прежнем объеме деятельности Агентства планирования национальной безопасности (АПНБ), как теперь именуется бывшее ЦРУ. 23 ноября 1996 г. фракция правящей партии в Национальном собрании поставила вопрос о пересмотре Закона об Агентстве планирования национальной безопасности. Напомним, что на начальной стадии проводимых администрацией Ким Ён Сама реформ у АПНБ была изъята часть его полномочий, которые передавались в ведение прокуратуры и полиции. Речь в основном шла о делах, связанных с «восхвалением» Северной Кореи, формированием пропхеньянских политических групп, распространением литературы, пропагандирующей идеи и достижения Севера. Стремление политического руководства РК скорректировать данный закон в обратном направлении вызвало критику части парламентариев от оппозиции. Они опасались, что обозначившаяся таким образом тенденция может привести к восстановлению прежней ситуации, когда вся политическая жизнь находилась под полным контролем органов безопасности. Но те, кто отстаивал интересы власть имущих в парламенте, не посчитались с такого рода опасениями. Собственно говоря, АПНБ входило и продолжает входить в число важнейших механизмов, обеспечивающих функционирование власти, будь то в авторитарной или демократической форме.

Формирование власти в ее буржуазно-демократическом варианте отнюдь не привело к ослаблению роли денег в политике. Их непомерное влияние по-прежнему порождает острые конфликты во властных структурах. Ким Ён Саму на закате его президентской карьеры пришлось пройти через острый политический кризис, вызванный скандалом вокруг финансового краха крупнейшего конгломерата «Ханбо». В реестре наиболее могущественных южнокорейских монополистических объединений он занимал 14-е место. Скандал разразился после того, как прокура-

тура 30 января 1997 г. вызвала основателя и владельца конгломерата «Ханбо» — Чон Дэ Су и допросила относительно путей получения им чрезвычайно больших льготных займов от пяти крупнейших южнокорейских банков. В конце 1996 г., когда на «Ханбо» висела не погашенная еще в установленный срок ссуда в размере 200 млрд вон, банки в силу каких-то необъяснимых причин продолжали выдавать концерну кредиты. Примечательно, что Чон Дэ Су уже до этого пользовался репутацией прожженного дельца, замешанного в подкупе влиятельных фигур. В Республике Корея еще помнили о нашумевшем деле подкупа группы законодателей конгломератом «Ханбо», который добился с их помощью разрешения на жилищное строительство в так называемой зеленой зоне Сеула. Законом запрещалось производить там какие-либо строительные работы.

На этот раз «Ханбо» преуспел еще больше в опутывании своими щупальцами представителей законодательной и исполнительной власти и до поры до времени гнал «деньги из воздуха». Тайное стало явным, когда Корейский банк 22 января 1997 г. объявил конгломерат банкротом. Механизм аферы работал довольно просто. В 1990 г. конгломерат приступил к сооружению гигантского сталелитейного комбината с проектной мощностью 9 млн т стали в год. Свою «стройку века» его хозяева профинансировали лишь при начальных работах, а затем приступили к набиранию долгов, которых накопилось 5 трлн вон. Следствие выявило, что глава конгломерата систематически в обмен на кредиты выдавал изрядные деньги директорам банков, влиятельным депутатам парламента, высокопоставленным должностным лицам. В числе взяточполучателей оказались министр финансов, министр торговли, министр строительства, председатель парламентского финансово-экономического комитета, а также руководитель президентской администрации. В афере конгломерата «Ханбо» оказался замешанным и Ким Хён Чхор — младший сын президента Ким Ён Сама. Возмущение общества скандальным делом «Ханбо» было столь велико, что президенту Ким Ён Саму пришлось выступить по телевидению с обращением к народу, публично покаяться и пообещать принять меры против сращивания деловых и политических кругов, развернуть беспощадную борьбу с коррупцией, покарать всех продажных чиновников, сколь бы высокие посты они ни занимали. Он сдержал свое слово — уволил всех, кто был замешан в деле «Ханбо». Снял с занимаемых постов своего сына. Сменил и главу правительства.

Анализ объективных тенденций социально-политических изменений в Республике Корея на рубеже XXI века показывает

весьма противоречивую картину смены форм политического руководства. Переход от авторитарных порядков к демократическим прошел пока только первые фазы, принесшие и надежды, и разочарования. Перемены, ведущие к формированию институтов гражданского общества, носят противоречивый характер, сопровождаются порою даже попятными движениями.

Ориентирующаяся на либерально-демократические ценности новая правящая элита стремилась повысить эффективность системы управления, выработать пользующуюся доверием общества политику. Широкие общественные круги поддерживали ее усилия по искоренению негативных явлений, особенно коррупции, во властных структурах. Но при всем этом нельзя упускать из вида главного: переход к новым формам организации жизни Республики Корея стал реально возможен лишь после прохождения страной определенного рубежа в процессе модернизации.

- ¹ Хангук чончхи сасан (Политическая мысль Кореи) (на кор. яз.). Сеул, 1991.
- ² Seo Joong-Seok. The Establishment an Anti-Communist State Structure Following Founding of the Korean Government. — Korea Journal, Seoul, 1996, № 1, с. 79—114.
- ³ Ким Хо Джин. Хангук чончхи чхэчэрон (Политическая система Кореи) (на кор. яз.). Сеул, 1993, с. 229—575.
- ⁴ Ан Чхон Си. Хангук чончхи кёнджерон (Политическая экономия Кореи) (на кор. яз.). Сеул, 1990.
- ⁵ Korea Journal, 1996, № 2, с. 62.
- ⁶ Со Сан Мок. Хангук чабонджуый-ый виги (Кризис капитализма в Кореи) (на кор. яз.). Сеул, 1990.
- ⁷ Yi On-Juk. Urban to Rural Return Migration in Korea. Seoul, 1990.
- ⁸ Hwang In-Jong. Management of Rural Change in Korea. Seoul, 1981.
- ⁹ Korea Annual 1988, Seoul, 1988, с. 62—63.
- ¹⁰ Asiaweek, 1995, № 48, с. 39.
- ¹¹ Korea Annual 1996, 1996, с. 69.
- ¹² Kim Myong-Soo. Governmental Reform in the Republic of Korea. — Continuity and Change. N. Y., 1994, с. 35.
- ¹³ Kang Myung-Hun. The Korean Business Conglomerate: Chaebol Then and Now. Seoul, 1996.
- ¹⁴ Хан Анхо. Хангук чончхи пёндонърон (Политические преобразования в Республике Корея) (на кор. яз.). Сеул, 1994, с. 402, 403.
- ¹⁵ Korea Annual 1996, с. 56.
- ¹⁶ Korea Herald. Seoul, 24.04.1996.
- ¹⁷ The Jusapa: A Fanatic Campus Fringe Bent on Communizing the South. Backgraunder, Seoul, 1994, № 125, с. 1.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

На фоне фундаментальных, но зачастую хаотических реформ, развернувшихся в последнее десятилетие XX века в бывших странах социалистического лагеря, политика глубокого и последовательного реформирования системы государственного регулирования в Республике Корея (РК) демонстрирует определенные, пусть не всегда быстрые, положительные результаты. Хотя история доказала, что изучение чужого опыта — задача малоперспективная, так как даже собственные ошибки забываются и повторяются снова, тем не менее обращение к практике экономического взлета РК, одной из моделей современного экономического развития — это повод уяснить, какими могут быть движущие прогрессивные силы государства, если они действительно служат интересам общества, насколько они могут быть результативны в достижении экономических целей, и как это согласуется или не очень с социальными запросами населения. Государство (с точки зрения его функциональных способностей), так же как и отдельный индивидум, «проживает свою жизнь», развиваясь, совершенствуясь, а затем стареет и приходит в упадок. И так же, как в отношении любого организма, можно говорить и о жизнеспособности государства, о его умении и возможностях адаптироваться и изменяться адекватно возникающей ситуации.

На этом поприще южнокорейский госкапитализм являет миру достаточно убедительный пример успешного развития государственно-регулируемого рыночного капитализма. При этом речь, безусловно, не идет о том, чтобы возводить южнокорейский опыт в некий абсолют, как это часто делалось в российской экономической литературе начала 90-х гг. Подобная оценка не только не соответствует истине, но и может причинить определенный вред, так как такой субъективный подход несет в себе зародыш догматизма и смахивает на проводившийся у нас в недавнем прошлом

«объективный анализ» успехов социалистического строительства в КНДР, когда все преподносилось исключительно в положительном ракурсе. Кроме того, не следует также считать, что опыт госрегулирования экономики РК есть нечто уникальное, отсутствующее в других развитых странах. С позиций строгой объективности можно говорить лишь об оригинальности применявшихся здесь способов решения тех или иных, общих для всех, задач политики госрегулирования, о степени лояльности госрегулирования подлинным интересам экономического развития страны, о мобильности его функций и т. д.

Совершенствование госрегулирования — это стержневой вопрос всей истории экономического развития Республики Корея. От его решения, от изменений функций государственного механизма напрямую зависит жизнеспособность всей экономической системы страны. Укорененность государства в экономической структуре страны столь велика, что при всем могуществе монополистического капитала необдуманные шаги по удалению из нее государства могут драматически сказаться на всей экономике страны и на каждом ее гражданине в отдельности. Исторической судьбой государство соединено с частной инициативой тесными связями, которые трудно, а главное болезненно, нарушать. Тем не менее руководство РК, хотя и предпринимало на протяжении многих десятилетий своего существования ряд мер в пользу государства, в целом же оно всегда старалось выдерживать определенный баланс во взаимоотношениях этих двух столпов своей экономической структуры. Отдельные меры правительства РК по упорядочиванию отношений государства с капиталом оказались действительно плодотворными для ее экономики, другие же — принесли ощутимый вред. О некоторых таких действиях правительства, как позитивных, так и негативных, пойдет речь дальше. Внешнеэкономическая ситуация всегда была достаточно бескомпромиссна для РК и часто ставила ее на грань экономического выживания. В экстремальных условиях государственный механизм до последнего времени, как правило, не давал сбоев и выводил страну из различной степени кризисов, находя для этого верное решение и последовательно и неуклонно проводя его в жизнь. Позиция «жесткой, сильной руки» в экономике, приверженцами которой были режимы президентов Ли Сын Мана, Пак Чон Хи, Чон Ду Хвана, стала постепенно смягчаться при правлении Ро Дэ У и особенно Ким Ён Сама. Весьма своеобразное возрождение она переживает в настоящий период, когда у власти находится оппозиционер с длительным стажем противостояния предшествующим администрациям — Ким Дэ Чжун.

Процесс демократизации, развернувшийся в южнокорейском обществе с конца 80-х гг., затронул и экономику страны, вызвав там рост противоречий между нарастающей инициативой частного бизнеса и сохраняющимся контролем государства. Возникший конфликт в первой половине 1990-х гг. разрешался в рамках «мягкого реформирования» экономических функций государства, но не исключалась возможность и более решительного кардинального подхода. Как показали события 1996 г., в разных общественных слоях страны стало прорываться накопившееся недовольство явными просчетами или невыгодными, с точки зрения национального производителя, экономическими решениями государственного аппарата. Так, вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), поставившее РК перед необходимостью изменения своих законов в области финансов и рынка рабочей силы, вызвало резкое неодобрение большинства населения. В исследованиях южнокорейских ученых-экономистов с новой силой зазвучала глубокая озабоченность в отношении выверенности экономического курса правительства. При этом спор шел тогда лишь о роли и масштабах госрегулирования, но почти никто не говорил о его полном демонтаже. Все это свидетельствовало о том, что при всей тяжести обвинений в адрес государства относительно его нестабильной экономической политики, за глубокую причастность ко многим проблемам в хозяйственном развитии страны, линия на сохранение, пусть отчасти реформированной, системы государственного управления экономикой так или иначе доминировала. Однако тяжелое положение в экономике, вызванное приходом в страну азиатского финансового кризиса в конце 1997 г., заставило руководство РК принять решительные шаги по реформированию всех секторов экономики, включая и государственный. Как все это могло произойти с такой успешной и признанной в мире экономической моделью Южной Кореи? Ответ на этот вопрос скорее всего можно найти в самих истоках становления системы госрегулирования в стране и ее последующих трансформациях.

Процесс капиталистической модернизации, развернувшийся в Южной Корее после окончания второй мировой войны и освобождения страны от японской колониальной зависимости, с самого начала оказался тесно связанным с формированием, развитием и совершенствованием системы государственного регулирования. По существу, капитализация южнокорейского общества начиналась, что называется, «с чистого листа», так как те сравнительно немногочисленные представители капиталистического предпринимательства, которые были в тот период в Корее,

в основном являлись компрадорской буржуазией, имущество которой, наравне с японской собственностью, было национализировано и стало фундаментом госсектора экономики страны. Это были главным образом предприятия легкой и пищевой промышленности, транспорта и связи, банковское дело и финансы, услуги и другие объекты инфраструктуры. Если более или менее крупный компрадорский капитал, поддерживавший связи с японским капиталом, подвергся национализации, то южнокорейский средний и мелкий постепенно «разжирел», приобретая через аукционы, устраиваемые государством, часть бывшего японского имущества.

Ввиду малочисленности и мелкого масштаба частнокапиталистической базы в Южной Корее, ей с самого начала ничего другого не оставалось, как сделать ставку на создание и использование системы государственного регулирования в качестве мобилизующей, координирующей и направляющей силы экономического развития страны. Таким образом, в условиях тогдашней южнокорейской действительности государство было вынуждено взять на себя миссию генератора в общем экономическом механизме для обеспечения рывка этой части корейской нации от стагнации к уровню промышленно развитой страны. Перестройка в таком направлении была облегчена уже тем, что (и в феодальном, не таком уж далеком прошлом Корее) государству отводилась в экономике ведущая роль. В политическом же плане усиление роли государства гармонировало в тот период (конец 40-х — начало 50-х гг.) с глобальными и региональными планами США — главного стратегического союзника Южной Кореи, что было немаловажным фактором сложившихся реалий того отрезка времени.

Анализируя процесс становления и развития госрегулирования экономики в Южной Корее, его можно условно разделить на 5 этапов. В основе периодизации лежит хронология трансформации системы госрегулирования от зарождения до ее кардинальной реконструкции (а возможно, и демонтажа).

Первый этап в целом совпадает с периодом президентства Ли Сын Мана (1948—1960) и характеризуется созданием основ структуры госрегулирования в стране. Именно в эти годы был образован госсектор и его развитию придавалось очень большое значение. Экономическое вмешательство и непосредственная предпринимательская деятельность государства получили затем законодательное оформление. Делались первые попытки координации экономической жизни страны путем разработки первых стратегических программ и планов, подкрепленных принятием соот-

ветствующих реформ. Несмотря на то, что многие из реформаторских начинаний Ли Сын Мана были половинчатыми, иногда подсказанными западными экспертами, и не учитывали национальной специфики, именно при нем были проведены реформы, положившие начало и принципиально определившие дальнейший путь экономического развития страны, в том числе и систему ее экономической организации.

Предвоенные реформы (до 1950 г.) — аграрная, административная, образовательная и другие — проявили свои позитивные результаты впоследствии, сообщив первоначальный импульс всему процессу капитализации южнокорейского общества. В этот период были образованы многие министерства и официальные организации, на которые возлагались функции управления, координации и контроля со стороны государства за всем хозяйственным развитием страны, за деятельностью всех экономических институтов и частных лиц. Указанный период вошел в историю экономики РК как время практической апробации курса на импортзамещающее развитие. В разработке общей стратегии и тактики этой модели развития и воплощения ее в южнокорейской действительности также велика роль государства. Развитие экономики по принципу импортзамещения существенно расширило рамки госсектора, сформированного ранее, как уже говорилось, в основном за счет предприятий и капитала так называемой бывшей японской собственности. Теперь на средства иностранной «помощи» и низкопроцентные кредиты были сооружены различные объекты промышленного назначения, транспорта и связи, значительно улучшившие инфраструктуру экономики страны. Все эти объекты явились результатом предпринимательской деятельности государства и вошли в состав госсектора. В этот период, как ни в какой другой, проявилась всесторонняя активность государства. Что касается других форм и методов вмешательства государства в экономику страны, то они также получили последовательное развитие. Часть займов, предоставленных государству Соединенными Штатами Америки и другими странами, а также международными организациями, направлялась не только на финансирование развития госсектора, но и послужили основой для установления его взаимоотношений с нарождавшимся в то время и еще слабым национальным частным бизнесом. Среди представителей частного сектора государство, естественно, в первую очередь поддерживало наиболее крупных, по национальным масштабам, предпринимателей, создавая им тем самым более благоприятные стартовые возможности. Так возникли, развились и достигли всемирно признанных высот экономи-

ческого могущества процветающие ныне монополистические конгломераты — «Самсон», «Лаки Голдстар» (ныне «Эл Джи»), «Дэу», «Хёндэ», «Санъён» и др.

Подкармливая крупные компании, государство вынужденно обделяло другие слои частного предпринимательства и во многом трудящееся население. Делая ставку на всемерную поддержку крупного бизнеса, государство использовало уже имевшиеся у него и разрабатывало новые рычаги экономического регулирования, при котором большое значение отводилось приоритетному субсидированию, налоговым льготам и другим формам поощрения перспективных отраслей экономики и крупных компаний. В то же самое время государство прибегало и к жесткому контролю за исполнением финансовой дисциплины, дискриминации слабых и малоперспективных предприятий, ограничению в кредитовании и налоговому прессу в отношении всех остальных секторов экономики, не вписывающихся в государственную стратегию экономического развития.

Следует отметить, что в значительной мере волюнтаристский подход государства к определению перспективных направлений экономического развития не всегда был экономически оправдан и приводил к положительным результатам. Поэтому многие южнокорейские экономисты не дают однозначной оценки деятельности государства в создании импортзамещающей модели развития экономики в 50-е гг. Конечно, не следует забывать, что другой альтернативы проведению ускоренной индустриализации в отсталой стране в то время в мире еще не существовало. Естественными ограничителями более успешной реализации этой модели являлись небогатая ресурсная база и узость внутреннего рынка, вследствие чего она работала в южнокорейской действительности с гораздо меньшим эффектом, чем, скажем, в Индии. Однако сказались и погрешности в расчетах самого южнокорейского руководства, не всегда учитывающего факторы чисто экономической целесообразности проектируемых объектов и исходявшего прежде всего из политических и военных интересов.

Второй этап развития госрегулирования в РК, это необходимо сразу же отметить, унаследовал многие, в первую очередь негативные, черты предшествовавшего периода. Хронологически второй этап охватывает период нахождения у власти администрации Пак Чон Хи (1961—1979). В южнокорейской экономической литературе прослеживается двойное отношение к экономической политике президента Пака. С одной стороны (и это вполне объективная оценка), его правление, поставившее целью достижение экономического процветания страны в рекордно ко-

роткие исторические сроки, эту задачу в целом осуществило, создав прочную основу для последовавшего затем экономического рывка за счет внедрения в национальное производство модели экспортного развития. Модели, тщательно «отшлифованной» под имевшиеся у РК реальные возможности использовать собственные относительные преимущества в производстве определенных видов продукции с ориентацией на внешний рынок. Этой основной, генерирующей идее были подчинены все экономические функции государства, призванные в административно-управленческом, хозяйственном, финансовом отношениях всемерно содействовать именно такому развитию всей экономической структуры страны, и в первую очередь той ее части, которая уже была для этого наиболее перспективной (обрабатывающая промышленность).

Занимая совершенно четкую позицию в отношении экспортной ориентации развития экономики, администрация Пак Чон Хи вместе с тем не была свободна от пристрастия к созданию любой ценой крупных престижных промышленных объектов, не всегда экономически оправданных с точки зрения уровня национального развития того периода, то есть допускала определенное «забегание вперед». В какой-то мере попытки ускоренным путем создать в РК крупную промышленную индустрию оправдывались неустойчивостью политической ситуации на Корейском полуострове, начавшимся в тот период негласным экономическим соревнованием между Севером и Югом Кореи, разжигавшим стремление каждой из сторон продемонстрировать неоспоримые достоинства своего пути развития. Обострявшееся время от времени военное противостояние обеих Корей также было ответственно за многие дорогостоящие и малоэффективные проекты, создававшиеся в Южной Корее (как, впрочем, и в Северной).

С другой стороны, реализация избранного администрацией Пак Чон Хи экономического курса нанесла определенный экономический, социальный и моральный ущерб населению страны. Все чаще в РК стали говорить о диктаторском характере его правления, создавшего столь жесткую структуру экономического управления, что она стала вызывать возмущение и недовольство не только трудящихся слоев населения, но и значительной части процветающей крупной буржуазии. Дело в том, что система тотального контроля государства над всей экономикой и функциями ее жизнедеятельности предоставляла администрации широкие возможности держать в узде все слои населения под угрозой «перекрыть кислород» любому предпринимателю независимо от его экономического статуса.

Хотя основным содержанием провозглашенной в 1960-е гг. политики государства в отношении мелких и средних предпринимателей считалось принятие широких мер по их стимулированию, подкрепленных соответствующими законами, ощутимые результаты этого курса стали очевидны только в 1980-е гг.

Представляется, что государственность и госрегулирование в РК напрямую связаны в целом с положительными итогами южнокорейской модели ускоренного обновления экономики. Известно, что эффективность государственного управления будет тем выше, чем полнее оно соответствует оптимально найденному соотношению: государство и человек. В этом плане РК предлагает свой вариант этой взаимосвязи, основанный на собственном опыте, со своими преимуществами и ошибками.

Именно при Пак Чон Хи — признанном архитекторе «Сеульского чуда» — система полнокровного государственного регулирования получила всестороннее развитие. Все шире разветвлялись функции государства, охватывая важные сферы экономической деятельности и глубоко проникая в них, разрастался бюрократический аппарат. Госсектор активно наращивал свою экономическую мощь, расширяя позиции за счет строительства и благодаря притоку средств иностранной помощи объектов инфраструктуры и предприятий тяжелой индустрии. Наиболее полную и действенную поддержку администрации сразу же получило экономическое планирование. Созданное в начале 60-х гг. Бюро (впоследствии министерство) экономического планирования было наделено достаточно большими властными полномочиями в разработке перспективных и краткосрочных планов развития, в определении генеральных направлений развития и выработке необходимых для этого мер экономической политики. Хотя формально Бюро было наделено лишь совещательными полномочиями, его решений приходилось придерживаться как юридическим, так и физическим лицам, то есть как государственным, так и частным компаниям и организациям. В противном случае нарушитель подвергался различным видам штрафных санкций. В процессе согласования генеральной линии развития с другими экономическими министерствами и ведомствами вырабатывался единый подход и совместный вариант перспективного плана, под который потом были обязаны подстраиваться все экономические субъекты, начиная с государства и кончая частным бизнесом. В 1970-е гг. правительство издало ряд постановлений, ставших основой сосуществования мелких и средних предприятий с крупными конгломератами на принципах взаимного дополнения. Были разработаны меры комплексного обеспечения этих пред-

приятий финансовыми средствами, менеджментом, технической помощью.

Попыткой несколько снизить степень влияния государства на состояние и перспективы экономического развития страны стали половинчатые реформы следующего президента РК — Чон Ду Хвана. Этот период (1980—1987) можно выделить как *третий этап* развития системы государственного регулирования. Хотя президент Чон Ду Хван, как и Пак Чон Хи, являясь представителем южнокорейской военной элиты, делал основную ставку на укрепление государственности, он в самом начале своего правления увидел, что политика дальнейшего «закручивания гаек» уже начала давать сбой. Выросли и экономически окрепли крупнейшие южнокорейские финансово-промышленные группы — чэболи. Сложнее стало государству держать их на привязи. Стратегия экспорториентированного развития со всей очевидностью требовала все большей открытости экономики страны, более тесной ее интеграции с мировым экономическим сообществом.

В самой же республике произошли столь значительные позитивные сдвиги в экономическом развитии, что она достаточно скоро завоевала весьма заметные позиции и в мировом сообществе. Поворот же к некоторой открытости экономики страны в 1980-е гг. и, наконец, возросшая экономическая мощь и активность частного капитала позволили ее монополиям стать конкурентоспособными на мировом рынке. Заметно повысился и престиж РК за рубежом. Однако зависимость бизнеса от государственного аппарата подрывала эффективность и мобильность экономического развития страны. Стремление бюрократии к полновластному контролю и подчинению всех сторон экономической жизни в стране вызвало нарастающее сопротивление все большей части южнокорейского предпринимательства, включая и деятелей мелкого и среднего бизнеса.

В 1980-е гг. текст конституции РК был дополнен пунктом, гласившим, что «государство обязано защищать и развивать деятельность мелких и средних предприятий»¹. Изданный в эти годы Указ о введении в действие основного закона о мелких и средних предприятиях был дополнен актами о стимулировании закупок их продукции. Однако вскоре выяснилось, что в ходе экспорториентированного развития экономики роль мелкого и среднего бизнеса, вопреки всем принятым мерам, еще более ослабла. Такая ситуация грозила Южной Корее близкой перспективой нарушения пропорционального и органичного развития ее промышленного комплекса. Все более вероятным становилось отставание по темпам научно-технического прогресса. С усилением тенденций

к монополизации рынка замедлился процесс развития системы свободной конкуренции, основанной на техническом превосходстве.

С приходом к власти администрации Ро Дэ У (1987—1993) начался *четвертый этап* в развитии госрегулирования, для которого стало характерно постепенное «размывание» системы административного контроля над экономикой. В эти годы существенно изменились приоритеты в предпринимательской деятельности государства, за счет которой расширялся и развивался государственный сектор. Начав с капитальных вложений в производственную инфраструктуру, переместившись затем непосредственно в производственную сферу (отрасли промышленности) и создавая при этом базовые комплексы новых отраслей, государство в конце 1980-х гг. вернулось к своим изначальным функциям — обеспечению оптимально удобных условий для всестороннего наращивания и совершенствования промышленного производства. Эти функции также существенно изменились за истекшие десятилетия, они значительно расширились и приобрели новые измерения. В их сферу вошло содействие новейшим отраслям, таким как: современные системы телекоммуникаций, развитие новых видов энергии, содействие НТР, создание новых видов современного транспортного и другого сообщения и т. д. Обычно это весьма капиталоемкие и наукоемкие проекты, осуществление которых обеспечивается в рамках международного сотрудничества с привлечением и частных инвесторов. В начале 1990-х гг. активность государства как предпринимателя-производителя стала снижаться ввиду отсутствия острой необходимости, низкой эффективности его деятельности в условиях бескомпромиссной конкуренции на внутреннем рынке со стороны крупных частных монополий. Крупные монополистические группы активно выступили за отмену регулятивных функций государства в отношении бизнеса, против строгого государственного контроля в области финансирования. Дело в том, что государство, уходя из сферы предпринимательства, усилило и расширило свои позиции в области финансового влияния на экономику страны. Государство установило контроль над всеми финансовыми институтами страны, в его руках находились все рычаги финансового давления и поощрения, нацеленные на содействие государственной экономической стратегии. Начатая в последние годы правления администрации Ро Дэ У политика демократизации и либерализации южнокорейского общества в целом, его «глобализации», то есть «безболезненного» вхождения в современную мировую цивилизацию и в первую очередь в избранный, элитный круг

развитых государств мира, — все это до определенной степени сужало рамки государственного влияния на общество, в том числе на экономику.

Все изменения в плане экономической и финансовой либерализации, разрабатываемые правительством РК, носили постепенный, эволюционный характер, сопровождалось многочисленными оговорками, исключениями. Поэтому не случайно, что довольно часто РК обвиняли в чрезмерной бюрократизации, огосударствлении хозяйственных функций и вообще всей экономической жизни.

Пятый этап падает на правление президента Ким Ён Сама (1993—1997) и характеризуется еще более ярко выраженной антигосударственной направленностью. Особую специфику демонтаж государственного механизма в сфере экономики приобретает в последние годы реализации программы послекризисного развития президента Ким Дэ Чжуна.

Помимо внутренних причин «разочарования» южнокорейцев в системе экономического регулирования, есть и ряд факторов, воздействующих на РК в этом направлении извне. Это, с одной стороны, уже обнаружившаяся в середине 90-х гг. тенденция спада экономического развития страны, в значительной мере приписываемая снижению в последнее десятилетие эффективности государственного регулирования. С другой — стремление самой Республики Корея не отставать от текущих изменений в мировой экономической ситуации и подстраиваться под определенный международный экономический стандарт. Оценивая свои экономические достижения по международным критериям, РК уже причисляет себя к кругу развитых капиталистических государств и соответственно примеривает на себя «новые одежды». При этом просматриваются начавшиеся в конце 1980-х и получившие бурное развитие в 1990-е гг. движения демократизации (либерализации) экономической жизни и глобализации южнокорейской экономики. По существу, Республика Корея идет по стопам большинства развитых капиталистических стран, которые ранее, каждая по-своему, прошли такие периоды разгосударствления и более тесной интеграции в рамках мирового экономического сообщества.

Для Республики Корея начало этих процессов несет в себе, помимо прочего, большой политический заряд. Из закрытой в недавнем прошлом тоталитарной страны с жестко централизованной экономической жизнью, она должна превратиться в страну достаточно развитой «западной демократии» со свободным саморегулированием рыночной экономики. Такие изменения по-

звolyют ей приблизиться к желаемому общению на равных с крупнейшими капиталистическими странами. Эту задачу РК поставила перед собой, вступая в конце 1996 г. в ОЭСР.

Несмотря на частые обвинения, выдвигаемые южнокорейской общественностью в отношении альянса государственной власти и верхушки монополистического капитала страны, правительство сохраняет контроль над состоянием дел в монополистических кругах, в частности начав с 1995 г. усиливать свое давление на крупнейшие монополистические группы, побуждая их менять структуру и стиль управления². Уже тогда правительство выдвинуло не пожелание, а фактически требование, чтобы *чэболи* определились со своей профильной специализацией и не расширяли за ее пределы сфер своей деловой активности. По мнению правительственных экспертов, такое упорядочение производственной деятельности крупного капитала позволило бы несколько снизить напряженность конкурентной борьбы между самими южнокорейскими монополиями и избавило бы их от разрушительной друг для друга конкуренции на внешних рынках. Можно привести ряд примеров активного воздействия государства на частный капитал. Крупнейшая монополия страны «Самсон» откликнулась на призыв государственной власти, объявив о реорганизации своей структуры, включая и систему управления, правда, выторговав себе при этом разрешение на строительство автомобильного завода. Этот факт свидетельствовал одновременно и о сохранявшейся еще пока власти государства при исполнении им регулирующих функций и в то же время о нарастающей силе частной инициативы, стремившейся вырваться из-под его опеки.

Вслед за монополией «Самсон» группы «Хёндэ» и «Дэу» также объявили о готовности приступить к структурной реорганизации. Однако каждая из монополий по-своему восприняла руководящие инструкции государства. «Самсон» еще в октябре 1996 г. объявила о реконструкции системы управления, в связи с чем была намерена сократить число дочерних фирм с 50 до 24, выделить профилирующие отрасли (нефтехимия и отрасли тяжелой промышленности) и таким образом фактически ликвидировать производства, относящиеся к легкой индустрии. Реформа, предложенная монополией «Дэу», предусматривала предоставление своим филиалам большей оперативной (управленческой) свободы.

В мае 1996 г. Федерация корейской промышленности (ФКП) выступила с резкой критикой функций государственного регулирования. Такова была реакция ФКП на объявленную правительством «новую политику в отношении *чэболей*, которая пре-

дусматривала введение большей степени «прозрачности» в деятельности корпораций и отделение функций управления от права собственности³. В этом плане правительство призвало к сокращению семейно-кланового контроля над монополиями. Министерство торговли, промышленности и энергетики предложило устранить препоны, сдерживающие развитие свободной торговли и конкуренции, но при этом сохранить те функции государства, с помощью которых можно пресекать все нарушения «прозрачности» управления и практику несправедливой торговли.

До финансового кризиса 1997 г. все еще сильным оставался контроль государства над выбором монополиями сфер производственной деятельности⁴. Хотя по существующему законодательству правительство не имело права непосредственно запретить, как, например, в известном случае с «Хёндэ», строительство сталелитейного завода, но оно могло помешать компании в финансировании строительства. Компания «Хёндэ» нуждалась в получении государственной санкции на освоение намеченного под строительство участка земли, а также на приобретение технологии за рубежом⁵. Однако некоторые деловые и общественные круги в РК считают, что именно в 1990-е гг. политика государства во все большей мере ориентировалась на интересы *чэболей*. Подтверждение этому — пересмотр антимонопольного закона в ноябре 1996 г., в ходе которого правительство первоначально решило сохранить практику взаимного кредитования дочерних компаний крупных монополий до начала 2001 г. Ранее эта практика подверглась резкой критике как одна из главных причин концентрации экономической мощи в руках 30 крупнейших монополий страны⁶ и, как показали события финансового кризиса 1997—1998 гг., в значительной степени обусловила уязвимость южнокорейской экономики.

Между тем известно, что мелкие и средние предприятия могут играть важную роль в техническом прогрессе, ибо их новаторство по сравнению с крупными компаниями имеет ряд достоинств. Они могут быстрее крупных реагировать на изменение потребностей рынка, быть более гибкими в управлении и во внедрении технических новшеств, а также в приспособлении к внешним переменам. Вместе с тем следует иметь в виду и слабости мелкого и среднего производства, в частности нехватку у него средств и подготовленных технических кадров, а также ограниченные возможности в производственной и сбытовой сферах. Действующая в РК до сих пор система помощи техническому развитию мелких и средних предприятий маломощна во всех ее звеньях, начиная с раннего этапа технической разработки и кон-

чая производственным этапом. Для ускорения технического прогресса должна стать органичной связью: «производство — фундаментальная наука — исследовательский центр — государство», чтобы усилить укрепление научно-технического потенциала мелких и средних предприятий. Развитие этих предприятий способствует сбалансированному росту национальной экономики, укреплению ее конкурентоспособности на международном рынке, ускорению технического новаторства, более полному использованию рабочей силы, устранению дисбаланса в распределении доходов, одним словом, может служить трамплином для ее прыжка в стадию передовой экономики⁷.

Поощряя частную инициативу, государство взяло на себя обязательство защищать малый и средний бизнес и всячески содействовать его развитию. Были приняты меры по укреплению конкурентоспособности малых и средних предприятий, активизации их сотрудничества с крупными предприятиями, обеспечению стабильности их работы, увеличению технического содействия им, развитию местной промышленности, расширению экспортных производств на малых и средних предприятиях, созданию совместных с зарубежными партнерами предприятий. Параллельно с проведением сбалансированной политики в отношении различных слоев национального бизнеса администрация Ким Ён Сама искала устраивающий всех вариант решения проблемы приватизации государственных корпораций. Но следует признать, что реализация этого правительственного курса оказалась далекой от последовательности и совершенства. В октябре 1993 г. южнокорейское правительство объявило программу реформы приватизации государственных корпораций в целях повышения их эффективности. Однако и в третье тысячелетие Южная Корея вступила, так и не завершив этой программы. Еще в первой половине 1996 г. Ким Ён Сам выражал неудовлетворенность темпами, которыми проводилась кампания приватизации государственных корпораций⁸.

Желая ускорить процесс принятия Республики Корея в ОЭСР, Ким Ён Сам призывал безоговорочно следовать мировому опыту и на его основе провести радикальные реформы госпредприятий, включая их приватизацию, рассматривая эти меры как необходимые для подготовки к переходу в XX столетие. Он поставил перед министерством финансов и экономики задачу проанализировать деятельность всех предприятий, имевших государственные инвестиции, и разработать средне- и долгосрочные программы их приватизации. Предупреждая нежелательный побочный эффект, который мог быть вызван поспешной приватизацией круп-

ных государственных компаний, а именно скупку их крупнейшими монополиями страны, правительство должно было постепенно сокращать свою долю в компаниях, подлежащих приватизации. Однако уже 1 ноября 1996 г. правительство заявило о том, что откладывает приватизацию 4 крупных компаний: «Кория телеком», «Кория Газ корпорейшн», «Кория Тобако энд Гинсенг корпорейшн» и «Кория Хэви Индастриз энд Констракшн», что объяснялось намерением правительства вначале изменить характер собственности перечисленных корпораций, переведя ее в смешанную. Для повышения эффективности их работы предполагалось привлечь к управлению ими профессиональных менеджеров.

Такое решение вопроса не устраивало многих южнокорейских экономистов, которые считали, что приватизация еще более усилит имеющиеся в экономике монополистические тенденции⁹. Высказывались вполне обоснованные опасения, что подобная приватизация неизбежно повлекла бы за собой сокращение занятости и объема производства, тогда как ее основная цель — повышение их рентабельности — вряд ли достижима и скорее всего могла бы стать лишь кратковременным результатом. Более вероятен и такой вариант, что приватизированные крупные предприятия станут еще более тяжким бременем для национальной экономики. Принимая во внимание жесткую бюрократическую структуру самих *чэболей*, трудно было ожидать, что переход в их владение госкорпораций действительно поспособствует улучшению их производственной деятельности. В связи с этим, как превентивная мера, предлагалось разукрупнение этих корпораций перед началом их приватизации.

Видимо, учитывая в целом настороженное общественное мнение, администрация Ким Ён Сама еще в конце 1996 г. приостановила приватизацию вышеназванных четырех госкорпораций и решила ввести в них «систему профессионального управления» уже в первой половине 1997 г.¹⁰ Впоследствии правительство объявило о намерении со второй половины того же года начать распродажу своих акций в «Кория Тобако энд Гинсенг корпорейшн». При этом особо оговаривалось, что за корпорацией будут сохранены монопольные права в производстве сигарет в течение неопределенного срока. Приватизация другой корпорации — «Кория Газ корпорейшн» была отложена до 2003 г., когда завершится создание единой сети газового снабжения. Правительственная собственность составляла 51% всех активов этой корпорации. Накануне кризиса повис без решения вопрос о приватизации крупнейшего в стране производителя энергетического оборудо-

вания — компании «Ханчжун», где доля правительства составляла 43,8% всех акций этой компании, размещенных в Корейском банке развития. Кроме того, правительство располагает еще пакетом акций (40,5%) «Кория Электрик Пауэр корпорейшн» и 15,7% «Кория Эксчейндж Банк». Крупный пакет акций (80%) принадлежит правительству в «Кория телеком», в отношении которой планируется постепенное сокращение присутствия государства при сохранении им контрольного пакета. В 1999—2000 гг. правительство намеревалось встать к вопросу о приватизации 26 госкорпораций. Скорее под давлением мирового экономического сообщества, чем исходя из своих потребностей, южнокорейское правительство осуществляет постепенную финансовую либерализацию, снимая ограничения на деятельность различных финансовых фирм, упрощая операции с иностранной валютой, открывая свой рынок для иностранных инвесторов¹¹.

В 1990-е гг. правительство РК продолжало проводить льготную фискальную политику, нацеленную на содействие тем компаниям и производствам, которые работали на повышение конкурентоспособности южнокорейской продукции на внешнем рынке. В течение всего этого периода практиковалось уменьшение налоговых ставок в отношении производственных инвестиций, капиталовложений для реновации производства, автоматизации и развития энергосберегающих видов производства¹².

И все же, несмотря на все эти шаги сеульского правительства, по мнению западных экспертов, в Республике Корея экономической свободы гораздо меньше, чем политической¹³. В частности высказывалось мнение, что южнокорейские бизнесмены по-прежнему бессильны против экономических мер правительства. Более того, они никогда не имели возможности защитить себя. По образному выражению авторов журнала «Кория фокус», корейское законодательство настолько путано и несовершенно, что «предприниматели чувствуют себя, как на минных полях»¹⁴.

Таким образом, южнокорейская экономическая политика, по мнению Запада, настолько «непрозрачна», то есть так неясен процесс ее выработки, что она расценивается как фактически непредсказуемая. Ввиду того, что госсектор продолжал занимать весьма прочные позиции в южнокорейской экономике, широкий диапазон деловой активности, включая финансовые рычаги, в 1990-е гг. еще оставался под строгим правительственным контролем. Южнокорейские компании также находились под постоянным надзором государства. Даже вкладывая капитал за рубежом, они были обязаны не менее 20% от осуществляемых ими инвестиций обеспечить за счет собственных средств. В случае бан-

кротства бизнесмену грозила тюрьма. Свобода южнокорейского бизнеса была ограничена государственным контролем над ценами, регламентацией деловой активности, вплоть до определения сферы деятельности и местонахождения нового предприятия или фирмы. Неоправданно высокой считалась также степень вмешательства государства в процессы, происходящие на рынках труда сельхозпродукции и услуг. Критическое отношение к политике администрации Ким Ён Сама, наряду с западными экспертами, разделяли и многие южнокорейские ученые¹⁵. Они считали, что экономика Республики Корея переживала стадию коренных потрясений, вызванных относительной политической нестабильностью и отсутствием у властей последовательной экономической политики.

В объявленных президентом компаниях под лозунгами «Новая Корея», «Новая экономика», «Интернационализация» и «Глобализация», по существу, не было глубокого экономического содержания. Вопреки выдвинутой в «Новой Корее» доктрине демократизации экономической жизни, администрация Ким Ён Сама по характеру своих действий в области экономики снискала себе репутацию «жесткой руки». Многие в РК считали, что меры, предпринимавшиеся «демократическим правительством», в еще большей степени, чем у предыдущих правительств, обеспечивали интересы *чэболей*. И даже заявляя о своем стремлении к интернационализации и глобализации, правительство в действительности добивалось обратных результатов. Такая позиция администрации Ким Ён Сама вызывала все больше сомнений среди населения относительно того, имеет ли правительство реальное представление о состоянии экономики и перспективах ее дальнейшего развития. Это вело к определенной неуверенности в жизни современного южнокорейского общества, что не могло не отражаться на общем состоянии экономики. В настоящее время в Республике Корея найдется немного ярых противников политики постепенной трансформации государственного регулирования в экономике страны или государственного дерегулирования. Однако есть весьма реальные опасения, что дерегулирование, при котором не обеспечиваются равные для всех стартовые возможности, может иметь пагубные последствия для общества в целом. Неоправданно высокая степень вмешательства государства в экономическую жизнь страны считается одним из факторов, приведших на современном этапе к падению международной конкурентоспособности южнокорейской продукции. В докладе, подготовленном Швейцарским институтом развития менеджмента за 1995 г., Республике Корея было отведено 24-е место из 48 стран,

обследованных по уровню конкурентоспособности государственного сектора¹⁶.

Принимая во внимание, что Республика Корея до финансового кризиса 1997 г. занимала 6-е место по показателю конкурентоспособности своей продукции на мировом рынке, уровень эффективности государственного сектора выглядел особенно низким. Кроме того, в докладе было отмечено, что Республика Корея являлась 31-й страной по показателю эффективности и «прозрачности» работы государственного аппарата¹⁷. Отсюда делался вывод, что госсектор тянул вниз общий уровень конкурентоспособности страны. В этих условиях частный сектор, как правило, демонстрировал более гибкий подход к изменяющейся мировой обстановке. Нацеливаясь на глобализацию своей экономики, частный капитал предпринимал энергичные меры по совершенствованию управления, вплоть до переподготовки технических кадров и инженерного персонала, в то время как государственный сектор обычно ограничивался лишь слиянием и укреплением некоторых контор и фирм.

Правительственный аппарат практически не подвергался каким-либо новациям для того, чтобы обновить свои функции, повысить квалификацию кадров, расширить прием специалистов. Напрашивался вполне резонный вывод, что административные службы были не в состоянии отвечать новым требованиям XXI века. Правительственные постановления и указы предоставляли слишком много полномочий бюрократическому аппарату. В отсутствие «прозрачности» административной деятельности эта ситуация вела к развитию коррупционных связей между бюрократами и бизнесменами. Конечно, предпринятая прежним руководством реформа по введению системы сделок между бизнесменами и только под реальными именами, подорвала основы для незаконного сговора бизнеса с бюрократией, но этого было мало, чтобы навести порядок в этой сфере.

То обстоятельство, что в середине 1990-х гг. южнокорейская экономика вступила в полосу спада, в немалой степени обусловлено недалекновидностью государственной политики поощрения крупных конгломератов, особенно разрастания сфер их деятельности без достаточной для этого финансовой основы и в ущерб экономической эффективности. Отношение крупного капитала к государственному регулированию было двойственным: с одной стороны, монополии выступали за то, чтобы государство не вмешивалось в их дела, в частности под лозунгом придания взаимоотношениям государства с бизнесом большей открытости, а с другой — они были по-прежнему заинтересованы в поддержке государством их проектов.

Последовавшая во второй половине 1996 г. и в начале 1997 г. целая серия финансовых банкротств (монополий «Ханбо», «Чинро», «Дэнон», «Киа» и ряда других) свидетельствовала о том, что проблема урегулирования взаимоотношений государства с монополиями до сих пор не нашла взвешенного решения. Особенно остро это проявилось во время кризиса 1997 г. Охвативший южнокорейскую экономику спад производства, сопровождавшийся снижением экспортной эффективности и обострением финансового положения страны, подвигнул правительственные органы в сотрудничестве с деловыми кругами и экономистами активно искать выход из создавшегося положения, идти на более глубокое реформирование всей экономической деятельности государства. По сравнению с предыдущими неблагоприятными периодами послевоенного экономического развития Южной Кореи современный этап (конец 90-х гг. XX в.) поставил перед ней гораздо более трудные и серьезные задачи. По мере того как средства прямого контроля государства над экономикой все более теряли свою силу и эффективность, а жизнь в стране постепенно обретала черты демократизма, встал вопрос о новой роли государства в изменившейся внутри- и внешнеполитической обстановке.

Многие южнокорейские экономисты считают, что в Республике Корея по-прежнему сохраняются рычаги прямого вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Но их применение уже не сможет быть столь же эффективным, как ранее, и тем более они не смогут привести к оздоровлению экономики в нынешних условиях. В то же время рычаги косвенного управления экономикой, действие которых реализуется через рыночный механизм, пока еще не работают на полную мощность и малорезультативны.

В связи с этим неплохо бы, по мнению деловых кругов Юга, определиться по главной проблеме — каким должно стать сотрудничество государства с монополиями и в этом плане¹⁸:

- что более эффективно для экономики: диверсификация или специализация бизнеса;

- бизнес, который государство гарантирует от риска, или самостоятельный;

- система, при которой компанией управляют ее владелец или профессиональные менеджеры;

- должны ли существовать ограничения на вторжение монополий в новые сферы деятельности;

- сохраняются ли ограничения на кредитную деятельность *чэболей*;

- какой должна быть политика государства в отношении некредитоспособных компаний;

— должно ли государство вмешиваться в работу компании, если она теряет конкурентоспособность;

— должно ли в этом случае государство вообще вмешиваться в бизнес или его функция сводится лишь к обеспечению условий для улучшения деятельности этой компании;

— следует ли государству продолжать свою деятельность по ограничению концентрации власти монополий.

В южнокорейском обществе все большую поддержку находит точка зрения, что правительству следует пересмотреть свою роль, функции и организацию и учредить такую структуру, в рамках которой оно сможет функционировать в век глобализации, информатики и демократии. Роль государства должна измениться от бюрократической и контрольно-руководящей до вспомогательной, ориентированной на создание условий для экономического роста, и способствовать справедливому и эффективному распределению ответственности между центральными и местными органами власти. Исходя из новых задач, государство будет определять ход и масштабы приватизации, а также реформировать систему организации, менеджмента, особенно на тех предприятиях, которые остаются в государственном секторе. Южнокорейцы возлагают определенные надежды также на то, что такая реформа государственного регулирования позволит уменьшить коррумпированность общества.

Во второй половине 90-х гг. перед Республикой Корея стояли задачи достижения оптимального сочетания факторов стабилизации цен и финансовой либерализации, не прибегая при этом к ограничительным функциям государства. Деятельность финансового сектора должна была подвергнуться еще большей либерализации. При условии последовательного проведения мер по либерализации финансовой системы вместе с мерами по стабилизации цен можно было рассчитывать на то, что финансовые накопления страны будут расти, процентные ставки снизятся, а обеспечение заемных средств в коммерческих банках возрастет. Ожидалось, что это в некоторой степени могло облегчить положение мелких и средних фирм, которые страдали от нехватки банковских займов¹⁹.

Вследствие того, что в РК вплоть до недавнего времени доминировала тенденция лишь количественного роста экономики, практически игнорировались возможные последствия такого развития в будущем, не учитывалась необходимость закладки потенциала для дальнейшего устойчивого роста. В результате возникли многие проблемы как функционального, так и структурного характера, определяющие ныне тяжелую экономическую

ситуацию в стране. К их числу относится и остро проявившаяся в последние годы несбалансированность спроса и предложения на рынке труда. Правительство не справилось с задачей формирования и осуществления соответствующих программ обеспечения рабочей силой намеченных целей экономического развития. Часть вины лежит и на частном секторе, так как фирмы, заинтересованные лишь в быстром обороте капитала и выгодах от увеличения объема производства, в свою очередь, не внесли лепту в обеспечение подготовки рабочей силы соответствующей квалификации. В прошлом высокая ценовая конкурентоспособность южнокорейской продукции основывалась на низких издержках в оплате высококвалифицированного труда южнокорейского населения. Но уже в 1990-е гг. положение изменилось и стало угрожающим, поскольку рост зарплаты обогнал по темпам рост производительности труда.

Как считают сами южнокорейцы, Республика Корея сможет вырваться из тисков экономической стагнации лишь путем реформирования своей экономической структуры и всей системы управления. В перечне первостепенных задач: изменение правительственного подхода к руководству экономикой; поощрение практики свободной торговли во всех областях экономики; реформирование банковской системы, в частности устранение практики «сотрудничества» крупных корпораций с банками; расширение кредитования мелкого и среднего бизнеса; улучшение общественной, государственной инфраструктуры; пересмотр всей существующей системы распределения рабочей силы; реформа системы образования для более сбалансированной подготовки технических и гуманитарных кадров.

С 1997 г. южнокорейская концепция государственного регулирования в условиях расширяющейся системы рыночного механизма управления экономикой подвергается весьма серьезному экзамену не только на эффективность, но и на выживаемость. Разразившийся в группе азиатских стран финансовый кризис непосредственно и больно затронул экстравертную экономику Республики Корея. К уже заявившим о себе в 1996 г. проблемам снижающейся эффективности экспорта — основного генератора роста национальной экономики — прибавился крах ряда крупнейших монополий, не устоявших в условиях резкого спада платежеспособного спроса на их продукцию как за рубежом, так и внутри страны. Возникшее перепроизводство и выявившаяся избыточная мощность ряда современных производств, в том числе автомобилестроения, судостроения, электронной промышленности, привели к затовариванию продукцией и замораживанию

остро необходимых оборотных средств. Если учесть, что финансовая система в значительной степени все еще находится под контролем государства и не входит в систему рыночных отношений открытого спроса и предложения, то подобная ситуация в производстве, когда весьма затруднительно и дорого получать необходимые средства, практически может довести до серьезного кризисного состояния всю экономику.

Поэтому не случайно, что частный капитал страны выступил с требованием к правительству принять меры по еще более эффективному стимулированию рыночных сил, включая увеличение потолка допустимого владения акциями иностранных компаний, резкое снижение или отмену ставок налогообложения на операции с ценными бумагами, исключение из налогообложения доходов от прибыли, санкционирование новых вспомогательных фондов и более раннее открытие внутреннего рынка ценных бумаг²⁰. Все эти меры были призваны стабилизировать финансовую систему страны, предохранить от краха ее крупные финансово-промышленные структуры.

Однако инерция преждевременного самоуспокоения сыграла такую свою пагубную роль, не позволив Республике Корея правильно оценить опасность начинавшегося в середине 1997 г. азиатского финансового кризиса. Администрация Ким Ён Сама не смогла даже приблизительно спрогнозировать, насколько чувствительной и слабой может оказаться недореформированная южнокорейская экономика перед лавиной финансовых обязательств, предъявленных ей зарубежными кредиторами. Под давлением таких тяжких обязательств Республика Корея, спасаясь от финансового дефолта, была вынуждена просить помощь у МВФ. В предельно короткие сроки (конец ноября — начало декабря 1997 г.), решая вопросы предоставления беспрецедентно большого объема стабилизационных займов (на сумму 57 млрд долл.)²¹, МВФ тем не менее выдвинул ряд достаточно жестких условий их предоставления. В числе его прямых требований были: во-первых, полный отход РК от практиковавшейся ранее системы государственного регулирования, то есть отказ от всяческого прямого вмешательства государства в экономическую жизнь страны, начиная от непосредственного инвестирования и кончая политикой льготного субсидирования и предоставления преференций для приоритетных отраслей и компаний. Вместо этого обуславливалась необходимость обеспечения полной свободы частному предпринимательству и содействия созданию для всех равных условий (свобода конкуренции). Во-вторых, МВФ потребовал от РК быстрого проведения ряда структурных реформ, касавшихся ее финансового рынка, оздоровления банковской

системы, изменения финансово-экономического статуса финансово-промышленных групп *чэболей* и их профильной специализации, повышения эффективности и модернизации системы управления ими. В-третьих, предусматривалось, что РК продолжит реализацию программы либерализации своей внешней торговли и финансового рынка с учетом полноправного участия в ВТО и ОЭСР. В-четвертых, требовалось провести реформу рынка труда, главной целью которой было обеспечение его гибкости и подвижности в противоположность господствовавшей прежде системе пожизненного найма.

Анализируя драматическую ситуацию, в которую попала Республика Корея в конце 90-х гг., следует отметить, что она была спровоцирована в большей степени внутренними, чем внешними факторами. К обострению экономической ситуации в 1997 г. прежде всего привели накапливавшиеся в течение ряда лет кризисные явления в самом хозяйственном комплексе страны, достигшие к концу года критического уровня, и лишь во вторую очередь — валютно-финансовый кризис, охвативший к осени уже ряд азиатских стран. Потрясения на финансовых рынках ЮВА повлекли за собой резкое падение обменного курса южнокорейской воны, обвал фондового рынка. Как вскоре выяснилось, подобное развитие событий было вызвано рискованной кредитной политикой южнокорейских банков и финансовых институтов, усугубленной просчетами в инвестиционной деятельности *чэболей*.

Глубокий финансово-экономический кризис в РК показал неоднозначное влияние финансово-промышленных групп (ФПГ) на хозяйственную жизнь страны. Возникшие по их вине тяжелые экономические проблемы выявили серьезную уязвимость и слабость их финансовой и организационной структуры, показали неэффективность системы управления, зависевшую от непрофессионализма и зачастую волюнтаристских решений узкого круга лиц, членов семьи основателя. Однако, кроме того, вскрылась также порочность изжившей себя государственной политики всемерной поддержки роста ФПГ, расширения их могущества и влияния на экономику страны. В 90-е годы *чэболи* становятся в РК синонимом всего ретроградного и неэффективного в экономической политике страны. Их рассматривали уже не как локомотивы экономического роста, а как подлежащую устранению преграду модернизации и эффективного хозяйственного развития нации. Элиту южнокорейского бизнеса составляют 30 *чэболей*, совокупная стоимость которых к концу 90-х гг. превышала 300 млрд долл., а совокупный оборот — свыше 340 млрд долл.²² По степени концентрации производства и капитала южнокорейские ФПГ

значительно опережают японские монополии. На долю ФПГ в Республике Корея приходилось более 35% валового производства промышленности и 25% внешней торговли страны.

Весьма примечательно, что все то, что до недавнего времени считалось достижениями южнокорейских ФПГ (их высокий уровень отраслевой диверсификации, централизованное планирование и авторитарный стиль руководства), в условиях финансового кризиса обернулось серьезными издержками не только для самих монополий, но и для всей страны. Неоправданно льготные кредиты, полученные некоторыми ФПГ благодаря коррупционным связям в правительственных и финансовых кругах, использовались без должного учета экономической ситуации, вели к структурным перекосам, снижению рентабельности производства. В результате фактически бесконтрольного краткосрочного заимствования просроченные взаимные долговые обязательства южнокорейских компаний в 20 раз превысили их ликвидные активы и составили 110 млрд долл.²³ Дефицит ликвидных средств только в 1997 г. вызвал банкротство около 70 крупных и средних компаний («Халла», «Киа», «Ханбо», «Санъён»), а также более 17 тыс. предприятий²⁴.

Финансовый кризис перекрыл пути привлечения новых валютных средств, вызвал массовое бегство иностранного капитала из страны, рост стоимости кредита (более 40%), сокращение валютных резервов страны (с 30 млрд долл. в 1996 г. до 5 млрд долл. в 1997 г.)²⁵. В обмен на финансовую помощь правительство РК обязалось принять меры по снижению в 1998 г. темпов роста экономики страны до 3%, сдерживанию инфляции (5% в год), сокращению дефицита платежного баланса по текущим операциям (до 1% ВВП в 1998—1999 гг.)²⁶. Предусмотрено было также открытие рынка краткосрочных облигаций, снятие ограничений на приобретение акций иностранными инвесторами, увеличение допустимого уровня иностранного участия в южнокорейских компаниях (с 26 до 55%), закрытие неблагополучных банков и финансовых компаний, продолжение программы либерализации импорта.

Положение, с которого стартовала Республика Корея в реализации реформ под контролем МВФ, было поистине «хуже губернаторского». Внешняя задолженность страны к концу 1997 г. превысила 200 млрд долл. (четвертое место в мире). Вполовину уменьшилась суммарная стоимость акций местных компаний. ВВП на душу населения сократился с 10 тыс. до чуть более 6 тыс. долл. Индекс потребительских цен увеличился на 5%, но некоторые товары (нефтепродукты, газ, сахар, масло, мука) подорожали на 50—60%. Уровень безработицы резко возрос — с 2,9 в 1996 г. до 8% в 1998 г. До 278 млрд долл. снизился стоимостный объем внеш-

ней торговли РК (в 1996 г. более 280 млрд долл.)²⁷. Финансовый кризис болезненно отразился на социальной сфере. Государство приостановило строительство ряда общественных объектов. Договоренности с МВФ были весьма негативно восприняты в южнокорейском обществе. Сложилось мнение, что требования МВФ и других иностранных кредиторов слишком унижительны для страны. К тому же они были направлены на снижение степени защищенности внутреннего рынка РК. Некоторые южнокорейские экономисты считали, что займы МВФ лишь законсервируют имеющиеся проблемы, решение которых требовало радикальных структурных реформ. Высказывалось также предположение, что США и другие развитые страны решили с помощью МВФ «расправиться» с конкурентом. Пришедший к власти в декабре 1997 г. лидер оппозиции Ким Дэ Чжун, формулируя основные цели новой хозяйственной стратегии, определил в качестве приоритетной создание либеральной экономической модели, ориентированной в первую очередь на удовлетворение интересов среднего и малого бизнеса. Экономическая программа его администрации предполагала структурные реформы в промышленности, ускорение либерализации финансового рынка, более интенсивное развитие НИОКР.

В 1998 г. администрацией Ким Дэ Чжуна были подготовлены и приняты ряд законодательных мер, в том числе более полный закон по стимулированию иностранных инвестиций, закон о реструктуризации *чэболей* и др. Первый год реформирования был весьма тяжелым для Республики Корея. За 1998 г. ее ВВП сократился на 5,8%, что стало самым значительным спадом за последние 45 лет (лишь в 1980 г. ВВП сокращался на 2,7%). По объему ВВП (321,3 млрд долл.) республика в 1998 г. откатилась на 17-е место в мире (с 11-го в 1997 г.)²⁸. Среднегодовой доход в расчете на душу населения в том же году сократился до 6,8 тыс. долл. (2/3 от уровня 1997 г.). Кроме того, в 1998 г. произошел спад во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Объем производства в обрабатывающей промышленности сократился на 7,2%, а в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве он уменьшился на 6,3%²⁹. В то же время есть и симптомы того, что проводимые в РК реформы стимулируют позитивный процесс выздоровления, который признают даже строгие эксперты МВФ. По итогам 11 месяцев 1998 г. РК смогла обеспечить себе положительное сальдо платежного баланса, достигшее 27 млрд долл., а торгового баланса — 36 млрд долл. Экспорт возрос на 2,6% по сравнению с соответствующим периодом 1997 г. и составил 120,6 млрд долл., а импорт уменьшился до 84 млрд. Особенно впечатляет увеличение запасов инвалюты с 26,6 до 50 млрд долл. Эксперты

Банка Кореи были осторожны в своих прогнозах, предположив прирост ВВП в 1999 г. на уровне 3% при возобновлении роста производства и экспорта³⁰.

В 2000 г. Южная Корея окончательно встала на путь успешного преодоления своего финансово-экономического кризиса. Об этом свидетельствовали многие показатели ее стабильного экономического развития. Во-первых, наметилось резкое увеличение темпов роста ВВП с минусового в 1998 г. (-6,7%) до 10,7% в 1999 г. и оценочно 8—9% в 2000 г.³¹ Во-вторых, заметно стабилизировалось финансовое положение. По мере улучшения внешнеэкономической деятельности и роста положительного сальдо платежного баланса, а также активизации притока иностранного капитала резко возросли валютные резервы страны. Южная Корея вновь стала кредитоспособной. Положительное сальдо ее торгового баланса в 1999 г. составило 24,5 млрд долл. и за первое полугодие 2000 г. — 4,4 млрд долл. Прямые иностранные инвестиции, привлеченные в экономику республики, увеличились с 7 млрд долл. в кризисном 1997 г. до 15,5 млрд в 1999 г. и 15,7 млрд долл. в 2000 г. В-третьих, уровень безработицы снизился с 6,8% до 3,6% в 2000 г.³² В-четвертых, финансовая система подверглась процедуре очищения от некредитоспособных, слабых и неэффективно функционирующих банковских и других структур. В-пятых, некоторые результаты уже достигнуты и в процессе реформирования корпоративного сектора.

Вместе с тем масштабы и важность текущих экономических реформ вновь «вызвали к жизни» организующие и мобилизующие функции государства. В связи с этим возникли суждения о сохранении на период кризиса регулирующей роли государства в проведении реформ. В ряде работ южнокорейских экономистов проводятся сопоставления текущих проблем с задачами 70-х гг.

Естественно, что международная практика, глобализация (членство в ВТО и ОЭСР) будут диктовать расширение сфер влияния в РК рыночных сил, их приоритета в определении экономической политики перед государственным регулированием. Однако тяжелейшие проблемы структурного реформирования будут требовать максимальной мобилизации всех сил общества, что под силу лишь государству в лице его административно-бюрократической системы. В направлении сохранения традиционной системы регулирования экономики страны будет действовать и пока еще довлеющее в целом конфуцианское мировоззрение южнокорейской буржуазии. Исходя из таких предпосылок, Республика Корея, видимо, имеет шанс представить миру свою оригинальную модель органического сочетания сил рыночной экономики с системой косвенного государственного вмешательства,

поддержки и контроля, особенно в период выхода из текущего финансово-экономического кризиса. От того, насколько оперативна и мобильна будет реакция государственных умов РК, их адаптация к быстро меняющейся в худшую сторону обстановке, сейчас в прямом смысле зависит будущее страны в наступившем XXI веке.

- 1 Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 4, с. 66.
- 2 Korea Newsreview, February 25, 1995, с. 16.
- 3 Там же, May 25, 1996, с. 12.
- 4 Там же, с. 13.
- 5 Там же, July 13, 1996, с. 14.
- 6 Там же, December 7, 1996, с. 26—27.
- 7 См., например: Юн Ген Мин. Успехи и задачи политики развития мелких и средних предприятий в 1980-е годы. Сеул, 1989 (на кор. яз.).
- 8 Korea Newsreview, November 9, 1996, с. 10.
- 9 Korea Focus. 1996, Nov.-Dec., vol. 4, № 6, с. 149.
- 10 Korea Newsreview, November 9, 1996, с. 10.
- 11 Там же, June 1, 1996, с. 10; Korea Herald, Sept. 20, 1996.
- 12 Korea Herald, July 3, 1996.
- 13 Korea Focus, 1996, May-June, vol. 4, № 3, с. 136.
- 14 Там же.
- 15 Там же, March-April 1996, vol. 4, № 2, с. 157.
- 16 Там же, Sept.-Oct. 1996, vol. 4, № 5, с. 66.
- 17 Там же, с. 67.
- 18 Там же, 1997, Sept.-Oct. 1997, vol. 5, № 5, с. 59.
- 19 Cho Soon. The dynamics of Korean Economic Development. March 1994, с. 191—195.
- 20 Korea Herald, October 17, 18, 1997.
- 21 Korea Times, December 4, 1997.
- 22 Newsreview, February 20, 1999.
- 23 Там же, February 13, 1999.
- 24 Там же, January 30, 1999.
- 25 Korea Focus, Sept.-Oct. 1998, vol. 6, № 5.
- 26 Там же, 1998, Nov.-Dec., vol. 6, № 6.
- 27 Там же, 1998, Jan.-Feb., vol. 7, № 1.
- 28 Bank of Korea, Seoul, March 23, 1999.
- 29 Newsreview, February 20, 1999.
- 30 Korea Focus, 1998, Jan.-Feb., vol. 7, № 1.
- 31 Overcoming a Crisis, Korea Makes a New Leap Forward. The Ministry of Finance and Economy. Policy Series. September 2000, с. 4.
- 32 Там же.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

15 сентября 1997 г. группа экспертов МВФ после десятидневного анализа экономической ситуации в Южной Корее пришла к оптимистическому выводу, что в текущем году темп роста ее экономики составит 6,5%, дефицит баланса внешнеторговых операций сократится более чем вдвое¹. В октябре того же года в годовом отчете МВФ отмечалось: «Распорядители фонда приветствуют продолжающие впечатлять макроэкономические достижения Кореи и дают высокую оценку властям за их прекрасные результаты в фискальной области»². И вновь ни малейшего намека на тревожные тенденции. Буквально через полтора месяца оказалось, что этот вывод всего лишь мгновенный фотоснимок, на котором глубинные проблемы были совершенно неразличимы. И разразившийся осенью 1997 г. кризис в Азии — прямое тому подтверждение.

Очевидно, эксперты МВФ в своих оценках исходили из завораживающих макроэкономических показателей экономического роста РК за последние 35 лет, в том числе и в 90-е гг. Еще в начале 60-х гг. Сеул пересмотрел концепцию индустриальной модернизации своей экономики. Малоэффективную модель импортзамещения сменила модель экспортной ориентации индустриального развития. Суть последней состояла в том, чтобы создать конкурентоспособный механизм экономического роста и открытой экономики с помощью всемерного расширения ее участия в международном капиталистическом разделении труда (МКРТ), интенсивно используя трудовые ресурсы — главный «избыточный» элемент производительных сил Южной Кореи — в целях наращивания экспортного производства³.

Вовлечение Республики Корея в МКРТ совпало по времени с оживлением и интенсификацией ее мирохозяйственных связей, а также доступностью «дешевого» международного кредита. Режим наибольшего благоприятствования и максимальные торговые преференции, предоставленные стране ее торговыми парт-

нерами, способствовали продвижению южнокорейской экспортной продукции на рынки развитых стран. Активное подключение к системе МКРТ оказалось, при всех издержках этого процесса, весьма эффективным. В 60—80-е гг. экономика Республики Корея развивалась исключительно быстрыми темпами, опережая по этим показателям как развивающиеся, так и индустриально развитые страны. В тот период ВВП Республики Корея (в ценах 1980 г.), при среднегодовых темпах роста 8,8%, увеличился в 8,9 раза, а в расчете на душу населения — в 5,5 раза. Высокая динамика экономического развития была обусловлена стремительным ростом индустриального продукта и, в первую очередь, обрабатывающей промышленности, темпы производства которой в 70—80-х гг. составили 13—14%. Еще более быстрыми темпами увеличивался объем экспорта. В указанный период темпы его прироста составили в среднем 25%, и в 1989 г. его объем достиг 62 млрд долл. Республика Корея вошла в первую дюжину крупнейших экспортеров капиталистического мира⁴.

Форсируя создание национальной базы НИОКР и опираясь на технологический трансферт, страна быстро расширяла товарную номенклатуру экспорта, перемещая центр тяжести на выпуск такой технологичной продукции, как легковые автомашины, металлорежущие станки с числовым программным управлением, конторское оборудование, средства связи, отдельные узлы для АЭС, элементы авиакосмической техники и особенно электроники. К началу 90-х гг. эта отрасль стала ведущей в РК, заняв по объему производства и экспорта шестое место в мире⁵.

По мере диверсификации мирохозяйственных связей экономики РК в рамках МКРТ, эффективность экспортной модели индустриализации во все возрастающей степени стала зависеть от своевременной адаптации к каждому новому витку НТР. Открытая экономика изначально предполагала ориентацию на международные стандарты издержек производства, а также качества продукции, которые корректировались национальными параметрами производства. Однако к началу 90-х гг. выяснилось, что производственный аппарат РК нуждается в ускоренной технологической перестройке. Возникла необходимость перехода к интенсивной наукоемкой фазе индустриального роста, чтобы не допустить снижения конкурентоспособности южнокорейской продукции на внешних рынках. Между тем как внутренние, так и внешние условия воспроизводства изменились в неблагоприятную для экономики РК сторону.

Начиная со второй половины 80-х гг. страна стала утрачивать, пожалуй, главное из своих сравнительных преимуществ,

проистекающее из низкой цены рабочей силы. На протяжении 60—80-х гг. при стремительно нарастающей массе условно-чистой продукции доля заработной платы в последней составляла 25—26% (то есть оставалась неизменной), тогда как, например, в Японии удельный вес фонда зарплаты в условно-чистой продукции составлял 38—40%, в США — 38—40%, в ФРГ — 46—49%. Одновременно увеличивалась продолжительность рабочей недели. В 1978—1986 гг. она выросла с 52,4 до 54,7 часа. Этот феномен был обусловлен стремлением предпринимателей обеспечить ускоренное потребление основного капитала, подверженного в условиях НТР быстрому моральному износу. В результате степень эксплуатации рабочей силы в середине 80-х гг. достигла 300% (мечта западного бизнеса), что в 1,5—2 раза выше, чем в Японии и США, и в 2,5 раза выше, чем в ФРГ⁶. Изложенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что предприниматели РК имели исключительно благоприятные возможности переключать возрастающую долю прибавочного продукта на обновление, технологическое совершенствование и реорганизацию производственного аппарата. Отсюда и высокая конкурентоспособность южнокорейской продукции на внешнем рынке.

Однако с конца 80-х гг. под влиянием начавшейся демократизации общественно-политической жизни страны и под нажимом забастовочного движения, отвергавшего укоренившийся постулат, что «хозяин всегда прав», заработная плата начала быстро расти, и в 90-е гг. темпы ее роста стали опережать темпы роста производительности труда. В 1985—1995 гг. заработная плата южнокорейских рабочих выросла на 46%, тогда как на Тайване — на 25% и в Японии — на 22%⁷. Одновременно происходило сокращение рабочей недели, которая в настоящее время официально составляет 48 часов. Издержки производства росли также вследствие удорожания импортных компонентов материально-технического снабжения, особенно энергоресурсов, ввоз которых в РК из года в год нарастал. Так, в 1989—1997 гг. импорт сырой нефти увеличился почти в три раза⁸. В этой связи следует отметить, что в погоне за темпами роста южнокорейский крупный бизнес явно игнорировал проблему внедрения ресурсосберегающей технологии, хотя страна практически не имеет собственного топлива и сырья. В результате в конце 90-х гг. потребление энергоресурсов в РК было выше, чем в Японии, в 2,1 раза, притом что в 1997 г. ВВП страны в расчете на душу населения был в 3,5 раза меньше, чем в Японии, где численность населения в 2,7 раза больше, чем в Южной Корее⁹.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. В Республике Корея изначально государственный «дирижизм» (административный контроль и стоимостное регулирование рыночных отношений), а также непосредственное участие государства в хозяйственной деятельности (госпредпринимательство) оказали большое влияние на темпы, глубину и направление социально-экономической трансформации южнокорейского общества. Вмешательство государства в хозяйственную жизнь в сочетании с рыночной саморегуляцией оказалось в условиях Республики Корея почти оптимальным институциональным механизмом, что выразилось в быстрых темпах индустриальной модернизации. В социальном плане этот механизм способствовал «взрачиванию», становлению и стимулированию национального предпринимательства, в первую очередь местного развитого частнокапиталистического уклада и особенно его монополистической верхушки. Постепенно сложилась система тесного взаимодействия (подчас весьма противоречивого) госаппарата (бюрократии), элитарной прослойки крупного бизнеса (монополий) и представителей иностранных инвесторов и кредиторов. Эта триада определяла и определяет основные параметры социально-экономической эволюции страны.

Уже в 80-е гг. начали отчетливо проявляться скрытые вначале дефекты сложившейся в РК системы и методов хозяйствования, которые стали тормозом дальнейшего развития экономики. Чрезмерная регламентация деловой активности, вмешательство государства в финансовую сферу (приоритетное и льготное субсидирование крупного бизнеса в ущерб мелкому и среднему), а также в экспортно-импортные операции препятствовали созданию конкурентоспособной среды, что привело к засилью монополий, их сращиванию с госаппаратом и, как следствие, к росту nepoтизма и коррупции¹⁰. В результате эффективность общественного производства в РК стала снижаться, постепенно утрачивались сравнительные преимущества ее экономики на внешних рынках, многие амбициозные проекты становились нерентабельными, значительно сузились возможности финансирования производства за счет собственных ресурсов. Поэтому корпорациям в нарастающей степени приходилось опираться на заемные средства.

На рубеже 90-х гг. в экономике страны начался очередной циклический спад производства. В 1992—1997 гг. среднегодовой темп роста ее ВВП составил 6,6% против 10,6% в предшествующие шесть лет, а темп роста промышленного производства снизился до 7,7% против 10%¹¹. Столь значительное снижение темпов роста ВВП, а также промышленного производства было обусловлено безоглядной политикой под лозунгом «экономический

рост любой ценой» без учета состояния и перспектив внутреннего и внешнего рынка. Норма накопления в 1992—1997 гг. составляла в среднем 36,6% ВВП, что было примерно на 6—7% больше, чем в предшествующий период. Инвестиционный бум обернулся стремительным возрастанием приростной капиталоемкости, которая «съедала» основную часть прироста нормы накопления, а в отдельные годы — практически всю без остатка. Следовательно, инвестиционный «перегрев» привел к снижению эффективности и рентабельности производства.

Большое влияние на характер эволюции экономики РК оказали изменившиеся внешние условия. К началу 90-х гг. РК оказалась зажатой между развитыми индустриальными странами с высокой конкурентоспособностью и технологичностью и развивающимися странами, где издержки производства были ниже за счет более дешевой рабочей силы и более низких цен на землю. Республика Корея столкнулась с жесткой ценовой конкуренцией со стороны азиатских новоиндустриальных стран так называемой «второй волны». Под натиском конкурентов страна начала сдавать свои позиции. Если в 1995 г. РК по уровню конкурентоспособности находилась на 26-м месте среди 42 отслеживаемых стран, то в 1997 г. она занимала только 30-е, а по данным на март 1998 г., опустилась на 34-е место. В тот же период КНР по этому показателю поднялась с 31-го места на 13-е, Малайзия — с 23-го на 15-е место. Даже нестабильная Индонезия в 1998 г. стояла выше Республики Корея, заняв 28-е место.

Объем южнокорейского экспорта в 1997 г. достигал 40—42% ВВП страны, а ценовой конкурентоспособностью обладали лишь 6—7 видов экспортного производства, что не превышало 30% общего объема последнего¹². Как показала экспертиза частных НИИ, промышленная продукция РК не обладала также достаточно высоким уровнем так называемой внеценовой конкурентоспособности (качество, дизайн, обслуживание клиентов, разработка новых видов изделий).

В годы «холодной войны» партнеры Республики Корея как бы не замечали протекционистских барьеров, ограждавших внутренний рынок страны от зарубежных конкурентов, что обеспечивало ей благоприятные условия для производства и сбыта экспортной продукции. Но «холодная война» закончилась, Россия и Китай из противников превратились в партнеров, южнокорейский «дракон» обрел твердую почву и стал даже в некоторых отраслях (электроника, судостроение, автомобилестроение) теснить своих экономических контрагентов. Поэтому с конца 80-х гг. последние оказывают на правительство и деловые круги РК силь-

ный нажим, недвусмысленно заявляя, что период льгот, поблажек и уступок закончился, настала пора отказаться от прежней практики и полностью адаптироваться к общим правилам конкуренции.

В январе 1989 г. американская администрация исключила Республику Корея из числа государств, имеющих право на экспорт своих товаров в рамках Генеральной системы преференций, потребовала открыть южнокорейский рынок для американских товаров и иностранных инвестиций, то есть снять все защитные таможенные барьеры, «либерализовать» экономику. Южнокорейская администрация вынуждена была отказаться от протекционистской политики и ответить на вызовы, проистекающие из усиления интернационализации мирового хозяйства.

В середине 1993 г. правительство РК задействовало трехэтапный план либерализации финансового рынка, который предусматривал участие иностранных инвесторов в операциях на фондовой бирже. Кроме того, был опубликован пятилетний план допуска иностранных капиталовложений в отрасли, которые ранее были сферой приложения исключительно национальных инвестиций.

В октябре 1995 г. Республика Корея стала членом Всемирной торговой организации (ВТО), что обязывало страну обеспечить не только свободное перемещение товаров, но и заметно снизить высоту барьеров на пути международных потоков капитала, трудовых ресурсов, технологий, финансовых и других видов услуг. В ноябре 1994 г. тогдашний президент Республики Корея Ким Ён Сам выдвинул идею «глобализации» страны. Суть этой идеи заключалась в том, чтобы вся нация начала перестройку не только экономики, но и политики, образования, социальной сферы, культуры, сотрудничества с зарубежными странами с расчетом на достижение в этих областях международных стандартов. Главная цель реформ — создание «новой Кореи», способной излечить «корейскую болезнь», симптомы которой заключаются в явном снижении уровня корейского трудолюбия, эрозии социальных ценностей вследствие несправедливости, коррупции, инерции, летаргии, раздоров и эгоизма. Наконец, в декабре 1996 г. Республика Корея вступила в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Дальнейшие события показали, что южнокорейская администрация, взяв обязательства играть по правилам указанных международных организаций, переоценила степень готовности страны выполнить все необходимые условия. В самом деле, в 1995 г., согласно оценкам международного института управления разви-

тием (планирование, регулирование, контроль), Республика Корея по степени открытости экономики занимала 46-е место среди 48 наблюдаемых стран, 42-е — в области партнерства с иностранными фирмами, 36-е — в области привлечения прямых иностранных инвестиций, 38-е — по объему финансовых услуг, 24-е — по уровню национальной конкурентоспособности. По этому последнему показателю РК занимала среди развивающихся стран 7-е место вслед за Сингапуром, Гонконгом, Малайзией, Тайванем, Чили, Таиландом¹³. По этим причинам южнокорейской администрации не удалось добиться серьезных достижений в области интернационализации экономики. Объективно это и не могло произойти, учитывая объем нерешенных проблем, уровень готовности общества и, в частности, деловых кругов к радикальным переменам.

В условиях жесткой межстрановой конкуренции южнокорейская администрация и деловые круги стремились во что бы то ни стало поддержать высокие темпы экономического роста. В 1993—1996 гг. среднегодовой темп роста ВВП составил 7,5% (в 1995 г. — 8,9%, в 1996 г. — 7,1%)¹⁴. Подобная безоглядная политика оборачивалась постоянным увеличением издержек производства, а инвестиционный бум привел к «перегреву» экономического организма и снижению эффективности его функционирования. Возрастание издержек производства требовало увеличения объемов финансирования. Правительство страны поощряло местные финансовые институты предоставлять монополиям крупные льготные кредиты. Нехватка свободных денежных средств заставляла южнокорейские банки брать заемные средства из внешних источников. Результаты оказались плачевными. Так, в конце 1997 г. суммарная задолженность 30 самых крупных монополий — *чэболей* в 5 раз превышала величину их собственного капитала¹⁵. Согласно западной практике, фирма, долги которой превысили размеры собственного капитала в 1,5—2 раза, лишается дальнейшего кредитования. В этой связи возникает впечатление, что южнокорейские монополии следовали довольно распространенной расхожей логике: если вы взяли кредит у крупных банков в 1 млрд долл., то вы находитесь у них в зависимости, но если вы взяли кредит в 100 млрд долл., то уже кредиторы находятся в зависимости от вас, от состояния экономических показателей деятельности дебиторов.

Далее, к концу 1997 г., резко обострилась проблема внешней задолженности, когда иностранный долг РК достиг 154,4 млрд долл., что превысило суммарный внешний долг стран ЮВА, затронутых тогда же кризисом. Особая острота проблемы внешней

задолженности возникла из-за того, что 55% последней представляли собой краткосрочные кредиты, которые подлежали погашению в сроки менее одного года. По мере того как финансовый кризис в странах ЮВА стал набирать силу, из Республики Корея началось бегство капитала, кредиторы потребовали немедленной уплаты долгов, стремительно обесценивалась национальная валюта — вона. Правительство РК предприняло отчаянные усилия стабилизировать местную валюту, истратив на эти цели около 30 млрд долл. Но все попытки оказались тщетными, а валютные резервы были практически исчерпаны. Если в декабре 1996 г. курс составлял 844 вон/долл., то ровно год спустя курс установился на отметке 2000 вон/долл. Ущерб от этого национальных компаний исчислялся в 18 млрд долл. Обнаружилось, что южнокорейская экономика опирается на весьма зыбкий фундамент.

Истинное состояние южнокорейской экономики образно обрисовал один из местных журналистов: «В настоящее время (декабрь 1997 г.) экономика Кореи страдает хроническим диабетом (дефицит баланса внешнеторговых операций), гипертонией (вздутые цены), а также ожирением (фиктивные предприятия). Поэтому экономика должна сесть на диету (снижение темпов роста), похудеть (урезать расходы), чтобы избавиться от своих болячек»¹⁶. Следует подчеркнуть, что все признаки перечисленных болезней достаточно отчетливо обозначились еще в 1996 г. Дефицит баланса внешнеторговых операций достиг тогда рекордной отметки почти в 24 млрд долл. Резко снизились цены на экспортную продукцию РК, особенно на электронику, а также на автомашины, изделия черной металлургии, текстиль. Одновременно произошло удорожание импортных товаров. Страна оказалась на грани финансового краха. В таких условиях в конце ноября 1997 г. правительство Республики Корея было вынуждено обратиться за помощью к МВФ. Соглашение между МВФ и администрацией РК было подписано 3 декабря 1997 г., оно предусматривало предоставление стране займов на сумму 58 млрд долл. Главными донорами стали МВФ (21,5 млрд долл.), Всемирный банк (10 млрд), Азиатский банк развития (4 млрд). Около 23 млрд долл. обещали выделить 13 индустриально развитых стран (членов МВФ), среди которых наиболее крупную сумму предоставят Япония (10 млрд) и США (5 млрд)¹⁷.

Чисто коммерческие условия предоставления займов были дополнены рядом жестких требований со стороны МВФ относительно существенной корректировки экономической политики Сеула. Выделяя РК кредиты, МВФ ввел надбавку в 5% к базовой ставке процента, который обычно взимается этим финансовым

институтом. Впервые за все 50-летнее существование МВФ Республике Корея навязаны столь суровые условия. Например, Мексике в 1995 г. было выделено 25 млрд долл. без каких-либо надбавок. Условия предоставления займа Всемирным банком также весьма обременительны. Они предусматривают в качестве базовой Лондонскую межбанковскую ставку процента (около 6%) плюс надбавку в 1%, тогда как обычно взималось только 0,25%.

Основные требования МВФ в отношении экономической политики Сеула сводились к следующему:

- понижение темпов роста экономики в 1998 г. до 2—2,5%;
- реорганизация сферы банковских услуг и немедленная ликвидация «больных» банков, которые составили 14 из 30 коммерческих институтов;
- открыть шире двери для иностранного капитала путем повышения доли иностранных инвестиций в местных фирмах с 26 до 55%;
- либерализовать процедуру слияния и приобретения местных компаний, что открывает возможности для иностранных инвесторов взять под контроль как отдельные виды производства, так и сферу обращения (коммерческие банки, страховые и инвестиционные компании);
- установить ставку процента по банковским кредитам на уровне 20%, то есть на такой высоте, которая чревата новыми банкротствами;
- местные конгломераты обязаны предоставлять отчетность о финансовом положении своих филиалов, а деятельность самих корпораций должна стать «прозрачной».

В Сеул направились группа экспертов МВФ, которая будет следить за выполнением требований, работая на постоянной основе.

Правительство было вынуждено принять все условия МВФ, что было воспринято общественностью как дискриминация, равносильная установлению опеки над экономикой страны. Отметим в этой связи, что слово «опека» возбуждает у корейцев аллергию еще с 1946 г., когда великие державы пытались им ее навязать после краха японского колониального господства. Однако в научных кругах отмечают подобные эмоциональные оценки. Как бы суммируя различные мнения, президент исследовательского центра корпорации «Самсон» заявил: «Хорошо, что так случилось. Это шанс для обновления». Смысл этого тезиса сводится к тому, что собственными усилиями госбюрократия и крупный бизнес не смогли реформировать производственный и финансовый аппарат, и эту давно назревшую проблему страна наконец сможет решить. Кстати, анализируя ситуацию, эксперты МВФ предпола-

гают, что Республика Корея сможет погасить свой долг фонду (21,5 млрд долл.) к 2006 году. По мере поступления первых траншей займов МВФ курс воны постепенно стал повышаться и к концу марта 1998 г. стабилизировался на отметке 1300—1400 вон/долл.

В конце января 1998 г. Южная Корея достигла соглашения с 13 зарубежными банками так называемых стран «семерки» о рефинансировании краткосрочной задолженности в 25 млрд долл., сроки погашения которой истекали в 1998 г. Условия пролонгации краткосрочных долгов отнюдь не были льготными. Последние предусматривали в качестве базы Лондонскую межбанковскую ставку процента (на момент подписания соглашения она равнялась 5,66%) плюс надбавку в размере 2,25—2,75% в зависимости от продолжительности отсрочки уплаты.

Благодаря срочной помощи из-за рубежа РК сумела удержаться на краю пропасти. Однако потери оказались весьма ощутимыми. Так, в 1998 г. падение производства товаров и услуг составило 5,5%. Если в 1996 г. страна занимала 11-е место в мире по объему ВВП, то в 1998 г. она опустилась на 17-е. Объем ВВП уменьшился с 484,6 млрд до 312,1 млрд долл. Доход на душу населения сократился с 10 тыс. до 6,6 тыс. долл. Эксперты отмечали, что для многих рядовых корейцев доход в 6 тыс. долл. может быть недостижим¹⁸. Численность самых низкодоходных слоев населения (за чертой бедности) увеличилась с 3 до 6,8%. Согласно опросам, 74% респондентов заявляют, что их ежемесячные доходы сократились. Усилилось социальное расслоение, особенно среди так называемого среднего класса. За один год коэффициент джини вырос с 0,283 до 0,316¹⁹.

Заметно стала снижаться заработная плата. В течение 1998 г. в обрабатывающей промышленности она понизилась почти на 12%²⁰. Участились случаи несвоевременной выплаты заработной платы, задолженность по которой работодателей к концу 1998 г. достигла почти 1 млн долл. Крайне болезненно южнокорейское общество реагировало на рост безработицы. Под нажимом МВФ правительство страны отказалось от системы пожизненного найма и предоставило предпринимателям право увольнять рабочих и служащих по своему усмотрению. В результате армия безработных увеличилась за год до 2 млн человек, что составило около 7% экономически активного населения, тогда как ранее этот показатель не превышал 2—2,5%. Резко сократилось и личное потребление: в течение 1998 г. оно уменьшилось на 28%. Это было самое большое снижение среди азиатских стран, затронутых кризисом. Так, в Индонезии падение этого показателя составило 20,5%, в Таиланде — 24,2%²¹. Кризис затронул здравоохранение и образова-

ние. В 1998 г. закрылась на неопределенный срок 51 больница, вследствие стремительного роста цен на медикаменты, которые ввозятся из-за рубежа. Около 300 тыс. школьников средней и полной средней школы (около 7% этой категории учащихся) вынуждены были сообщить администрации, что их родители не в состоянии внести плату за обучение. Взлетели вверх цены практически на все товары, особенно на товары повседневного спроса. Значительно возросли тарифы на транспортные услуги. Кризис больно ударил по мелкому и среднему бизнесу, последовала серия банкротств, крупные фирмы стали свертывать производство. Заметно увеличилось число лиц (как показали выборочные обследования), которые относили себя к низшим социальным слоям — с 11,8% в 1994 г. до 23,7% в 1998 г.²²

Очевидно, что расплачиваться за недальновидную политику госбюрократии и местных монополий будут рядовые налогоплательщики. Именно им пришлось затянуть пояса, к чему их призвала государственная администрация. Преодоление кризиса неминуемо ведет к дальнейшему социальному расслоению общества — в таких ситуациях богатые становятся богаче, а бедные беднее. Социальная поляризация общества всегда оборачивается ростом социальной напряженности. Однако в Республике Корея произошел всплеск национально-патриотических настроений. Администрация, деловые круги и профсоюзы после долгих переговоров в конечном счете достигли компромисса по поводу замораживания заработной платы, увольнений и забастовок.

Общественные организации начали сбор средств в государственную казну. К марту 1998 г. было собрано 220 т золотых изделий на сумму 2120 млн долл. В этой кампании приняли участие около 17% экономически активного населения²³. Корейскую молодежь призывали стать донорами, чтобы сократить импорт плазмы, достигающий 300 млн долл. Студенты добровольно отказываются от выезда за рубеж на учебу, население воздерживается от зарубежных туристических поездок. Всколыхнулась корейская община в США. Корейские банки в Калифорнии переводят средства в РК, отказываясь от комиссионных. Наконец, парламентарии страны отказались от индексации своего денежного довольствия, что составило бы более 8 млн долл.²⁴ Невольно напрашивается вопрос о том, смогла бы пойти на такой шаг российская Государственная Дума? И тем не менее представляется, что эта национальная кампания — всего лишь эмоциональный всплеск. Дело в том, что население страны мирилось с авторитаризмом, мздоимством в высших эшелонах власти, кумовством и тому подобным, поскольку эти негативные явления сдерживали, но не

приостанавливали рост личных доходов граждан. Выход из кризиса потребует немалых средств, и основное бремя погашения внешних и внутренних долгов ляжет на плечи малоимущих, а также и среднего класса. В итоге эмоции будут сменяться глубоким разочарованием.

На фоне этого хрупкого социального компромисса правительство РК начало кампанию реструктуризации экономики. В первую очередь эти мероприятия затронули банковскую систему. Из 25 коммерческих банков 13 остались на плаву, 7 банков признаны способными с помощью правительственного фонда восстановить свои операции, 5 банков стали банкротами. За счет иностранных средств пополнились почти истощенные инвалютные резервы. Кроме того, удалось договориться о рефинансировании краткосрочной задолженности. Далее были сняты все ограничения на приток иностранных инвестиций, зарубежным партнерам предоставлялась возможность приобретать в собственность местные предприятия, вкладывать средства в национальные облигации и т. д. Это дало положительные результаты. В 1998 г. прямые иностранные инвестиции в страну составили 8,9 млрд долл., что соответствует 36% от суммарного объема таких капиталовложений в течение 1962—1997 гг. (24,6 млрд долл.)²⁵.

Одна из главных задач правительства состояла в том, чтобы реструктуризировать монополистические объединения. Диалог правительства и конгломератов шел трудно, и лишь в конце 1998 г. удалось достичь соглашения. Представители монополий согласились сделать финансовую отчетность более «прозрачной», сосредоточить свою деятельность в 2—3 отраслях, чтобы избежать дублирования инвестиций, путем слияния или приобретения создать новые независимые производственные объединения, в том числе с привлечением иностранных инвестиций. Согласились они также на назначение «внешних директоров», что обеспечило бы общественный контроль за их деятельностью, и обязались сократить свою задолженность путем продажи малоэффективных предприятий. К концу 1998 г. экономическая ситуация в РК более или менее стабилизировалась. Крайняя точка падения, кажется, была пройдена. Началось медленное оживление хозяйственной деятельности.

Итак, финансовая сфера оказалась наиболее слабым и уязвимым звеном в экономическом организме Республики Корея.

Когда финансовый кризис охватил страны Юго-Восточной Азии, сеульское правительство и деловые круги решили, что он не будет представлять опасности для их страны. Поэтому своевременные превентивные меры приняты не были, хотя в конце 1996 г.

и в начале 1997 г. разразились громкие скандалы, связанные с банкротством ряда крупных корпораций, руководство которых было уличено в жульничестве и подкупе чиновников правительственной администрации. Это явилось серьезным просчетом, ибо в Сеуле не учли степень интернационализации мирохозяйственных связей, а также последствия вступления РК в ВТО и ОЭСР.

Финансовый кризис обнаружил серьезные дефекты и изъяны всего производственного аппарата страны, что потребовало безотлагательной реструктуризации последнего. Наряду с либерализацией финансовой сферы, укрупнением банков, устранением чрезмерной государственной регламентации, очень важной является и перестройка хозяйственно-организационной деловой практики южнокорейских монополий. Финансовый кризис обернулся экономическим и перерос в кризис системный. Поэтому преодоление кризисных тенденций — процесс не только сложный, но и длительный.

В чем же причина кризиса в Республике Корея и странах ЮВА? Финансовые структуры этих государств оказались самым слабым звеном в международной финансовой системе. Это обстоятельство уловил международный спекулятивный капитал, который, сыграв на понижении национальных валют, спровоцировал финансовый кризис. Появилась возможность скупать акции местных фирм за бесценок, получая значительный барыш, а после относительной стабилизации выступить уже в качестве продавца по более высоким ценам. Не случайно в мировой прессе замечали такие определения, как «финансовый вампиризм», «воровской капитализм». Начало финансового кризиса сопровождалось резкими заявлениями руководителей Малайзии и Таиланда о заговоре международных финансовых спекулянтов и прежде всего Сороса со товарищи. На Токийской бирже была отмечена активизация американских инвестиционных фондов, в том числе фонда Сороса, которые скупали акции, продававшиеся ниже номинальной стоимости.

Возникает вопрос: а был ли заговор? Скорее всего мировое сообщество никогда не получит ответа на этот вопрос. По мнению В. Мау, руководителя Рабочего центра экономических реформ при правительстве Российской Федерации, финансовые спекулянты «честно» делали свое дело — искали слабые места в экономических системах и зарабатывали деньги, используя просчеты местной деловой элиты²⁶.

В феврале 1998 г. в американском Институте проблем мира состоялся семинар с участием политиков, бизнесменов, чиновников, ученых, где прямо говорилось, что главная задача США

состоит в том, чтобы взять на себя лидирующую роль в преодолении финансового кризиса выступить в качестве главного стабилизирующего фактора в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Разумеется, все возникающие проблемы будут решаться прежде всего с учетом американских интересов.

Опираясь на вливания МВФ и займы ряда иностранных кредиторов, сеульская администрация сумела добиться относительной стабилизации экономической ситуации страны. Об этом свидетельствуют макроэкономические показатели. В 1998 г. производство товаров и услуг сократилось на 6,7%, в следующем году прирост составил 10,7%, а в 2000 г. — около 8%²⁷. Валютные резервы увеличились с 3 млрд долл. в 1997 г. до 9 млрд в 2000 г.²⁸ Заметно снизился уровень безработицы — с 6,8% в 1998 г. до 4,0% в 2000 г.²⁹ Однако эти данные характеризуют лишь надводную часть айсберга. Экономическая ситуация продолжает оставаться сложной и противоречивой.

Действительно, объем валового продукта в 1999 г. был меньше, чем в 1997 г. на 15%, а в расчете на душу населения на 17%³⁰. И если по объему ВВП страна занимала в 1999 г. 13-е место в мире (как и в 1996 г.), то по душевому доходу она опустилась с 23-го на 37-е место. В связи со стремительным ростом цен на нефть положительное сальдо платежного баланса по текущим операциям сократилось в 1999—2000 гг. с 25 до 10 млрд долл.³¹ По-прежнему высок уровень внешней задолженности. На июль 2000 г. внешний долг составлял 145 млрд долл.³²

Экспорт, хотя и медленно, но растет, условия торговли постепенно ухудшаются. Отмечаются весьма тревожные инфляционные проявления: в конце 2000 г. темпы роста инфляции составили 2,8%³³. Глубинные причины существования негативных тенденций состоят в том, что почти не решаются фундаментальные проблемы структурного кризиса производственного и финансового аппарата. Преобразование последнего предполагает реформы в области банковской системы, реструктуризации корпоративного сектора (прежде всего монополистических конгломератов), взаимоотношений труда и капитала.

Попытки правительства реализовать свои намерения носят хаотический характер и встречают тихое, но упорное сопротивление деловых кругов. Одна программа перестройки сменяет другую, так как решение намеченных задач постоянно переносится по срокам. В августе 2000 г. был декларирован очередной план структурной перестройки экономики, завершение которой предполагается в декабре 2003 г. Этот процесс преобразований, судя по опыту предшествующих лет, пройдет трудно, конфликтно и примет затяжной характер.

- 1 Korea Focus on Current Topics, 1997, vol. 5, № 6, с. 175.
- 2 Цит. по: Независимая газета, 27.12.1997.
- 3 Korea Annual, Seoul, 1998, с. 240. Asiaweek, 1998, vol. 24, № 32, с. 75.
- 4 Синицын Б. В. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея. — В кн.: Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996, с. 79—80.
- 5 Far Eastern Economic Review, Hongkong, 1991, vol. 54, № 44. Oct. 31, с. 66.
- 6 Растянников В. Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока; Синицын Б. В. Южная Корея: лидер капиталистической модернизации «третьего мира» Востока. — В кн.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995, с. 283—286, 490.
- 7 Korea Journal. Seoul, 1998, vol. 38, № 2, с. 47.
- 8 Korea Annual, 1998, с. 247.
- 9 Asiaweek, Hongkong, 1998, vol. 24, № 37, с. 86.
- 10 Один пример. В начале 90-х гг. крупные фирмы, выпускавшие различные виды электроники, получали ссуды под 10—12% годовых, тогда как для остальных производителей ставка процента составляла не менее 20%. Far Eastern Economic Review, 1991, vol. 54, № 44, с. 67.
- 11 Korea Annual, 1995, с. 266; Korea Annual, 1998, с. 240.
- 12 Korea Herald, 25.03.1998; Korea Focus..., 1997, vol. 5, № 1, с. 82.
- 13 Korea Focus..., 1994, vol. 2, № 6, с. 66—69; Korea Herald, 06.09.1995.
- 14 Korea Annual, 1997, с. 230.
- 15 Korea Focus..., 1998, vol. 6, № 3, с. 26.
- 16 Там же, 1997, vol. 5, № 6, с. 49.
- 17 Korea Herald, 02.04.1998; ИТАР-ТАСС, 04.12.1997.
- 18 Korea Focus..., 1998, vol. 6, № 3, с. 51—52.
- 19 Там же, 1999, vol. 7, № 4, с. 96, 124.
- 20 Road to Recovery in 1999. Seoul, 1999, с. 46.
- 21 Korea Herald, 19.09.1998.
- 22 Korea Focus..., 1998, vol. 6, № 3, с. 56.
- 23 Там же, 1998, vol. 6, № 1, с. 122.
- 24 Korea Herald, 09.12.1997.
- 25 News review. Seoul, 1999, vol. 28, № 2, с. 29.
- 26 Известия, 13.02.1998.
- 27 Overcoming a Crisis, Korea Makes a New Leap Forward. The Ministry of Finance and Economy. The Korean Information Service. Policy Series. September 2000, с. 4.
- 28 Korea Now, January 13, 2001.
- 29 Overcoming a Crisis, с. 4.
- 30 Korea Annual, 1999, с. 131—132.
- 31 Korea Herald, 09.12.2000.
- 32 Korea Now, July 29, 2000.
- 33 Korea Herald, 09.12.2000.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНДР (80 — 90-е гг.)

Предисловие

После распада мировой социалистической системы и развала Советского Союза КНДР, утратив своих основных экономических партнеров и политических союзников, стала испытывать огромные хозяйственные трудности, которые усугубились не только беспрецедентными стихийными бедствиями, обрушившимися на страну за последнее десятилетие, но и определенными просчетами в стратегии экономического развития. Кроме того, в 1994 г. скончался президент КНДР, что, по мнению зарубежных и отечественных аналитиков, должно было привести к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. Учитывая крайне тяжелое экономическое положение в республике, они предрекали неизбежный крах Северной Кореи. Однако, несмотря на огромные хозяйственные трудности и смерть вождя, Корейская Народно-Демократическая Республика в сложных условиях продолжает строительство социалистического общества.

Все попытки заставить КНДР отказаться от избранного ею пути развития оказались тщетными. При этом ее противники не ограничивались пропагандистскими антисоциалистическими нападениями на общественный строй республики. Они открыто прибегали к шантажу и угрозам в отношении КНДР, используя для этого искусственно создаваемые ими же различные военно-политические, экономические и правовые проблемы. Достаточно напомнить о так называемой ядерной проблеме, которая преднамеренно была сфабрикована с целью обострения обстановки в КНДР и вокруг нее. Так как необоснованно предъявляемые к республике требования шли вразрез с ее принципами государственного суверенитета и сопровождалась угрозами применения военной силы, страна фактически была поставлена на грань войны.

Стремясь ухудшить и без того сложное экономическое положение КНДР, ее противники выступили также с призывами ужесточить экономическую блокаду республики, чтобы заставить ее пойти на политические уступки. Даже резко обострившаяся в стране за последние годы продовольственная проблема была использована оппонентами КНДР для оказания на республику политического давления, что явно противоречит международным нормам и правилам оказания гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий.

Попытки дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в КНДР, посеять чувство неуверенности среди населения республики были предприняты также в связи со смертью Ким Ир Сена и затянувшейся процедурой официального утверждения Ким Чен Ира в качестве нового лидера партии и государства. В зарубежных средствах массовой информации этот факт в провокационных целях подавался как свидетельство политической нестабильности в стране и наличия серьезной оппозиции Ким Чен Иру. Между тем хорошо известно, что это было обусловлено корейской традицией соблюдения после смерти отца трехлетнего траурного периода. Можно привести и другие факты политического и экономического давления на КНДР, стремления ее недоброжелателей заставить республику капитулировать, отказаться от социалистического выбора развития.

К сожалению, к враждебным акциям против КНДР нередко присоединялись и некоторые недальновидные политики России, что, естественно, вело к разобщению наших стран, нарушению традиционно сложившихся межгосударственных, политических, экономических и культурных связей, создавало серьезные трудности к возрождению добрососедства и сотрудничества в различных сферах хозяйственной деятельности. Лишь в последнее время наметилась некоторая тенденция к улучшению взаимоотношений между нашими странами. Хотя медленно, но все же идет процесс постепенного возрождения утраченных экономических, производственных и научно-технических связей, намечаются конкретные пути налаживания хозяйственной интеграции и взаимодействия в различных областях экономики. Российское руководство предпринимает необходимые шаги по сбалансированию нашей политики на Корейском полуострове, преодолению состояния отчужденности и недоверия между Россией и КНДР, возникшее на рубеже 90-х гг. Аналогичные шаги делаются и со стороны северокорейского руководства.

Оценивая сложную международную обстановку, сложившуюся в начале 90-х гг. вокруг КНДР, Ким Ир Сен, выступая 1 января

1993 г. с обращением к трудящимся республики, сказал: «В истекшем году империалисты и другие реакционеры отчаянно пытались изолировать, задушить нашу Республику, этот оплот социализма, и подорвать наше социалистическое дело, но им не удалось остановить движение нашего народа вперед. Наш народ не таков, чтобы под чьим-либо нажимом или угрозой выбросить свои революционные убеждения и принципы, он не таков, чтобы сойти с избранного пути и пойти по другому под влиянием каких-то веяний»¹. Примечательно и то, что руководство КНДР открыто заявляет, что с начала 90-х гг. республика переживает один из наиболее сложных периодов своей истории, сопряженный с огромными испытаниями и трудностями в экономической жизни страны, обусловленными как внешними неблагоприятными факторами развития, так и определенными просчетами в экономической стратегии. Не случайно этот период в официальной пропаганде КНДР назван периодом «трудного похода». Он ассоциируется с тяжелейшими испытаниями, которые выпали на долю партизанского отряда Ким Ир Сена во время его перехода из таежных маньчжурских лесов в район горы Пактусан в условиях суровой зимы 1938—1939 гг.

Крайне сложное положение в экономике КНДР, естественно, весьма негативно сказывается на жизненном уровне ее населения. Тем не менее трудящиеся республики стойко переносят лишения и невзгоды и готовы преодолеть временные трудности, создать условия для дальнейшего поступательного развития страны. В то же время руководство КНДР принимает решительные меры по возрождению национальной экономики, скорейшему преодолению тяжелых последствий экономического кризиса. Наряду с максимальной мобилизацией внутренних сил и ресурсов страны, большое внимание уделяется активизации внешнеэкономической деятельности республики, которая сегодня рассматривается как один из важнейших факторов подъема экономики и ускорения научно-технического прогресса. Главные усилия концентрируются на узловых задачах хозяйственного строительства: укреплении энергетической базы страны, транспортного обеспечения и решения весьма острой продовольственной проблемы.

То, что сегодня происходит в экономической жизни республики, твердо стоящей на позициях социалистического выбора и одновременно стремящейся адаптироваться к новым условиям экономического развития, привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей и аналитиков. Стремление экономистов, историков и политологов глубже разобраться в сущности происходящих там процессов, понять главные причины

возникновения кризисных явлений в экономике, определить перспективы дальнейшего развития страны вполне оправданно и закономерно. Задача эта чрезвычайно непростая, так как источники информации, объективно отражающие действительность, весьма ограничены. Крайне скудные сведения, поступающие непосредственно из КНДР, не позволяют составить целостную картину происходящих там событий и вынуждают исследователей пользоваться преимущественно зарубежными источниками, которые, как правило, отражают существующие реалии односторонне и тенденциозно в зависимости от политических пристрастий авторов. Подобные материалы лишь затрудняют объективный анализ действительности. К сожалению, при отсутствии необходимой информации приходится использовать некоторые показатели и сведения, содержащиеся и в этих работах.

Предлагаемая читателям статья, естественно, не ставит перед собой задачу полного охвата всех проблем экономического развития за последние два десятилетия и не претендует на абсолютно точное и объективно достоверное отражение всех тех сложных процессов, которые за последние годы происходили и происходят в экономической и социальной жизни республики в условиях хозяйственного кризиса. Тем не менее автор, опираясь на доступные ему материалы, все же делает попытку по возможности объективно оценить сложившуюся в КНДР экономическую ситуацию, выявить основные причины, породившие тяжелые кризисные явления в хозяйственной жизни страны и не позволившие ей в полном объеме осуществить развернутую программу экономического и социального развития республики в период выполнения третьего семилетнего народнохозяйственного плана на 1987—1993 гг. и последующие годы. Кроме того, автор пытается также определить возможные перспективы и тенденции дальнейшего развития Северной Кореи.

1. Вступление КНДР на путь модернизации экономики

Для понимания сущности процессов, которые за последние два десятилетия происходили в экономической жизни республики, необходимо хотя бы коротко напомнить о тех стратегических задачах хозяйственного строительства, к решению которых Коре́йская Народно-Демократическая Республика приступила с конца 70-х гг. в связи с принятием второго семилетнего народнохозяйственного плана на 1978—1984 гг. Главным содержанием экономической стратегии становится модернизация экономики КНДР, подведение под нее современной научно-технической

основы. Провозглашение нового курса в хозяйственном развитии республики было продиктовано не только назревшими потребностями роста производительных сил страны, но и общей тенденцией развития мирового хозяйства в условиях НТР.

На рубеже 70—80-х гг. многие страны мира, независимо от их социально-политической ориентации, под воздействием современной научно-технической революции приступили к реформированию своих экономик и адаптации их к новым условиям развития. Решая проблемы повышения эффективности всех звеньев хозяйственного организма и ускорения научно-технического прогресса, они приступили к проведению радикальных хозяйственных реформ и добились благодаря этому значительных успехов в подъеме экономики и повышении уровня жизни населения. На путь осуществления радикальных хозяйственных реформ встали тогда и некоторые социалистические страны, в том числе Китай и Вьетнам. Перестроечные процессы с середины 80-х гг. развернулись и в бывшем Советском Союзе. Не обошел стороной этот процесс и Кореюскую Народно-Демократическую Республику.

Хотя официально КНДР не провозглашала курс на проведение радикальных экономических реформ, тем не менее выдвинутая Трудовой партией Кореи (ТПК) в конце 70-х гг. программа модернизации народного хозяйства республики предусматривала решение широкого комплекса проблем и была направлена на ускорение научно-технического прогресса, совершенствование структуры общественного производства и повышение его эффективности, более активное использование экономических рычагов управления экономическими процессами, дальнейшее укрепление общего экономического и научно-технического потенциала страны. Иными словами, программа модернизации содержала в себе существенные элементы перестроечного, обновленческого характера и главная ее цель состояла не в ломке, а в укреплении и совершенствовании социалистических основ и принципов хозяйствования. Разумеется, в конкретных условиях КНДР этот процесс приобрел свои характерные черты и особенности. Вместе с тем он имел немало общего с преобразованиями, которые в это время в ходе радикальных хозяйственных реформ проводились в Китае.

Курс на модернизацию народного хозяйства КНДР, взятый в конце 70-х гг., был закреплен VI съездом ТПК (1980 г.) и провозглашен главной стратегической задачей современного экономического развития страны. Необходимость такой модернизации была продиктована тем, что к началу 80-х гг. экономика республики достигла той стадии, когда дальнейший ее рост мог быть

обеспечен лишь на основе ускорения научно-технического прогресса и перехода ее преимущественно на интенсивный путь развития.

В процессе индустриализации, которая шла форсированными темпами на протяжении 14 лет (1957—1970 гг.), использовались главным образом экстенсивные факторы экономического роста. Это позволило за сравнительно короткий отрезок времени заложить в стране фундамент материально-технической базы народного хозяйства, создать костяк тяжелой и легкой индустрии. Вместе с тем уже на заключительном этапе индустриализации возникли серьезные диспропорции в общественном производстве. В то время как резко вырвались вперед отрасли обрабатывающей промышленности, наметилось заметное отставание в развитии топливно-энергетической и сырьевой базы страны. В условиях быстро возраставших масштабов хозяйственной деятельности серьезная напряженность возникла также на транспорте. Существующая транспортная система уже не могла в полном объеме обеспечить бесперебойные грузовые и пассажирские перевозки. Необходима была всесторонняя техническая модернизация транспорта.

В ходе хозяйственного строительства выявились и другие слабые звенья и «узкие места» экономики, которые весьма отрицательно сказывались на воспроизводственном процессе, тормозили темпы хозяйственного развития страны. Одним из таких сдерживающих факторов явилось заметное отставание в уровне технической вооруженности производительных сил республики. Недостаточное развитие собственного научно-технического потенциала, а также ограниченность научно-технических связей с индустриально развитыми странами мира из-за экономической блокады с их стороны, а также вследствие взятия на вооружение «чуждейской» концепции развития производительных сил республики (в основном «опора на собственные силы»), не позволили КНДР интенсивно проводить техническое перевооружение народного хозяйства на основе достижений передовой науки и техники. В результате многие производственные процессы продолжали базироваться на устаревшей технике и технологии 50—60-х гг., заимствованных в Советском Союзе и других социалистических странах, оказавших КНДР помощь в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства. В связи с этим возникла настоятельная необходимость форсировать процесс технической модернизации производства, ускорить развитие современных наукоемких отраслей индустрии, обеспечивающих технический прогресс во всех областях народного хозяйства.

В условиях развертывания в КНДР научно-технической революции, возросших масштабов хозяйственного строительства и усложнения производственных задач недостаточно эффективным оказался и механизм планового руководства экономикой. В период послевоенного восстановления народного хозяйства и проведения индустриализации жесткая централизованная система управления сыграла положительную роль в организации общественного производства и мобилизации материальных, финансовых и людских ресурсов. Но в новых условиях развития, где главным критерием стало повышение эффективности функционирования всех звеньев народнохозяйственного комплекса, прежняя система начала давать сбои и проявлять определенные негативные стороны в различных сферах экономической жизни. Усилилась бюрократизация управленческого аппарата, снизились оперативность и ответственность в выполнении производственных задач. Сковывалась хозяйственная инициатива на местах: руководители предприятий и ведомств, озабоченные прежде всего выполнением напряженных текущих планов, нередко избегали технических новаций, меньше заботились о перспективах развития производства, недостаточно поддерживали производственную и трудовую дисциплину, уделяли мало внимания вопросам экономии и рационального расходования материальных ресурсов и финансовых средств и т. д. Все это, естественно, снижало эффективность производственной деятельности предприятий, сдерживало темпы народнохозяйственного строительства и развития технического прогресса. И хотя руководство КНДР постоянно принимало меры к искоренению недостатков в организации производства и управлении им, эти меры, видимо, оказывались недостаточно действенными.

Во второй половине 70-х гг. не совсем благоприятно складывалась ситуация и во внешнеэкономической деятельности КНДР, которая рассматривалась руководством республики как второстепенная хозяйственная сфера, предназначенная осуществлять только «взаимодополняющий обмен». Попытки КНДР в 70-х гг. шире развернуть торгово-экономические связи с развитыми капиталистическими странами натолкнулись на ряд серьезных трудностей как экономического, так и политического характера.

Неблагоприятные для КНДР изменения конъюнктуры на мировом рынке, а также узость экспортной базы страны и недостаточная конкурентоспособность северокорейских товаров, дефицит валютных накоплений, — все это привело к большой ее задолженности западным государствам и Японии, что, конечно же, крайне негативно сказалось на торгово-экономических отно-

шениях с ними КНДР и в немалой степени подорвало престиж республики как надежного внешнеэкономического партнера. Разумеется, это также сдерживало экономическое развитие республики и требовало принятия кардинальных мер, которые могли бы придать новый импульс росту производительных сил страны и активизировать ее внешнеэкономическую деятельность.

Состоявшийся в октябре 1980 г. VI съезд ТПК, всесторонне проанализировав ход выполнения семилетнего народнохозяйственного плана и обстоятельно обсудив сложившуюся обстановку в экономике, определил конкретные пути преодоления «узких мест» и недостатков в хозяйственной жизни страны. При этом в документах съезда подчеркивалось, что решение возникших проблем в хозяйственном строительстве возможно лишь на основе широкой модернизации народного хозяйства и подведения под него современной научно-технической базы. Были определены и конкретные направления обновления и перестройки народнохозяйственного комплекса.

Прежде всего ставилась задача активизации научно-технической политики с целью обеспечения быстрого роста научно-технического потенциала страны. Ускорение научно-технического прогресса рассматривалось как важнейшее условие всестороннего подъема производительных сил страны и осуществления обширной программы технического перевооружения народного хозяйства. В связи с этим были намечены конкретные меры по дальнейшему развитию отечественной науки и техники, укреплению научно-исследовательской базы страны, обеспечению широкой подготовки национальных квалифицированных кадров, способных успешно решать сложные проблемы современного научно-технического прогресса. При этом особое значение придавалось укреплению связей науки с производством, превращению ее в важнейший фактор модернизации народного хозяйства.

В соответствии с задачей модернизации экономики съезд потребовал внести соответствующие коррективы в структурную политику экономики, подчинить ее требованиям современного научно-технического прогресса. В целях достижения сбалансированности народнохозяйственного комплекса, устранения «узких мест» и диспропорций в промышленном производстве съезд предписывал сконцентрировать усилия на дальнейшем укреплении и расширении топливно-энергетической и сырьевой базы страны, создании необходимых материально-технических условий для ее опережающего развития. Это должно было снять напряжение в обеспечении народного хозяйства, прежде всего промышленно-

сти, электроэнергией, топливом и сырьем, придать новый импульс подъему производительных сил страны.

Другим важным направлением структурной политики экономики съезд определил форсированное развитие тех отраслей индустрии, которые непосредственно обеспечивают технический прогресс. Прежде всего это касалось отечественного станкостроения, электронной промышленности и производства средств автоматизации. В химической индустрии ставилась задача дальнейшего ускоренного развития промышленности органического синтеза и нефтехимического производства, укрепления производственной базы по выпуску различных видов минеральных удобрений, гербицидов и других агрохимикатов. Важное место в структурной экономической политике отводилось также расширению и качественному улучшению экспортной базы страны, резкому расширению производства товаров народного потребления.

Для повышения эффективности общественного производства ставилась задача усилить процесс его концентрации и кооперирования, активнее внедрять новые, более рациональные формы его организации, обеспечить постоянное совершенствование системы управления экономикой, широко использовать экономические методы регулирования и стимулирования производства на основе хозрасчета, предоставить большую хозяйственную самостоятельность производственным единицам и регионам, продуманно сочетать централизованную и местную систему управления, максимально мобилизуя внутренние ресурсы страны. При этом подчеркивалась необходимость дальнейшего развития и совершенствования тэанской* системы руководства предприятиями, ее коллегиальных основ, правильного сочетания в ней партийного и хозяйственного направлений.

В отличие от прошлых лет, высший партийный форум выдвинул требование резко активизировать внешнеэкономическую деятельность КНДР, рассматривая ее как один из важнейших факторов дальнейшего подъема экономики и укрепления научно-технического потенциала страны. В связи с этим ставилась задача не только расширить торгово-экономические отношения со всеми странами мира, но и активно развивать с ними производственные и научно-технические связи, используя для этого но-

* Тэанская система управления народным хозяйством была разработана Ким Ир Сеном. С декабря 1961 г., пройдя апробацию на Тэанском электромеханическом заводе, была повсеместно внедрена в практику хозяйственного развития. Согласно этой системе, управление всеми производственными предприятиями осуществляется коллегиально под руководством партийных комитетов, которые обеспечивают и контролируют производственную деятельность предприятий и политическое воспитание их коллективов.

вые, более эффективные формы сотрудничества, в частности совместное предпринимательство с привлечением иностранных инвестиций.

Таким образом, утвержденная VI съездом ТПК программа модернизации народного хозяйства носила комплексный характер, охватывая практически все важнейшие сферы хозяйственной деятельности. Направленная на укрепление и дальнейшее развитие социалистической экономики, она предусматривала ее обновление и перестройку в соответствии с задачами и требованиями научно-технической революции, необходимостью ее адаптации к новым условиям развития. Главная ее цель состояла в том, чтобы придать импульс развитию производительных сил страны, обеспечить неуклонный рост экономического, производственного и научно-технического потенциалов КНДР.

2. Модернизация народного хозяйства КНДР в период второй семилетки (1978—1984 гг.) и годы «регулирования экономики» (1985—1986 гг.)

Конкретные факты свидетельствуют о том, что уже в период второй семилетки и в годы «регулирования экономики» были сделаны первые практические шаги по реализации курса на модернизацию народнохозяйственного комплекса республики. Прежде всего заметно активизировалась научно-техническая политика государства. В целях быстрого наращивания научного потенциала страны и ускорения технического перевооружения народного хозяйства значительно возросли государственные ассигнования на развитие отечественной науки и техники. Если в 1979 г. по сравнению с предыдущим годом они увеличились в 1,2 раза, то в 1980 г. их годовой объем вырос уже в 1,5 раза². В последующие годы ассигнования на науку и образование неизменно поддерживались на сравнительно высоком уровне, составляя примерно от 3 до 4% ВВП страны. Это позволило заметно расширить и укрепить научно-исследовательскую, опытно-экспериментальную и проектно-конструкторскую базу, создать десятки новых научно-исследовательских институтов, конструкторских учреждений, опытно-экспериментальных заводов, еще шире развернуть исследовательскую работу в области фундаментальных наук, прежде всего в области физики, математики, биологии, генетики, электроники, атомной энергетики, лазерной физики, физики твердых тел и плазмы.

Особое внимание уделялось развитию конструкторской деятельности в области отечественного станкостроения и тяжелого

машиностроения. В результате творческих усилий корейских ученых и специалистов были созданы современные образцы станков с числовым программным управлением (ЧПУ), новое, более производительное комплектное оборудование для металлургической, химической и строительной индустрии, получившие высокую оценку на международных выставках и ярмарках. Большой вклад ученые КНДР внесли также в развитие электронной промышленности, которая только еще зарождалась в стране. Именно в эти годы были созданы десятки предприятий по производству электронной техники и средств автоматизации. Для внедрения в народное хозяйство передовых достижений зарубежной науки и техники серьезное внимание обращалось на совершенствование научно-информационной службы, активизации контактов с зарубежными научными и информационными центрами. Значительные усилия прилагались к увеличению масштабов и повышению уровня подготовки квалифицированных национальных кадров, расширению и укреплению учебной базы страны. К концу 1986 г. в республике функционировали уже 234 высших учебных заведения, а число специалистов и инженерно-технических работников с высшим и средним специальным образованием, занятых в различных отраслях народного хозяйства, достигло 1250 тыс. человек³.

Добиваясь укрепления связей науки с производством и превращения ее в решающий фактор технического прогресса, с 1979 г. в производственные планы стали включаться специальные разделы о научно-техническом развитии предприятий. Одновременно на них ввели новую должность инженера или помощника главного инженера по вопросам научно-технического обеспечения. Для установления более тесных оперативных связей науки с производством начали создавать специальные группы ученых и специалистов, которые направлялись непосредственно на предприятия для оказания им конкретной помощи по внедрению современных достижений науки и техники, освоению выпуска новых видов промышленной продукции. Таким группам присваивалось почетное название имени «17 февраля». В зависимости от специализации они занимались либо внедренческой работой, либо перспективным планированием научно-технического развития производства.

Создавались также специализированные отряды молодых инженерно-технических работников и ученых, которые активно участвовали в движении «за технический прогресс». Можно по-разному относиться к практике создания таких групп и отрядов. Возможно, их деятельность не всегда была достаточно эффек-

тивной. Тем не менее факты свидетельствуют о том, что в целом творческое сотрудничество ученых и производителей приносило положительные результаты и содействовало техническому перевооружению производства, разработке и освоению выпуска новых видов продукции. Можно назвать многочисленные примеры такого творческого сотрудничества. Приведем лишь некоторые из них. При активном участии ученых и специалистов была проведена огромная работа по технической реконструкции и наращиванию производственных мощностей на Комдокском горнодобывающем комплексе, на Танчхонском заводе цветных металлов и многих горнодобывающих предприятиях в провинции Янган. Большой вклад они внесли в техническую модернизацию и расширение производственной базы на Metallургическом объединении им. Ким Чака, Сталелитейном объединении «Чхоллима», Metallургическом объединении «Хванхэ», Тэанском объединении тяжелого машиностроения и многих других предприятиях страны. Значительный вклад ученые и молодые специалисты, включившиеся в движение «за технический прогресс», внесли также в проектирование и строительство Тхэчхонской ГЭС, Сунчхонского виналонового объединения, Саривонского объединения калийных удобрений, в сооружение гигантского Западноморского гидрокомплекса и других народнохозяйственных объектов.

Творческое сотрудничество ученых и производителей на Сталелитейном объединении «Чхоллима» позволило за короткий срок создать крупную базу для производства труб из нержавеющей стали. Ими была проведена большая работа по технической модернизации и расширению производства труб высокого давления, подшипниковых труб и труб специального назначения, что позволило не только удовлетворять в этом виде продукции внутренние потребности страны, но и расширить ее экспорт. Важную роль отряды ученых и специалистов играли также в разработке новых, более совершенных конструкций металлорежущих станков с ЧПУ, крупного специализированного оборудования для различных отраслей индустрии, транспортных средств, строительной и сельскохозяйственной техники, электронно-вычислительной техники, точных приборов, средств автоматизации и роботизации производственных процессов. В исследовательской работе, преимущественно прикладного характера, а также во внедрении в производство современных достижений науки и техники были заняты примерно три четверти научных кадров страны. Для этих целей направлялось около двух третей ассигнований, выделенных на развитие научного потенциала республики.

Из года в год ширилось движение новаторов и рационализаторов производства, которое также стало играть важную роль в технической модернизации народного хозяйства. Руководство КНДР всячески стимулировало и поддерживало творческую инициативу трудящихся. В то же время оно решительно осуждало тех руководителей предприятий и ведомств, которые, ссылаясь на необходимость выполнения производственных планов, мало уделяли внимания вопросам технического перевооружения производства и развитию новаторского движения.

Задачи ускорения научно-технического прогресса, необходимость более широкого внедрения в производство, наряду с отечественной, зарубежной техники и технологии внесли определенные коррективы в понимание сущности концепции «опоры на собственные силы» в вопросах технической модернизации народного хозяйства. Выступая на совещании ответственных работников ЦК ТПК в августе 1985 г., Ким Чен Ир подверг резкой критике тех руководящих работников, которые считали, что в развитии производительных сил страны следует использовать лишь свой научно-технический потенциал, а внедрение в народное хозяйство зарубежной техники и технологии якобы противоречит принципу *чучхе*. Подчеркнув, что подобные взгляды можно объяснить лишь недостаточно ясным пониманием сущности теории *чучхе*, Ким Чен Ир сказал: «Всем руководящим работникам следует активно внедрять достижения передовой зарубежной науки и техники. При этом они должны ясно понимать, что это не противоречит ни требованиям о *чучхейском* развитии отечественной науки и техники, ни принципу опоры на собственные силы»⁴. Таким образом, руководство КНДР, проводя курс на «чучхеизацию» народного хозяйства, то есть создание самостоятельной экономики преимущественно с опорой на собственные силы, в то же время считало, что для ускорения научно-технического прогресса, которое стало одной из главных задач модернизации народного хозяйства, необходимо не только максимально мобилизовать имеющийся в стране научно-технический потенциал, но и активнее использовать для этого передовые достижения зарубежной науки и техники.

Уже на первой стадии модернизации народного хозяйства определенные позитивные сдвиги произошли также в структурной экономической политике. При сохранении общего курса на создание независимой, самостоятельной национальной экономики и ее «чучхеизации» путем формирования универсального, самообеспечивающегося народнохозяйственного комплекса, она приобрела более четкий, целенаправленный характер, обуслов-

ленный прежде всего необходимостью устранения межотраслевых диспропорций в народном хозяйстве и повышения уровня его технической вооруженности. В связи с этим в структурной экономической политике были конкретно определены отраслевые приоритеты развития.

Главные усилия направлялись на укрепление и развитие топливно-энергетической и сырьевой базы страны. Первоочередное, опережающее развитие этих отраслей индустрии было объявлено «направлением главного удара». Им предназначались наиболее крупные капиталовложения, составившие почти половину всех ассигнований в сферу промышленного производства. Их объем из года в год возрастал в среднем на 20—30%⁵. Это позволило за годы второй семилетки и в период «регулирования экономики» осуществить не только новое крупномасштабное строительство производственных объектов топливно-энергетического и сырьевого комплекса страны, но и провести большие реконструктивные работы на предприятиях этой отрасли. В результате производственные мощности электроэнергетики, согласно расчетным данным, выросли более чем в 1,8 раза, а топливной промышленности — почти в 1,6 раза⁶. Возрос также удельный вес этих отраслей в структуре всего промышленного производства. К концу 1986 г. на долю электроэнергетики в ней приходилось уже 1,5%, а на топливную промышленность соответственно 1,6% против 0,4% и 1,02% в 1975 г.⁷ И хотя проблема опережающего развития топливно-энергетического комплекса все же не была решена, тем не менее положение с обеспечением народного хозяйства электроэнергией и топливом несколько улучшилось.

Вставшие перед страной задачи широкой технической модернизации народного хозяйства потребовали также форсированного развития тех отраслей индустрии, от которых в первую очередь зависит технический прогресс во всех отраслях экономики. Значительные силы и средства были направлены на укрепление и расширение производственной базы отечественного машиностроения — ключевой отрасли технического прогресса. В этой отрасли интенсивно шел процесс диверсификации производства, обогащения его новыми прогрессивными направлениями. Особое внимание уделялось развитию станкоинструментальной промышленности, которая осваивала и постепенно увеличивала производство современных видов станочного оборудования, потребность в котором быстро росла. Настоятельная необходимость в компьютеризации народного хозяйства и постепенном его переводе на автоматизированную систему управления выдвинула на первый план задачу ускоренного развития электронной промыш-

ленности и производства средств автоматизации. За короткий срок в стране был создан ряд современных предприятий, освоивших выпуск электронно-вычислительной техники, компьютерных устройств, автоматизированных систем управления, различных элементов электроники и т. д. Это позволило заметно ускорить процесс технической модернизации производства и его компьютеризации, создать в республике собственные вычислительные центры.

В области химической промышленности главные усилия направлялись на укрепление и расширение производственной базы органической химии как важнейшего источника технологического сырья для других отраслей промышленности, прежде всего легкой индустрии. Серьезное внимание уделялось также дальнейшему развитию нефтехимического производства, основы которого закладывались при техническом содействии СССР и Китая. В годы второй семилетки вступил в строй новый нефтеперерабатывающий завод в Анджу, построенный при содействии Китая и рассчитанный на переработку 2 млн т сырой нефти в год, аналогично ранее построенному с помощью Советского Союза нефтеперерабатывающему заводу в Унги.

За годы второй семилетки были введены в строй новые и расширены действующие мощности по производству минеральных удобрений и агрохимикатов, в которых остро нуждается сельское хозяйство. Развитие производства минеральных удобрений рассматривалось руководством республики как одно из приоритетных направлений экономического строительства. Решалась задача создать прочную базу производства не только азотных, но также фосфорных и калийных удобрений. Важно отметить, что в химической промышленности, в том числе и производстве минеральных удобрений, значительно усилилась ориентация на отечественное сырье, в частности на более широкое использование продуктов переработки отечественных углей. В связи с задачей укрепления экспортной базы страны серьезное внимание было уделено изысканию дополнительных экспортных ресурсов, в частности интенсивно велась работа по наращиванию производства цветных металлов, которые стали важной статьёй экспорта, источником пополнения валютных ресурсов страны.

Следует также отметить, что в ходе модернизации экономики ее структурная политика в области промышленного производства приобрела и определенную социальную направленность. Для улучшения снабжения населения товарами первой необходимости предпринимались меры к укреплению и развитию материально-технической базы легкой индустрии, техническому перево-

оружению отрасли. За сравнительно короткий срок было построено большое число предприятий центрального и местного подчинения по производству товаров широкого потребления. На новую техническую основу переводились крупнейшие в стране текстильные, трикотажные и обувные предприятия, которые осваивали выпуск современных товаров. Заметно расширился также выпуск технических товаров длительного пользования. В строй действующих вступили предприятия по производству телевизоров, радиоаппаратуры, ручных часов и других видов бытовой техники. К выпуску товаров широкого потребления длительного пользования подключились также многие предприятия тяжелой промышленности. Ими было освоено производство холодильников, швейных и стиральных машин, велосипедов и различных бытовых электротехнических приборов. По инициативе ЦК ТПК с 1984 г. развернулось движение за увеличение выпуска товаров народного потребления, расширение их ассортимента и повышение качества. В него включились не только специализированные предприятия и производственные подразделения, но и группы надомников, занятых выпуском предметов кустарного промысла.

Необходимо отметить, что в структурной экономической политике важное место заняли также вопросы рационализации территориального размещения производительных сил страны, комплексности развития экономических районов. В частности особое значение приобрели задачи приближения производства к источникам энергии и сырья, районам непосредственного потребления. В то же время в интересах укрепления обороноспособности страны активнее стали осваиваться глубинные, менее развитые в хозяйственном отношении районы, с тем чтобы обеспечить более равномерное рассредоточение производства. Важным элементом модернизации народного хозяйства явилось совершенствование механизма хозяйственного управления, внедрение новых, более эффективных форм организации общественного производства.

Согласно директивам VI съезда ТПК, перестройка механизма хозяйственного управления в соответствии с новыми задачами и требованиями экономического строительства происходила при строгом соблюдении основных принципов «тэанской системы руководства»: контроля со стороны парткома за производственной и хозяйственной деятельностью предприятия, сохранения коллегиальности руководства, приоритета морально-политических методов стимулирования производственной деятельности трудовых коллективов и отдельных работников. Вместе с тем новые, более сложные и масштабные задачи хозяйственного стро-

ительства, необходимость повышения эффективности общественного производства и ускорения научно-технического прогресса потребовали внесения изменений в существующую систему управления, дальнейшего ее совершенствования, устранения негативных явлений в деятельности управленческого аппарата, искоренения бюрократического стиля работы, выразившегося в снижении ответственности, оперативности и компетентности в решении производственных задач.

Состоявшийся в декабре 1980 г. пленум ЦК ТПК подверг резкой критике деятельность управленческого аппарата как высшего, так и низшего звена, потребовал принятия решительных мер по устранению недостатков и кардинальному улучшению его работы. В соответствии с решениями пленума административно-хозяйственные и партийные органы всех уровней развернули работу по совершенствованию механизма хозяйственного управления, искоренению недостатков и поиску более эффективных форм и методов управленческой деятельности. В эту работу активно включились также ученые-экономисты и опытные хозяйственники. Появились многочисленные научные публикации, в которых подчеркивалась настоятельная необходимость более широкого использования в управлении народным хозяйством экономических рычагов, товарно-денежных отношений, закона стоимости и его категорий, последовательного внедрения на предприятиях страны хозяйственного расчета.

В условиях развернувшейся модернизации экономики вопрос об активном осуществлении хозрасчетных отношений приобрел особое значение. Так как ему в прежние годы уделялось недостаточно внимания, пленум ЦК ТПК, состоявшийся в декабре 1984 г., принял специальное постановление «О последовательном внедрении хозяйственного расчета на предприятиях республики». Чтобы избежать ошибок при внедрении и использовании хозяйственного расчета, первоначально различные его формы были апробированы в экспериментальном порядке лишь на некоторых предприятиях, в том числе на Анджуйском угольном объединении и виналоновом объединении имени «8 февраля». Руководство КНДР, учитывая опыт внедрения хозрасчета в других странах, в том числе в СССР, стремилось исключить возможность порождения группового эгоизма при использовании хозрасчетных отношений, чтобы получение прибыли не стало самоцелью, а новые отношения не привели к нарушению кооперационных производственных связей. С целью избежать подобных негативных явлений государство, предоставив хозрасчетным предприятиям достаточно широкую оперативно-хозяй-

ственную самостоятельность, в то же время установило строгий контроль за их производственной и финансовой деятельностью.

Положительные результаты, полученные в ходе эксперимента, позволили уже с 1985 г. развернуть работу по внедрению хозяйсчета практически на всех предприятиях страны. Его применение дало возможность расширить сферу действия закона стоимости, более активно использовать в производственной и хозяйственной деятельности экономические рычаги регулирования и стимулирования трудовой активности, а также товарно-денежные отношения. В свою очередь, это позволило повысить экономическую рентабельность и эффективность производства, увеличило хозяйственную самостоятельность предприятий, стимулировало заинтересованность трудовых коллективов в результатах труда и внедрения новой техники и технологии, содействовало развитию движения за максимальную мобилизацию и экономию материальных и финансовых ресурсов.

Соответствующие изменения были внесены в структуру и функциональную деятельность управленческого аппарата всех уровней. Процесс его реорганизации затронул практически все ветви власти, начиная с центральных государственных органов, включая Административный совет (правительство) КНДР и заканчивая местными органами экономического управления. Большинство хозяйственных министерств и ведомств подверглись существенной или частичной перестройке, были наделены новыми управленческими функциями. Так, министерство металлургии, а также 1-е и 2-е министерства машиностроения для укрепления межотраслевых кооперационных связей были преобразованы в 1985 г. в единый Комитет металлургии и машиностроения. Комитет легкой промышленности и министерство химической промышленности слились в единый Комитет легкой и химической промышленности. В ходе проведенной реорганизации в структуре Административного совета КНДР заметно сократилось отраслевое представительство. Заметно уменьшился также управленческий аппарат отдельных министерств и ведомств, высвободившиеся квалифицированные кадры были направлены непосредственно в сферу материального производства. В целях расширения хозяйственных полномочий местных органов власти укреплялись административно-хозяйственные комитеты провинций и уездов. В результате центр тяжести организационно-хозяйственной деятельности до некоторой степени переместился в регионы, при этом возросла роль местных органов управления экономикой в сфере бюджетной деятельности, в планировании и организации производства. Главная цель реорганизации местных

органов управления и наделения их большими полномочиями состояла в том, чтобы максимально мобилизовать ресурсы каждой административно-хозяйственной единицы, повысить их вклад в общее хозяйственное строительство, поднять их ответственность и оперативность в решении народнохозяйственных задач.

Определенные коррективы вносились также в систему хозяйственного планирования. При составлении производственных планов в большей мере стали учитываться встречные предложения самих предприятий и кооперативных хозяйств, которые при выдвижении своих вариантов плановых заданий опирались на реальные возможности их производственной базы. В планах предприятий увеличилось внимание к вопросам технического перевооружения. Важным элементом перестроенного, обновленного характера явилось также внедрение более совершенных и эффективных форм организации общественного производства. Этот процесс охватил практически все отрасли народного хозяйства, но главным образом — сферу промышленного производства и строительства, где на базе головных предприятий начали возникать крупные производственные объединения и комбинаты интеграционного типа. Главная цель их создания состояла в том, чтобы укрепить и расширить меж- и внутриотраслевые кооперационные производственные связи и на этой основе сформировать единый, тесно взаимоувязанный производственный цикл, начиная от производства сырья и кончая выпуском готовой продукции.

Руководство КНДР рассматривало производственные объединения как «основную плановую, производственную и исполнительную единицу», как наиболее рациональную форму организации промышленного производства, обеспечивающую наиболее эффективное функционирование всех звеньев производственного цикла, повышающее ритмичность производства и позволяющее наиболее полно использовать преимущества хозрасчетных отношений⁸. К концу 1986 г. в республике функционировало уже несколько десятков крупных производственных объединений и комбинатов различного профиля. В основном это были предприятия тяжелой индустрии, прежде всего в энергетической, горнодобывающей, металлургической, химической и машиностроительной отраслях. Наряду с ними стали создаваться также крупные строительные комбинаты, осуществлявшие возведение наиболее важных народнохозяйственных объектов.

Еще одним важным направлением модернизации народного хозяйства стала активизация внешнеэкономической деятельности, включение ее в число решающих факторов подъема произво-

дительных сил страны и укрепления ее производственного и научно-технического потенциала. Как уже отмечалось, в соответствии с директивами VI съезда ТПК были предприняты шаги по дальнейшему расширению и углублению торгово-экономических, производственных и научно-технических связей КНДР с различными странами мира. Как и ранее, приоритет отдавался различным формам сотрудничества с социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом. Согласно установкам съезда, была выработана развернутая программа развития внешнеэкономических связей республики, а в январе 1984 г. сессия Верховного народного собрания КНДР приняла специальное постановление, в котором определялись конкретные направления этой программы. В документе подчеркивалась настоятельная необходимость укрепления экспортной базы страны, улучшения работы всех звеньев аппарата управления внешнеэкономическими связями, коренного улучшения качества экспортной продукции и расширения ее ассортимента, строгого соблюдения сроков экспортных обязательств и своевременного погашения задолженностей по кредитам и товарным поставкам. Осуществление принятой программы имело исключительно важное значение не только для активизации внешнеэкономической деятельности КНДР, но и для начала восстановления ранее утраченного престижа надежного делового партнера. В целях дальнейшего расширения торгово-экономических связей с развивающимися странами была выработана также специальная программа сотрудничества «Юг—Юг».

Практические действия по активизации сотрудничества со странами социализма были предприняты руководством республики во время визитов в 1984 и 1986 гг. партийно-правительственных делегаций во главе с Ким Ир Сеном в СССР и другие европейские социалистические страны. В ходе переговоров на высшем уровне были рассмотрены вопросы дальнейшего расширения и углубления двусторонних экономических связей. На основе достигнутых договоренностей КНДР в середине 80-х гг. подписала долгосрочные соглашения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Предусматривалось предоставление ими КНДР дополнительных инвестиционных и товарных кредитов, оказание помощи в укреплении и модернизации материально-технической базы, дальнейшее углубление производственных кооперационных связей путем создания совместных предприятий, работающих на компенсационной основе и давальческом сырье.

Для КНДР эти соглашения имели исключительно большое значение, так как создавали благоприятные условия для реали-

зации ее долгосрочной программы экономического строительства, модернизации народного хозяйства и выполнения нового третьего семилетнего народнохозяйственного плана на 1987—1993 гг. Значительную роль в экономическом развитии КНДР призваны были сыграть соглашения и долгосрочные проекты сотрудничества, подписанные с Советским Союзом. Активизации и повышению эффективности внешнеэкономической деятельности КНДР призван был содействовать принятый Постоянным комитетом ВНС КНДР 8 сентября 1984 г. специальный Закон о совместном предпринимательстве, согласно которому как на территории республики, так и за ее пределами разрешалось создание акционерных обществ и совместных предприятий с участием иностранного капитала. Таким образом, к традиционным формам сотрудничества КНДР с зарубежными партнерами добавилась принципиально новая — совместное предпринимательство, которое стало первым шагом на пути к большей открытости ее экономики.

Уже на первой стадии реализации Закона были достигнуты некоторые успехи. Особую заинтересованность в создании совместных предприятий с КНДР проявили фирмы «Чхонрён» — Ассоциации корейцев, проживающих в Японии. В 1986 г. для координации деятельности совместных предприятий (СП), созданных с фирмами «Чхонрён», было образовано Корейское генеральное общество международных смешанных предприятий, уставный фонд которого составил 1,2 млн долл. В первый же год его работы было подписано 20 контрактов и заключены соглашения о создании СП с 15 фирмами «Чхонрён»⁹. В последующие годы число таких СП возросло и к 1989 г. превысило 70¹⁰.

Однако процесс создания СП с другими государствами и фирмами все же не получил еще достаточного развития. Видимо, сказывалась прежняя неуверенность зарубежных инвесторов в надежности КНДР как партнера и наличии у нее необходимой правовой базы для нормального функционирования совместных предприятий и гарантий для иностранных капиталовложений. Тем не менее эти предубеждения и опасения постепенно преодолевались. Руководство республики принимало необходимые меры для того, чтобы укрепить законодательную базу совместного предпринимательства.

Важнейшим для внешнеэкономической деятельности республики стало создание специализированных промышленно-торговых экспортно-импортных объединений, акционерных обществ и фирм, а также внешнеторговых банков и их филиалов за рубежом. В целях повышения эффективности и оперативности работы

всех звеньев внешнеэкономического управленческого аппарата была проведена его реорганизация, укреплены связи внешнеторговых фирм и обществ непосредственно с производителями экспортной продукции и потребителями импортных товаров. В начале 80-х гг. учредили Внешнеэкономический комитет КНДР, на который возложили обязанность направлять и контролировать работу внешнеторговых ведомств страны.

Процесс модернизации охватил и другие области народного хозяйства: строительную индустрию, транспорт, сельское хозяйство, а также сферу социальной жизни и культуры. Все это говорит о том, что КНДР, как и многие другие страны, вступила на путь обновления и перестройки своей национальной экономики в соответствии с новыми условиями и требованиями научно-технического прогресса, а также с современными тенденциями развития мирохозяйственных связей. При этом весьма важным показателем перестроечного характера проводимых мероприятий по модернизации экономики является то, что руководство республики в хозяйственном строительстве стало более широко использовать элементы рыночных товарно-денежных отношений, допуская в развитии экономики, наряду с государственным и кооперативным секторами, смешанные и частные формы предпринимательства с привлечением иностранного капитала.

И пусть на этом направлении были сделаны лишь первые практические шаги, тем не менее и они положительно стали сказываться на экономическом развитии страны.

3. Третий семилетний народнохозяйственный план (1987—1993 гг.). Его главные задачи и условия реализации

Более масштабные и сложные задачи по развитию национальной экономики КНДР и ее модернизации предстояло решать в период выполнения нового, третьего семилетнего народнохозяйственного плана, рассчитанного на 1987—1993 гг. и последующие годы. К моменту принятия этого плана республика располагала довольно солидным исходным экономическим и научно-техническим потенциалом. Заметно укрепилась ее материально-техническая база. С 1978 г. было построено и сдано в эксплуатацию свыше 18 тыс. народнохозяйственных объектов. Развернувшаяся в стране техническая реконструкция позволила наращивать производственные мощности предприятий, оснащать их современной техникой и технологией. Например, генерирующие мощности всех электростанций КНДР на этот период выросли более чем вдвое,

а производственный потенциал ключевой отрасли индустрии — машиностроения увеличился соответственно более чем в 2,3 раза¹¹.

Наиболее обобщающим показателем возросшего экономического потенциала КНДР могут служить данные, характеризующие рост ее валового национального продукта. Только за период с 1980 по 1986 гг. его объем вырос с 13,5 млрд долл. до 17,4 млрд долл.¹² Согласно официальным данным, к концу 1986 г. в республике производилось 52 млрд кВт·ч электроэнергии, добывалось 78 млн т угля, выплавлялось 6,73 млн т стали, производилось 5,2 млн т минеральных удобрений, 126 тыс. синтетического волокна, 92 тыс. т синтетических смол, 12 млн т цемента и около 800 млн м различных тканей¹³.

Позитивные сдвиги произошли и в других отраслях экономики: сельском хозяйстве, транспорте, средствах связи, строительной индустрии, коммунальном хозяйстве. В частности укрепление материально-технической базы аграрного сектора позволило заметно увеличить производство сельскохозяйственной продукции. В 1984 г. в стране был собран рекордно высокий урожай зерновых — 10 млн т. В последующие годы сбор зерна также поддерживался на достаточно высоком уровне. Согласно данным ООН, в 1986 г. в КНДР было произведено 3805 тыс. т риса, 2864 тыс. т кукурузы, 143 тыс. т пшеницы и 150 тыс. т ячменя. Кроме того, было собрано 432 тыс. т бобовых, 1900 тыс. т картофеля и 485 тыс. т батата¹⁴.

Разрабатывая новую перспективную программу экономического развития КНДР на предстоящую семилетку и последующие годы, руководство республики считало, что накопленный экономический и производственный потенциал, несмотря на определенные хозяйственные трудности и наличие «узких мест» в экономике, в частности сохранившиеся межотраслевые диспропорции, может служить исходной базой для вступления в следующий, более высокий этап экономического строительства, осуществления возросших по масштабам задач модернизации народнохозяйственного комплекса. При этом учитывались также возможности более активного использования в хозяйственном строительстве экономического, производственного и научно-технического сотрудничества не только с традиционными партнерами — социалистическими странами, но и с развитыми капиталистическими государствами, широко развертывая с ними различные формы совместной предпринимательской деятельности с привлечением иностранных инвестиций.

Третий семилетний план развития народного хозяйства КНДР на 1987—1993 гг. был принят на сессии ВНС КНДР в апреле 1987 г.

В основу контрольных заданий семилетки фактически были положены перспективные задачи экономического развития республики, выдвинутые VI съездом Трудовой партии Кореи. Лишь по некоторым позициям в экономическую программу были внесены небольшие коррективы. Согласно заданиям семилетки, общий объем промышленного производства к концу планового периода должен был увеличиться в 1,9 раза, в том числе по группе «А» — немногим бол чем в 1,9 раза, а по группе «Б» — в 1,8 раза. Сельскохозяйственное производство планировалось увеличить в 1,4 раза при среднегодовом его росте примерно на 4,9%. В целом экономический потенциал страны должен был возрасти по национальному доходу в 1,7 раза, а по валовому внутреннему продукту в 1,8 раза¹⁵.

К концу семилетки в республике должно было производиться 100 млрд кВт·ч электроэнергии, 120 млн т угля, 10 млн т стали, 1,7 млн т цветных металлов, 7,2 млн т минеральных удобрений, 22 млн т цемента и 1,5 млрд м тканей. В области сельского хозяйства ставилась задача довести сбор зерновых до 15 млн т, освоить 300 тыс. чонбо (1 чонбо = 0,99 га) солончаков¹⁶.

В основу экономической стратегии семилетки, как и в предыдущий плановый период, легли «чучхейские» принципы. Планировалось обеспечить дальнейшее укрепление экономической самостоятельности страны путем создания универсального народнохозяйственного комплекса, способного максимально удовлетворить потребности республики в различных видах промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Центральное место в новой семилетке отводилось задачам дальнейшей модернизации народного хозяйства и подведения под него современной научно-технической основы. Предусматривалось приоритетное развитие современных, наукоемких отраслей производства: отечественного станкостроения, точного и тяжелого машиностроения, электронной промышленности, производства средств автоматизации и приборостроения, нефтехимической промышленности, химии органического синтеза, атомной энергетики и других отраслей индустрии, обеспечивающих технический прогресс во всех отраслях экономики. В целях более полного удовлетворения растущих потребностей населения в товарах широкого потребления ставилась также задача всесторонней технической модернизации легкой промышленности, резкого увеличения ее производственных мощностей.

Наращивание общего производственного потенциала промышленности планировалось обеспечить за счет поддержания высокой доли накопления в национальном доходе — в среднем на

уровне 40%. При этом примерно половина всех государственных ассигнований в экономику должна была направляться на капитальное строительство и реконструкцию промышленных предприятий, увеличение их производственных мощностей. За годы семилетки намечалось построить и ввести в эксплуатацию свыше 50 крупных промышленных предприятий, преимущественно в тяжелой индустрии¹⁷. В целом на производственное строительство и техническое перевооружение народного хозяйства планировалось направить 80% всех капиталовложений в экономику, что должно было составить за весь период семилетки примерно 90 млрд won¹⁸. Согласно плановым заданиям третьей семилетки, производственный потенциал КНДР по многим показателям, в сравнении с предыдущим плановым периодом, должен был фактически удвоиться.

Следует сказать, что многие зарубежные, в том числе и российские, специалисты весьма скептически оценивали возможности реализации намеченной в КНДР программы экономического развития и осуществления в полном объеме заданий третьей семилетки. Реально оценивая экономические, производственные и научно-технические возможности страны, они считали, что плановые задания семилетки серьезно завышены и могут быть выполнены, даже при самых благоприятных условиях, лишь на 70—80%. С такой оценкой, видимо, можно согласиться, если учитывать, что к моменту принятия нового народнохозяйственного плана республика все же не смогла окончательно решить проблему разбалансированности промышленного комплекса, что неизбежно должно было сдерживать темпы хозяйственного развития. Но руководство республики придерживалось иного взгляда. Оно считало, что страна располагает реальными возможностями для успешного выполнения нового народнохозяйственного плана. При этом, видимо, большие надежды возлагались на экономическую и научно-техническую помощь со стороны социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, с которым КНДР подписала ряд важных экономических соглашений и проектов сотрудничества. СССР на период выполнения семилетки и в последующие годы вплоть до 2000 г. брал на себя обязательства оказывать КНДР активное содействие в укреплении и развитии ее материально-технической базы. Конкретные условия соглашений свидетельствуют о том, что материально-техническая помощь Советского Союза действительно должна была сыграть важную роль в осуществлении задач семилетки и в последующем экономическом развитии КНДР.

При техническом содействии СССР планировались строительство и реконструкция важнейших промышленных предприятий страны, дальнейшее расширение и углубление производственных кооперационных связей между отдельными отраслями производства, создание ряда совместных предприятий, работающих на компенсационной основе и давальческом сырье. Намечалось также активизировать научно-техническое сотрудничество по важнейшим направлениям развития современной науки и техники, расширить взаимную торговлю и деловое сотрудничество в области сельского хозяйства, транспорта, рыболовства и лесоразработок. Охватывая практически все основные сферы хозяйственной деятельности КНДР, экономическая помощь Советского Союза должна была стать одним из важнейших факторов выполнения нового народнохозяйственного плана. Как и в предыдущие годы, Советскому Союзу практически отводилась роль главного экономического партнера и основного донора КНДР. И хотя в советско-корейских экономических отношениях периодически возникали разного рода сложности, в целом связи развивались весьма динамично и к середине 80-х гг. достигли наивысшего уровня, о чем, в частности, свидетельствуют итоги успешного выполнения межправительственного соглашения о взаимных поставках товаров и платежах на 1981—1985 гг. За пятилетие товарооборот между странами вырос в 1,8 раза и в 1985 г. превысил 1 млрд рублей¹⁹.

На долю Советского Союза приходилось свыше 30% общего товарооборота КНДР. К середине 80-х гг. при техническом содействии и финансовой помощи СССР в республике было построено и введено в эксплуатацию свыше 60 важнейших промышленных предприятий, составивших костяк ее индустриального потенциала. Кроме того, на многих предприятиях были выполнены крупномасштабные реконструктивные работы, которые позволили значительно расширить их производственные мощности. Достаточно сказать, что на промышленные предприятия, построенные и реконструированные при содействии Советского Союза, в 1986 г. приходилось 63% производственных мощностей в электроэнергетике, 50 — в добыче угля, 33 — в производстве стали, 11 — чугуна, 35 — проката, 42 — в добыче железной руды, 44 — в производстве минеральных удобрений, 40 — нефтепродуктов, 20% — в выпуске тканей²⁰. В КНДР было поставлено из СССР большое количество различного производственного оборудования, транспортных средств, приборов, нефти и нефтепродуктов, кокса и коксующегося угля, марганцевой и хромовой руды, ферросплавов, хлопка, калийных удобрений, бумаги, леса,

предметов культурно-бытового назначения и других товаров, играющих важную роль в экономической жизни страны.

Подписанное в декабре 1985 г. между СССР и КНДР долгосрочное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве на 1986—1990 гг. открывало перспективы для дальнейшего расширения взаимной торговли. Товарооборот между нашими странами должен был возрасти еще в 2,7 раза. Было заключено также соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. В развитие этого соглашения был разработан проект Долговременной программы экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами на период до 2000 г., а также составлен перечень предварительно согласованных тем и объектов сотрудничества в рамках Долговременной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района СССР тоже на период до 2000 г.

В проекте Долговременной программы экономического и научно-технического сотрудничества приоритет отдавался развитию кооперационных связей, организации совместных производств, осуществлению тесного сотрудничества в различных областях науки и техники, широкому обмену опытом производственной деятельности. Все это должно было способствовать развитию производительных сил обеих стран, содействовать ускорению в них научно-технического прогресса. В частности в соответствии с данной программой в 1987 г. была достигнута договоренность о создании в КНДР совместного предприятия в области станкостроения — «Хичхон — Горький» по производству фрезерных станков новейшей конструкции мощностью 5 тыс. штук в год. В том же году было подписано соглашение об учреждении международного объединения «Иваново — Хичхон» по изготовлению обрабатывающих центров и станков с ЧПУ нового поколения, пользующихся повышенным спросом на внутреннем и международном рынках. В 1992 г. эти предприятия по производству станочного оборудования должны были выйти на проектную мощность. Планировалось также создание международного научно-производственного объединения «Импульс-аппарат» по выпуску различной импульсно-волновой техники, диапазон применения которой весьма широк: авиация, железнодорожный транспорт, водный транспорт, пищевая промышленность и другие отрасли народного хозяйства.

Важную роль в укреплении и развитии материально-технической базы легкой промышленности КНДР должно было сыграть Долговременное соглашение о сотрудничестве в производстве товаров легкой промышленности в 1987—1990 гг. и на пери-

од до 2000 г. По этому соглашению устанавливались кооперационно-производственные связи между 56 советскими швейными фабриками и объединениями и 45 корейскими предприятиями аналогичного профиля²¹. Согласно подписанным соглашениям и разработанным проектам совместной производственной деятельности, заметно возрасли масштабы технического содействия со стороны СССР в сооружении и реконструкции промышленных объектов КНДР. Их общее число должно было составить 25, в том числе предусматривалось строительство 14 новых предприятий²².

Учитывая большую напряженность в топливно-энергетическом балансе КНДР, Советский Союз брал на себя обязательства расширить и подвергнуть технической модернизации электроэнергетические и угледобывающие предприятия республики. В области электроэнергетики намечалось создать дополнительные генерирующие мощности, равные 3,26 МВт, что позволило бы увеличить выработку электроэнергии примерно на 16—18 млрд кВт·ч. В частности предусматривалось расширить мощности Восточно-Пхеньянской ТЭЦ на 200 тыс. кВт, осуществить строительство тепловой электростанции в районе Анджу на 600 тыс. кВт., расширить мощности Чхонджинской ТЭЦ на 300 тыс. кВт., построить в Нампхо ТЭС на 300 тыс. кВт. В период семилетки предполагалось также сооружение первой в КНДР атомной электростанции мощностью в 1,76 МВт, причем прорабатывался вопрос о возможности дальнейшего расширения ее мощностей до 4 МВт²³.

В угольной промышленности советская сторона взяла на себя обязательства провести крупномасштабные реконструктивные работы на угледобывающих предприятиях района Анджу. На этой основе планировалось расширить производственные мощности шахт с 5 до 10 млн т²⁴. В целях укрепления энергетической базы КНДР намечалось также дальнейшее расширение поставок из СССР сырой нефти, нефтепродуктов, кокса и коксующегося угля. Предусматривалось также техническое содействие в укреплении рудно-сырьевой базы республики. В частности с помощью Советского Союза планировалось провести строительство нового уранового рудника с годовой добычей 1 млн т руды, увеличить производственные мощности свинцово-цинкового рудника Ынпха с 1,2 до 2 млн т руды в год, с последующим нарастанием его мощностей до 3 млн т²⁵. В черной металлургии, наряду с реконструкцией и расширением действующих предприятий, намечалось развернуть работы по строительству нового металлургического комбината в Чхонджине с мощностью выпуска 4 млн т стали в год и завода по производству сварных труб мощностью 200 тыс. т в год,

в год, созданию дополнительных мощностей по производству 100 тыс. т кремневой и нержавеющей стали, 50 тыс. т высококачественного огнеупорного кирпича и до 200 тыс. т магнезитового кирпича в год²⁶. В цветной металлургии предусматривалось создание дополнительных мощностей по выплавке 200 тыс. т цинка и свинца и 100 тыс. т меди, расширение и модернизация Пукчханского алюминиевого завода с увеличением его производственных мощностей с 22,7 до 100 тыс. т в год²⁷.

В машиностроении планировалось создание СП по производству фрезерных станков и обрабатывающих центров, оказание технического содействия в налаживании производства полувагонов (с поставкой в СССР до 3 тыс. штук в год); в химической промышленности предполагалось строительство нового нефтеперерабатывающего завода мощностью 4 млн т в год различных нефтепродуктов, завода синтетического каучука на 100 тыс. т продукции в год и других производственных объектов²⁸. Техническое содействие в легкой индустрии предусматривало дальнейшее расширение ее производственной базы с тем, чтобы резко увеличить выпуск товаров широкого потребления, повысить их качество, расширить их экспорт не только в Советский Союз, но и другие страны. Имелось также в виду техническое содействие в пищевой и фармакологической промышленности. Дальнейшее развитие должны были получить производственно-технические связи в сельском хозяйстве, транспорте, рыболовстве, лесных разработках, в сфере научной деятельности и культуры.

Соответствующие торгово-экономические соглашения в этот период были подписаны и с другими социалистическими странами, предусматривавшие не только дальнейшее расширение торговых и научно-технических связей, но и углубление производственного сотрудничества. Предпринимались также шаги по установлению более активных деловых контактов и экономического сотрудничества с индустриально развитыми странами мира. В рамках программы «Юг—Юг» должны были возрасти торгово-экономические отношения КНДР с развивающимися странами, что имело огромное значение для народного хозяйства республики и расширения ее международных деловых связей. Таким образом, при условии максимальной мобилизации внутренних сил и ресурсов и активного использования международного экономического сотрудничества, прежде всего большой материально-технической и финансовой помощи Советского Союза, казалось бы, складывались вполне благоприятные условия для реализации долговременной экономической программы развития КНДР и выполнения ею нового семилетнего народнохозяй-

ственного плана. Судя по официальным высказываниям, руководство республики возлагало на это большие надежды²⁹.

К сожалению, таким надеждам не суждено было стать реальностью. Уже в первые годы семилетки стало очевидным, что плановые задания по ряду важных направлений хозяйственного развития оказались чрезмерно напряженными, и их выполнение в полном объеме, даже при самой активной мобилизации собственных сил и ресурсов и использовании внешней материально-технической помощи, становилось проблематичным. В связи с этим потребовалась корректировка плановых заданий в сторону их сокращения, в частности в области производства стали и других видов энергоемкой продукции. Однако, несмотря на корректировку плана и принимаемые меры по активизации хозяйственной деятельности и мобилизации внутренних ресурсов, темпы экономического развития республики все же отставали от намеченного уровня. Сохранившаяся разбалансированность народно-хозяйственного комплекса в условиях возросших масштабов хозяйственного строительства вновь обострила проблему обеспечения народного хозяйства электроэнергией, топливом и сырьем, что стало одной из важных причин, сдерживающих темпы экономического развития республики.

Просчеты в структурной экономической политике формирования универсального народнохозяйственного комплекса также отрицательно сказывались на темпах развития. В частности, взятая на вооружение в КНДР стратегия развития электроэнергетической базы путем традиционного использования главным образом гидроресурсов и твердого топлива (угля) оказывается все менее эффективной. Практика показала, что в условиях Кореи, где режим рек крайне неустойчив, а добыча угля с каждым годом усложняется и дорожает, добиться стабильной выработки электроэнергии за счет использования этих первичных источников энергии фактически невозможно, следовательно, невозможно радикально решить и проблему дефицита электроэнергии. Видимо, наиболее надежным источником электроэнергии для КНДР, как для Японии и Южной Кореи, могла бы стать атомная энергетика. Однако решение этой актуальнейшей задачи, с нашей точки зрения, неоправданно было затянуто и отнесено лишь к перспективным вопросам хозяйственного развития страны. Сдерживающим фактором выполнения третьей семилетки стала также перманентная напряженность с финансированием экономики. Вызвано это было прежде всего распыленностью капиталовложений по многочисленным объектам строительства.

Стремление к созданию в КНДР весьма широкого, универсального производственного комплекса снижало эффективность использования капиталовложений, не позволяло концентрировать их на направлениях «главного удара», на тех отраслях экономики, от развития которых в первую очередь зависит жизнеспособность всего народного хозяйства. К тому же значительная часть финансовых и материальных ресурсов направлялась на непроизводительные и не всегда оправданные расходы: создание монументальных сооружений и мемориалов; строительство многочисленных спортивных и выставочных комплексов; проведение крупных международных мероприятий, таких как XXIV Олимпийские игры (которые планировалось, но не удалось в полном объеме провести в КНДР) и XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, организация престижных юбилейных мероприятий и т. д.

Следует также учитывать, что в связи с неослабевающей военно-политической напряженностью на Корейском полуострове КНДР, как и ранее, вынуждена была направлять значительные силы и средства на укрепление своей обороноспособности, отвлекая их от народнохозяйственных нужд. По оценке зарубежных экспертов, на эти цели за годы третьей семилетки было направлено примерно 34,4 млрд долл. бюджетных средств. Годовой объем с 4,22 млрд долл. в 1987 г. возрос до 5,62 млрд долл. в 1993 г.³⁰

Трудности с финансированием народного хозяйства, особенно с начала 90-х гг., были связаны также с ограниченными по-прежнему возможностями получения КНДР зарубежных кредитов и займов, резким изменением условий ее торгово-экономических отношений с зарубежными партнерами. На выполнении третьей семилетки и на экономическом развитии страны в целом негативно сказывалась и недостаточная эффективность механизма хозяйственного управления, на что неоднократно указывалось в решениях пленумов ЦК ТПК. И хотя руководство КНДР, проводя модернизацию экономики, принимало меры по искоренению недостатков в работе управленческого аппарата и стремились внедрить новые, более совершенные формы организации производства и управления, включая и экономические рычаги воздействия на производственные процессы, тем не менее многие звенья системы управления по-прежнему не отвечали новым условиям и не обеспечивали своевременного, оперативного и компетентного решения неизмеримо возросших хозяйственных задач.

Вопреки ожиданиям, экономические внешние условия реализации народнохозяйственного плана к началу 90-х гг. оказались весьма неблагоприятными для республики. Перестроечные процессы, происходившие в Советском Союзе и восточноевропей-

ских социалистических странах, крайне негативно отразились на их торгово-экономических отношениях с КНДР. Стремление руководства СССР и других соцстран перевести экономические связи с КНДР в русло прямых рыночных отношений, а затем и осуществленный ими переход на новую систему международных расчетов в свободно конвертируемой валюте с учетом мировых цен привели к резкому сокращению взаимного товарооборота и свертыванию других форм экономического, производственного и научно-технического сотрудничества. Взаимные расчеты значительно осложнились также из-за дефицитности инвалютных накоплений. Заметно возросла и внешняя задолженность КНДР Советскому Союзу. Уже к началу 90-х гг. она достигла 2234,1 млн руб.³¹ Переориентация руководства бывшего Советского Союза, а затем и России в межгосударственных и экономических взаимоотношениях на Южную Корею еще более усугубила трудности в развитии торгово-экономических связей с КНДР и привела их к довольно быстрому свертыванию. Проблематичной становилась и перспектива реализации долгосрочных программ экономического сотрудничества с СССР и другими соцстранами. Обвальное же свертывание практически всех форм экономического и научно-технического сотрудничества республики со странами социалистического Содружества произошло в результате распада мировой социалистической системы и развала Советского Союза. С ликвидацией СССР КНДР потеряла не только главного, самого надежного торгово-экономического партнера, но и лишилась наиболее емкого рынка сбыта своей экспортной продукции, источника получения льготных кредитов и займов, большой материально-технической помощи и научно-технического обеспечения, которые постоянно играли исключительно важную роль в укреплении и развитии экономического и производственного потенциала республики.

Изменение общественно-политического и экономического строя России — правопреемницы бывшего Советского Союза — неизбежно привело к ломке традиционно сложившихся форм и принципов межгосударственных отношений между Москвой и Пхеньяном, внесло перемены и в их экономические взаимоотношения. Вопреки здравому смыслу и в ущерб национальным экономическим интересам, руководство России в первые же годы становления новой власти фактически приняло курс на свертывание всех форм сотрудничества с КНДР, отказалось от взаимного партнерства с ней не только в политической, но и в экономической сфере деятельности. Наглядным подтверждением могут служить показатели торгового оборота между СССР (Россией) и

КНДР с начала 90-х гг. В 1990 г. объем товарооборота между двумя странами, согласно западным источникам, достиг 2715,3 млн долл., однако в 1992 г. он уменьшился уже более чем в 4,5 раза, составив всего 600 млн долл. В последующие годы он продолжал резко сокращаться: в 1993 г. снизился до 430 млн долл., в 1994 г. — до 130 и в 1995 г. составил лишь 100 млн долл.³² Во второй половине 90-х гг. он продолжал оставаться на минимальном уровне.

Прежде Советский Союз в общем товарообороте КНДР неизменно занимал первое место. В настоящее время Россия оказалась отброшенной на четвертое место вслед за Китаем, Японией и Южной Кореей. При этом общее падение товарооборота между двумя странами сопровождалось резким сокращением поставок в КНДР жизненно важных для ее экономического развития товаров производственного назначения, что весьма болезненно отразилось на ее хозяйственной деятельности. Особенно негативно сказалось резкое сокращение поставок в КНДР машинного оборудования, нефти и нефтепродуктов, коксующегося угля и кокса, легирующих материалов, минеральных удобрений, сырья и материалов для легкой промышленности. Достаточно упомянуть, что, например, поставки сырой нефти из России в КНДР с 855 тыс. т в 1986 г. сократились к 1991 г. до 40 тыс. т, а в 1992 г. в республику поступило всего 25 тыс. т нефти и 20 тыс. т мазута, что фактически поставило «на прикол» крупнейшее в стране нефтеперерабатывающее предприятие, построенное при техническом содействии Советского Союза и рассчитанное на переработку 2 млн т сырой нефти, поставляемой из СССР³³. В последующие годы поставки нефти из России, в силу крайне ограниченного их объема, в официальной статистике вообще не зафиксированы. Имели место лишь разовые поставки ничтожного количества различных нефтепродуктов, годовой объем которых в 1993—1995 гг. не превышал 400 т.

На заключительной стадии выполнения семилетки и в последующие годы в десятки раз уменьшился также экспорт российского угля, годовой объем которого не превышал 50 тыс. т. Многократное сокращение произошло также в поставках черных металлов и калийных удобрений, в которых остро нуждается КНДР. Резко сократился также экспорт машинного оборудования. К концу семилетки в республику было поставлено продукции машиностроения всего на несколько десятков миллионов долларов, а в последующие года объем ее экспорта еще более сократился, составив в 1994 г. 15 млн долл. и в 1995 г. — 22,2 млн долл.³⁴

Аналогичное положение сложилось также с поставками сырья, материалов и фурнитуры для предприятий легкой промыш-

ленности, продукция которых в значительной мере была ориентирована на российский рынок. В результате производственные мощности многих предприятий отрасли, особенно швейных, имевших прямые производственные связи с российскими предприятиями, либо простаивали, либо работали с большой недогрузкой.

С развалом Советского Союза практически полностью были свернуты производственные и научно-технические связи в области станкостроения, энергетики и других отраслей экономики, прекратила свою деятельность Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между СССР и КНДР. Все ранее подписанные соглашения о долгосрочном экономическом сотрудничестве фактически утратили силу или были заморожены на неопределенный срок. Подобное положение сложилось и во взаимоотношениях КНДР с бывшими социалистическими странами Восточной Европы: ее торгово-экономические связи с ними также резко сократились.

Тяжелым бременем на экономику КНДР ложилась также все возрастающая ее внешняя задолженность. Попытка хотя бы частично погасить ее путем расширения экспорта северокорейских товаров, главным образом цветных и драгоценных металлов, не принесла ожидаемых результатов. Неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке и ограниченность экспортных ресурсов не позволили решить эту задачу. Долг продолжал расти. По оценке экспертов, в 1993 г. он уже превысил 10 млрд долл. против 7,86 млрд долл. в 1990 г.³⁵ В результате этого сохранилась репутация КНДР как ненадежного торгово-экономического партнера, что, естественно, лимитировало возможности расширения ее внешнеэкономической деятельности, хотя республика прилагала немалые усилия, стремясь преодолеть экономическую блокаду. Таким образом, неблагоприятные внешнеэкономические условия наряду с внутренними хозяйственными трудностями, обусловленными наличием серьезных диспропорций в общественном производстве, весьма негативно сказались на экономической жизни республики, вызвали определенные кризисные явления в экономике и отрицательно отразились на ходе выполнения третьей семилетки. Однако ущерб, нанесенный экономическому развитию КНДР в результате свертывания ее хозяйственных связей с традиционными партнерами, как это ни парадоксально, мог быть еще более ощутимым, если бы республика в свое время вступила в СЭВ, куда ее настойчиво приглашали, и имела более глубокие интеграционные связи по линии этой международной организации.

Трудности КНДР на заключительной стадии выполнения третьей семилетки и в последующие годы усугубились также новым обострением военно-политической обстановки на Корейском полуострове. Атмосфера враждебности к КНДР в связи с так называемой «ядерной проблемой», прямые угрозы со стороны США применить к ней не только экономические, но и военные санкции, вплоть до нанесения ракетно-бомбовых ударов, поставили страну фактически на грань войны и вынудили ее на завершающем этапе семилетки вновь расширить расходы на оборону в ущерб хозяйственному строительству. Достаточно сказать, что бюджетные расходы на оборону только в 1993 г., по сравнению с предыдущим годом, возросли на 4,7%, превысив уровень 1987 г. в 1,4 раза³⁶. Отвлечение дополнительных средств из хозяйственного оборота, естественно, усилило сложности с финансированием программы экономического строительства. Совокупность неблагоприятных внутренних и внешних факторов создала весьма напряженную экономическую обстановку в стране и не позволила КНДР в полном объеме выполнить задания народнохозяйственного плана на 1987—1993 гг., о чем официально было заявлено ее руководством.

4. Основные итоги выполнения третьей семилетки (1987—1993 гг.)

Окончательные итоги семилетки были подведены на XXI пленуме ЦК ТПК в декабре 1993 г. В его документах отмечалось, что вследствие распада мировой социалистической системы, поражения социализма в СССР и странах Восточной Европы, развала мирового социалистического рынка, нарушения традиционно сложившихся экономических связей, обострения военно-политической ситуации на Корейском полуострове и усиления агрессивных происков против республики сложилась крайне неблагоприятная для КНДР международная обстановка, которая «осложнила развитие нашей революции, создала огромные препятствия и трудности на пути хозяйственного развития республики и не позволила в полном объеме выполнить задачи семилетки»³⁷. Вместе с тем в документах пленума подчеркивалось, что даже в этих сложных условиях национальная экономика КНДР продолжала развиваться и ее потенциал все же вырос, что полностью опровергает утверждение некоторых зарубежных, да и российских «аналитиков» о полном провале экономической программы семилетки.

За годы семилетки валовый национальный продукт КНДР, несмотря на сокращение темпов его роста, особенно на заключительной стадии выполнения народнохозяйственного плана, все же увеличился более чем на 3 млрд долл. по сравнению с 1986 г., о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (в млрд долл.)³⁸.

Динамика роста ВВП КНДР за годы третьей семилетки

1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
17,4	19,4	20,6	21,1	23,1	22,9	21,1	20,5

Согласно приведенным данным, объем ВВП КНДР за годы семилетки вырос на 117,8%. Падение же его роста за 1991—1993 гг. составило более чем 11%.

Несмотря на серьезные хозяйственные трудности и даже кризисные явления в экономике, республика и в период семилетки не утратила способности к мобилизации внутренних ресурсов и источников накопления, о чем свидетельствует неуклонный рост государственного бюджета КНДР как по доходам, так и в расходной его части. При этом следует учитывать, что на заключительной стадии семилетки страна в значительной мере лишилась возможности пополнения бюджетных средств за счет внешних источников — кредитов и займов.

Государственный бюджет КНДР за годы третьей семилетки по доходам и расходам увеличился с 28,5 млрд вон в 1986 г. до 40,4 млрд вон в 1993 г., то есть более чем в 1,4 раза³⁹. Это позволило ежегодно наращивать государственные ассигнования в экономику, на социальные нужды, развитие науки и культуры, укрепление обороноспособности страны. Только капиталовложения в народное хозяйство за годы семилетки выросли с 18,6 млрд вон в 1986 г. до 27,4 млрд вон в 1993 г., то есть почти в 1,5 раза, а их доля в бюджетных расходах возросла соответственно с 65,6 до 67,8%⁴⁰. Рост ассигнований в экономику дал возможность в годы семилетки продолжить капитальное строительство в различных отраслях народного хозяйства, осуществлять программу технического перевооружения промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства, выполнить большой объем коммунального и культурно-бытового строительства. Только в промышленности было введено в строй свыше 11 тыс. новых производственных объектов⁴¹.

В результате материально-техническая база промышленности вновь несколько расширилась и окрепла, а ее отраслевая струк-

тура пополнилась новыми прогрессивными направлениями производства. Несмотря на значительные хозяйственные трудности, дефицит электроэнергии, топлива и сырья, валовая продукция промышленности за годы семилетки все же увеличилась в 1,5 раза, при среднегодовом ее приросте на 5,6%⁴². Это означало, что задания семилетки по выпуску валовой продукции фактически были выполнены на 80%, что соответствовало первоначальным прогнозам зарубежных экспертов, считавших плановые наметки заведомо завышенными. Наибольшее недовыполнение производственных планов наблюдалось прежде всего в энергоемких отраслях производства, а также в тех отраслях, производственная деятельность которых напрямую зависела от импортных поставок технологического топлива и сырья или ранее была тесно связана кооперационными формами сотрудничества с зарубежными партнерами. В частности из-за резкого сокращения импорта сырой нефти из России производственные мощности нефтеперерабатывающего комплекса КНДР были загружены всего лишь на 30—40%. В результате выпуск нефтепродуктов резко сократился, что вызвало острый дефицит в обеспечении народного хозяйства жидким топливом и другими нефтепродуктами. Фактически степень удовлетворения народного хозяйства КНДР нефтепродуктами к концу семилетки составила лишь одну треть от его потребностей. Если в 1986 г. в страну было завезено 3,2 млн т сырой нефти, то в 1993 г. ее импорт составил 1,36 млн т, в 1994 г. — 910 тыс. т и в 1995 г. — 1, 1 млн т⁴³. При этом поставки нефти из России, как уже отмечалось, фактически прекратились. В таком же положении оказались отрасли легкой промышленности, прежде всего швейное производство, работавшее в основном на импортном давальческом сырье и материалах, ввозимых из России, и ориентированное преимущественно на российский рынок.

В чрезвычайно сложном положении оказались и другие отрасли производства, особенно те, которые имели прямые кооперационные связи с предприятиями бывшего Советского Союза и продукция которых предназначалась в значительной мере для хозяйственных нужд СССР. Это относилось прежде всего к заводам по производству автомобильных аккумуляторов, микроэлектродвигателей и эмальпроводов, а также совместным предприятиям по изготовлению фрезерных станков и обрабатывающих центров. Их производственная деятельность из-за уменьшения поставок из России необходимых материалов, сырья, комплектующих деталей и оборудования заметно сократилась. Фактически полное прекращение технического содействия со стороны России в укреплении и развитии материально-технической базы

электроэнергетики, металлургии, химии и добывающих отраслей, на что рассчитывали в КНДР, естественно, не позволило в полном объеме решить задачу форсированного наращивания производственного потенциала в этих жизненно важных отраслях экономики, преодолеть отставание в развитии топливно-энергетического комплекса страны. И тем не менее, даже в таких крайне сложных условиях, важнейшие отрасли индустрии все же получили некоторое развитие. Согласно опубликованным данным, за годы семилетки был полностью или частично введен в строй ряд крупных гидравлических и тепловых электростанций, в том числе Тхэчхонская ГЭС (800 тыс. кВт), Вивонская ГЭС (390 тыс. кВт), Сунчхонская ГЭС (200 тыс. кВт), Восточно-Пхеньянская ТЭС и Намганская ГЭС. Кроме того, построено много мелких и средних электростанций местного значения, их число к концу 1993 г. превысило две тысячи. По южнокорейским сведениям, суммарная мощность основных электростанций КНДР за годы третьей семилетки выросли с 6,1 млн кВт в 1986 г. до 7,14 млн кВт в 1993 г.⁴⁴ По оценке же ООН, мощности всех электростанций республики к концу 1993 г. достигли 9,5 млн кВт⁴⁵. В соответствии с перспективными задачами укрепления энергетической базы страны в период семилетки были также развернуты работы по сооружению других гидравлических и тепловых электростанций: Кымганской ГЭС, Йонвонской ГЭС, Кымъянганской ГЭС, Хичхонской ГЭС, Оранчхонской ГЭС, Хэджуской ТЭС и ТЭС имени «12 декабря».

Начались также подготовительные работы по сооружению первой в КНДР атомной электростанции. При техническом содействии советских специалистов готовились проектно-строительная документация и технико-экономическое обоснование, определялось место сооружения станции. Ввод в эксплуатацию строящихся электростанций позволил бы КНДР в ближайшей перспективе увеличить мощности по выработке электроэнергии примерно на 4 млн кВт. Однако серьезные экономические трудности, возникшие на заключительной стадии семилетки, заметно снизили темпы строительных работ и не позволили расширить генерирующие мощности до уровня, предусмотренного народнохозяйственным планом. В связи с развалом Советского Союза были свернуты также работы по строительству атомной электростанции. Следует также добавить, что неблагоприятные метеорологические условия (неустойчивость режима рек) в течение ряда лет не позволяли эффективно использовать генерирующие мощности действующих ГЭС. В результате выработка электроэнергии в КНДР за годы семилетки возросла лишь в 1,3 раза при средне-

годовом темпе ее прироста примерно на 3,8%⁴⁶. Если исходить из этих северокорейских данных, то к концу 1993 г. в республике было произведено примерно 67 млрд кВт·ч электроэнергии, против 100 млрд кВт·ч, запланированных семилеткой. Согласно экспертной оценке ООН, уровень производства электроэнергии в КНДР был заметно ниже: в 1991 г. он равнялся 53,5 млрд кВт·ч, а к концу 1993 г. снизился до 38 млрд кВт·ч, притом падение выработки электроэнергии на тепловых электростанциях из-за дефицита топлива составило 35,6%, а на гидравлических станциях — на 24,4%⁴⁷. Нерешенность задачи бесперебойного обеспечения народного хозяйства электроэнергией в необходимом объеме, естественно, отрицательно сказалась на многих отраслях производства, особенно энергоемких. Стремление руководства КНДР решить проблему дефицита электроэнергии за счет преимущественного развития гидроэнергетики вновь не дало положительных результатов, хотя удельный вес ГЭС в выработке электроэнергии вырос с 57,8% в 1986 г. до 60,1% в 1993 г., а доля тепловых электростанций соответственно сократилась⁴⁸.

Анализируя итоги выполнения семилетки, декабрьский пленум ЦК ТПК 1993 г. отметил, что в течение планового периода был сделан большой объем работ по укреплению и расширению топливно-сырьевой базы страны. В угольной промышленности основное внимание было сконцентрировано на техническом перевооружении угледобывающих предприятий крупнейшего в стране Анджуйского угольного объединения, производственные мощности которого в перспективе планируется довести до 100 млн т угля в год. Интенсивно разворачивались также работы по освоению новых месторождений угля, особенно в северных районах страны. Однако с началом 90-х гг., в связи с нарастанием хозяйственных трудностей, работы по технической модернизации этой важной отрасли индустрии стали заметно сворачиваться, что, естественно, отразилось на ее производственной деятельности и не позволило выйти на запланированный уровень добычи угля, хотя его добыча в стране за годы семилетки увеличилась в 1,4 раза при среднегодовом темпе ее прироста на 4,9%⁴⁹. По оценке ООН, объем добычи угля в КНДР к концу 1993 г. достиг 99 млн т, из которых примерно две трети приходилось на антрацит, а остальная часть — на лигнит (бурые угли)⁵⁰. Следует сказать, что в южнокорейских справочных изданиях этот показатель значительно ниже, так как расчет там производится в нефтяном эквиваленте. По их сведениям, добыча угля в КНДР с 52,95 млн т в 1990 г. сократилась до 36,85 млн т в 1993 г., а в 1995 г. упала до 23,7 млн т⁵¹. Несмотря на столь существенные расхождения показателей в

оценке производственного потенциала угольной промышленности КНДР, все они, так или иначе, свидетельствуют о том, что республика к концу семилетки не смогла достигнуть запланированного уровня производства угля (120 млн т), что, естественно, обострило проблему дефицита топлива в стране. Напряженность в топливном балансе еще более усугубилась резким сокращением импорта технологического топлива — коксующегося угля и кокса, а также сырой нефти и мазута.

В итоговых документах декабрьского пленума указывалось, что большое внимание в годы семилетки было уделено укреплению и расширению экспортной базы страны. При этом значительные силы и средства были направлены на дальнейшее расширение и модернизацию материально-технической базы по добыче, обогащению и производству цветных металлов, пользующихся повышенным спросом на мировом рынке. Крупные капиталовложения в цветную металлургию позволили заметно расширить и реконструировать многие предприятия этой отрасли, ввести в строй ряд новых производственных объектов. В крупнейшую базу по производству цветных металлов превратился Танчхонский завод. Его основной сырьевой базой стал Комдокский горнодобывающий комплекс, производственные мощности которого за годы семилетки были основательно расширены. В частности здесь была введена в эксплуатацию третья обогатительная фабрика по переработке 10 млн т руды в год. Расширены также производственные мощности основных предприятий по выплавке цветных металлов. Это позволило за годы семилетки увеличить продукцию цветной металлургии в 1,6 раза, при среднегодовом темпе ее прироста на 7%⁵². И хотя отрасль в целом также не вышла на запланированный семилеткой уровень, тем не менее в ее развитии произошли позитивные сдвиги, укрепились ее производственная база. Совершенно очевидно, что созданные производственные мощности при их эффективном использовании могли бы обеспечить более высокий уровень производства цветных металлов. Однако цветная металлургия, будучи весьма энергоемкой отраслью производства, в период семилетки периодически испытывала дефицит электроэнергии и рудного сырья, в результате чего ее производственные мощности, по оценке специалистов, использовались на три четверти. К тому же работы по расширению алюминиевого завода, предусмотренные ранее соглашением с СССР, так и не были начаты российской стороной.

Дальнейшее развитие получила также производственная база черной металлургии. Фактически все основные предприятия этой отрасли в той или иной мере подверглись техническому перевоо-

ружению и расширению. В частности при техническом содействии Советского Союза были проведены работы второй очереди реконструкции и расширения Metallургического объединения им. Ким Чака. Значительный объем работ по технической модернизации производства был выполнен на Metallургическом объединении «Хванхэ», Сталелитейном объединении «Чхоллима», Сонджинском объединении. Развернулось также строительство нового крупного сталелитейного завода на западе страны в районе г. Нампхо.

Наиболее интенсивно реконструктивные работы в черной металлургии велись в первые годы семилетки. Однако с начала 90-х гг. их объем стал также постепенно сокращаться. Тем не менее материально-техническая база черной металлургии продолжала развиваться. На заводах внедрялся прогрессивный метод непрерывной разливки стали, устанавливалось дистанционное управление производственными процессами, широкое распространение получили производственная телефикация и компьютеризация, осуществлялись работы по механизации и автоматизации наиболее сложных и трудоемких производственных процессов, на основе новой техники и технологии осваивались прогрессивные методы плавки и проката металла, расширен был ассортимент выпускаемой продукции, повысилось ее качество. Соответственно расширилась и укрепилась сырьевая база черной металлургии. В частности крупномасштабные реконструктивные работы были проведены на крупнейшем в стране Мусанском горнорудном объединении. В результате его производственные мощности значительно возросли. Технической реконструкции подверглись Токчхонский и Токсонский рудники, а также другие наиболее важные и перспективные предприятия по добыче и обогащению железной руды.

Отмечая позитивные сдвиги в укреплении и развитии материально-технической базы черной металлургии, необходимо все же сказать, что эта отрасль так же, как и другие, испытывала на себе дефицит электроэнергии, что отрицательно сказывалось на ее производственной деятельности и не позволяло максимально использовать производственные мощности. Узким местом черной металлургии постоянно было обеспечение ее технологическим топливом. Эта проблема особенно обострилась после того, как поставки из России коксующегося угля и кокса были сведены к минимуму. Использование же местного топлива в металлургическом производстве не покрывало потребности в нем. Тем не менее, несмотря на сложности, производство стали в КНДР за годы семилетки выросло, согласно официальным данным, в 1,3 раза,

составив примерно 8,7 млн т³³. Недовыполнение производственного плана по выплавке стали было связано с тем, что не все запланированные к сдаче производственные мощности к концу семилетки были пущены в эксплуатацию.

В связи с продолжающейся модернизацией народного хозяйства в процессе выполнения семилетки особое внимание уделялось отечественному машиностроению как ключевой отрасли технического прогресса. Технической модернизации подверглись ведущие предприятия машиностроения, в том числе Тэанское объединение тяжелого машиностроения, в состав которого входят 8 крупных предприятий различного профиля, объединенных тесными кооперационно-производственными связями, Хичхонский станкостроительный комбинат — флагман отечественного станкостроения, новый крупный станкостроительный завод «3 апреля», электровозостроительное объединение им. Ким Чжон Тхэ, автомобильный завод «Сынни», ведущие судостроительные предприятия страны и многие другие. Как правило, эти предприятия оснащены современным оборудованием отечественного производства, а также оборудованием, приобретенным в бывшем Советском Союзе, Швеции, Германии, Японии и других странах.

Техническое перевооружение машиностроительных предприятий позволило не только расширить производство, но и освоить выпуск новых машин и станочного оборудования. Например, корейские станкостроители в годы третьей семилетки наладили производство скоростных, высокоточных автоматических товарных станков с ЧПУ, а также прецизионных фрезерных станков и многошпиндельных обрабатывающих центров, получивших высокую оценку специалистов на международных выставках. Предприятия транспортного и тяжелого машиностроения наладили выпуск нового мощного электротехнического оборудования: генераторов, трансформаторов, турбин, паровых котлов, уникального заказного крупного оборудования для горнодобывающей, металлургической, химической и строительной индустрии. Машиностроители освоили также выпуск мощных локомотивов, тяжелогрузных вагонов, крупнотоннажных морских судов, мощных грузовых автомашин и тракторов различной модификации.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что в развитии машиностроительной промышленности КНДР за годы третьей семилетки произошли заметные прогрессивные сдвиги. И все же, несмотря на повышенное внимание к этой ключевой отрасли индустрии, она, как и другие отрасли, испытала на себе негативное воздействие нарастающего экономического кризиса. Особенно сильно оно сказалось на заключительной стадии выполне-

ния семилетки. Многие предприятия отрасли из-за неудовлетворительного обеспечения их электроэнергией, материалами и комплектующими деталями работали неритмично и не всегда выполняли задания по выпуску продукции. Исключение, как правило, составляли лишь предприятия военно-промышленного комплекса, которые неизменно пользовались приоритетом в материально-техническом и финансовом обеспечении. Это позволяло осуществлять на них систематическую техническую модернизацию производства, регулярно предоставлять им все необходимое для организации производства и эффективного его функционирования.

Государственная поддержка военно-промышленного комплекса дала возможность за годы этой семилетки освоить выпуск новых, более совершенных видов вооружения, развернуть производство ракетной техники. Так, например, на основе модификации советской ракеты «Скад» (полученной из Египта) первоначально было освоено производство ракеты «Скад-Би» с дальностью действия 320—340 км, затем в 1989 г. начался выпуск более совершенной ракеты «Скад-Си», способной поражать цели на расстоянии 500 км, в 1991 г. была разработана конструкция новой управляемой ракеты «Нодон-1» с дальностью действия 1000 км. В последующие годы продолжалось совершенствование ракетной техники, и уже в 1995 г. корейские предприятия приступили к выпуску двухступенчатой управляемой ракеты «Тэпходон-1», способной поражать цели на расстоянии вдвое больше, чем предыдущая ракета. По мнению южнокорейских специалистов, в 1996 г. КНДР была близка к завершению работ по созданию модифицированной управляемой ракеты «Тэпходон-2» с дальностью действия в 3000 км⁵⁴. Как известно, на основе развития отечественной ракетной техники КНДР в 1998 г., в год своего пятидесятилетия, смогла вывести на околоземную орбиту свой первый искусственный спутник.

Таким образом, несмотря на серьезные экономические трудности, обрушившиеся на страну, машиностроительные предприятия военно-промышленного комплекса КНДР продолжали работать достаточно интенсивно как в годы семилетки, так и в последующий период. Следует при этом отметить, что их продукция стала для страны важной статьей ее экспорта, существенным источником валютных поступлений. Среди 30 ведущих стран — экспортеров вооружений КНДР уже в начале 90-х гг. заняла 14-е место, а общий объем ее экспорта оружия за 1991—1995 гг. оценивается в 743 млн долл.⁵⁵

В ходе выполнения народнохозяйственного плана 1987—1993 гг. дальнейшее развитие получила также материально-производственная база химической индустрии и промышленности строительных материалов. Соответственно возросли производственные мощности этих отраслей по выпуску основных видов продукции. Так, мощности по производству минеральных удобрений за первые четыре года семилетки выросли примерно на 10%, по выпуску синтетического волокна — более чем на 35%, а по производству цемента — почти на 33%⁵⁶. Большие реконструктивные работы были проведены на Хыннамском объединении по производству минеральных удобрений, на заводе фосфорных удобрений в Хэд-жу, на Намхынском химическом объединении «Молодежное», на виналоновом объединении «8 февраля» и ряде других крупных химических предприятий. В строй вступили также новые, оснащенные современной техникой производственные объекты. Среди них исключительно большое народнохозяйственное значение имел фактически первый в республике завод по производству калийных удобрений. Важным объектом строительства стало Сунчхонское виналоновое объединение, первая очередь которого вступила в строй в октябре 1989 г. Ввод в эксплуатацию этого крупнейшего в стране предприятия по производству синтетического волокна и других видов химической продукции давал возможность значительно укрепить сырьевую базу легкой промышленности, прежде всего текстильного производства. В период третьей семилетки широко велось также строительство небольших химических предприятий, относящихся к местной промышленности и специализирующихся на выпуске различных химикатов, реактивов, красок, лаков, эмалей, моющих средств и других товаров бытовой химии.

В целом материально-техническая база химической индустрии КНДР за годы третьей семилетки расширилась и окрепла, заметно повысился уровень технической оснащенности ее предприятий. Однако в химической промышленности производственные мощности из-за крайне неудовлетворительной обеспеченности электроэнергией и сырьем в течение практически всей семилетки и особенно на ее заключительной стадии не были эффективно использованы. В результате к концу семилетки она не смогла обеспечить запланированный уровень производства многих видов химической продукции, крайне необходимой народному хозяйству, в том числе заданий по выпуску минеральных удобрений. Согласно официальным данным КНДР, объем их производства увеличился лишь в 1,5 раза, составив, по оценке зарубежных экспертов, примерно 5,6 млн т, то есть не более 78% от

запланированного уровня⁵⁷. Аналогичное положение сложилось и с производством синтетического волокна. Созданные производственные мощности смогли обеспечить к концу 1993 г. выпуск лишь 177 тыс. т синтетического волокна против запланированных 225 тыс.⁵⁸ В сложнейшем положении с начала 90-х гг. оказалось нефтехимическое производство, полностью зависящее от импорта нефти. Как уже отмечалось, после развала СССР поставки российской нефти в КНДР резко сократились. Их объем к концу семилетки по сравнению с 1986 г. уменьшился более чем в 85 раз, составив в 1993 г. всего 10 тыс. т⁵⁹.

Кризисные явления в экономике, обострившиеся к концу семилетки, не обошли стороной и строительную индустрию. Являясь весьма энергоемкой отраслью, она постоянно испытывала дефицит в электроэнергии, сырье и топливе, в результате чего ее предприятия работали недостаточно ритмично, а их производственные мощности не имели полной загрузки. По нашему мнению, недостаточно интенсивно шел также процесс наращивания производственных мощностей. И хотя в период семилетки многие предприятия промышленности строительных материалов подверглись технической реконструкции и был построен ряд новых объектов, в том числе крупный цементный завод в Санвоне, оснащенный современной техникой и рассчитанный на выпуск 2 млн т продукции, общие производственные мощности не позволили обеспечить запланированный на конец семилетки уровень производства цемента в объеме 22 млн т. Тем не менее производство цемента за годы семилетки все же увеличилось. Особенно интенсивно оно росло в первый период. По данным ООН, производство цемента в КНДР в конце 1991 г. достигло 16 329 тыс. т⁶⁰. Однако в последующие годы оно также стало сокращаться и к концу семилетки составило лишь немногим более 12 млн т, что фактически оказалось вдвое меньше запланированного уровня.

Что касается легкой промышленности КНДР, то, согласно сообщениям северокорейской прессы, за годы семилетки она получила дальнейшее развитие. На основе технической модернизации укрепились ее материально-производственная база, произошел «новый перелом в производстве предметов широкого потребления»⁶¹. С такой оценкой, видимо, можно согласиться лишь частично. Действительно, уровень технической оснащенности предприятий легкой индустрии заметно повысился. Благодаря внедрению современной техники и технологии расширились производственные мощности предприятий, они получили возможность освоить выпуск новых, более качественных товаров. Заметно расширился ассортимент выпускаемой продукции, многие ее

виды стали важными статьями корейского экспорта. Вместе с тем легкая промышленность, как и другие отрасли, весьма ощутимо испытывала на себе нарастание хозяйственных трудностей. Недостаточная обеспеченность ее сырьем, материалами и электроэнергией не позволяла максимально использовать имеющийся производственный потенциал, систематически наращивать выпуск продукции. Особенно резкий спад производства в отрасли произошел в 1992 г. Однако уже в 1993 г. положение стало несколько выправляться и к концу года объем производства даже вырос на 5%⁶². И хотя в документах декабрьского пленума было отмечено, что в производстве товаров широкого потребления за годы третьей семилетки наметился заметный перелом, все же многие отрасли легкой индустрии, в том числе текстильная и обувная, так и не смогли в полном объеме выполнить намеченные планы.

Например, текстильная промышленность, по нашей оценке, обеспечила выполнение плана по производству тканей лишь наполовину от запланированного уровня. Согласно же расчетам южнокорейских экономистов, этот показатель еще ниже: при общей мощности текстильного производства в 680 млн м, выпуск тканей к концу 1993 г. составил всего 190 млн м⁶³. Возможно, этот показатель производства тканей ими слишком занижен, но все же в какой-то мере он отражает сложное положение в отрасли, возникшее к концу семилетки. Как уже отмечалось, резкое сокращение поставок давальческого сырья, материалов и фурнитуры из России привело к существенному свертыванию также и выпуска швейной продукции.

Несколько более благоприятные условия для производственной деятельности имела местная промышленность, на долю которой к началу 90-х гг. приходилось свыше 54% всех выпускаемых в стране товаров широкого потребления. Мобилизуя внутренние сырьевые и материальные ресурсы, реализуя на деле принцип «опоры на собственные силы», предприятия местной промышленности смогли из года в год наращивать выпуск продукции. В результате валовая продукция этой отрасли за годы семилетки выросла в 1,7 раза, то есть ежегодно она увеличивалась в среднем на 7,9%⁶⁴.

В документах декабрьского пленума было отмечено, что, несмотря на экономические трудности, дальнейшее развитие в годы семилетки получила транспортная система республики. Для этой отрасли государством были выделены крупные капиталовложения, что позволило осуществить большой объем по капитальному строительству и технической модернизации транспортных коммуникаций, укрепить и расширить материально-производ-

ственную и ремонтную базу отрасли, оснастить транспорт современными техническими средствами. В период выполнения народнохозяйственного плана были проложены сотни километров стальных магистралей, в том числе железнодорожные линии в северных районах страны. На западном побережье республики была построена большая кольцевая магистраль, которая значительно разгрузила транспортные потоки. Общая протяженность всех железных дорог страны, включая подъездные и маневровые пути, к концу семилетки достигла почти 9 тыс. км, из которых 5112 км приходилось на основные магистрали⁶⁵. Многие участки дорог были переключены на две колеи, на ряде участков узкая колея переведена на широкую, на основных направлениях уложены рельсы, рассчитанные на тяжеловесные грузовые составы.

За годы третьей семилетки электрифицировано 800 км наиболее напряженных участков железных дорог. В результате общая протяженность электрифицированных магистралей в стране к концу 1993 г. достигла 3866 км⁶⁶. На долю электровозной тяги приходится свыше 90% всех железнодорожных перевозок⁶⁷. Благодаря усилиям отечественной промышленности были созданы более совершенные и мощные локомотивы. Вагонный парк пополнился различными крупнотоннажными и специализированными вагонами и рефрижераторами. К концу семилетки число локомотивов, находящихся в эксплуатации, достигло 1200 единиц, а число грузовых вагонов превысило 24 280 единиц⁶⁸.

Автопарк страны пополнился новыми, более мощными грузовыми автомобилями, производство которых освоено корейскими автомобилестроителями. Число автомашин, находящихся в эксплуатации, к концу 1993 г. достигло примерно 290 тыс. единиц, увеличившись по сравнению с 1987 г. на 50 тыс.⁶⁹ За годы семилетки выполнен большой объем работ по сооружению новых и реконструкции действующих автомобильных дорог различного класса — от обычных дорог с твердым покрытием до скоростных магистралей. В результате общая протяженность автомобильных дорог увеличилась с 22 до 23,2 тыс. км⁷⁰. Построены 3 скоростные шоссейные магистрали: Пхеньян — Кэсон, Пхеньян — Кандон, Вонсан — Кымгансан. К концу семилетки общая протяженность скоростных шоссейных дорог достигла 524 км, увеличившись по сравнению с 1987 г. более чем в 2,4 раза⁷¹.

В связи с активизацией внешнеэкономической деятельности большое внимание стало уделяться развитию морского транспорта. Для увеличения пропускной способности основных морских портов республики крупномасштабные реконструктивные работы были осуществлены в портах Чхонджин, Раджин, Хыннам и Вон-

сан — на восточном побережье и в портах Нампхо, Сонним и Хэджу — на западном побережье страны. Общая пропускная мощность этих 8 торговых портов КНДР к концу семилетки достигла 35 млн т⁷². Все это свидетельствует о том, что в период третьей семилетки значительные силы и средства были направлены на разрешение весьма острой проблемы транспортного обеспечения народного хозяйства. Меры по укреплению и модернизации материально-технической базы транспорта позволили уже к концу 80-х гг. заметно снизить напряженность грузовых и пассажирских перевозок. Однако полностью решить эту проблему так и не удалось. Неудовлетворительное обеспечение отрасли жидким топливом и электроэнергией крайне отрицательно сказывалось на работе всех видов транспортных средств, особенно железнодорожного и автомобильного. Заметно сократились также возможности финансирования отрасли. Поэтому вновь обострилась транспортная проблема в КНДР.

В документах декабрьского пленума подчеркивалось, что немало сил и средств было направлено также на развитие сельского хозяйства, на укрепление и модернизацию его материально-производственной базы. Однако задачи по обеспечению устойчивого роста сельскохозяйственного производства оказались в полной мере нереализованными. Сегодня, когда КНДР переживает острый продовольственный кризис, естественно, возникает вопрос: в чем главная его причина, все ли было сделано для того, чтобы предотвратить этот кризис и обеспечить устойчивый рост сельскохозяйственного производства, от которого в первую очередь зависит решение продовольственной проблемы? Продовольственная проблема для КНДР всегда была весьма актуальной и неизменно находилась в центре экономической политики Трудовой партии Кореи и правительства республики. Ее решение постоянно было сопряжено с немалыми трудностями, обусловленными прежде всего тем, что Северная Корея, находясь фактически в зоне рискованного земледелия, не располагает благоприятными климатическими условиями для обеспечения стабильного роста сельскохозяйственного производства. КНДР обладает также весьма ограниченными возможностями для расширения пахотного фонда. Достаточно сказать, что лишь 16,4% всей ее территории пригодны для земледелия, а среднегодовая температура не превышает 8,2°C, в то время как для Южной Кореи эти показатели соответственно составляют — 21,5% и 13°C. Количество осадков, выпадающих за год в Северной Корее, в среднем равно 1041, а в Южной Корее — 1185 мм⁷³.

Возможности интенсификации сельскохозяйственного производства в республике сдерживались и сдерживаются сегодня все еще недостаточно высоким уровнем его технической вооруженности, хотя за годы народной власти в этом направлении велась постоянная работа: был выполнен комплекс мероприятий по созданию развитой ирригационной системы, механизации и химизации сельскохозяйственного производства, осуществлена электрификация деревни. Довольно активно развивалась сельскохозяйственная наука, велась селекционная работа, внедрялись новые, более совершенные методы производства и его организация, до середины 80-х гг. КНДР в общем и целом удовлетворительно справлялась с задачей обеспечения населения продовольствием, используя распределительную систему снабжения. Недостающая часть продовольствия частично покрывалась за счет импорта. Однако начиная с 1985 г. (вследствие неблагоприятных погодных условий) республика не смогла сохранить устойчивый рост сельскохозяйственного производства, и проблема продовольственного обеспечения населения, с учетом относительно быстрого увеличения его численности, серьезно осложнилась.

В целях решения продовольственной проблемы руководство КНДР в ходе выполнения третьей семилетки принимало необходимые меры по дальнейшему укреплению материально-производственной базы сельского хозяйства и совершенствованию хозяйственной деятельности кооперативов и госхозов. На ведущих предприятиях страны велась работа по наращиванию производства сельхозтехники и других видов промышленной продукции, необходимой для повышения уровня технической вооруженности сельского хозяйства. Главные усилия по техническому перевооружению сельского хозяйства и его модернизации были направлены на то, чтобы в ближайшие годы перевести его на рельсы интенсивного развития, обеспечить проведение комплексной механизации и химизации сельскохозяйственного производства, расширить и укрепить ирригационную систему, более широко использовать в производственных процессах электроэнергию. Серьезное внимание уделялось также дальнейшему развитию агробиологической науки. Перед учеными страны была поставлена задача развернуть исследования в области биологии и генетики, активизировать селекционную работу с тем, чтобы обеспечить внедрение новых, более урожайных сортов сельскохозяйственных культур, приспособленных к выращиванию в различных климатических районах страны.

В то же время руководство республики считало, что возможности решения продовольственной проблемы в условиях риско-

ванного земледелия только за счет интенсификации производства имеют свои естественные ограничения. Поэтому одновременно была поставлена задача дальнейшего расширения сельскохозяйственных угодий путем отвоевывания земельных участков у моря и проведения террасирования горных склонов, введения в хозяйственный оборот заброшенных земель и пустошей, рациональной перепланировки и использования имеющегося пахотного фонда. Кроме того, активно занялись повышением плодородия почв, которые в результате длительного и интенсивного их использования заметно истощились. Делалось это не только путем их усиленной подкормки, но и подсыпкой нового грунта.

В соответствии с Программой преобразования природы, принятой в начале 80-х гг., развернулись работы по освоению 300 тыс. га солончаковых земель прибрежной полосы. В период третьей семилетки более интенсивно проводилось террасирование горных склонов и освоение пустошей, что должно было увеличить пахотный фонд страны еще на 200 тыс. га. Осуществлялась также перепланировка земельных угодий, укрупнение и выравнивание посевных площадей. Сооружение Западноморского гидроузла, пущенного в 1986 г., позволило осуществить строительство новой крупной ирригационной системы в западных районах страны, что заметно повысило возможности орошения сельскохозяйственных угодий. В 1990 г. были завершены работы по прокладке оросительных каналов, связанных с Западноморским гидроузлом, общей протяженностью свыше 860 км, из которых 480 км составили основные водные магистрали и 380 км — отводные каналы. Мелиоративные работы велись и в других районах страны. Всего за годы этой семилетки были построены ирригационные каналы общей протяженностью 10 400 км, сооружено более 1400 насосных станций, 192 водохранилища, свыше 16 тыс. артезианских скважин, колодцев и других водоподъемных устройств. В результате к концу 1993 г. в КНДР насчитывалось уже более 1700 водохранилищ, свыше 26 тыс. водонасосных станций, а общая протяженность оросительных каналов значительно превысила 40 тыс. км⁷⁴.

Заметно повысился также уровень технической вооруженности сельского хозяйства. Расширился автотракторный парк сельскохозяйственных кооперативов и госхозов, на полях появилась более совершенная уборочная и посевная техника. Многие трудоемкие работы были полностью механизированы. По оценке ООН, в 1993 г. на полях республики работали 75 тыс. тракторов различной модификации, а автопарк превысил 32 тыс. грузовых автомашин⁷⁵. Число культиваторов в 1993 г., по сравнению с 1963 г., увеличилось в

5,6 раза, молотилок — в 7 раз и уборочных машин — в 1,5 раза⁷⁶. Расширилось также использование электроэнергии в сельскохозяйственном производстве. К концу семилетки годовое потребление электроэнергии на селе достигло 3,8 млрд кВт · ч⁷⁷.

Согласно официальным данным КНДР, снабжение деревни минеральными удобрениями за годы семилетки в целом возросло в 1,4 раза, о чем сообщалось и в южнокорейском издании⁷⁸. Следует при этом отметить, что основной рост поставок минеральных удобрений сельскому хозяйству приходился главным образом на первые четыре года семилетки. Затем, особенно с 1992 г., снабжение ими заметно сократилось. Дефицит минеральных удобрений на селе увеличился также из-за резкого снижения их импорта. Динамику снабжения корейской деревни минеральными удобрениями в период семилетки характеризуют приводимые ниже данные ООН (в пересчете на основной компонент питательного вещества в тыс. т)⁷⁹.

	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Азотные	602,0	634,0	644,0	655,4	359,0	652,5
Фосфорные	137,0	147,6	163,2	158,9	148,5	130,0
Калийные	6,6	30,4	7,5	18,1	3,6	...

Примечательно, что к концу 1993 г. снабжение деревни минеральными удобрениями вновь начало выправляться. Согласно сводному докладу комиссии ООН по аграрным вопросам, в 1993 г. в связи с вводом в эксплуатацию дополнительных производственных мощностей оно заметно увеличилось по сравнению с предыдущим годом: по азотным удобрениям — в 1,5 раза, фосфорным — в 1,2 и калийным — в 4,2 раза⁸⁰. Тем не менее положение с обеспеченностью сельского хозяйства удобрениями по-прежнему не соответствовало его возросшим потребностям, особенно если учитывать сильное истощение пахотных земель.

В целях повышения урожайности зерновых культур, наряду с подкормкой почв, в период семилетки была проведена большая работа по созданию новых элитных, высокоурожайных сортов риса, кукурузы и других сельскохозяйственных культур, предназначенных для возделывания в различных почвенно-климатических условиях страны. Серьезное внимание уделялось также повышению эффективности хозяйственной деятельности кооперативных хозяйств и крупных государственных сельскохозяйственных объединений, общее число которых превысило 3 тыс. Преж-

де всего были осуществлены мероприятия по их организационно-хозяйственному укреплению, а также по совершенствованию системы планирования производства и улучшению работы полевых бригад и звеньев. Особое значение придавалось дальнейшему развитию звеньевой системы, которую в КНДР считают основной и наиболее эффективной формой организации общественного производства на селе. Для усиления производственной деятельности звена и повышения его ответственности за результаты труда оно наделялось большей хозяйственной самостоятельностью как в организации производства, так и в оценке результатов проделанной работы и распределения оплаты труда. Осуществляя провозглашенную в КНДР задачу постепенного преобразования кооперативной формы собственности в общенародную, государственную, в период третьей семилетки развернулась работа по включению производственных кооперативов и госхозов в укрупненные государственные хозяйства и сельскохозяйственные объединения, которые, по мнению северокорейских специалистов, обеспечивают наиболее высокий уровень организации общественного труда и производственной деятельности коллективных хозяйств. Первоначально на базе небольших сельхозкооперативов и госхозов, а также предприятий местной промышленности, обслуживающих сельское хозяйство (производящих ремонт сельхозтехники, торговлю и бытовое обслуживание населения), в каждом уезде в порядке эксперимента создавалось несколько крупных агропромышленных комплексов, государственных хозяйств и объединений. Впоследствии опыт организации таких укрупненных хозяйств получил повсеместное распространение.

Однако производственно-технический потенциал на селе оказался все же недостаточным, чтобы обеспечить постоянно стабильный рост сельскохозяйственного производства, противостоять неблагоприятным погодно-климатическим условиям развития земледелия. На деятельности сельского хозяйства, наряду с неблагоприятными погодными условиями, крайне отрицательно сказались и те колоссальные экономические трудности, которые обрушились на республику с начала 90-х гг., а также просчеты, допущенные в организации и планировании сельскохозяйственного производства. В частности, плановые задания по сбору зерновых и других сельскохозяйственных культур нередко завышались и не соответствовали реальным возможностям кооперативных хозяйств. На протяжении всей семилетки ежегодный сбор зерновых неизменно оказывался ниже уровня 1984 г., когда республика, согласно сообщению ЦСУ КНДР, собрала самый высокий урожай зерновых — 10 млн т. По оценке же ООН, урожай

тогда составил 8,26 млн т. Динамику производства зерновых в КНДР в целом за годы третьей семилетки характеризуют следующие данные (в млн т)⁸¹:

1984	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
8,26	7,93	7,93	7,77	7,54	7,31	7,09	7,23

В дальнейшем все более отчетливо проявлялась тенденция к постепенному сокращению сбора зерновых. Негативно сказались многие факторы объективного и субъективного характера, в том числе и крайне неблагоприятные погодные условия. Однако главной причиной спада сельскохозяйственного производства стало все то же быстрое нарастание кризисных явлений в экономике КНДР. Прежде всего заметно ухудшилось материально-техническое обеспечение сельского хозяйства. Из-за отсутствия горюче-смазочных материалов нередко простаивала сельскохозяйственная техника. Перебои в снабжении электроэнергией нарушали работу ирригационных систем и всех производственных агрегатов, работающих на электроэнергии. В результате многие трудоемкие полевые и другие сельскохозяйственные работы приходилось выполнять вручную, привлекая для этого в массовом порядке не только сельчан, но и значительный контингент городского населения, студентов и военнослужащих. Разумеется, широкое привлечение городского населения, не имеющего необходимых навыков, не могло в полной мере обеспечить эффективность трудовых затрат. В сложившихся условиях не могло быть и речи о сборе зерновых в объеме 15 млн т, как это было запланировано этой семилеткой. К тому же, если учитывать состояние сельскохозяйственного производства в КНДР за последние два десятилетия, становится вполне очевидным, что задания семилетки по сбору зерновых были явно завышенными и не соответствовали реальным возможностям страны.

При оценке итогов выполнения народнохозяйственного плана необходимо хотя бы коротко остановиться на конкретных результатах реализации основных направлений и задач модернизации экономики в годы третьей семилетки, которая, по оценке декабрьского пленума ЦК ТПК, стала важным фактором экономического строительства и ускорения научно-технического прогресса. С принятием нового народнохозяйственного плана в соответствии с директивными установками ТПК и конкретными указаниями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира заметно активизировалась научно-техническая политика государства. При поддержке

государственных органов управления был дан новый импульс развитию отечественной науки и техники, принимались дополнительные меры по ускорению научно-технического прогресса, созданию единой системы взаимосвязи наука — техника — производство. Наиболее распространенным средством реализации этой задачи стало укрепление существующих и организация новых инициативных групп ученых и специалистов, призванных обеспечить внедрение на производстве новой техники и технологии, оказать содействие в разработке и освоении выпуска новых, современных видов промышленной продукции. Важную роль в совершенствовании производства и повышении его технического уровня сыграло также развитие массового движения новаторов и рационализаторов, организация специальных молодежных бригад «за технический прогресс».

Особое место в научно-технической политике отводилось улучшению подготовки национальных квалифицированных кадров, увеличению численности ученых и специалистов. Руководство республики и в третьей семилетке направило значительные силы и средства на развитие и совершенствование системы высшего и среднего специального образования, расширение и укрепление материально-технической базы научно-исследовательских центров и укомплектования их необходимыми научными кадрами, на создание современной научно-информационной, опытно-конструкторской и производственно-экспериментальной базы. Согласно официальным данным, в 1988 г. государственные ассигнования на развитие отечественной науки и техники, а также на подготовку ученых и специалистов с высшим и средним образованием различного профиля были увеличены почти в 1,4 раза, а на следующий год — еще в 1,5 раза⁸². В последующие годы государственное финансирование отечественной науки и техники, несмотря на хозяйственные трудности, неизменно поддерживалось на достаточно высоком уровне. Даже в 1992 г., в условиях обострения экономического кризиса, бюджетные ассигнования на эти цели все же возросли по сравнению с предыдущим годом примерно на 12%⁸³. По оценке зарубежных экспертов, расходы КНДР на развитие науки, техники и образования на 1987—1991 гг. составили примерно 4% ВВП, а их объем соответственно увеличился с 776 млн долл. в 1987 г. до 916 млн долл. в 1991 г.⁸⁴

В целях ускорения научно-технического прогресса, придания ему большего динамизма и целенаправленности на пленуме ЦК ТПК, состоявшемся в марте 1988 г., был принят специальный трехлетний план развития отечественной науки и техники на 1988—1990 гг. В нем были определены наиболее важные, приори-

тетные направления развития фундаментальных и прикладных наук, намечены конкретные меры по внедрению в народное хозяйство современных достижений науки и техники. Перед отечественной наукой ставилась задача сосредоточить главные усилия на развитии электроники, теплотехники и биологии. В то же время выдвигалось требование активизировать научные и конструкторские разработки в области машиноведения, материаловедения, химии органического синтеза, лазерной техники, физики высокого давления и других современных направлений науки. Для успешного осуществления утвержденного ЦК ТПК плана были приняты соответствующие решения о материально-техническом, кадровом и финансовом обеспечении научных и конструкторских центров, а также производственно-экспериментальных баз.

Программа ускорения научно-технического прогресса была тесно увязана с задачей дальнейшего укрепления и развития учебной базы подготовки национальных квалифицированных кадров. В результате к началу 1992 г. в республике функционировало уже свыше 280 вузов против 235 в 1987 г., а общая численность инженерно-технических работников и специалистов с высшим и специальным средним образованием, занятых в различных отраслях народного хозяйства КНДР, соответственно увеличилась с 1310 тыс. до 1600 тыс. человек⁸⁵. Следует отметить, что в первые годы третьей семилетки после длительного перерыва возобновилась отправка корейской молодежи на учебу в другие страны, стала шире практиковаться стажировка там специалистов, что позволило более активно знакомиться с зарубежным передовым опытом производства и современными достижениями науки и техники. Однако с начала 90-х гг. в связи с изменившимися международными условиями эти контакты вновь были свернуты.

При разработке трехлетнего плана развития отечественной науки и техники руководство республики, несомненно, исходило из тех больших возможностей ускорения научно-технического прогресса, которые открывали соглашения, подписанные КНДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами о сотрудничестве в области науки и техники. К сожалению, с развалом СССР и переменами в остальных соцстранах эти возможности не могли быть реализованы, так как подписанные соглашения практически полностью утратили силу. Однако основные задачи трехлетнего плана развития отечественной науки и техники, согласно официальному сообщению, были выполнены.

Итоги его выполнения были подведены на Общереспубликанском слете ученых и специалистов КНДР в октябре 1991 г. Столь представительный форум констатировал, что успешное осуще-

ствление трехлетнего плана сыграло важную роль в ускорении научно-технического прогресса, в мобилизации и целенаправленном использовании научных сил республики. Реализация его основных направлений позволила решить многие сложные задачи технического перевооружения народного хозяйства и в целом укрепить научно-технический потенциал страны. На этом же форуме ученых и специалистов был обсужден и принят новый трехлетний план развития науки и техники на 1992—1994 гг., который предстояло осуществлять уже в условиях обострившегося экономического кризиса.

В приветственном письме к участникам Ким Чен Ир призвал корейских ученых добиться «нового подъема в развитии науки и техники», сконцентрировать основные научные силы на дальнейшем развитии электроники, машиностроения, биоинженерии, материаловедения, химии, физики и других важнейших направлений фундаментальной и прикладной науки, обеспечивающих научно-технический прогресс во всех областях народного хозяйства. При этом он указал на необходимость органического сочетания научной теории и научного поиска с конкретной производственной практикой, с решением назревших хозяйственных задач, тесной увязки научных исследований с насущными потребностями экономического развития страны⁸⁶. В ходе выполнения нового трехлетнего плана развития науки и техники многое из того, что было им предусмотрено, получило воплощение в научных и конструкторских разработках, внедрено в практику хозяйственного строительства. К сожалению, мы не располагаем развернутой информацией о результатах выполнения обоих планов развития науки и техники. Тем не менее даже отдельные материалы, опубликованные в северокорейской и зарубежной прессе, свидетельствует о том, что корейские ученые и специалисты за годы третьей семилетки внесли существенный вклад в развитие производительных сил страны, в укрепление и развитие ее научно-технического потенциала.

В годы третьей семилетки, особенно на первой ее стадии, центральное место заняли проблемы технического перевооружения народного хозяйства. Техническая модернизация производства наиболее интенсивно проводилась в промышленности и на транспорте. В результате материально-техническая база этих ведущих отраслей экономики к началу 90-х гг. заметно укрепилась и расширилась. И хотя этот процесс затем несколько замедлился, тем не менее работы по технической модернизации производства продолжались на многих предприятиях страны. Факты показывают, что наиболее важные предприятия индустрии за годы семи-

летки подверглись коренной технической реконструкции, а вновь создаваемые производственные объекты, как правило, оснащались современной техникой и технологией, созданной в стране или полученной из-за рубежа. Примером технической модернизации может служить крупнейшее в республике машиностроительное предприятие — Тэанское объединение тяжелого машиностроения, которое за годы третьей семилетки благодаря технической реконструкции буквально преобразилось. Автору данной работы в начале 90-х гг. удалось побывать на этом предприятии и наблюдать его работу. Прежде всего привлекло внимание высокий уровень автоматизации и механизации основных производственных процессов, широкое внедрение современных автоматизированных систем управления, телефикации и компьютеризации производственных и управленческих операций. В цехах установлены современное оборудование и механизмы отечественного производства, а также полученные из Швеции, Германии, Японии и других индустриально развитых стран. Примерно то же самое можно сказать и о других предприятиях машиностроительного комплекса страны, которые за последнее десятилетие также достигли сравнительно высокого уровня технической оснащенности.

Так, Хичхонский комбинат благодаря технической модернизации за период третьей семилетки превратился в крупную современную базу отечественного станкостроения. Уровень технической оснащенности этого предприятия позволил в относительно короткий срок наладить серийное производство современных металлорежущих станков с ЧПУ новейшей модификации, горизонтальных и вертикальных цифровых обрабатывающих центров, отвечающих требованиям мировых стандартов. Усилиями корейских ученых, конструкторов и специалистов-производственников были созданы, например, такие образцы современного станочного оборудования, как быстроходные универсальные токарные станки «Кусон-3» и «Кусон-4», «Хичхон-5» и «Хичхон-425», соответствующие мировым стандартам; универсально-фрезерные станки марки «Ф1-250» и пятисторонние обрабатывающие центры, позволяющие внедрять на предприятиях страны гибкие производственные системы и поточные линии. Высокую оценку на международных выставках и ярмарках получил универсальный токарный станок «Кусон-4», который по точности и скорости обработки деталей почти в 5 раз превосшел прежние станки этой марки.

Технической модернизации подверглись также предприятия автотракторной промышленности КНДР, уровень технической

оснащенности которых за годы последней семилетки заметно повысился. Так, на автомобильном заводе «Сынни» в результате технической реконструкции установлено 12 поточных автоматических линий с использованием более 1000 единиц современного станочного оборудования с ЧПУ и робототехникой. Практически все основные и вспомогательные производственные процессы имеют высокий уровень механизации и автоматизации. На предприятии широко используются современная система телефикации и ЭВМ. Техническая модернизация позволила вдвое увеличить производственные мощности предприятия, а выпуск автомобилей «Чаджу» возрос в 4 раза⁸⁷.

Крупномасштабные работы по техническому перевооружению производства были осуществлены также на Кымсонском тракторном заводе, что позволило не только расширить его мощности, но и обеспечило необходимые технические условия для модификации ранее выпускаемых тракторов мощностью 28, 45 и 75 л. с., налаживания производства новых, более совершенных и экономичных тракторов «Чхоллима-80», «Чхоллима-40» и «Чхонджин-20», которые по своим техническим характеристикам намного превосходят прежние модели⁸⁸. В период этой семилетки техническая реконструкция и увеличение мощности произошли практически на всех ведущих предприятиях электроэнергетики, горнодобывающего комплекса, металлургии, химии, строительной индустрии и легкой промышленности.

Примерами технического прогресса могут служить не только действующие промышленные предприятия, подвергшиеся основательной модернизации, но и вновь строящиеся производственные объекты, сразу оснащаемые современным оборудованием и новой технологией производства. К числу таких объектов с полным основанием можно отнести Пукчханское теплоэлектрообъединение, которое за годы третьей семилетки превратилось в крупнейшую в стране современную базу теплоэнергетики. Благодаря усилиям корейских ученых и специалистов-энергетиков на новой технической основе интенсивно велось и строительство крупных гидравлических и тепловых электростанций: Намганской, Йонвонской, Кымъянганской, Оранчхонской и Тхэчхонской ГЭС № 5, а также Декабрьской ТЭС и Восточно-Пхеньянской ТЭЦ.

Техническая реконструкция угольных шахт Анджуйского угледобывающего комплекса позволила нарастить его производственные мощности и увеличить добычу угля на 6 млн т⁸⁹. На северо-востоке страны велись геологические работы по изысканию новых месторождений угля и их освоение. Интенсивно шли

реконструктивные работы и в горнодобывающей промышленности. Например, оснащение обогатительных фабрик Мусанского горнорудного объединения, крупнейшего в стране производителя железорудного концентрата, современным, более производительным оборудованием, а также внедрение новой технологии обогащения руд позволили увеличить мощности предприятия по выпуску концентрата на 10 млн т⁹⁰.

Техническая модернизация производства и его расширение проводились практически на всех ведущих металлургических предприятиях страны. Активную роль и здесь играли корейские ученые и специалисты. Наиболее интенсивно этот процесс также происходил в первые годы третьей семилетки, когда КНДР еще имела возможность использовать материально-техническую и технологическую помощь Советского Союза и других социалистических стран. Наглядным примером тому может служить техническая модернизация и расширение Металлургического объединения им. Ким Чака, проводившиеся при участии советских специалистов. В результате производственные мощности предприятия заметно возросли. В эксплуатацию были сданы крупные производственные объекты: кислородно-конверторный цех, рассчитанный на выплавку 2,4 млн т стали в год, цех горячей прокатки на 1,67 млн т, цех холодной прокатки листа на 0,4 млн т⁹¹. Шел процесс освоения введенных в строй производственных мощностей, однако (нехватка электроэнергии, технологического топлива и сырья) они так и не были полностью задействованы. По имеющимся данным, даже к 1995 г. они были фактически освоены лишь частично: по стали — на 1,8 млн т, горячекатаному листу — на 1,3 млн т и по холоднокатаному листу — на 0,1 млн т⁹².

За годы третьей семилетки на новый технический уровень вышли и другие металлургические предприятия. Так, на Металлургическом объединении «Хванхэ», Сталелитейном объединении «Чхоллима», Сталелитейном объединении в Сонджине и других была осуществлена комплексная автоматизация и механизация основных производственных процессов, установлено более совершенное плавильное и прокатное оборудование, внедрены дистанционные системы управления производством, телефикация и компьютеризация, позволяющие более четко осуществлять контроль за работой металлургических агрегатов и определять режим их работы. Заметно повысился и уровень профессиональной подготовки металлургов. Из вновь введенных в строй или строящихся производственных объектов, имеющих современный уровень технической оснащенности, заслуживает вни-

мания прежде всего крупнейшее в республике Сунчхонское ви-налоновое объединение, первая очередь которого была сдана в эксплуатацию в конце 1989 г. По завершению его строительства, согласно проекту, здесь должно производиться 100 тыс. т виналонового волокна, 900 тыс. т азотных удобрений, 250 тыс. т каустической соды, 400 тыс. т карбоната натрия, 300 тыс. т кормового белка, 1 млн т карбида и 750 тыс. т метанола⁹³. На предприятии установлено новейшее отечественное и зарубежное оборудование, используется современная технология производства. Большой вклад в его техническое оснащение вносят корейские ученые, конструкторы и специалисты-производственники. Благодаря их усилиям было разработано, изготовлено и поставлено на предприятие более 3000 единиц различных машин и оборудования 93 видов, тысячи различных приборов и средств автоматики, свыше 10 тыс. специальных клапанных устройств и механизмов, предназначенных для оснащения технологических линий⁹⁴.

На новой технической основе велось сооружение другого крупного предприятия химической индустрии — Саривонского объединения калийных удобрений. В разработку проекта предприятия и его техническое оснащение большой вклад внесли корейские ученые и специалисты, опираясь на собственный научно-технический потенциал и зарубежный опыт. Новейшее оборудование и современная технология, при условии нормального материально-производственного и энергетического обеспечения, позволяют ежегодно перерабатывать 3 млн т калийного шпата и выпускать 510 тыс. т калийных удобрений, 420 тыс. т глинозема и более 10 млн т цемента. В строительной индустрии примером современного технического прогресса может служить Санвонское цементное объединение, сооружение которого было завершено в 1988 г. Предприятие рассчитано на производство 2 млн т цемента и 100 тыс. т калийных удобрений в год. Оно оснащено самым современным оборудованием и новейшей технологией.

Делегация представителей российской общественности, посетившая объединение еще в 1994 г., отметила весьма высокий уровень автоматизации и механизации основных и вспомогательных производственных процессов, полное исключение на предприятии тяжелого физического труда. Техническая вооруженность предприятия такова, что на нем трудятся всего 380 человек, обеспечивая все производственные процессы. Сердцевиной объединения является центральный пульт управления производством, на котором в течение смены дежурят всего четыре инженера-оператора. В цехах производственные процессы отслеживаются сменными контролерами. С помощью электронных приборов и

телевизионных установок они контролируют режим работы различных агрегатов и производственных линий. Например, состав используемой смеси для получения различных марок цемента определяется ЭВМ, а автоматизированная система управления позволяет обеспечивать необходимый режим работы. Исключительно большое внимание на предприятии уделяется экологической безопасности. При его сооружении более 25% всех затраченных на строительство и оборудование средств было направлено на установку очистных механизмов и агрегатов, обеспечивающих защиту от вредных выбросов не только производственных помещений, но и окружающей промышленный объект природной зоны. Продукция Санвонского цементного объединения является важной статьей корейского экспорта. Поэтому там ведется большая работа по повышению качества выпускаемой продукции и увеличению квоты ее экспорта. Следует отметить, что значительная часть инвалютных средств, полученная предприятием от продажи цемента за рубеж, расходуется им на приобретение необходимого оборудования и дальнейшую модернизацию производства.

Важным показателем уровня технической модернизации народного хозяйства КНДР и ускорения научно-технического прогресса в период третьей семилетки стало интенсивное внедрение компьютеризации во многие сферы экономической и общественной жизни страны, начиная с промышленного производства и кончая системой образования и здравоохранения. Этому в значительной степени способствовало создание и ускоренное развитие отечественной электронной промышленности, которая освоила выпуск различных интегральных схем и других элементов электроники и автоматики, ЭВМ, электронных приборов и манипуляторов для робототехники, а также разнообразной бытовой электронной техники.

В компьютеризации народного хозяйства КНДР большую роль первоначально играл Программный центр, созданный в Пхеньяне в июле 1986 г. С его помощью было организовано изучение методики электронного управления, внедрение техники программирования и компьютеризации производственных процессов в различных областях экономики, медицины и образования. Причем диапазон программных разработок Центра был достаточно широк. Он охватывал не только сферу промышленного производства, строительства и транспорта, но и управленческие структуры, проектирование и конструкторскую деятельность, архитектуру, криминалистику и даже корейскую письменность. Уже в первые годы функционирования Центра его программные разработки обеспечили компьютеризацию производственных и управ-

ленческих процессов более чем на 60 народнохозяйственных объектах страны. На новую, более высокую ступень система компьютеризации в КНДР поднялась с открытием в Пхеньяне в октябре 1990 г. Корейского компьютерного центра. Оснащенный самой современной электронной техникой, центр способен осуществлять разработку весьма сложных и разнообразных автоматизированных систем управления и программирования различных производственных процессов в сфере экономики и культурного строительства. Вычислительная техника и оборудование, установленные в нем, закуплены в Японии, США и на Тайване на общую сумму в 500 тыс. долл. Он укомплектован квалифицированными кадрами ученых и специалистов-программистов, подготовленных в учебных заведениях своей страны и прошедших стажировку за рубежом. В частности в вузах КНДР, в том числе в специально созданном институте ЭВМ, с 1988 г. было выпущено для работы в центре около 500 специалистов высшей квалификации.

Компьютерный центр располагает десятью специализированными секциями и кабинетами, собственной библиотекой, имеет филиалы информационной базы. Программные разработки центра широко используются не только внутри страны, но и пользуются спросом за рубежом. Они получили применение в Китае, в странах Юго-Восточной Азии, в Иране, в странах Восточной Европы и даже в Японии. Для повышения квалификации сотрудники центра имеют возможность проходить стажировку в аналогичных зарубежных центрах, обмениваться опытом с коллегами из других стран. Корейский компьютерный центр вносит весомый вклад в техническую модернизацию экономики КНДР, ускоряет процесс ее перевода на автоматизированную систему управления. Его программные разработки находят все более широкое применение в производственной практике промышленных предприятий, на транспорте, в системе управления и научных центрах. Так, например, его программные разработки позволили успешно внедрить на Комдокском горнодобывающем комплексе современное автоматизированное управление различными производственными процессами. Аналогичные системы были внедрены и на других предприятиях горнодобывающей промышленности, в том числе на флагмане этой отрасли — Мусанском горнорудном объединении. При активном содействии центра успешно осуществлена компьютеризация производственных процессов и управления на виналоновом объединении «8 февраля», Металлургическом объединении им. Ким Чака на Чиктонской молодежной шахте и многих других предприятиях страны. Важную роль играет он также в решении сложных научно-технических про-

блем, в проектировании и строительстве гидротехнических, промышленных, транспортных, культурно-бытовых и спортивных сооружений. Большую помощь центр оказывает ученым и конструкторам в разработке и создании современных машин, механизмов, станочного оборудования, электронной техники, средств автоматизации и роботизации. Одновременно он развернул работу по подготовке специалистов-электронщиков и программистов высшей квалификации.

Созданная при центре компания «Синхын» осуществляет операции по экспорту и импорту программных разработок и вычислительной техники, содействует их внедрению в различные области производства и научных исследований, организует обмен опытом компьютеризации с зарубежными партнерами. Центр наделен определенной оперативно-хозяйственной самостоятельностью. Часть средств, получаемых от экспортных операций, используется им на свои нужды, для технического оснащения его научных и вычислительных подразделений. Многие его программные разработки получили высокую оценку на международных выставках.

Заметный вклад в техническую модернизацию производства в тот период, прежде всего в области отечественного машиностроения и электронной промышленности, внес специально созданный Институт управления машин Отделения электроники и автоматики Государственной академии наук КНДР. Институт управления машин и экспериментальный завод интегральных схем провели большую работу по созданию современной модели электронно-вычислительной машины с большой разрешающей способностью, разработке ряда новых, более совершенных управляющих автоматических устройств, гибких производственных систем, современных видов робототехники. В частности была создана более совершенная конструкция ЧПУ для токарного станка нового поколения — «Кусон-104», отвечающего всем требованиям современного научно-технического прогресса. Заслуживали внимания также новые разработки института в области робототехники, которая все более широко внедряется в производственные процессы. Помимо головного предприятия в создании различных видов робототехники и манипуляторов задействованы более 150 машиностроительных заводов республики.

Можно привести и другие факты, свидетельствующие о том, что, несмотря на серьезные экономические трудности, процесс технической модернизации производства в годы третьей семилетки получил дальнейшее развитие, охватив не только промышленность, но и другие отрасли народного хозяйства. Так, на ос-

нове внедрения новой техники и технологии, использования современной автоматизированной системы управления, комплексной механизации и автоматизации заметно укрепилась производственно-техническая база строительной индустрии. Усилиями корейских ученых и специалистов-строителей решались задачи перевода отрасли на современную индустриальную основу, обеспечение комплексной механизации строительно-монтажных работ, более широкого применения новых строительных материалов и сборных конструкций, позволяющих быстро и качественно возводить производственные, культурно-бытовые и спортивные сооружения. Например, при сооружении жилых комплексов и теперь используется метод скользящей опалубки и сборных конструкций, что значительно сократило сроки ввода в строй строящихся объектов и повысило их эксплуатационные качества. Особенно больших успехов корейские строители добились при возведении крупных спортивных сооружений, уникальных дворцов культуры и жилых комплексов. Ими широко используются прогрессивные методы строительства, оригинальные архитектурные формы и новые конструктивные решения. Примером тому может служить столица республики — Пхеньян, облик которого за последние годы неузнаваемо преобразился. Сегодня его по праву можно отнести к самым красивым городам мира. Российские специалисты высоко оценивают опыт корейских строителей, подчеркивая, что он может с успехом быть использован в нашей стране, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока⁹⁵.

За годы третьей семилетки существенный вклад внесен также в техническое перевооружение транспорта, решение весьма сложной проблемы транспортного обеспечения народного хозяйства. Научно-исследовательские институты и конструкторские бюро сосредоточили особое внимание на разработке и освоении производства новых видов транспортных средств для железных дорог, на долю которых приходится основная доля грузовых и пассажирских перевозок. В результате в стране вышли новые, более мощные локомотивы и крупнотоннажные грузовые вагоны различного назначения. Ученые и специалисты приняли также активное участие в проектировании и строительстве новых железнодорожных магистралей, в электрификации важнейших участков дорог, в технической реконструкции путевого и станционного хозяйства. На новую техническую основу с использованием средств автоматизации и электроники переведена диспетчерская служба, шире используются маршрутные и контейнерные перевозки грузов, что заметно повысило пропускную способность железных дорог, снизило напряженность грузопотоков.

В результате технической модернизации производственно-технической и ремонтной базы автотранспорта, пополнения его парка новыми, более мощными автомашинами, расширения сети шоссейных дорог улучшились технико-эксплуатационные показатели работы отрасли. Следует, однако, сказать, что на заключительной стадии выполнения третьей семилетки из-за обострившегося дефицита горючего возникла серьезная напряженность в использовании автотранспортных средств и своевременном обеспечении перевозок грузов и пассажиров. Техническая модернизация внесла серьезные изменения также в развитие материально-технической базы морского транспорта. Его дополнили новыми современными крупнотоннажными судами, основательной технической реконструкции подверглись практически все главные морские порты страны, были расширены и механизированы их погрузочно-разгрузочные терминалы и причалы, переведены на новую техническую основу управленческие и диспетчерские службы. Технический прогресс на транспорте проявился и в том, что в народном хозяйстве все более широко стали применяться новые виды транспортных средств: различные трубопроводы, ленточные конвейеры и подвесные канатные дороги.

За годы третьей семилетки в ходе развернувшейся модернизации народного хозяйства дальнейшее развитие получили и производительные силы корейской деревни. В трехлетних планах развития отечественной науки и техники, которые стали важной составной частью экономической программы, особое внимание было уделено научно-техническому обеспечению сельскохозяйственного производства, главного условия решения продовольственной проблемы. Корейские ученые и специалисты активно содействовали не только техническому перевооружению сельского хозяйства, обеспечению его более совершенными видами сельхозтехники, но и сделали значительный шаг в развитии отечественной агробиологической науки, клеточной и генной инженерии, в создании новых, более урожайных сортов различных сельскохозяйственных культур, в разработке и внедрении эффективных приемов и методов ведения земледелия и выращивания сельскохозяйственных культур. Так, на основе фундаментальных исследований в области биологии и генетики они вывели ряд новых высокоурожайных сортов риса, кукурузы и других зерновых культур, широко используя при этом достижения и опыт зарубежных специалистов. В частности особого внимания заслуживают такие новые сорта риса, как «Пхеньян-8», «Пхеньян-14», «Пхеньян-15» и «Хамджу-2», урожайность которых достигает в среднем 10—12 центнеров с гектара. Эти высокоурожайные сорта

в основном предназначены для выращивания в западных прибрежных районах страны. Хорошо зарекомендовали себя также новые холодоустойчивые и урожайные сорта риса «Ёмджу-1», «Сонбон-9» и «Хамджу-3», специально предназначенные для выращивания в более суровых климатических условиях северо-востока страны. Созданы также новые сорта риса для культивирования на вновь освоенных солончаковых участках западного побережья. Среди новых сортов кукурузы, выведенных корейскими селекционерами, особо выделяется кукурузный гибрид «Хвасан-1», дающий высокий и устойчивый урожай. Его початки вызревают значительно раньше других сортов кукурузы, а урожайность превышает средние показатели для этой культуры⁹⁶.

При активном участии ученых и специалистов успешно решались также проблемы комплексной механизации сельскохозяйственного производства. Более совершенная сельхозтехника позволила механизировать многие производственные процессы земледелия, освободив крестьян от тяжелого ручного труда. Дальнейшее развитие получила и ирригационная система страны, заслужив высокую оценку зарубежных специалистов. Большая работа научно-исследовательских институтов велась также по совершенствованию системы химизации сельскохозяйственного производства применительно к конкретным районам и природно-климатическим зонам страны.

Встав на путь модернизации народного хозяйства, КНДР в период третьей семилетки, наряду с наращиванием производственного и научно-технического потенциала страны, продолжала отрабатывать и совершенствовать механизм хозяйственного управления и формы организации общественного производства. При сложившейся в КНДР весьма жесткой централизованной системе управления экономикой, в основу которой положены принципы Тэанской системы руководства, процесс перестройки и совершенствования деятельности управленческого аппарата и приспособления его к новым условиям и требованиям модернизации народного хозяйства оказался сложным и противоречивым. Реорганизация управленческого аппарата различного уровня явно наталкивалась на сопротивление консервативно настроенных руководителей, так как ее проведение требовало отказа от привычных стереотипов управленческой деятельности, бюрократического стиля работы и волевых методов руководства. Вероятно, далеко не все ладно было и с плановой и исполнительской дисциплиной аппарата, вследствие чего многие рациональные и научно обоснованные решения ТПК и правительства не реализовались своевременно и в полном объеме. Имели место также

случаи, когда предпринятая реорганизация оказывалась недостаточно продуманной и не давала ожидаемого эффекта. Поэтому приходилось вновь возвращаться к прежней структуре управления или искать новые, более совершенные варианты реорганизации. Иными словами, велся постоянный поиск более совершенных форм организации управленческой деятельности, соответствующих новым требованиям и условиям экономического строительства.

Как уже отмечалось, на начальной стадии модернизации экономики, то есть накануне принятия нового семилетнего плана и в первые годы его реализации, была проведена реорганизация высшего звена управленческого аппарата, внесены соответствующие структурные изменения в отраслевые комитеты, министерства и ведомства, осуществлено слияние некоторых из них. Однако практика хозяйственного строительства вскоре показала, что в ряде случаев реорганизация управленческого аппарата себя не оправдала. В связи с этим указом Центрального Народного Комитета КНДР от 2 июля 1988 г. были вновь образованы Комитет строительных материалов и министерство строительства, ранее слитые в Комитет строительства и строительных материалов. Этим же указом были воссозданы Комитет легкой промышленности и министерство химической промышленности, ранее объединенные в Комитет химической и легкой промышленности. Новые, более крупные задачи, вставшие перед этими отраслями производства, потребовали создания для них самостоятельных управленческих структур.

В том же году произошла реорганизация Комитета по внешнеэкономическим связям КНДР. Из его состава были выведены министерство внешней торговли и министерство внешнеэкономических связей, ранее включенные в структуру Комитета. В то же время в него вошло новое министерство промышленности совместного предпринимательства. Одновременно для обеспечения оперативности внешнеторговых связей интенсивно шел процесс создания специализированных фирм и внешнеэкономических обществ, которые наделялись достаточно широкими полномочиями и хозяйственной самостоятельностью. Принимались также активные меры по укреплению и расширению банковской системы, обеспечивающей проведение расчетных операций по внешнеторговым связям. С этой целью за рубежом был создан ряд банковских организаций и филиалов.

В ходе реорганизации высшего звена управленческого аппарата в составе отраслевых министерств и комитетов для оперативного руководства некоторыми важными производственными под-

разделениями учреждались специальные главки. Так, например, был создан главк по управлению промышленностью огнеупоров, продукция которой пользуется повышенным спросом на мировом рынке и вошла в разряд важных статей северокорейского экспорта. Аналогичные главки были созданы для некоторых других отраслей индустрии, в первую очередь тех, которые имеют экспортную ориентацию. В соответствии с директивными установками ЦК ТПК активизировалась борьба со всякого рода проявлениями бюрократизма и формализма в управленческой деятельности производственного аппарата всех уровней. Чтобы социализм мог проявить свою жизненную силу, подчеркивал Ким Чен Ир, «среди руководящих работников надо вести усиленную борьбу с проявлениями злоупотребления властью, бюрократизма, коррупции и афер»⁹⁷.

Следует отметить, что широкое использование экономических рычагов управления и внедрения хозрасчетных отношений на предприятиях КНДР сопряжено с определенными трудностями, обусловленными прежде всего спецификой функционирования в стране товарно-денежных отношений, а также в значительной мере формальным использованием закона стоимости. Тем не менее этот процесс шел достаточно интенсивно, и уже к началу 90-х гг. практически все предприятия республики были переведены на хозяйственный расчет. При этом руководство КНДР продолжало уделять особое внимание тому, чтобы внедрение и использование хозрасчета на предприятиях страны не порождало группового эгоизма трудовых коллективов и не противостояло общегосударственным экономическим интересам. Предоставляя хозрасчетным предприятиям определенную хозяйственную самостоятельность, руководство в то же время вело постоянный контроль за их производственной и финансовой деятельностью, которая увязывалась с задачей изыскания и максимального использования внутренних производственных ресурсов и их работы на основе принципов «опоры на собственные силы» при строгом соблюдении режима экономии. В частности перевод предприятий местной промышленности на хозрасчет позволил им даже в условиях обострения экономических трудностей поддерживать достаточно устойчивый рост производства. Максимально используя местные энергетические и сырьевые ресурсы, они заметно расширили и укрепили свою оперативно-хозяйственную самостоятельность и тем самым обеспечили возможность неуклонного увеличения выпуска товаров широкого потребления, что отмечено в итоговых сообщениях о выполнении третьей семилетки.

При реорганизации и совершенствовании системы управления экономикой в русле задач модернизации народного хозяйства более четко были определены функции центральных и местных органов хозяйственного руководства. В результате произошла дальнейшая децентрализация управленческих функций, центр тяжести оперативно-хозяйственной деятельности заметно переместился в провинции и уезды, а административно-экономические комитеты на местах увеличили хозяйственную самостоятельность, так как расширились их полномочия в организации и планировании производства, а также в распределении и использовании бюджетных средств, осуществлении финансового контроля. В условиях хозрасчета, наряду с натуральными, стали шире применяться стоимостные и экономические показатели рентабельности и эффективности работы трудовых коллективов: строгая увязка натуральных и стоимостных показателей производства, валовой доход, прибыль, часть которой после отчисления фиксированной суммы в госбюджет направлялась в фонд предприятия. Эти средства предназначались для дальнейшего развития материально-технической базы производства и ее модернизации, а также на удовлетворение материальных и социально-культурных запросов трудового коллектива. В условиях ускорения научно-технического прогресса важным элементом оценки производственной деятельности предприятий стали показатели технической модернизации производства, совершенствования технологических процессов, развертывания рационализаторской и внедренческой работы в трудовых коллективах.

Одновременно с корректировкой структуры управленческого аппарата и рационализацией принципов его функционирования продолжают отрабатываться формы и методы развития кооперационных связей между отдельными производственными единицами, создания из них единых производственных комплексов, в частности дальнейшее распространение получили крупные производственные объединения и комплексы, которые рассматриваются руководством КНДР в качестве основных производственно-экономических и планирующих единиц всего народного хозяйства. Расширилось применение и такой формы организации, как крупные комбинаты, позволяющие обеспечить более тесные кооперационные связи между отдельными звеньями производственного цикла.

К концу третьей семилетки в промышленности КНДР фактически все ведущие предприятия превратились в крупные производственные объединения и комбинаты, в каждом из которых функционируют десятки предприятий, сведенных в единый про-

изводственный комплекс. Все они, как правило, работают на принципах хозяйственного расчета и имеют большую хозяйственную самостоятельность. Характерно, что этот процесс охватил не только промышленность, но и другие отрасли народного хозяйства. Так, за сравнительно короткий срок создано несколько десятков крупных строительных объединений, располагающих мощной материально-производственной базой.

Продолжая постепенное преобразование кооперативной собственности на селе в общенародную, государственную, с начала 90-х гг. в КНДР активизировали процесс создания в масштабе уездов и провинций крупных агропромышленных объединений и укрупненных госхозов на основе слияния сельскохозяйственных производственных кооперативов, небольших госхозов и предприятий местной промышленности, работающих на сельское хозяйство, а также предприятий бытового обслуживания и культурно-просветительных учреждений. Разумеется, говорить об их эффективности еще рано. Тем более что их деятельность разворачивается в крайне неблагоприятных экономических условиях. Так или иначе, но, по мнению руководства республики, новая организация сельскохозяйственного производства позволит не только успешно решить задачу преобразования собственности на селе, но и станет важным рычагом подъема сельскохозяйственного производства и решения продовольственной проблемы.

В целом положительно оценивая предпринимаемые в КНДР усилия по совершенствованию системы управления экономикой и адаптации ее к новым экономическим условиям, в то же время приходится признать, что, несмотря на постоянную перестройку механизма хозяйственного управления, все же еще не удалось, видимо, найти ее оптимальный вариант, чтобы он смог обеспечить действительно четкую и слаженную работу всех звеньев народнохозяйственного комплекса, оградить его от разного рода хозяйственных катаклизмов. Особенно наглядно это проявилось в экстремальных условиях заключительной стадии третьей семилетки, когда КНДР оказалась перед лицом серьезнейших экономических трудностей. В нынешней, крайне сложной экономической обстановке КНДР потребуются новые усилия по реорганизации ее управленческого аппарата, более глубокой его адаптации к современным реалиям, с тем чтобы он мог эффективнее содействовать скорейшему выходу республики из состояния экономической стагнации.

В соответствии с курсом на модернизацию народного хозяйства и ускорение научно-технического прогресса за годы третьей семилетки, определенные позитивные сдвиги произошли также

в структуре промышленного производства. Наряду с дальнейшим укреплением топливно-энергетической и сырьевой базы страны интенсивное развитие получили наукоемкие отрасли индустрии, обеспечивающие технический прогресс во всех областях экономики. Это прежде всего отечественное станкостроение, электронная промышленность, точное машиностроение и приборостроение, производство средств автоматизации и робототехники, химическая промышленность, в первую очередь отрасли органического синтеза, и др. Для расширения и укрепления экспортной базы страны были созданы специальные производственные подразделения, ориентированные на выпуск экспортной продукции. Определенную экспортную направленность получили также некоторые отрасли цветной металлургии и легкой промышленности. В целом же каких-либо кардинальных перемен в экономической структурной политике КНДР за годы третьей семилетки не произошло. Она по-прежнему базировалась на принципах чужие и была направлена на создание универсального, многоотраслевого народнохозяйственного комплекса, опирающегося преимущественно на внутренние силы и ресурсы.

В ходе модернизации экономики, развернувшейся в годы третьей семилетки, особенно на начальной стадии ее выполнения, заметно активизировалась внешнеэкономическая деятельность республики. Традиционно приоритет в развитии экономических связей был отдан странам социалистического содружества, в первую очередь Советскому Союзу, с которым были подписаны важные долгосрочные соглашения о взаимном сотрудничестве. Одновременно были предприняты конкретные шаги по налаживанию и расширению торгово-экономических связей с развивающимися и индустриально развитыми странами мира. Уже первые шаги на этом пути дали положительные результаты. Заметно увеличился общий внешнеторговый оборот КНДР. Только за первые четыре года третьей семилетки он вырос почти в 1,3 раза, составив в 1990 г. 4,64 млрд долл. Наивысший объем товарооборота — 5,24 млрд долл. — пришелся на 1988 г.⁹⁸

Главными торговыми партнерами КНДР оставались социалистические страны, на долю которых приходилась основная часть ее общего внешнеторгового оборота. При этом доля одного Советского Союза составляла свыше 53% всего товарооборота КНДР. С 1986 по 1990 гг. торговый оборот между СССР и КНДР увеличился почти в 1,5 раза, превысив 2,7 млрд долл. против 1,8 млрд долл. в 1986 г.⁹⁹ Второе место в торговле с КНДР сохранилось за Китаем, а на третье вышла Япония. Необходимо также отметить, что именно в эти годы делались реальные шаги по установлению

торговых связей КНДР с Южной Кореей. Объем торговли между ними быстро увеличился. Если в 1988 г. он составлял всего 1037 тыс. долл., то уже в 1991 г. вырос до 166 млн долл., сохраняя устойчивую тенденцию к дальнейшему росту¹⁰⁰. Торговые операции между Севером и Югом велись в основном через третьи страны.

В первые годы третьей семилетки, в соответствии с подписанными соглашениями, весьма динамично разворачивались производственно-технические связи КНДР с Советским Союзом. Советская сторона выполняла свои обязательства по оказанию содействия КНДР в строительстве и реконструкции 25 производственных объектов, из которых 14 — новых. Работы велись достаточно интенсивно, и уже к началу 90-х гг. ряд этих объектов частично или полностью был сдан в эксплуатацию. В частности в 1988 г. была введена в строй первая очередь совместного предприятия по производству фрезерных станков «Хичхон-Горький», сданы в эксплуатацию новые мощности на Металлургическом объединении им. Ким Чака в связи с окончанием второй очереди реконструктивных работ на предприятии, предусмотренных советско-корейским соглашением, закончено строительство цеха разделения воздуха на Сунчхонском виналоновом объединении, завершены проектно-изыскательские и подготовительные работы по выбору строительной площадки для сооружения первой в КНДР АЭС в составе четырех блоков мощностью по 40 тыс. кВт каждый, развернулись также работы по расширению генерирующих мощностей на Восточно-Пхеньянской ТЭЦ и реконструкции производственных объектов в добывающей и легкой промышленности. Продолжали оказывать техническое содействие КНДР в реконструкции промышленных предприятий также социалистические страны Восточной Европы. Однако в связи с усилившимися в них перестроечными процессами, направленными на реставрацию капитализма, объем их материально-технической помощи КНДР постепенно сокращался и к началу 90-х гг. практически был сведен до минимума.

В соответствии с директивными установками ЦК ТПК, в ходе выполнения третьего семилетнего плана заметно расширилась работа по укреплению экспортной базы КНДР с использованием технического содействия Советского Союза и других социалистических государств. Это позволило в относительно сжатые сроки несколько расширить экспортный потенциал страны. В целях повышения оперативности внешнеэкономической деятельности в годы третьей семилетки активно велась работа по совершенствованию всех звеньев управленческого аппарата, обеспечивающего ведение торгово-экономических операций и научно-

технических связей. В частности в конце 80-х гг. была проведена реорганизация Комитета по внешнеэкономическим связям КНДР. Для координации деятельности в области совместного предпринимательства было создано специальное министерство, которое вскоре включили в состав реорганизованного Комитета. За годы семилетки было создано несколько десятков различных специализированных внешнеторговых фирм и обществ, а также смешанных компаний и объединений, в состав которых входили различные предприятия и учреждения, производящие экспортную продукцию и непосредственно осуществляющие экспортно-импортные операции. В целях оперативного ведения валютно-экспортных и импортных операций была расширена и укреплена соответствующая банковская система.

Важным направлением внешнеэкономических связей КНДР в годы третьей семилетки стало дальнейшее развитие совместного предпринимательства, привлечение в экономику страны иностранных инвестиций, освоения совместных хозяйственных проектов. Руководство республики проявило повышенную заинтересованность в расширении этой сферы внешнеэкономической деятельности. В отношении совместного предпринимательства оно проводило протекционистскую политику, усматривая в нем реальные возможности привлечения в экономику КНДР не только иностранных инвестиций, но и современной техники и технологии.

Объективно развитие совместного предпринимательства делало экономику КНДР более открытой, создавало благоприятные условия для ее активного включения в мирохозяйственные связи и приобщения к достижениям мирового научно-технического прогресса. В то же время руководство КНДР стремилось придать этому процессу строго регламентируемый, целенаправленный характер, отдавая приоритет в партнерстве странам социализма, а также соотечественникам-предпринимателям в Японии и других странах. Подобная ориентация, видимо, объяснялась прежде всего опасениями, что вслед за широким привлечением в экономику иностранных капиталовложений в страну могла проникнуть и чуждая ей идеология. Разумеется, это в немалой степени сдерживало развитие совместного предпринимательства, прежде всего с индустриально развитыми странами мира. Однако имелся и ряд других факторов, тормозивших этот процесс. Иностраных инвесторов из капиталистических стран отпугивала прежде всего нестабильность военно-политической обстановки на Корейском полуострове, боязнь потерять вложенные капиталы, а также отсутствие в КНДР соответствующей правовой базы, га-

рантирующей надежные условия функционирования иностранного капитала и его участия в совместной предпринимательской деятельности. Учитывая это обстоятельство, правительство КНДР постоянно проводит большую работу по укреплению правовой базы совместного предпринимательства и созданию твердых гарантий для зарубежных инвесторов, четко определяет условия функционирования иностранного капитала на территории республики.

Со времени издания в 1984 г. первого закона о совместном предпринимательстве к началу 90-х гг. в КНДР было принято уже около 20 законодательных актов, обеспечивающих благоприятные условия для предпринимательской деятельности на территории КНДР и за рубежом, определяющих права и обязанности зарубежных инвесторов, а также основные принципы функционирования иностранного капитала. Большой пакет законодательных актов был подготовлен также в связи с разработкой проектов создания на территории КНДР свободных торгово-экономических зон. Новая законодательная база, регламентирующая предпринимательскую деятельность, получила закрепление в конституции КНДР. В обновленную редакцию конституции республики, принятую в апреле 1992 г., была внесена новая 37-я статья, согласно которой «Государство поощряет совместное и кооперативное предпринимательство учреждений, предприятий, организаций нашей страны и юридических или частных лиц зарубежных стран»¹⁰¹. В другой статье конституции (16-й) заявлено, что КНДР обеспечивает законные права и интересы иностранных граждан, находящихся на территории республики и осуществляющих предпринимательскую деятельность. По мнению некоторых зарубежных и южнокорейских экономистов и экспертов, созданная в 80-х и начале 90-х гг. законодательная база КНДР для развития совместного предпринимательства обеспечивает более благоприятные условия привлечения и функционирования иностранного капитала, чем в других странах. В последующие годы, исходя из опыта совместной деятельности, законодательная база, регламентирующая этот процесс, продолжала совершенствоваться, наполняясь новым содержанием.

Результаты протекционистской политики руководства республики в отношении развития совместного предпринимательства не замедлили сказаться. Уже к началу 90-х гг. в КНДР функционировали около 100 объектов совместной деятельности¹⁰². Даже в условиях нарастания в республике экономических трудностей процесс создания совместных предприятий получил дальнейшее развитие. Согласно официальным данным, к концу 1993 г. число

таких объектов в КНДР возросло до 140, при этом примерно 70% из них приходилось на предприятия, созданные совместно с фирмами «Чхонрён»¹⁰³. Несколько десятков объектов совместного предпринимательства было создано КНДР за рубежом. Только на территории бывшего Советского Союза в начале 90-х гг. действовало около 40 советско-корейских предприятий в области промышленности, сельского хозяйства, морского и лесного промыслов, торговли, медицины и в сфере услуг¹⁰⁴. Помимо тех, которые были созданы в КНДР совместно с японскими фирмами, принадлежащими преимущественно «Чхонрён», на территории республики функционировал также ряд объектов совместного предпринимательства, образованных с фирмами других индустриально развитых стран: Франции, Дании, Италии, Бельгии, США и Гонконга.

По оценкам южнокорейских экспертов, общий объем иностранных капиталовложений в объекты совместной деятельности в КНДР, число которых к концу декабря 1993 г. достигло уже 144, составил 150 млн долл.¹⁰⁵ И хотя суммарно иностранные инвестиции были еще сравнительно невелики, тем не менее наметилась тенденция к их постепенному возрастанию. Следует сказать, что не все зарегистрированные совместные предприятия сразу же приступили к работе. Однако многие из них, особенно те, которые имели экспортную ориентацию, весьма активно развернули свою деятельность. Интенсивно включились в работу также объекты совместного предпринимательства в сфере услуг, сервиса и туристического бизнеса. Согласно имеющимся данным, в легкой промышленности было зарегистрировано 40 совместных предприятий, продукция которых в основном шла на внешний рынок, в машиностроении и металлообработке — 3, в сельском хозяйстве и морском промысле — 13, в электронике и электротехническом производстве — 4, в химической промышленности — 1, в горнодобывающей промышленности — 8, в сфере услуг и сервиса — 38 и медицине — 1¹⁰⁶. Таким образом, к началу 1994 г. на территории самой КНДР функционировали 114 объектов совместного предпринимательства. Однако к концу этой семилетки в связи с обострением хозяйственных трудностей в КНДР и усилением военно-политической напряженности на Корейском полуострове процесс организации совместных предприятий и приток иностранных инвестиций несколько замедлился.

При рассмотрении итогов третьей семилетки необходимо кратко остановиться на некоторых социально-экономических проблемах, которые пришлось решать в ходе выполнения народнохозяйственного плана. В зарубежной печати нередко можно встре-

тить утверждения, что КНДР недостаточно внимания уделяет вопросам социально-экономического развития общества и, как правило, решение их отодвигается на второй план. Действительно, на протяжении многих лет после опустошительной войны 1950—1953 гг. республика была вынуждена направлять главные усилия на возрождение разрушенной экономики, создание индустрии и укрепление своей обороноспособности, что, естественно, сдерживало решение назревших социальных проблем, не позволяя быстро повышать жизненный уровень населения. Однако это не означает, что в КНДР вопросы социального и культурного развития общества имеют второстепенное значение. Напротив, они постоянно находятся в центре внимания государственного и партийного руководства страны. Конкретные факты свидетельствуют о том, что за годы народной власти жизненный уровень населения республики неизмеримо вырос. То, что сегодня он еще недостаточно высок, признают и сами руководители КНДР, считая первоочередной задачей его неуклонное повышение.

Существующая до сих пор распределительная система снабжения населения основными видами продовольствия и ширпотреба свидетельствует о том, что республика перманентно испытывает дефицит в продуктах питания и товарах первой необходимости. Вместе с тем это позволяет поддерживать достаточно стабильный уровень жизни в соответствии с существующими нормами и категориями распределения, а цены на продукты и товары в несколько раз ниже рыночных.

С 1974 г. в КНДР полностью отменены налоги с населения. Неоднократно проводилось повышение заработной платы рабочих и служащих, неуклонно росли доходы крестьянства, периодически проводилось снижение розничных цен, укреплялась система социального обеспечения. Важную роль в повышении благосостояния трудящихся играют общественные фонды потребления, за счет которых покрывается более половины всех потребностей населения страны, включая бесплатное образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, социальное страхование, различные пособия, студенческие стипендии и другие виды социальных льгот. Плата за жилье и коммунальные услуги неизменно поддерживается на минимальном уровне, составляя лишь 3% от среднемесячной зарплаты одного работающего.

В КНДР постоянно проявляют заботу о подрастающем поколении и его воспитании. В центре внимания неизменно находятся вопросы развития народного образования, подготовки национальных квалифицированных кадров. Из года в год в стране рас-

тет сеть высших учебных заведений, техникумов, школ и детских учреждений. В настоящее время в республике функционируют свыше 283 вузов и сотни различных техникумов. Число специалистов и инженерно-технических работников, занятых в народном хозяйстве республики, превысило 1,7 млн человек. Немало сил и средств направляется на развитие отечественной науки, здравоохранения, национальной культуры и спорта.

За годы выполнения третьей семилетки, несмотря на сложные экономические условия, была проведена довольно широкая программа социально-экономического развития страны. Был выполнен значительный объем жилищного строительства и градостроения, вступили в строй сотни школ, детских учреждений, высших и средних учебных заведений, лечебных и профилактических объектов, предприятий бытового обслуживания, спортивных сооружений, дворцов культуры, театров, клубов и кинотеатров. Несмотря на всю сложность экономического положения в стране, как и в прежние плановые периоды, большое внимание было уделено повышению жизненного уровня населения. Даже в условиях нарастающего хозяйственного кризиса правительство КНДР изыскало возможности в 1992 г. почти в полтора раза увеличить заработную плату рабочим и служащим, заметно повысить пенсии и стипендии студентам. Одновременно были значительно подняты цены на сельскохозяйственную продукцию, сдаваемую крестьянами государству. Снабжение населения основными продовольственными товарами и ширпотребом, как и ранее, осуществлялось через распределительную систему, которая позволила в целом поддерживать вполне удовлетворительный уровень жизни. Вместе с тем расширение рыночной торговли позволило населению широко пользоваться услугами крестьянского рынка.

Однако с конца 80-х гг. из-за ежегодного недобора зерна, вызванного неблагоприятными погодными условиями, продовольственная проблема несколько обострилась и республика вынуждена была часть недостающего зерна закупать за рубежом, что позволяло покрывать продовольственный дефицит и поддерживать установленные нормы распределения продуктов питания. Так, если в 1988 г. КНДР закупила 510 тыс. т продовольственного зерна, то уже в 1991 г. его импорт увеличился до 1290 тыс. т¹⁰⁷. В 1993 г. импорт зерновых составил 1093 тыс. т¹⁰⁸. Однако уже в следующем году из-за нарастания экономических трудностей объем закупаемого зерна резко сократился, что вызвало определенное напряжение в продовольственном обеспечении населения.

Таковы основные итоги выполнения третьего семилетнего народнохозяйственного плана. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на серьезные экономические трудности и невыполнение плановых заданий, производительные силы страны все же получили дальнейшее развитие. Вместе с тем они говорят о постепенном нарастании кризисных явлений в экономической жизни страны, сдерживающих ее поступательное развитие. Это, естественно, не следует расценивать как полный провал экономической программы семилетки, о чем нередко пишут в западных и южнокорейских публикациях, анализирующих экономическую ситуацию в КНДР.

5. Углубление экономического кризиса и поиски путей его преодоления

Декабрьский пленум ЦК ТПК 1993 г., всесторонне обсудив сложившуюся в КНДР очень напряженную экономическую обстановку, определил конкретные направления дальнейшего развития страны и пути преодоления хозяйственного кризиса. Принимая во внимание сложную ситуацию и невозможность в этих условиях приступить к осуществлению нового долгосрочного народнохозяйственного плана, пленум последующие три года (1994—1996) определил как период «регулирования экономики». Согласно директивным установкам пленума, приоритетными направлениями экономического строительства становилось развитие сельского хозяйства, легкой промышленности и внешнеэкономических связей. Вместе с тем в его документах подчеркивалось, что для успешного решения этих задач необходимо в первую очередь вывести из кризисного состояния топливно-энергетический комплекс, металлургическую промышленность и транспорт.

В ходе выполнения директивных установок пленума в 1994 г. наместились определенные позитивные сдвиги в развитии экономики. После длительного спада производства многие важные отрасли индустрии увеличили выпуск промышленной продукции. В частности прирост выработки электроэнергии составил 4,2%, объем производства в лесопромышленной и рыбной промышленности вырос на 2,7%. Впервые с начала 90-х гг. произошел, хотя и незначительный, рост валового национального продукта. По сравнению с предыдущим годом его объем увеличился более чем на 3,4%, составив 21,2 млрд долл. против 20,5 млрд долл. в 1993 г.¹⁰⁹ Однако уже на следующий год экономическое положение в стране вновь резко ухудшилось. В 1995—1996 гг. на республику обрушились стихийные бедствия, вызванные тайфу-

ном и сильнейшей засухой. В результате народному хозяйству был нанесен огромный ущерб. И без того сложная экономическая ситуация в стране усугубилась резким обострением продовольственной проблемы.

По данным ООН, экономический ущерб, нанесенный стихией народному хозяйству КНДР в 1995 г., оценивается в 15 млрд долл., что составляет примерно три четверти годового объема ВВП республики. Пострадало более 75% всей территории страны с населением в 5,2 млн человек¹¹⁰. Ущерб понесло тогда не только сельское хозяйство. Тайфуном были разрушены 85 больниц, 214 поликлиник и 1351 медпункт, 4120 детских садов, повреждены около 76 тыс. км различных дорог, в основном в сельской местности, сотни километров линий электропередач, телеграфных и радиорелейных коммуникаций, а также 3842 моста¹¹¹. Значительный урон был нанесен также промышленным предприятиям, учреждениям торговли и коммунальному хозяйству. Серьезно пострадала ирригационная система. Из строя были выведены сотни километров дамб, многие оросительные каналы и насосные станции, размыты и приведены в негодность тысячи гектаров посевных площадей, уничтожен урожай риса, кукурузы и других культур.

В июле 1996 г. на страну вновь обрушились сильные ливни, в результате которых потери народного хозяйства составили 1,7 млрд долл.¹¹² И вновь пострадало прежде всего сельское хозяйство. Неблагоприятными для него стали и последующие годы, когда устойчивая засуха сменялась затяжными дождями, не позволявшими обеспечить необходимую урожайность культур. На сельскохозяйственном производстве отрицательно сказывались не только погодные условия, но и заметное ухудшение его материально-технического обеспечения: резкое сокращение поставок минеральных удобрений, топлива и горюче-смазочных материалов.

Учитывая, что за счет внутренних ресурсов невозможно возместить такой колоссальный ущерб, особенно потерю значительной части урожая зерновых, правительство КНДР в 1995 г. впервые обратилось за помощью к международному сообществу. В ответ учреждения ООН, а также общественные организации многих государств приняли решение предоставить КНДР гуманитарную помощь, прежде всего продовольственную. Среди стран-доноров, оказавших помощь республике в 1996 г., северокорейская пресса называла Китай, Сирию, Швейцарию, Норвегию, Данию, Германию, Россию, США, Швецию, Голландию и Австрию, из международных организаций — Всемирную продовольственную программу, ЮНИСЕФ, ФАО, Международную Федерацию организаций Красного Креста, частные коммерческие

организации «Каритас», «Уорлд вижн» и др. На просьбу КНДР откликнулась также Япония, которая через ЮНИСЕФ и другие организации ООН предоставила Северной Корее 300 тыс. т риса, в том числе 150 тыс. т безвозмездно. Не осталась в стороне и Южная Корея, направившая соотечественникам 150 тыс. т риса. Согласно официальным источникам, Северная Корея к началу октября 1996 г. получила от различных зарубежных организаций в виде гуманитарной помощи 630 тыс. т продовольствия¹¹³.

Организации ООН, учитывая тяжелые последствия таких же стихийных бедствий, как и в 1996 г., призвали страны-доноры внести в общий фонд еще 43 млн долл., из которых 27 млн предполагалось направить на закупку продовольствия, 10 млн на восстановление сельскохозяйственных угодий и 6 млн долл. на оказание медицинской помощи¹¹⁴. На призыв ООН вновь откликнулись Китай, Япония, США, Республика Корея и ряд других стран, а также международные организации — ВПП и ЮНИСЕФ. По состоянию на сентябрь 1996 г. в общий фонд уже поступило 17,5 млн долл., то есть примерно 40% от запланированной суммы. Тем не менее и эти средства позволили оказать КНДР существенную продовольственную и материальную помощь.

Южнокорейское правительство, принимая во внимание крайне тяжелое продовольственное положение в КНДР, сложившееся к середине 1996 г., выступило с инициативой создания специального международного консорциума по оказанию продовольственной помощи Северной Корее, аналогичного организации содействия развитию энергетики Кореи (КЕДО), в состав которого предлагалось включить США, Японию, Китай и Республику Корея. Кроме того, общественные организации и правительственные органы РК высказывали намерение создать в Южной Корее специальную неправительственную организацию для оказания северокорейскому населению продовольственной помощи (помимо Комитета Красного Креста РК). Со стороны организации ООН Всемирной продовольственной программы также было выражено намерение в последующие годы утроить объем гуманитарной помощи КНДР.

Предоставленная Северной Корее гуманитарная помощь в 1995—1996 гг., несомненно, позволила смягчить крайне обострившийся в стране продовольственный кризис, сохранить, хотя и на минимальном уровне, нормированное снабжение населения продуктами питания, оградить его от скатывания к голоду. Согласно суммарным данным, в 1995 г. КНДР в счет гуманитарной помощи было поставлено 962 тыс. т зерна, а в 1996 г. — 1050 тыс.¹¹⁵ Это количество фактически покрывало лишь половину зер-

нового дефицита страны, который, по оценке зарубежных экспертов, составлял примерно 1,8—2 млн т при общей потребности в зерне в пределах 5—5,5 млн т¹¹⁶. Если учитывать, что в 1995 г. было произведено всего 3,45 млн т зерна, в 1996 г. примерно 3,7—3,9 млн т, становится очевидным, что республика за счет собственного производства покрывала лишь 60—70% общих потребностей в зерне¹¹⁷. В результате стихийных бедствий сильно пострадало также овощное хозяйство республики, что еще более ухудшило продовольственное положение в стране. Из-за сокращения урожайности овощных культур снабжение ими населения за последние годы уменьшилось в 3—5 раз¹¹⁸.

Острая нехватка продовольствия вынудила руководство КНДР пойти на крайне непопулярную меру — резкое уменьшение пайковых норм распределения продуктов питания. Если до стихийных бедствий 1995—1996 гг. в распределительной системе КНДР существовали 9 категорий продовольственного рациона: от 900 г зерна в день для рабочих до 100 г воспитанникам детских учреждений, то к концу 1996 г. дневная норма распределения продовольствия, прежде всего зерновых, для большинства населения, за исключением военнослужащих, была урезана почти вдвое.

Высоко оценивая роль гуманитарной помощи в продовольственном обеспечении населения, руководство республики в то же время считало, что без принятия радикальных мер по выводу сельскохозяйственного производства из кризисного состояния практически невозможно решить эту проблему. Руководствуясь директивными установками декабрьского пленума ЦК ТПК 1993 г. о приоритетном развитии сельского хозяйства, правительство КНДР в целях преодоления продовольственного кризиса значительные силы и средства направляет на подъем сельскохозяйственного производства. Даже в условиях экономического кризиса государственные ассигнования на развитие сельского хозяйства за 1994—1996 гг. в среднем за год увеличивались примерно на 6%, а в 1997 г. в связи с необходимостью преодоления тяжелых последствий стихийных бедствий в предыдущие два года в деревню были направлены крупные дополнительные средства. Для успешного проведения весенних полевых работ в 1997 г. на село посылаются дополнительная рабочая сила: рабочие, служащие и студенты. В помощь деревне мобилизуется также большой контингент военнослужащих. Кроме того, были изысканы возможности некоторого улучшения материально-технического обеспечения сельского хозяйства: дополнительно в сельхозкооперативы и госхозы была направлена техника, горюче-смазочные материалы и минеральные удобрения. Все это позволило в установ-

ленные сроки и в необходимом объеме провести весенний сев и высадить рисовую рассаду.

С целью повышения заинтересованности крестьянства в результатах труда правительство республики предоставило работникам сельского хозяйства право реализации части сельхозпродукции, полученной в кооперативах и госхозах, а также собранной с приусадебных участков, по свободным рыночным ценам. Примечательно, что эта мера была расценена зарубежными средствами информации как «первые шаги на пути развития в стране рыночной экономики»¹¹⁹. Одновременно велись переговоры с различными международными организациями и отдельными странами о предоставлении КНДР дополнительной продовольственной помощи, а также о поставках минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов и топлива. В частности в 1996 г. была достигнута договоренность с Китаем о предоставлении КНДР в течение 5 лет ежегодно по 500 тыс. т зерна, 1,3 млн т нефти и 2,5 млн т угля¹²⁰. В результате переговоров США приняли решение о гуманитарной помощи КНДР в 1997 г. на сумму более 57 млн долл.¹²¹ С Южной Кореей также была достигнута договоренность о помощи КНДР зерном и минеральными удобрениями.

К сожалению, все усилия, направленные на подъем сельского хозяйства и преодоление продовольственного кризиса за счет внутреннего производства, из-за новых стихийных бедствий и в 1997 г. оказались недостаточно результативными. Сначала летняя засуха, а затем проливные дожди и сильное затопление сельскохозяйственных угодий в западных прибрежных районах вновь нанесли серьезный ущерб сельскохозяйственному производству. Потери урожая кукурузы по стране составили более 1,2 млн т, а риса — 630 тыс. т¹²². Общий сбор зерновых в 1997 г. составил всего 3,48 млн т, то есть оказался примерно на уровне 1995 г.¹²³ В результате резкого недобора зерна продовольственное положение в республике к концу 1997 г. вновь заметно обострилось. Правительству КНДР снова пришлось пойти на сокращение норм продовольственного потребления практически всеми категориями населения, включая и военнослужащих. По оценке экспертов, продовольственный рацион военнослужащих был уменьшен в 1997 г. с 900 до 700 г, а рабочих и служащих Пхеньяна в среднем с 700 до 450—500 г. Что касается рациона питания жителей периферии, то он сократился еще больше. Это коснулось и тружеников сельского хозяйства. Если ранее, в благоприятные для сельскохозяйственного производства годы, на каждого работника кооператива или госхоза на год приходилось в среднем 200 кг продо-

вольствия, то в 1997 г., в зависимости от региона, годовая продовольственная норма на селе сократилась до 90—130 кг¹²⁴.

В результате затоплений вышли из строя свыше 470 тыс. га рисовых и кукурузных полей¹²⁵. Сильная засуха крайне отрицательно сказалась на энергетическом хозяйстве страны, обострив тем самым и без того большой дефицит электроэнергии. Из-за недостатка водных ресурсов особенно резко сократилась выработка электроэнергии на гидроэлектростанциях республики и основная нагрузка легла на тепловые станции, которые должны были обеспечить хотя бы минимальный уровень электроснабжения народного хозяйства. От затопления пострадали также некоторые промышленные предприятия и объекты коммунального хозяйства.

Угроза обострения продовольственного кризиса, особенно в первые месяцы 1998 г., вынудила руководство КНДР еще раз обратиться к международной общественности за гуманитарной помощью. На его просьбу, как и ранее, откликнулись многие страны и международные организации. Так, Всемирная продовольственная программа приняла решение поставить в КНДР в 1998 г. 65,8 тыс. т зерна и другого продовольствия на общую сумму в 389,2 млн долл.¹²⁶ Активными донорами вновь выступили Китай, Япония, США, Республика Корея и ряд других стран. В частности Япония в рамках правительственной продовольственной помощи выразила готовность предоставить КНДР в 1998 г. через организации ООН 67 тыс. т риса на сумму в 27 млн долл. Кроме того, через японский Красный Крест она обязалась закупить для КНДР большое количество медикаментов на общую сумму примерно в 770 тыс. долл.¹²⁷ Гуманитарная помощь Республики Корея за последние четыре года, включая 1998 г., составила 315 млн долл., что равно примерно 30% общей зарубежной помощи КНДР за этот период¹²⁸.

Значительная продовольственная помощь была оказана КНДР также со стороны США. В марте 1999 г. США приняли решение об оказании КНДР в текущем году новой продовольственной помощи в объеме 200 тыс. т. Первую ее партию в размере 100 тыс. т зерна и бобовых на сумму в 35 млн долл. предполагалось направить в Северную Корею по линии Всемирной продовольственной программы ООН¹²⁹.

Рационально используя гуманитарную помощь со стороны международной общественности, руководство республики в то же время продолжало прилагать немалые усилия по возрождению и укреплению материально-производственной базы сельского хозяйства как главного условия выхода из продовольственного

кризиса. Уже с начала 1998 г. были приняты дополнительные меры по расширению поставок селу необходимой техники. После длительного спада производства промышленность, преодолевая состояние застоя, заметно расширила снабжение сельского хозяйства тракторами, автомашинами, посевными и уборочными агрегатами, строительной техникой и материалами, минеральными удобрениями и топливом. Значительные силы и средства были направлены также на дальнейшее развитие ирригационной системы, создания защитных сооружений от наводнений. В целях лучшего орошения рисовых плантаций и сухоходных полей в западных районах страны были проложены новые оросительные каналы и сооружены водохранилища и накопительные водоемы. Для повышения эффективности использования посевных площадей в различных районах страны интенсивно развернулись работы по реконструкции и новой планировке сельскохозяйственных угодий. В результате объединения мелких посевных участков, ликвидации межей и выравнивания площадей были созданы крупные земельные массивы, позволяющие более эффективно при обработке полей использовать современную мощную сельскохозяйственную технику. В 1999 г. были завершены такие работы в провинции Канвон на площади свыше 31 тыс. га. В следующем году аналогичные работы были проведены также в провинции Южный Пхеннан, но уже на площади вдвое больше. В настоящее время работы по реконструкции и планировке посевных площадей в 100 тыс. га интенсивно ведутся в провинции Южный Хванхе, которая является основной житницей страны.

В целях преодоления продовольственного кризиса меняется и структура сельскохозяйственного производства. В частности в северных и северо-восточных районах страны значительные посевные площади были отведены под картофель, который сегодня признан вторым хлебом КНДР. Некоторые крупные зерновые хозяйства республики стали специализироваться на разведении скота и птицы, началось создание специальных хозяйств по разведению рыбы, которые дают тысячи тонн первоклассной продукции. Большое внимание уделяется также созданию плантаций по выращиванию грибов, разведению моллюсков и морских водорослей, которые пользуются большим спросом не только в стране, но и за рубежом. Все это говорит о том, что идет активный поиск путей преодоления продовольственного кризиса.

Руководствуясь директивными установками декабрьского пленума ЦК ТПК 1993 г., правительство КНДР предпринимает необходимые меры по дальнейшему развитию внешнеэкономических связей республики и активизации совместной предпринима-

тельской деятельности с зарубежными партнерами. Чтобы придать новый импульс совместному предпринимательству и увеличить приток в КНДР иностранных инвестиций, в январе 1994 г. в ранее принятый закон о совместном предпринимательстве 1984 г. были внесены существенные изменения и дополнения, которые обеспечивали еще более благоприятные условия и гарантии для инвестиционной и предпринимательской деятельности зарубежных партнеров. В частности было разрешено создание предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам. Согласно сообщениям северокорейской прессы, предоставление более широких прав и гарантий зарубежным предпринимателям, закрепленных к тому же Основным законом КНДР, заметно оживило процесс создания СП и увеличило приток иностранных инвестиций. По данным на 1996 г., в КНДР активно функционировали 130 СП, из которых более половины составили предприятия, организованные совместно с фирмами корейских предпринимателей, проживающих в Японии. По оценке зарубежных экспертов, иностранные инвестиции в совместные предприятия составили 130 млн долл., а инвестиции северокорейской стороны в СП превысили 160 млн долл. В это время КНДР имела также за рубежом ряд небольших компаний с капиталом примерно в 40 млн долл.¹³⁰

Активные шаги руководства КНДР по организации свободной торгово-экономической зоны (СТЭЗ) на северо-востоке страны также стимулировали развитие совместного предпринимательства и привлечение иностранных инвестиций. Практически работа по подготовке проектов создания в КНДР СТЭЗ, которым отводилась важная роль в развитии экономического и научно-технического потенциала страны, развернулась уже в первые годы третьей семилетки. Прежде всего планировалось создать их на северо-востоке страны, в устье реки Туманган, а также на западе, в районе Нампхо, с ориентацией ее преимущественно на развитие отраслей легкой индустрии. Кроме того, в перспективе предполагалось образовать СТЭЗ в районе 38-й параллели для установления более тесных экономических контактов с Республикой Корея. Однако впоследствии приоритет все же был отдан созданию такой зоны в устье реки Туманган — СТЭЗ Раджин — Сонбон*. Ее развитие предполагалось вести в рамках осуществляемого здесь международного проекта Туманган, в котором участвуют Россия, Китай и другие сопредельные страны и который пользуется поддержкой Программы развития ООН. Отведенная

* Специальное решение Административного совета КНДР о создании зоны было принято в декабре 1991 г.

под СТЭЗ территория имеет весьма выгодное экономико-географическое расположение, поскольку находится на стыке границ КНДР, КНР и России. Она благоприятна не только для торгово-экономических связей и промышленного развития, но и организации туристского бизнеса. Ее площадь составляет 746 кв. км, а население насчитывает примерно 130 тыс. человек¹³¹. Города Раджин, Сонбон и Чхонджин объявлены свободными торговыми портами, способными принимать крупнотоннажные суда.

Корейскими учеными и специалистами был разработан генеральный план освоения и развития СТЭЗ. Полное формирование ее как самостоятельной торгово-экономической и промышленной структуры народнохозяйственного комплекса КНДР предполагается осуществить в три этапа, на реализацию которых отводится примерно 18 лет, то есть до 2010 г. Поэтапно обустройство и развитие зоны, естественно, будет проводиться с учетом перспектив экономического роста КНДР, инвестиционных возможностей и активности зарубежных партнеров. В целях более четкого определения статуса зоны и условий ее функционирования принят ряд важных законодательных актов: закон о свободной торгово-экономической зоне, закон об инвестициях иностранцев, закон о предприятиях иностранных лиц, закон о налогах с предприятий с иностранными инвестициями и предприятий иностранцев, закон о валютных операциях, закон о земельной аренде, закон о кооперативном предприятии, закон о таможенных пошлинах и др. Всего было принято 50 различных законов и положений. В СТЭЗ намечено образовать шесть промышленных районов, каждый из которых будет специализироваться на выпуске определенных видов современной, высокотехнологичной продукции, предназначенной главным образом на экспорт.

В перспективе СТЭЗ Раджин — Сонбон будет развиваться как важный для всей Северо-Восточной Азии транзитный узел транспортировки товаров, центр обработки и производства экспортной продукции и как международная туристская база. Повышенный интерес к ее созданию проявили прежде всего сопредельные государства: Китай, Россия и Республика Корея. Выразила желание принять в этом участие и Монголия. Определенную заинтересованность в развитии СТЭЗ проявляют также деловые круги Японии, главным образом бизнесмены из «Чхонрён». Готовы подключиться и предприниматели некоторых индустриально развитых стран Запада. Для КНДР свободная торгово-экономическая зона может стать тем локомотивом, который поможет ей вывести народное хозяйство из кризисного состояния и даст новый импульс развитию производительных сил страны. Созда-

ние СТЭЗ придаст экономике республики еще более открытый характер, расширит возможности ее включения в мирохозяйственные связи, привлечения иностранных инвестиций в экономику, более активного приобщения страны к достижениям мирового научно-технического прогресса. Поэтому руководство КНДР придает исключительно важное значение реализации проекта создания СТЭЗ. И даже в чрезвычайно сложных экономических условиях последнего времени оно пытается изыскать средства для его финансирования.

Помимо названных выше причин, сдерживающим фактором инвестиционной активности в КНДР стал также общий финансово-экономический кризис, который обрушился на многие страны мира в последние годы. И все же процесс организации СТЭЗ идет, постепенно набирая силу. Поэтапно реализуются программы ее развития. На первом этапе освоения зоны (1993—1995 гг.), когда решались первоначальные задачи создания ее инфраструктуры, иностранные инвестиции составили всего 40 млн долл., на втором этапе (1996—2000 гг.), в соответствии с заключенными до середины 1996 г. соглашениями и подписанными с иностранными инвесторами более чем 150 контрактами, общий объем капиталовложений на развитие СТЭЗ достиг уже 350 млн долл., то есть возрос по сравнению с первым этапом более чем в 8 раз¹³².

Примечательно, что с началом нового этапа освоения зоны стали проявлять активность предпринимательские круги Южной Кореи. В июне 1996 г. была достигнута договоренность между КНДР и РК об учреждении в СТЭЗ Раджин — Сонбон представительства южнокорейской Корпорации содействия международной торговле (КОТРА), главная цель которой — привлечение южнокорейских инвестиций в развитие инфраструктуры зоны и активизация торгово-предпринимательской деятельности бизнесменов из РК. Заметно повысился интерес к СТЭЗ также со стороны предпринимательских кругов других стран. Во многом этому содействовал специальный семинар, проведенный в Пхеньяне в сентябре 1996 г. для предпринимателей 26 стран, выразивших намерение участвовать в делах с торгово-экономической зоной. Особую активность в освоении СТЭЗ проявили деловые круги Китая, с которыми были подписаны контракты на общую сумму в 300 млн долл.¹³³ В свою очередь Китай лоббировал участие в проектах освоения зоны деловых кругов Гонконга. На семинаре были представители таких влиятельных компаний, как «Иеррия Линч» из США, «Банк ИНГ» из Амстердама и других международных банковских организаций. По данным информационных служб КНДР, во время этого международного семинара были

заключены контракты об инвестировании 8 объектов торгово-экономической зоны с деловыми кругами корейцев, проживающих в Японии и других странах. Предусматривалось строительство не только производственных объектов, но и гостиничного комплекса и госпиталя, а также модернизация системы связи на общую сумму в 285 млн долл. Кроме того, 21 зарубежная компания парафировала соглашения об инвестировании 30 проектов сотрудничества на общую сумму в 834 млн долл.¹³⁴

По заявлениям официальных кругов КНДР, освоение СТЭЗ Раджин — Сонбон идет достаточно интенсивно. На конец 1996 г. в ее развитие, по данным Комитета по внешнеэкономическим связям КНДР, было вложено дополнительно несколько сот миллионов долларов иностранных инвестиций. Стороны, желающие участвовать в деятельности СТЭЗ Раджин — Сонбон, приступили к изучению и согласованию ряда перспективных проектов сотрудничества. Так, например, американская компания «Стенсон групп» выдвинула проект модернизации нефтеперерабатывающего завода «Сынни» в Сонбоне с доведением его мощности до 2 млн. т продукции в год и расширения там же двух ТЭЦ. Другая американская фирма «Шелл пасифик Энтерпрайз» предложила строительство нефтеналивного терминала в Сонбоне емкостью в 100 тыс. т нефти. Американской компании «Марфи Оверсиз» принадлежит проект строительства производственного комплекса по переработке и перевалке 1 млн куб. м круглого леса, а также мебельного комбината. Две другие американские компании — «Дженерал моторс» и «Эйша ареад Пасифик Оперейшин» выступили с предложением соорудить завод по производству запасных частей к автомобилям с поставкой их в страны Юго-Восточной Азии. От гонконгских компаний «Дайсин» и «Вэ нью хауз ист Эйша» поступили заявки на участие в обустройстве автодорог, строительстве завода алкогольных и безалкогольных напитков, сооружении взлетно-посадочной площадки для вертолетов. Тайваньская компания «Поксли групп» внесла проект создания в СТЭЗ телекоммуникационных систем. Для оперативного ведения международных банковских операций в Пхеньяне в 1995 г. были открыты первые совместные коммерческие банки. В частности голландский банк «Ай-Эн-Джи Банк» с капиталом в 1,4 млн долл. совместно с государственной Корейской международной страховой компанией организовали банк «Ай-Эн-Джи Науе ист Эйша Банк». На базе гонконгского банка «Перегрин» с капиталом в 5,3 млн долл. и долей в уставном фонде 70% и северокорейского госбанка «Бэнк тесон» был создан банк развития — «Перегрин-

Тэсон». Совместно с соотечественниками из Японии был образован банк «Чхонрён-Хатъен Бэнк».

В конце 1994 г. правительство РК, уступая нажиму со стороны крупнейших торгово-промышленных групп, отменило введенный ранее запрет на посещение Северной Кореи южнокорейскими предпринимателями. В КНДР устремились многочисленные представители южнокорейского бизнеса с целью выяснения возможностей делового сотрудничества в сфере торговли и производства, а также участия в освоении свободной торгово-экономической зоны Раджин — Сонбон. Согласно официальным сообщениям, со стороны южнокорейских бизнесменов также был выдвинут ряд инвестиционных проектов общей стоимостью более 3 млн долл. с перспективой дальнейшего расширения совместного предпринимательства и реализации выдвинутых проектов освоения зоны.

К числу проектов с участием ведущих южнокорейских компаний можно отнести прежде всего строительство автомобильных дорог и участка железной дороги, пролегающей по территории СТЭЗ от китайской границы, строительство там аэропорта, портовых сооружений, производственных комплексов по выпуску электронных компонентов и продукции легкой промышленности (концерн «Дэу»); сооружение инфраструктурных объектов на территории СТЭЗ (компания «Сонгён»); создание комплекса предприятий легкой индустрии в составе 8 фабрик в Нампхо (концерн «Дэу»); участие в расширении производственных мощностей цементной промышленности КНДР, в модернизации имеющихся и строительстве новых предприятий легкой промышленности (компания «Тонъян»); сооружение предприятия по сборке локомотивов в СТЭЗ Раджин — Сонбон и судоремонтной верфи в Вонсане (компания «Хёндэ»); создание на территории СТЭЗ промышленного комплекса с участием мелких и средних южнокорейских компаний, содействие в модернизации и расширении Металлургического объединения им. Ким Чака и нефтеперерабатывающего завода в г. Раджин с последующим налаживанием кооперации по переработке на этих предприятиях вторичного сырья, поставляемого из Южной Кореи и других стран (компания «Лаки Голдстар») и другие проекты. Осуществление выдвинутых проектов совместного предпринимательства и развития инфраструктуры свободной торгово-экономической зоны потребует не только времени и благоприятных условий сотрудничества, но и значительных капитальных затрат. Поэтому их реализация возможна лишь при условии всесторонней нормализации отношений между Севером и Югом и при активной поддержке

со стороны международных финансовых организаций, таких как МВФ, МБРР и др. Особенно это важно сегодня, когда обе стороны, готовые к сотрудничеству в области экономики, еще не смогли полностью преодолеть атмосферу взаимного недоверия.

В 1998 г. главные усилия руководства КНДР были направлены на дальнейшее развитие инфраструктуры зоны, прежде всего на строительство современных дорог и модернизацию морских портов. В то же время большое внимание уделялось развитию социальной сферы: сооружению торговых центров, офисов, гостиничных комплексов и различных отелей для обслуживания зарубежных туристов. По сообщениям Агентства новостей Пхеньяна, в конце 1998 г. завершено строительство аэропорта и создание Центра мобильной связи. Кроме того, при содействии Программы развития ООН и Организации промышленного развития ООН были созданы Бизнес-школа и Информационный центр бизнеса в Раджине. По инициативе Пхеньяна в сентябре 1998 г. был проведен в Пхеньяне второй экономический семинар, в котором приняли участие 77 бизнесменов из разных стран, преимущественно представители деловых кругов «Чхонрён» из Японии и предприниматели Китая. В ходе его работы были выдвинуты 117 инвестиционных проектов на общую сумму в 964 млн. долл.¹³⁵ В результате состоявшихся переговоров пока заключены два инвестиционных соглашения, в том числе контракт с голландской фирмой «Дач Вартслия К^о» на строительство тепловой электростанции в Сонбоне проектной стоимостью в 87 млн долл.¹³⁶ Практически это первый контракт, заключенный с фирмой из Западной Европы на строительство энергетического объекта в свободной торгово-экономической зоне.

Согласно официальным данным, на конец 1997 г. было заключено 111 контрактов на общую сумму в 750 млн долл., предусматривающих сооружение различных народнохозяйственных объектов в СТЭЗ Раджин — Сонбон¹³⁷. Главными зарубежными инвесторами по-прежнему являются представители деловых кругов Японии, преимущественно бизнесмены из «Чхонрён». Северокорейская пресса сообщала, что в 1997 г. правительство КНДР приняло решение еще шире развернуть в СТЭЗ работы по сооружению различных народнохозяйственных объектов. Возросшие ассигнования на освоение этой территории позволили за последние годы развернуть здесь большое капитальное строительство, заложить основы современной инфраструктуры, создать ряд объектов производственного и социального обеспечения. Постепенное обустройство зоны помогло также заметно активизировать предпринимательскую деятельность в сфере туристского бизнеса. Из

года в год растет число желающих посетить живописные места этого уникального природного края Кореи. Если в 1997 г. его посетили 10 тыс. туристов, преимущественно из Южной Кореи, то уже в 1998 г. их число возросло до 15 тыс.¹³⁸ Согласно подписанному соглашению о развитии туризма с южнокорейской компанией «Хёндэ», в 1999 г. число туристов из Южной Кореи, желающих посетить горы Кымсанган, достигнет 20 тыс. человек¹³⁹.

В последнее время заметно повысилась деловая активность различных южнокорейских компаний и фирм не только в освоении СТЭЗ Раджин — Сонбон, но и в реализации нескольких интересных проектов совместного сотрудничества на всей территории КНДР. Например, в стадии проработки находится проект южнокорейской компании «Хёндэ» по изысканию и последующей совместной эксплуатации нефтяных месторождений, предположительно находящихся в КНДР на морском шельфе в районе Нампхо. Согласно официальному заявлению представителя КНДР на информационном совещании, проведенном Пхеньяном в Токио в октябре 1998 г., Северная Корея располагает значительными запасами нефти, расположенными на шельфе Западного моря у Нампхо, в бассейне Анджу к северу от Пхеньяна и на восточном побережье в бассейне Тонхын, недалеко от Вонсана. Причем залежи нефти в районе Нампхо, по оценке северокорейских специалистов, определяются в пределах от 5 до 43 млрд баррелей, что вызывает серьезные сомнения со стороны экспертов южнокорейской корпорации по развитию нефтедобычи в Корее (РЕД-СО)¹⁴⁰. В настоящее время три небольшие зарубежные разведывательные фирмы: «Тарус» из Швеции, «Бич Петролеум» из Австралии и «Сокса» из Канады ведут работы по изысканию месторождений нефти в Северной Корее. В случае обнаружения промышленных запасов нефти южнокорейская компания «Хёндэ» готова подключиться к ее разработке и провести нефтепровод в Южную Корею. Освоение собственных месторождений нефти позволит КНДР в значительной мере разрешить острую энергетическую проблему в стране.

Не менее важное значение для экономического развития КНДР имеют и другие проекты совместного сотрудничества. В частности компания «Хёндэ» выступила также с предложением построить тепловую электростанцию в Пхеньяне мощностью в 100 тыс. кВт, автомобильный завод в Хэджу, производственный комплекс по демонтажу и утилизации старых судов в Вонсане мощностью переработки в 200 тыс. т, а также спортивный комплекс в Пхеньяне и туристическую базу в районе Кымгансана; компания «Дэу» предложила построить крупную фабрику по изготовлению одеж-

ды в Нампхо; компания «Элджи электроникс» выдвинула проект строительства завода цветных телевизоров в Пхеньяне; корпорация «Кореа электрик пауер» заявила о готовности оказать содействие в сооружении атомной электростанции в Синпхо, а фирма «Самсон» предоставила проект создания мобильных телекоммуникационных центров в Сонбоне и Раджине¹⁴¹. Указанные проекты и деловые предложения находятся на стадии экспертной проработки правительством КНДР.

Свидетельством деловых контактов с зарубежными партнерами по освоению СТЭЗ Раджин — Сонбон могут служить конкретные факты шестилетнего развития зоны. По состоянию на конец 2000 г. заключены контракты по 65 объектам на общую сумму 907,1 млн долл., подписаны протоколы намерений на сумму 2020 млн долл. с фирмами Китая, Японии, Гонконга, Великобритании, Голландии, Таиланда, США, Австрии, Дании, Финляндии, Германии, Франции, Италии и Швеции. Фактический объем иностранных инвестиций составил 35,1 млн долл., в том числе по отраслям: инфраструктура — 14 млн долл., обслуживание — 12 млн., производство — 0,5 млн, финансы — 7,6 млн и туризм — 1 млн долл. Введены в эксплуатацию следующие объекты: так называемая «экономическая изгородь» — 89 км, перегрузочный терминал насыпных удобрений на первом причале порта Раджин — 1 млн т в год (фирма «Чиода»), относящаяся к Ассоциации «Чхонрён», электрификация железнодорожной ветки Хверен — Хаксан — 68 км, реконструкция и расширение до 12 м автомобильных дорог Раджин — Сонбон протяженностью 16 км, Сонбон — Сосылрен — Вочжон — 40 км и других участков дорог общей протяженностью 100 км (на средства гонконгского инвестора), оптическая кабельная линия Пхеньян — Раджин и другие объекты. В частности на средства тайландского инвестора была проложена на территории СТЭЗ телефонная сеть на 5 тыс. номеров, на средства китайского инвестора были построены международная гостиница № 1 в Раджине на 200 мест, туристский гостиничный комплекс «Пипха» на 600 мест, вертолетная площадка для рейсов Янчжин — Раджин — Пхеньян, пограничный мост Вочжон — Гвонхва, проведена установка портального крана грузоподъемностью 110 т в Раджине, с участием гонконгского банка «Перегрин» создан совместный банк с общей суммой вкладов иностранных фирм в 15 млн долл.¹⁴²

Все это говорит о том, что процесс освоения СТЭЗ Раджин — Сонбон постепенно расширяется. Однако в силу ограниченных финансовых и материальных возможностей самой КНДР и недостаточной активности зарубежных инвесторов работы по освое-

нию зоны ведутся (по мнению российских специалистов) все еще недостаточно интенсивно.

Что касается внешней торговли КНДР, то 90-е гг. оказались крайне неблагоприятными для ее развития. После того как общий объем товарооборота республики достиг в 1988 г. наивысшего уровня (5,24 млрд долл.), отчетливо обозначилась тенденция к его постепенному сокращению, прежде всего к свертыванию торговых операций с ее традиционными партнерами — Советским Союзом и другими восточноевропейскими странами, на которые в середине 80-х гг. приходилось свыше 60% всего внешнеторгового оборота КНДР¹⁴³. Отказ от традиционной сложившейся клиринговой системы взаиморасчетов в рублях и ее замена аккредитивной формой в свободно конвертируемой валюте по текущим мировым ценам незамедлительно привели к резкому падению товарооборота между КНДР и СССР, а затем и с Россией. Уже в 1991 г. объем взаимной торговли сократился по сравнению с предыдущим годом на 68%, составив всего 365 млн долл.¹⁴⁴ Это весьма негативно сказалось и на общем объеме товарооборота КНДР: в 1991 г. по сравнению с 1998 г. он уменьшился почти вдвое, а в 1993 г. снизился до 2,64 млрд долл.¹⁴⁵ В последующие годы в связи с обострением кризисной ситуации в экономике КНДР объем торгового оборота республики продолжал неуклонно сокращаться и в 1996 г. составил 1,9 млрд долл., а в 1999 г. упал примерно до 1,5 млрд долл.¹⁴⁶ Эта тенденция сохраняется и в настоящее время, что отрицательно сказывается на экономическом развитии страны. Прежде всего резко сократились поставки в КНДР крайне необходимых для народного хозяйства промышленных товаров производственного назначения, а также некоторых видов ширпотреба и продовольствия, усугубив тем самым и без того сложное экономическое положение в стране.

Причинами резкого свертывания торгово-экономических связей КНДР явились не только прекращение преференционных торговых операций республики с ее традиционными партнерами по соцлагерю, прежде всего с Россией, но и ряд других негативных факторов внутреннего и внешнего порядка: дефицит валютных накоплений и недостаточная платежеспособность страны, резко возросшая ее внешняя задолженность, утрата традиционных рынков сбыта корейских экспортных товаров, невысокая конкурентоспособность экспортной продукции, общее падение промышленного производства, в том числе экспортной ориентации, по-прежнему низкий престиж страны как надежного внешнеторгового партнера и, наконец, сохранение жесткой эконо-

мической блокады со стороны индустриально развитых капиталистических государств.

Стремясь найти выход из весьма сложной ситуации и активизировать свои торгово-экономические связи, КНДР предпринимает поиск новых внешнеторговых партнеров взамен утраченных, постепенно осуществляет географическую переориентацию рынков сбыта своей продукции. Одновременно ведется интенсивная работа по изысканию источников экспортных ресурсов. В частности при сохранении ориентации на расширение производства цветных металлов большое внимание уделяется увеличению производства магнезитового клинкера и огнеупорных материалов, а также швейных изделий и продукции морского промысла, которые на мировом рынке пользуются повышенным спросом. Важной статьей экспорта является также продукция военно-промышленного комплекса, приносящая КНДР значительные инвалютные поступления. В поисках новых партнеров КНДР переместила свои торговые связи преимущественно на азиатский регион, на долю которого в 1996 г. приходилось уже 74,9% всего ее внешнеторгового оборота. Европейским странам в торговле с КНДР принадлежало соответственно 22,9%, странам африканского континента — всего 1,4% и другим регионам — 0,8%¹⁴⁷.

Главными торговыми партнерами КНДР стали Китай и Япония, которые далеко оттеснили Россию. На Китай и Японию уже в 1996 г. приходилось свыше 55% внешнеторгового оборота КНДР. Доля России соответственно составляла всего 5—6%. Если товарооборот республики с Китаем в 1996 г. достигал 565,6 млн долл., а с Японией — 518 млн, то с Россией он не превысил 100 млн долл.¹⁴⁸ Примерно на том же уровне он сохранился и сегодня. Неуклонно возрастал объем торговли у КНДР с Республикой Корея. В 1996 г. он составил 252 млн долл., в 1997 г. достиг 300 млн¹⁴⁹. После некоторого спада в 1998 г. он вновь стал расти. Из европейских стран наибольший объем торговли КНДР с Германией и Польшей. В 1996 г. он составлял соответственно 75 и 40 млн долл.¹⁵⁰ В последующие годы он находился примерно на том же уровне. Что касается производственных связей КНДР с Россией и другими бывшими социалистическими странами, то они фактически полностью свернуты. Попытки их реанимировать на чисто коммерческой основе с отдельными фирмами и предприятиями оказались малоэффективными и не смогли компенсировать утраченное. Возможно, что возобновление работы Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между КНДР и Россией позволит возродить утерянные связи и даст новый импульс их развитию.

В соответствии с директивами декабрьского пленума ЦК ТПК 1993 г., значительные силы и средства были направлены на преодоление энергетического кризиса в стране, который стал практически главным фактором, сдерживающим развитие всего народного хозяйства республики. Учитывая всю сложность и важность решения этой проблемы, правительство КНДР преобладающую часть государственных ассигнований в экономику направило на укрепление и развитие материально-технической базы электроэнергетической и топливной промышленности. В 1994—1997 гг. капиталовложения в эти жизненно важные отрасли экономики возросли почти в полтора раза. Только за два последующих года они выросли в 1,2 раза. Это позволило уже в первые годы после окончания третьей семилетки широко развернуть работы по реализации программы преодоления энергетического кризиса, разработанной в соответствии с решениями декабрьского пленума и рассчитанной до 2000 г. В рамках этой программы уже в 1996 г. было завершено строительство первой очереди Кымгансанской ГЭС проектной мощностью в 810 тыс. кВт. и со следующего года широко развернулись работы по сооружению второй очереди этой станции. Одновременно были продолжены строительно-монтажные работы на некоторых крупных электростанциях, сооружение которых началось еще в конце 80-х и начале 90-х гг.: Намганской ГЭС, Тхэчхонской ГЭС, Кымяганской ГЭС, Ненвонской ГЭС, Западно-Пхеньянской ТЭС и ТЭС им. «Декабря». Строительные работы интенсивно велись также на Чхонджинской, Кимчхакской, Анджуйской и Хамхынской электростанциях. Для повышения коэффициента использования генерирующих агрегатов и наращивания их мощностей на действующих электростанциях проводились модернизация и замена силовых установок. Такие работы шли, например, на Супхунской и Анбонской гидроэлектростанциях. В результате ввода в строй новых и реконструкции действующих электростанций общие генерирующие мощности КНДР, по оценке зарубежных экспертов, в 1998 г. достигли 7387 тыс. кВт против 5915 тыс. кВт в 1985 г., а на конец 2000 г. они составили уже 7600 тыс. кВт.¹⁵¹ С целью покрытия дефицита электроэнергии по всей стране ведется сооружение малых и средних электростанций, рассчитанных на использование местных водных и топливных ресурсов. К концу 1999 г. их насчитывалось уже почти пять тысяч. Только в 1998 г. было сооружено более 1600 малых и средних станций, преимущественно гидравлических¹⁵².

Следует также сказать, что КНДР, несмотря на серьезные экономические трудности, при содействии зарубежных фирм

делает первые шаги по созданию в стране атомной энергетики. Согласно рамочному соглашению, подписанному с США, при техническом содействии южнокорейских фирм ведутся работы по установке двух атомных реакторов на легкой воде мощностью 1 млн кВт каждый взамен прежних графитных, способных вырабатывать оружейный плутоний. Пуск в эксплуатацию атомных реакторов позволит КНДР получить дополнительно не менее 10 млрд кВт · ч электроэнергии, что заметно снизило бы напряжение в электробалансе страны. К сожалению, сторона, взявшая на себя обязательства по установке реакторов, под разными предложениями не спешит реализовать данный проект. При этом, согласно имеющимся данным, стоимость установки этих реакторов первоначально равнялась 4,9 млрд долл., теперь же эта сумма составляет 6,5 млрд долл. Между тем российские специалисты-энергетики считают, что сооружение аналогичной по техническим характеристикам АЭС при содействии России обошлось бы почти вдвое дешевле.

Несмотря на огромные усилия и средства, направляемые на развитие электроэнергетической базы страны, процесс наращивания генерирующих мощностей идет все же недостаточно интенсивно. Акцент, сделанный на преимущественное развитие гидроэнергетики, не позволяет в короткие сроки решить энергетическую проблему, так как сооружение крупных ГЭС требует не только значительных затрат, но и длительных сроков. Строительство же малых и средних станций, хотя и увеличивает генерирующие мощности, но в целом не решает проблемы. К тому же эффективность использования существующих мощностей ГЭС и тепловых электростанций в условиях нестабильности водного режима рек и недостатка топлива невысок. Так, имеющиеся в настоящее время генерирующие мощности всех электростанций страны, превышающие 7,6 млн кВт, при благоприятных условиях их эксплуатации могли бы дать республике, как минимум, 35—40 млрд кВт · ч электроэнергии, а производится ее фактически почти вдвое меньше, что вызывает серьезное напряжение в обеспечении народного хозяйства. Поэтому наиболее перспективным направлением выхода КНДР из энергетического кризиса, по нашему мнению, является развитие в стране атомной энергетики и перевод действующих тепловых электростанций на другие виды топлива, в частности на газ, тем более что для этого в перспективе могут открыться неплохие возможности. Реализация совместного проекта России, Республики Корея и КНДР по прокладке газопровода из Сибири в Южную Корею через территорию Северной Кореи позволила бы КНДР получать в качестве

платы за транзит (по предварительной оценке) не менее 1 млрд куб. м газа в год с последующим возможным увеличением его объема. По мнению российских специалистов, для преодоления энергетического кризиса КНДР, наряду с ускоренным наращиванием электроэнергетических мощностей, потребуется решить вопрос завоза в страну, как минимум, 4 млн т нефти и нефтепродуктов, а также 1,5 млн т коксующегося угля в год. Объективно наиболее реальным поставщиком нефти и угля в перспективе могла бы стать Россия.

В соответствии с конкретными директивами декабрьского пленума 1993 г. о необходимости скорейшего преодоления топливного кризиса в стране, уже с 1994 г. практически на всех крупных угольных шахтах и карьерах республики широко развернулись работы по их технической модернизации и наращиванию производственных мощностей. В частности такие работы в течение последующих трех лет были проведены на угледобывающем комплексе Сунчхона, на шахтах Чиктонэ, на Пукчханском угольном разрезе и молодежной угольной шахте в Чонсоне. В результате страна получила дополнительно десятки тысяч тонн угля. Большое внимание было уделено также разработке новых перспективных месторождений угля в северных провинциях страны, в частности в районе плато Пэкту. Освоение новых месторождений, обладающих значительными запасами угля, во многом позволит компенсировать потери при разработке угля на старых шахтах и истощенных участках.

Позитивные сдвиги по выводу производства из состояния глубокого кризиса и стагнации произошли и в других отраслях индустрии. Постепенно преодолевая хозяйственные трудности, заметно стала наращивать производство металлургическая промышленность. После длительного простоя и резкого спада производства оживилась работа ведущих предприятий машиностроительного комплекса и легкой промышленности, интенсивно шел процесс технической реконструкции предприятий, вводились в строй новые производственные мощности, расширялся выпуск продукции.

В 1997 г. в строй вступило несколько десятков важных народнохозяйственных объектов. Так, в провинции Южная Хамген было построено свыше 20 небольших предприятий по производству микроудобрений, в Пхеньяне сдан в эксплуатацию завод по выпуску резиновых изделий, в Чхонджинском порту завершены работы по модернизации и расширению двух причалов (№ 3 и 4), в районе Кымгансана проложена новая железнодорожная магистраль протяженностью в 101,5 км, вступил в строй новый

производственный объект фирмы «Эгук», в провинции Чаган возведены 29 малых и средних электростанций, на цементном заводе в Сунчхоне сдан в эксплуатацию ленточный конвейер, в Хэджу сооружен новый пешеходный мост, в провинции Северная Хванхэ для сельских жителей, пострадавших от стихийных бедствий, построены свыше 366 благоустроенных домов и т. д.¹⁵³

В связи с подготовкой к празднованию 50-летия образования КНДР в 1998 г. Трудовая партия Кореи и правительство республики обратились к трудящимся с призывом развернуть по всей стране движение за достойную встречу юбилея, за возрождение темпов «Чоллима» в хозяйственном строительстве, за изыскание дополнительных резервов наращивания производства. В ответ на призыв партии и правительства все заводы, фабрики, шахты, рудники и другие предприятия встали на трудовую вахту в честь юбилея республики. Так, коллективы ведущих металлургических предприятий благодаря внедрению новой технологии добились значительного увеличения выплавки металла. Например, на Сонджинском металлургическом объединении выплавка стали в мае 1998 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года возросла в 4,6 раза¹⁵⁴. Заметного увеличения производства добились работники Сунчхонского виналонового объединения, а также текстильных и швейных предприятий, работающих в основном на экспорт. Большим достижением КНДР в юбилейном году явился вывод на околоземную орбиту собственного искусственного спутника Земли, что, несомненно, свидетельствует о возросшем научно-техническом потенциале страны. Все это говорит о том, что республика, преодолевая немалые трудности, делала первые, но вполне зримые шаги по возрождению национальной экономики.

Последующие годы вслед за юбилейным проходили в КНДР под девизом «форсированного марша» в экономическом строительстве. Главная задача нового периода развития состояла в том, чтобы окончательно преодолеть тяжелые последствия хозяйственного кризиса и построить развитое государство. Прошедшие годы до наступления нового столетия для республики были не менее напряженными, чем предшествовавший период «трудного похода». В 1999 и 2000 гг. новые стихийные бедствия вновь обрушились на страну и нанесли ей многомиллионный ущерб. От затяжной засухи и пронесшегося над республикой тайфуна пострадал не только аграрный сектор, но и многие промышленные предприятия, а также транспортные коммуникации и средства связи. Согласно имеющейся информации, КНДР в 2000 г. из-за стихийных бедствий недополучила свыше 1,4 млн т зерновых, из них 360 тыс. т риса и 660 тыс. т кукурузы были потеряны вследствие

засухи, а два тайфуна, пронесшиеся над страной, опустошили 140 тыс. га, с которых планировалось собрать 405 тыс. т зерна. Разумеется, вновь возникшие хозяйственные трудности, связанные с преодолением тяжелых последствий от стихийных бедствий, не позволили в полном объеме выполнить намеченную программу экономического строительства. И все же, несмотря на это, республика продолжала постепенно возрождать свой экономический потенциал. Росло промышленное и сельскохозяйственное производство, налаживалась работа транспорта. В целом валовая продукция промышленности в 1999 г. по сравнению с предыдущим годом выросла на 8,5%, в том числе выработка электроэнергии увеличилась на 15%, добыча угля — на 10% и продукция металлургии — на 10%. Соответственно объем перевозок всеми видами транспорта, прежде всего железнодорожным, возрос на 10%, а продукция сельского хозяйства, рыбного промысла и лесного хозяйства увеличилась на 9,2%¹⁵⁵.

К концу 1999 г. валовой национальный продукт КНДР, по оценочным данным, по сравнению с предыдущим годом вырос на 6,2%, составив 13,3 млрд долл.¹⁵⁶ И хотя его величина еще значительно меньше, чем в докризисный период, то есть до начала 90-х гг., тем не менее уже отчетливо видна тенденция его постепенного возрастания по мере начавшегося возрождения производственного потенциала страны (на 1990 г. его объем составлял 23,1 млрд долл.)¹⁵⁷.

Не менее важным показателем постепенного подъема экономического потенциала республики является неуклонное возрастание ее государственного бюджета, главным источником формирования которого являются поступления от различных отраслей народного хозяйства, производственная деятельность которых за последние три года заметно оживилась. Согласно официальным данным, государственный бюджет КНДР в 1999 г. по сравнению с предыдущим годом возрос на 3% и составил 20,4 млрд вон¹⁵⁸. По предварительным оценкам, такой же прирост его объема произошел и в 2000 г. Соответственно увеличилась и расходная часть бюджета, что позволило за последние годы выполнить большой объем капитального строительства: в 1990 г. его объем по сравнению с предыдущим годом увеличился на 24,3%¹⁵⁹.

Возросшие капиталовложения в народное хозяйство дали возможность ввести в строй десятки важных производственных объектов, провести техническую реконструкцию ведущих промышленных предприятий, вывести их из состояния упадка и стагнации. Только в 2000 г. было завершено строительство трех энергоблоков на Тэчхонской электростанции, второй очереди строительства

на крупнейшей в стране Анбонской ГЭС, введена в строй 40-километровая скоростная автомагистраль Пхеньян — Нампхо, проведена техническая модернизация оборудования по выплавке стали на ведущих металлургических предприятиях республики, реконструированы и расширены мощности по производству свинца, цинка и магнезитового клинкера, технической реконструкции подверглись также важнейшие предприятия станкостроения и автотракторной промышленности. Многие предприятия местной промышленности, общее число которых в стране превышает 4000, возобновили свою производственную деятельность и в настоящее время работают в нормальном режиме.

В строй вступили новые предприятия химической и легкой промышленности, в том числе производственный комплекс по выпуску карбоната натрия, завод косметических товаров в Синыйджу, ряд солеваренных заводов на восточном побережье страны. Реконструирована железнодорожная магистраль между Канге и Рангримом, построены десятки крупных хозяйств по разведению птицы, свиней и рыбы, проведены крупномасштабные работы по перепланировке посевных площадей как на востоке, так и на западе страны, выполнены большие объемы по лесонасаждению (высажено 833 млн деревьев). Реконструктивные работы, проведенные на металлургических и машиностроительных предприятиях республики, позволили уже в первом полугодии 1999 г. (по сравнению с тем же периодом 1998 г.) увеличить производство стали в 1,2 раза, а грузовых автомобилей — в 2,2 раза¹⁶⁰. Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, за последние два года все же удалось получить неплохой урожай сельскохозяйственной продукции. Так, в 1999 г. урожай зерновых составил 4,2 млн т¹⁶¹. Однако, несмотря на возросший объем сельскохозяйственного производства, республика продолжает испытывать дефицит продовольствия примерно в 1,5 млн т, который в значительной степени покрывается за счет международной гуманитарной помощи.

Постепенное возрождение экономического потенциала страны позволяет проводить программу социального развития общества. За последние годы возросли государственные ассигнования на развитие здравоохранения, социального обеспечения, народного образования и жилищного строительства. Несмотря на сложность экономического положения в стране и заметно снизившийся уровень жизни трудящихся, народонаселение республики неуклонно растет. Согласно имеющимся данным, в 1998 г. оно уже составило 24,1 млн человек против 22 млн человек в 1991 г.¹⁶² Поэтому утверждения некоторых западных и южнокорейских СМИ

о резком сокращении населения КНДР не соответствуют действительности. Речь может идти лишь о падении темпов ежегодного прироста населения.

Что касается внешнеэкономической деятельности КНДР на рубеже веков, то она проводилась недостаточно интенсивно. Это относится не только к внешнеторговым связям, но и к освоению свободных экономических зон, развитию совместного предпринимательства и привлечению иностранных инвестиций. В 1999 г. внешнеторговый оборот республики составил всего 1,48 млрд долл., что значительно меньше, чем в докризисные годы, когда его объем был почти вдвое больше. Главными внешнеторговыми партнерами КНДР по-прежнему являются Китай и Япония. Вместе с тем за последние два года заметно расширились торгово-экономические связи с Республикой Корея. В 1999 г. объем взаимной торговли между двумя государствами достиг 333,4 млн долл. против 221,9 млн в 1998 г.¹⁶³ Согласно последним данным, межкорейский товарооборот в 2000 г. достиг 425 млн долл. По объему товарооборота с КНДР Республика Корея вслед за Китаем и Японией вышла на третье место.

Состоявшаяся встреча руководителей Северной и Южной Кореи на высшем уровне летом 2000 г. и достигнутые на ней договоренности открывают новые горизонты для дальнейшего расширения и углубления экономических и производственных связей между странами. Визит в 2000 г. в КНДР Президента Российской Федерации В. В. Путина и состоявшиеся переговоры на высшем уровне вселяют надежду, что наконец-то сдвинутся с мертвой точки и начнут набирать силу необоснованно утраченные ранее традиционные и весьма тесные торгово-экономические, производственные и научно-технические связи между РФ и КНДР. В случае придания этим связям нового импульса развития, которые сегодня могут быть полезными для обеих сторон, Россия, несомненно, вновь станет главным экономическим партнером Корейской Народно-Демократической Республики.

Можно привести десятки фактов, свидетельствующих о том, что КНДР, оказавшись в чрезвычайно сложных экономических условиях, в настоящее время прилагает немалые усилия, чтобы преодолеть тяжелые последствия хозяйственного и продовольственного кризиса, возродить производственный потенциал страны и придать ему новый импульс развития. Главное сейчас состоит в том, чтобы максимально мобилизовать имеющиеся в стране ресурсы и по-хозяйски ими распорядиться. Важным условием поступательного развития экономики КНДР может стать рациональное сочетание государственного планового регулирования

экономическими процессами и механизма рыночных отношений, более активное включение страны в орбиту мирохозяйственных связей и тесное ее приобщение к современным достижениям мирового научно-технического прогресса. Наглядным примером тому может служить опыт Китая и Вьетнама, которые, продолжая строить социалистическое общество, добились значительных успехов в экономическом развитии.

Естественно, путь к возрождению северокорейской экономики мог бы быть значительно сокращен и облегчен, если бы развитые страны действительно пришли на помощь КНДР, предоставили ей необходимые кредиты и займы, оказали материально-техническое содействие, сняли бы все препоны на пути установления с ней экономических и научно-технических связей.

- ¹ Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 44, с. 41—42.
- ² Нодон синмун, 4.04.1980.
- ³ Большов И. Г., Толорая Г. Д. Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1987, с. 70, 72.
- ⁴ Ким Чен Ир. О дальнейшем развитии науки и техники. Пхеньян, 1989, с. 13.
- ⁵ Нодон синмун, 27.01.1984.
- ⁶ Корея. Краткие сведения. Пхеньян, 1988, с. 126, 129.
- ⁷ Пук Чосон Ёнгам (1983—1993) (Ежегодник Северной Кореи (1983—1993)). Сеул, 1994, с. 422.
- ⁸ Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 39, с. 248.
- ⁹ Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 2, с. 31.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Развитие экономики КНДР. Пхеньян, 1990, с. 67, 68.
- ¹² Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), 1994, с. 93.
- ¹³ Корея. Краткие сведения. Пхеньян, 1988, с. 126, 129, 132, 140, 143, 144.
- ¹⁴ Statistical Yearbook for Asia and Pacific, 1995. Thailand. UN. 1996, с. 129.
- ¹⁵ Нодон синмун, 24.04.1987.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Актуальные проблемы Корейского полуострова. М., 1996, с. 30.
- ¹⁸ Там же, с. 31.
- ¹⁹ Мир социализма в цифрах и фактах. 1985. М., 1986, с. 132.
- ²⁰ Большов И. Г., Толорая Г. Д. Корейская Народно-Демократическая Республика, с. 105.
- ²¹ Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М., 1997, с. 108.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.

- 24 Там же, с. 111.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Нодон синмун. 24.04.1987.
- 30 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга (Общая оценка 3-й семилетки Северной Кореи). Сеул, 1994, с. 23.
- 31 Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения, с. 109.
- 32 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 452; Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения, с. 113.
- 33 Vantage Point. Development in North Korea. Seoul, 1993, vol. XVI, № 6, с. 15; Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995, с. 180.
- 34 Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения, с. 113.
- 35 Vantage Point. Development in North Korea. Seoul, 1993, vol. XVI, № 6, с. 19; Пук Чосон тэви кебан. Кехёиг чончхек ква хапричок тэпукчон чхэкыи мосэк (Внешняя открытость и политика реформ Северной Кореи. Поиск рациональной политики в отношении Севера). Сеул, 1997, с. 27.
- 36 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 34.
- 37 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 38 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 17.
- 39 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 185; Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 26, 27.
- 40 Vantage Point. Development in North Korea. Seoul, 1993, vol. XVI, № 11, с. 5.
- 41 North Korea news. Seoul, 1994, № 716, с. 6.
- 42 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 43 Пукхан кёндженаныи хёнхван ква чонман (Современные экономические трудности и перспективы Северной Кореи). Сеул, 1997, с. 53.
- 44 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, 1994, с. 59, 60.
- 45 JDE. Sport Survey. Tokyo, 1997, с. 35.
- 46 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 47 JDE. Sport Survey. Tokyo, 1997, с. 36.
- 48 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 60.
- 49 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 50 JDE. Sport Survey. Tokyo, 1997, с. 36.
- 51 Там же, с. 35.
- 52 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 53 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30; Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 70.

- 54 Вестник научной информации. ИМЭПИ РАН. М., 1997, № 2, с. 82, 83.
- 55 Там же, с. 82.
- 56 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 438, 439; Korea Annual, 1991, с. 313; Корея. Краткие сведения. Пхеньян, 1988, с. 140.
- 57 Vantage Point. Development in North Korea, 1993, vol. XVI, № 12, с. 17; Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 79.
- 58 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), 1994, с. 439.
- 59 Забровская Л. В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток, 1998, с. 68.
- 60 Statistical Yearbook for Asia and Pacific, 1995, Thailand. UN. 1996, с. 130.
- 61 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 62 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 82, 83.
- 63 Vantage Point. Development in North Korea, 1996, vol. XIX, № 7, с. 20.
- 64 Корея сегодня, 1994, № 2, с. 30.
- 65 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 87.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 441.
- 69 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 90.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 444.
- 73 A Handbook on North Korea. Seoul, 1996, с. 26.
- 74 Корея, 1994, № 2, с. 10; Корея сегодня, 1993, № 12, с. 12, 46.
- 75 Statistical Yearbook for Asia and Pacific, 1995. Thailand. UN. 1996, с. 129; Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 425.
- 76 North Korea news, № 725, с. 3.
- 77 Корея, 1994, № 2, с. 10.
- 78 Пукханыи (Че 3 чха 7 кенён кехёиг) чонхап пхёнга, с. 42.
- 79 Statistical Yearbook for Asia and Pacific, 1995. Thailand. UN. 1996, с. 129.
- 80 Korea and world Affairs. Seoul, 1994, vol. XVIII, № 3, с. 547.
- 81 Там же, с. 542.
- 82 Нодон синмун, 08.04.1989.
- 83 Там же, 09.04.1992.
- 84 Рассчитано по: Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 93, 787.
- 85 Нодон синмун, 03.04.1992; Рассчитано по: Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 93, 726.
- 86 Корея сегодня, 1992, № 4, с. 35.
- 87 Внешняя торговля Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1991, № 8, с. 18.
- 88 Там же, № 10, с. 10.
- 89 Там же.

- 90 Нодон синмун, 17.12.1989.
- 91 Проблемы Корейского полуострова и интересы России. М., 1988, с. 138.
- 92 Там же.
- 93 Познакомьтесь с Кореей. Ответы на вопросы. Пхеньян, 1989, с. 37.
- 94 Корея сегодня, 1990, № 4, с. 13.
- 95 Азия и Африка сегодня, 1990, № 2, с. 12.
- 96 Корея сегодня, 1994, № 5, с. 13.
- 97 Ким Чен Ир. Ставить во главу угла идеологическую работу — закономерное требование дела социализма. См.: Корея сегодня, 1996, № 8, с. 17.
- 98 North Korea in crisis. Seoul, 1994, с. 452.
- 99 Пук Чосон Ёнгам (1983—1993), с. 452.
- 100 Korea and world Affairs, 1995, vol. XIX, № 3, с. 449.
- 101 Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1993, с. 7.
- 102 Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 2, с. 35.
- 103 Korea and world Affairs, 1995, vol. XIX, № 3, с. 468; Vantage Point. Development in North Korea. Seoul, 2001, vol. 24, № 3, с. 59.
- 104 Независимая газета, 10.04.1996.
- 105 Korea and world Affairs, 1995, vol. XIX, № 3, с. 468.
- 106 Там же, с. 470.
- 107 North Korea in crisis, 1997, с. 111.
- 108 Korea and world Affairs, 1995, vol. XXI, № 4, с. 579.
- 109 Vantage Point. Development in North Korea, 1995, vol. XVIII, № 11, с. 79; The Unification Environment and Relations Between South and North Korea: 1999—2000. Seoul, 2000, с. 72.
- 110 Там же.
- 111 Там же.
- 112 Вестник научной информации ИМЭПИ. М., 1997, № 2, с. 75.
- 113 Там же, с. 76.
- 114 Там же.
- 115 Korea and world Affairs, 1997, vol. XXI, № 4, с. 580.
- 116 North Korea in crisis, 1997, с. 111; Vantage Point. Development in North Korea, 1998, vol. XXI, № 1, с. 47.
- 117 Korea and world Affairs, 1995, vol. XXI, № 4, с. 582.
- 118 Вестник научной информации ИМЭПИ, 1997, № 2, с. 77.
- 119 The Korea Herald, 05.06.1998.
- 120 Vantage Point. Development in North Korea, 1996, vol. XIX, № 2, с. 47.
- 121 Пульс планеты, 15.02.1998.
- 122 ЦТАК, 26.09.1997.
- 123 Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXII, № 4, с. 53.
- 124 Korea and world Affairs, 1995, vol. XXI, № 4, с. 583.

- ¹²⁵ ЦТАК. 26.09.1997.
- ¹²⁶ Vantage Point. Development in North Korea, 1998, vol. XXI, № 2, с. 26.
- ¹²⁷ Пульс планеты, 16.10.1997.
- ¹²⁸ Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXII, № 3, с. 50.
- ¹²⁹ Там же, № 4, с. 54.
- ¹³⁰ Вестник научной информации ИМЭПИ, 1997, № 2, с. 84.
- ¹³¹ Корея сегодня, 1995, № 5, с. 22.
- ¹³² Вестник научной информации ИМЭПИ, 1997, № 2, с. 85.
- ¹³³ Там же, с. 86.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXII, № 1, с. 16.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же, с. 14.
- ¹³⁹ Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXII, № 2, с. 32.
- ¹⁴⁰ The Korea Herald, 04.11.1998.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Ханро Форум, 2000, № 11, с. 73.
- ¹⁴³ Korea and world Affairs, 1995, vol. XIX, № 3, с. 448.
- ¹⁴⁴ Актуальные проблемы Корейского полуострова, 1996, с. 81.
- ¹⁴⁵ Korea and world Affairs, 1995, vol. XIX, № 3, с. 448.
- ¹⁴⁶ Там же, № 4, с. 517.
- ¹⁴⁷ Пунхан кёндженаныи хёнхван ква чонман. Сеул, 1997, с. 89.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 90, 91.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 97.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 93.
- ¹⁵¹ Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXII, № 4, с. 20;
Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман. Сеул, 2000, с. 10.
- ¹⁵² The Ryongyang Times. 30.05.1998; Vantage Point. Development in North Korea, 1999, vol. XXI, № 10, с. 27.
- ¹⁵³ Noewoe Press. Seoul, 1997, № 66, с. 235.
- ¹⁵⁴ Сеульский вестник, сентябрь 2000 г., № 50, с. 5.
- ¹⁵⁵ Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман, с. 27; Korea Annual, 2000, с. 276.
- ¹⁵⁶ Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман, с. 56.
- ¹⁵⁷ Korea Annual, 1992, с. 272.
- ¹⁵⁸ Korea Annual, 2000, с. 277.
- ¹⁵⁹ Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман, с. 10.
- ¹⁶⁰ ЦТАК КНДР, ноябрь, 2000.
- ¹⁶¹ Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман, с. 10.
- ¹⁶² Пукхан ёнгам 2000. Сеул, 2000, с. 65; Korea Annual, 1999, с. 272.
- ¹⁶³ Намбук кондон сонон ква тонбука пхёнхва чонман, с. 32.

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КНДР: ПРОЦЕСС УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Так называемый ядерный кризис на Корейском полуострове, многократно обострившийся и приобретший международный масштаб после заявления руководства КНДР 12 марта 1993 г. о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и последовавшая за этим дипломатическая игра, основными участниками которой были США, КНДР, РК, КНР, а также МАГАТЭ и ООН, на наш взгляд, явились подтверждением изменения существовавшего баланса сил на полуострове и вокруг него¹. Представляется, что международный конфликт вокруг ядерных объектов КНДР получил такой резонанс не только и не столько в силу объективной опасности стремления малых государств к получению собственного ядерного оружия, сколько из-за причин преимущественно политических. США (в результате ослабления международных позиций КНДР, связанного со стремительным сближением ее бывших стратегических партнеров — России и Китая — с Республикой Корея) стремятся к уничтожению существующей на севере Корейского полуострова государственной системы. Под предлогом угрозы создания в КНДР собственного ядерного оружия США с помощью международных контролирующих организаций (ООН и МАГАТЭ) фактически спровоцировали обострение конфликта, имевшего достаточно долгую предысторию.

Цель данной статьи — напомнить хронику событий, связанных с конфликтом, возникшим из-за «ядерных амбиций» КНДР, и показать пути и результаты его урегулирования.

Общеизвестно, что на юге Корейского полуострова сосредоточена крупная оперативно-тактическая группировка американских войск, находящаяся там в соответствии с подписанным в октябре 1953 г. Договором о взаимной обороне между США и Республикой Корея, статья 4-я которого гласит: «Республика Корея предоставляет, а США принимают право располагать су-

хопутные, военно-морские и военно-воздушные силы Соединенных Штатов на территории Республики Корея или поблизости»². Известно также, что американский контингент на юге Кореи обладает ядерным вооружением. В опубликованном в США исследовании «Тихоокеанское командование: структура и стратегия американских вооруженных сил на Тихом океане» говорится, что «главной огневой мощью расквартированных в Южной Корее американских сухопутных войск являются ядерные мины и разбросанные по всей стране склады с ядерными артиллерийскими снарядами и авиабомбами»³. По другим данным, в начале 1980-х гг. в Южной Корее имелись 352 системы и 686 ядерных зарядов общей мощностью 222 килотонны, а также около 60 нейтронных зарядов; американскими военными не исключалась возможность применения нейтронных средств в полевых условиях⁴. К тому же начиная с 1976 г. практически ежегодно на юге Кореи проводятся крупномасштабные американо-южнокорейские военные учения «Тим спирит», основной задачей которых является отработка совместных наступательных действий в условиях современного боя с применением ядерного оружия.

В таких условиях правительство КНДР неоднократно высказывало свою озабоченность существовавшей угрозой применения против нее ядерного оружия и выступало с инициативами о выводе с территории Южной Кореи американских войск и американского ядерного оружия, о прекращении военных маневров «Тим спирит», об объявлении Корейского полуострова безъядерной зоной. Необходимо особо отметить тот факт, что именно Пхеньян выдвинул идею о превращении полуострова в безъядерную зону, зону мира. Впервые данное положение официально было закреплено в декларации, подписанной в ходе переговоров делегацией Трудовой партии Кореи и Социалистической партии Японии в марте 1981 г.⁵

В 1985 г. КНДР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. Напомним, что инициаторами заключения Договора являлись правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза, которые, в соответствии со статьей IX.2, стали странами — депозитариями Договора. Он вступил в силу 5 марта 1970 г. и к настоящему времени объединяет 178 государств. На отчетной конференции, состоявшейся в Нью-Йорке с 17 апреля по 12 мая 1995 г. представители присутствовавших на ней 175 государств — участников Договора проголосовали за его бессрочное продление⁶. Решение о присоединении КНДР к ДНЯО было принято не без влияния со стороны СССР и последовало после заключения в декабре 1985 г. советско-североко-

рейского договора о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии и строительстве в КНДР атомных электростанций⁷.

Очевидно, присоединяясь к Договору, руководство Северной Кореи надеялось облегчить решение вопроса о выводе американского ядерного оружия и американских войск вообще с территории Южной Кореи. Так, Ким Ир Сен в беседе с журналистом из «Вашингтон пост» в апреле 1994 г. сказал: «Уже с первого дня, как США ввели в Южную Корею ядерное оружие, мы прилагали неустанные усилия для обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова. Мы и к Договору о нераспространении ядерного оружия присоединились для того, чтобы США вывели из Южной Кореи свое ядерное оружие и Корейский полуостров стал безъядерной зоной»⁸. В 1986 г. правительство КНДР в подтверждение искренности своих намерений в одностороннем порядке объявило о моратории на испытания, производство, складирование, ввоз ядерного оружия и запрет на транзит ядерного оружия иностранных государств через свою территорию, воздушное пространство и территориальные воды, а также обратилось к США с призывом отказаться от ввоза в Южную Корею новых видов ядерных вооружений, поэтапно вывести уже имеющиеся и отказаться от дальнейших планов их применения⁹.

В заявлении МИД КНДР в июле 1987 г. Пхеньян призвал США и Республику Корея начать практические действия по удалению с Юга ядерного оружия, при этом подчеркивалось, что КНДР не планировала создавать собственное ядерное оружие или размещать на своей территории оружие других стран¹⁰. В ноябре 1989 г. КНДР выдвинула предложение о проведении трехсторонних переговоров с участием США и Республики Корея о выводе американского ядерного оружия с территории Южной Кореи, с тем чтобы в ходе дальнейшего межкорейского диалога подготовить и принять официальный документ о превращении всего Корейского полуострова в безъядерную зону¹¹.

Ядерный паритет на Корейском полуострове достигался благодаря Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и СССР от 6 июля 1961 г., статья 1-я которого провозглашала союзнические обязательства двух стран в военной области. Однако к 1991 г., ко времени истечения очередного пятилетнего срока действия этого Договора, в условиях кардинального изменения политической ориентации новых властных сил СССР, а после его распада — России (впавшей в хаос внутривнутриполитических и финансово-экономических неурядиц и не скрывавшей своих симпатий к Южной Корее) в КНДР пришли к выводу

о фактической утере ядерного прикрытия. Окончательно в своих опасениях северокорейское руководство укрепились после официального визита президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Сеул осенью 1992 г., когда тот заявил, что советско-северокорейский договор 1961 г. устарел и не отвечает новым реалиям¹². Началось стремительное сближение России с экономически процветающей Республикой Корея. Взаимное признание друг друга КНР (еще одним основным союзником КНДР) и Республикой Корея, пусть и не имевшее такую яркую антисеверокорейскую окраску, как в случае с Россией, еще более ослабило международные позиции КНДР.

В этих условиях США начали уделять пристальное внимание северокорейскому ядерному комплексу в районе города Йонбён провинции Северная Пхёнан, где, по американским разведывательным данным, полученным с помощью шпионского спутника, действовал новый ядерный реактор, установка для производства топлива для него и хранилище отработанных материалов. Все это оказалось неучтенным и соответственно неподконтрольным МАГАТЭ¹³. По версии КНДР, в Йонбёне находятся экспериментальный реактор, построенный с помощью СССР, и критстенд, сооруженный корейскими специалистами. Оба объекта знакомы МАГАТЭ и ежегодно проверяются. Строительные работы, ведущиеся неподалеку, не имеют отношения к реактору и являются военным, неядерным строительством. США данные объяснения не устраивали, и они старались оказать всяческое воздействие на КНДР, в том числе и через СССР, с тем чтобы произвести инспекцию на подозрительных объектах в Йонбёне, а также заставить КНДР подписать контрольное соглашение с МАГАТЭ. Надо признать, что советское руководство пыталось убедить КНДР поставить под контроль МАГАТЭ свою ядерную деятельность. Так, в ответ на письмо тогдашнего министра иностранных дел КНДР Ким Ён Нама от 19 ноября 1991 г., сообщавшем об отсутствии у КНДР **намерений и возможностей** производить ядерное оружие, министр иностранных дел РСФСР А. Козырев написал, что в таком случае ничто не препятствовало тому, чтобы «КНДР выполнила вытекающие из Договора о нераспространении ядерного оружия обязательства и без всяких задержек подписала соглашение о ядерных гарантиях с МАГАТЭ»¹⁴.

КНДР была готова подписать данное соглашение с МАГАТЭ, но только в ответ на гарантии США не применять ядерного оружия против нее и впоследствии вывезти его с территории Южной Кореи. США отказались давать КНДР особые гарантии безопасности, ссылаясь на общий характер заявления о гарантиях,

сделанного США 12 июня 1978 г. и подтвержденного в 1982 г., согласно которому «США не применяют ядерное оружие против неядерного государства, которое присоединилось к Договору о нераспространении ядерного оружия, за исключением случаев нападения на США, их территорию или вооруженные силы, или их союзников со стороны такого государства, являющегося союзником ядерной державы или действующего совместно с ядерной державой в осуществлении или поддержке такого нападения»¹⁵.

В условиях усилившегося давления со стороны США руководству КНДР пришлось пойти на определенное смягчение антиамериканской направленности своей внешней политики и начать более активный поиск компромиссных путей решения существовавших проблем. Примером этого может служить подписание 13 декабря 1991 г. Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом (официально вступившее в действие с 19 февраля 1992 г.), 20 января 1992 г. — Декларации о денуклеаризации Корейского полуострова (также официально вступившей в действие с 19 февраля 1992 г.), а 30 января 1992 г. — Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ (ратифицированное Верховным народным собранием КНДР 10 апреля 1992 г.). Ответным шагом со стороны США стала отмена в 1992 г. учений «Тим спирит». Кроме того, США согласились на прямой диалог с КНДР, под знаком которого прошел практически весь 1992 г. Так, в январе 1992 г. состоялась встреча секретаря ЦК ТПК Ким Ён Суна с первым заместителем госсекретаря США Кантором. КНДР посетили делегации общественных и бывших государственных деятелей США, ученые Фонда Карнеги, представители академических кругов и т. д. В Нью-Йорке регулярными стали встречи в ООН между представителями КНДР и официальными лицами госдепартамента и администрации президента США. В декабре 1992 г. в КНДР побывал сенатор Смит¹⁶.

Небывалое оживление американо-северокорейского диалога позволило лучше узнать друг друга, однако не стало предвестником действительного улучшения отношений. Обе стороны занимали достаточно жесткие и малокомпромиссные позиции по всем вопросам обоюдного интереса, в том числе и по вопросу о ядерной программе КНДР и инспекциях МАГАТЭ.

Как сказано выше, 10 апреля 1992 г. Верховное народное собрание КНДР ратифицировало соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. В числе прочих вопросов соглашение регламентировало инспекционную деятельность МАГАТЭ. Причем объекты для инспектирования должна была определять корейская сторона. Начи-

ная с июня 1992 г. инспекционные группы МАГАТЭ приступили к работе и, по признанию генерального директора МАГАТЭ Ханса Бликса, «встретили полное понимание и содействие» со стороны властей КНДР¹⁷. В мае 1992 г. Ханс Бликс приехал с инспекцией в КНДР. После ее проведения он пришел к выводу о несоответствии информации северокорейской стороны о своей ядерной деятельности данным, полученным в ходе проверок. По его мнению, в Йонбёнском Центре ядерных исследований, точнее в так называемой Радиохимической лаборатории Центра, были «разработаны и апробированы возможности обогащения отработанного топлива, что необходимо для регенерации урана и получения плутония в целях использования его в реакторах на быстрых нейтронах». В ответ представители северокорейской стороны заверили его в том, что ядерная программа КНДР преследует исключительно мирные цели, и все объекты ядерной деятельности открыты для инспекций МАГАТЭ в соответствии с обязательствами по соглашению о гарантиях ядерной безопасности¹⁸.

В течение 1992—1993 гг. КНДР посетили восемь инспекционных групп МАГАТЭ. Основным выводом их деятельности стало подтверждение мнения Бликса, что существует большое несоответствие между данными, предоставленными КНДР, и результатами проверок. Главное несоответствие они усматривали в разнице между фактическим количеством и качеством отходов переработанного урана и заявленным корейской стороной количеством полученного плутония, что дало представителям МАГАТЭ повод заподозрить КНДР в сокрытии определенного количества выделенного плутония. Кроме того, МАГАТЭ, ссылаясь на информацию, полученную с помощью американских спутников слежения, утверждало о ядерном характере двух объектов, находящихся недалеко от Йонбёнского ядерного центра и не заявленных корейской стороной для инспектирования. Правительство КНДР утверждало, что данные объекты не имеют отношения к ядерной программе, они носят военный характер, поэтому проведение там ядерных инспекций, тем более на основании разведывательных данных, полученных с помощью третьих стран (США), с которыми КНДР формально до сих пор находится в состоянии войны, — «немыслимое дело»¹⁹.

С 30 ноября по 1 декабря 1992 г. в Вене проходили переговоры между министром по атомной энергетике КНДР Чхве Хак Кыном и генеральным директором МАГАТЭ Хансом Бликсом, на которых корейской стороне было заявлено о несоответствии информации КНДР относительно строящихся объектов рядом с Радиохимической лабораторией в Йонбёне данным, полученным

с американского разведывательного спутника, и высказано пожелание провести повторную проверку этих объектов. Примерно в это же время на территории Республики Корея начались совместные американо-южнокорейские военные маневры «Тим спирит-93», возобновленные после их отмены в 1992 г.

9 января 1993 г. МАГАТЭ направило КНДР вторичный запрос о проведении инспекции означенных объектов в соответствии со статьями 73-й и 77-й соглашения о гарантиях. Делегация МАГАТЭ, возглавляемая его директором по внешним сношениям, посетила Пхеньян 20—22 января 1993 г. В ходе визита корейской стороне было заявлено, что в случае отказа провести повторную проверку интересующих МАГАТЭ объектов оно не сможет подтвердить правдивость данных Пхеньяна о его ядерной деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Представители КНДР в ответ утверждали, что интересующие МАГАТЭ объекты являются военными, но не относятся к ядерному комплексу и таким образом не попадают под действие соглашения о гарантиях. В условиях обострившейся обстановки было предложено решение вопроса отложить до прибытия очередной, шестой, инспекционной группы МАГАТЭ. Однако она также не смогла провести инспекцию на месте и получить полную информацию об объектах.

В такой ситуации 9 февраля 1993 г. руководство МАГАТЭ отправило в Пхеньян телеграмму с требованием провести **специальную** проверку интересующих ядерных объектов. 15 февраля 1993 г. КНДР отказалась принять инспекционную группу, но пообещала прислать экспертов в Вену для обсуждения «проблемы несоответствия». При этом было вторично подчеркнуто, что интересующие МАГАТЭ объекты носят не ядерный, а чисто военный характер. Прибывшая 20 февраля 1993 г. в Вену делегация министерства атомной энергетики КНДР не смогла представить убедительных для МАГАТЭ доказательств неядерного характера интересующих его объектов. 25 февраля 1993 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию о принудительном проведении «специальной инспекции» объектов ядерной деятельности КНДР, обязав северокорейскую сторону в течение одного месяца урегулировать все возникшие проблемы. Представитель КНДР в МАГАТЭ назвал резолюцию «несправедливой», но выразил готовность прояснить все вопросы через «диалог и переговоры» в рамках МАГАТЭ²⁰. Параллельно с этой проблемой встал также вопрос о проведении межкорейских ядерных инспекций в соответствии с Декларацией о денуклеаризации Корейского полуострова. Позиция КНДР в этом вопросе была следующей: признавая важность межкорейских инспекций, Пхеньян выдвинул услови-

ем их проведения проверку американских военных баз на территории Республики Корея на предмет выяснения того, действительно ли оттуда вывезено ядерное оружие, как о том заявляли представители США и РК.

2 июля 1992 г. президент США Джордж Буш заявил о выводе американского тактического ядерного оружия из стран Азии и Европы. Вслед за этим Пентагон подтвердил полный вывод ядерного оружия из Южной Кореи²¹. В ответном заявлении МИД КНДР позитивно оценил данный шаг, но при этом подчеркнул, что «одного объявления» недостаточно, чтобы убедить его в отсутствии в Южной Корее ядерного оружия²². Пхеньян утверждал, что при подписании соглашения с МАГАТЭ подразумевалось, что в ответ на проведение агентством инспекций в КНДР северокорейская сторона получит право на адекватную проверку американских военных баз в Южной Корее. Лишь только после этого станет возможным проведение межкорейских ядерных инспекций. МАГАТЭ, США и Республика Корея не согласились с этим требованием КНДР.

10 марта 1993 г. КНДР направила МАГАТЭ ответное послание, в котором, ссылаясь на проведение в ближайшее время американско-южнокорейских военных учений «Тим спирит-93» и объявленное в республике в связи с этим «полувоенное положение», сообщила о невозможности приема специальной инспекционной группы. 12 марта 1993 г. правительство КНДР заявило о намерении выйти из состава участников Договора о нераспространении ядерного оружия с 12 июня 1993 г. 15 марта 1993 г. МИД КНДР обнародовал меморандум, озаглавленный «О подлинной картине ядерных инспекций МАГАТЭ в нашей стране», в котором обвинил МАГАТЭ в нарушении соглашения о гарантиях²³. 16 марта 1993 г. КНДР официально объявила о прекращении инспекций МАГАТЭ.

В Пхеньяне свое решение обосновали тем, что, несмотря на официальное участие КНДР в ДНЯО, сохраняется прямая угроза применения против нее американского ядерного оружия, размещенного на юге Корейского полуострова. По мнению Пхеньяна, в этих условиях дальнейшее пребывание КНДР в ДНЯО было лишено всякого смысла. «Выход из Договора о нераспространении ядерного оружия является естественной самооборонной мерой, принятой в ответ на ядерные поджигательские происки США и несправедливые акции отдельных кругов МАГАТЭ против нашей республики», — говорилось в заявлении правительства КНДР от 12 марта 1993 г.²⁴ Принимая решение о выходе из ДНЯО, в Пхеньяне могли учесть и тот факт, что в мире к тому времени

существовала группа государств (например Израиль, Индия, Пакистан, ЮАР), активно осуществлявших собственные изыскания в ядерной области и в связи с этим принципиально не присоединявшихся к ДНЯО. Эти страны, как подчеркивалось в Открытом докладе Службы внешней разведки РФ (опубликованном в конце марта 1995 г.), «стали де-факто обладателями военных ядерных средств и стремятся с этих позиций решать собственные региональные проблемы, а также повышать свою роль на мировой арене»²⁵.

Сразу после официального обращения руководства КНДР к Совету Безопасности ООН 12 марта 1993 г., в котором сообщалось о намерении выйти с 12 июня 1993 г. из ДНЯО, последовала острая негативная реакция со стороны США, РК и Японии. Правительства этих стран охарактеризовали решение КНДР как неправомерный отказ от добровольно взятых на себя ранее обязательств и подрыв дела мира и стабильности на Корейском полуострове. 18 марта 1993 г. внеочередная сессия Совета управляющих МАГАТЭ приняла резолюцию, в которой выразила озабоченность невыполнением КНДР своих обязательств по соглашению о гарантиях и призвала ее к сохранению сотрудничества с МАГАТЭ. 30 марта 1993 г. генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс опубликовал доклад, в котором еще раз обвинил КНДР в невыполнении обязательств по соглашению о гарантиях и резолюции Совета управляющих МАГАТЭ. В докладе делался вывод о невозможности для агентства проверить действительный характер ядерной деятельности КНДР. 1 апреля 1993 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял еще одну резолюцию, обвиняющую КНДР в невыполнении обязательств по соглашению о гарантиях и предусматривающую передачу вопроса о ядерной деятельности КНДР на обсуждение Совета Безопасности ООН.

5 апреля 1993 г. МИД КНДР сделал заявление, в котором квалифицировал принятую Советом управляющих МАГАТЭ резолюцию как откровенно «враждебную акцию США и их союзников, стремящихся изолировать и уничтожить нашу республику»²⁶. По мнению КНДР, ядерный вопрос касался прежде всего американо-северокорейских отношений, поэтому обсуждение его на уровне Совета Безопасности ООН представлялось недопустимым. В случае же рассмотрения данного вопроса в СБ ООН представители МИД КНДР предупредили о возможности «непредвиденных последствий»²⁷. Тем не менее 8 апреля 1993 г. председатель Совета Безопасности ООН выступил с заявлением, в котором, сославшись на устное высказывание и письменный доклад генерального директора МАГАТЭ Х. Бликса от 6 апреля 1993 г., вы-

разил серьезную озабоченность в связи с решением КНДР выйти из ДНЯО и призвал Пхеньян изменить свое решение. Такую линию поведения КНДР осудили все члены СБ ООН — США, Великобритания, Франция, Россия. КНР, будучи постоянным членом СБ ООН, расценила акцию КНДР как «вызывающую сожаление». Таким образом, все постоянные члены СБ ООН, являющиеся участниками «ядерной пятерки», осудили, хотя и в разной степени, действия КНДР по выходу из ДНЯО.

Конечно, сам по себе такой шаг КНДР был действительно беспрецедентным. Северная Корея оказывалась единственной страной, которая впервые за всю историю существования ДНЯО бросила открытый вызов мировому сообществу, наглядно показав хрупкость важнейшего для сохранения мира механизма нераспространения ядерного оружия и создав весьма опасный прецедент. Поэтому осуждение Советом Безопасности данной акции КНДР, усиленное негативным отношением большинства его членов к существующей на севере Кореи социалистической системе, представлялось для подавляющего большинства членов ООН естественной реакцией международного органа.

Подготовка еще одной резолюции Совета Безопасности ООН вызвала острую реакцию Пхеньяна, заявившего, что ее принятие станет «недопустимым посягательством» на суверенитет КНДР и будет иметь «негативные последствия» для всего процесса урегулирования проблемы. Президент Ким Ир Сен назвал подготовку резолюции СБ ООН — «напрасной затеей»²⁸. Тем не менее правительства США, РК и ряда других стран обратились к СБ ООН с жестким требованием принять решение о немедленном возвращении КНДР в ДНЯО, с возможностью применения против нее международных санкций в случае отказа повиноваться²⁹. На это руководство КНДР ответило, что «СБ ООН следует рассмотреть позицию Вашингтона, а не Пхеньяна, ибо именно США, путем ядерного шантажа и давления на МАГАТЭ, вынудили Пхеньян выйти из ДНЯО»³⁰. Касаясь же возможного решения СБ ООН о применении санкций, представитель КНДР в ООН подчеркнул, что подобное решение будет расценено в КНДР как акт «объявления войны», в связи с чем «она будет вынуждена принять соответствующие меры самообороны»³¹. Выход из этой сложной ситуации был найден во многом благодаря посреднической роли, которую весьма тонко сыграла КНР. На наш взгляд, терпеливые действия МИД КНР позволили смягчить остроту реакции мирового сообщества и создали базу для последующих двусторонних прямых переговоров между КНДР и США, в ходе которых были достигнуты соглашения, далеко выходящие за рамки

проблемы ядерных изысканий в КНДР. Суть позиции Китая в конфликте между мировым сообществом и КНДР состояла в том, чтобы, с одной стороны, сохранить международный механизм нераспространения и контроля за ядерным оружием и межкорейское соглашение о безъядерном статусе Корейского полуострова и, с другой стороны, не допустить прямых международных санкций против КНДР³². Эту линию китайская дипломатия проводила достаточно последовательно на всех этапах предварительных контактов с членами СБ ООН, особенно с США и РК. Сначала КНР выступила с предложением ограничиться заявлением председателя СБ ООН с призывом к КНДР вернуться в ДНЯО. Но когда США стали настаивать на принятии специальной резолюции СБ ООН, члены китайской делегации приняли к сведению эту позицию США, официально ни одобряя ее, ни отвергая. Не принимая формального участия в подготовке проекта резолюции, китайская сторона в то же время внимательно следила за недопущением внесения в него положения о международных санкциях против КНДР. Китай недвусмысленно заявил, что использует свое право вето, если такой пункт все же будет включен в резолюцию ООН.

Для обеспечения успеха своей линии КНР уделила особое внимание консультациям с РК, неустанно подчеркивавшей, что именно она окажется первой жертвой ядерного вооружения КНДР. От ее позиции немало зависело при принятии решения международным органом. Результатом напряженных и длительных переговоров министров иностранных дел КНР и РК Цянь Цичена и Хан Сын Чжу (в апреле в Бангкоке и в мае 1993 г. в Сеуле) стало то, что южнокорейская сторона, учитывая позицию Китая, сочла целесообразным не включать в проект резолюции СБ ООН пункт о применении международных санкций против КНДР³³. При этом представители РК отметили, что «жесткая позиция СБ ООН может натолкнуть Северную Корею на необдуманные акции»³⁴. Согласие РК с мнением КНР способствовало тому, что США и другие члены СБ ООН договорились смягчить первоначальную формулировку проекта резолюции таким образом, чтобы у китайской делегации в СБ ООН не было формального повода для использования права вето. Так, вместо слов о «возможности применения международных санкций» было решено внести в нее тезис о том, что СБ ООН «будет держать под контролем развитие ситуации вокруг ядерного вопроса на Корейском полуострове и вернется к его обсуждению, как только возникнет необходимость»³⁵.

Наконец, после интенсивных и длительных обсуждений Совет Безопасности ООН на своем 3212-м заседании 11 мая 1993 г. принял резолюцию № 825 (1993), проект которой официально внесли делегации Великобритании, Испании, Новой Зеландии, Российской Федерации, США, Франции и Японии. В резолюции содержался призыв к КНДР пересмотреть свое решение о выходе из ДНЯО и тем самым подтвердить приверженность его положениям, выполнять соглашение с МАГАТЭ. Резолюция также призывала генерального директора МАГАТЭ продолжать консультации с КНДР для решения рассматриваемых вопросов, чтобы затем доложить Совету об их ходе и результатах в установленные сроки, а всех членов ООН — содействовать тому, чтобы КНДР откликнулась позитивно на эту резолюцию. Кроме того, в ней содержался упомянутый выше пункт о том, что СБ ООН решил держать рассматриваемый вопрос под контролем и вернуться к нему, как только возникнет необходимость³⁶.

За принятие резолюции проголосовали 13 государств — членов СБ ООН, за исключением КНР и Пакистана. Объясняя свою позицию, представитель КНР заявил на заседании СБ ООН, что Китай был против «вмешательства СБ ООН в конфликт», поскольку «шаги СБ ООН могли бы только усилить напряженность и вызвать эскалацию спора»³⁷. Оценивая позицию КНР, можно заключить, что, являясь участником ДНЯО и сторонником безъядерного статуса Корейского полуострова, Китай сделал максимум возможного для того, чтобы:

- 1) не допустить прямого нажима на КНДР, неизбежно повлекшего бы многократное обострение конфликта;

- 2) утвердить Пхеньян в качестве полноправного и независимого участника будущих переговоров.

В то же время позиция КНР учитывала интересы и РК, что было по достоинству оценено последней. Так, выражая свое мнение о позиции КНР, министр иностранных дел РК Хан Сын Чжу сказал: «Воздержавшись при голосовании... Пекин дал понять своему северокорейскому союзнику, что у него нет выбора, кроме как принять участие в международных усилиях по прекращению производства ядерного оружия в КНДР... Если принять во внимание первоначальную отрицательную позицию Китая в отношении принятия СБ ООН резолюции против Северной Кореи, то его новая позиция имеет большое значение»³⁸.

Резолюция СБ ООН не устраивала лишь КНДР. Президент Ким Ир Сен, выступая 11 мая 1993 г. на обеде в честь находившегося в Пхеньяне президента Зимбабве Р. Мугабе, заявил: «США устроили фарс с принятием СБ ООН резолюции, но это бесполез-

ная затея. Если кто-либо попытается навязать нам силой свои требования, то он получит заслуженный контрудар со стороны нашего народа»³⁹. В том же духе было выдержано заявление представителя КНДР в ООН: «Принятием своей резолюции СБ ООН нарушил суверенитет КНДР и ее право на самооборону»⁴⁰. Реакция КНДР представляется недостаточно взвешенной, поскольку отвергая принятый «мягкий» вариант резолюции, КНДР фактически обесценивала усилия Китая по нейтрализации резкой реакции мирового сообщества на ее действия.

Анализируя текст резолюции, можно прийти к выводу, что обращение СБ ООН ко всем членам ООН с призывом способствовать возвращению КНДР в ДНЯО фактически позволяло заинтересованным государствам, прежде всего США, попытаться обеспечить свои интересы в Северной Корее. Однако и КНДР в ней также получала свободу выбора партнера по диалогу, исходя из собственных интересов, то есть она могла сесть за стол переговоров с США. Все это стало возможным благодаря усилиям КНР. Именно КНР удалось направить ход конфликта в нужном (и для КНДР, и для США) направлении, сгладив его первоначальную остроту, соблюдая при этом интересы всех непосредственных его участников и оказав добрые услуги обеим корейским сторонам.

«Мягкость» принятой резолюции сделала возможными закрытые американо-северокорейские консультации, начавшиеся в Пекине. При этом позиция КНДР по вопросу о ее возвращении в ДНЯО предполагала выполнение США следующих требований:

- уважительное отношение к существующей в КНДР государственной системе;
- ликвидация американского ядерного прикрытия Южной Кореи;
- прекращение маневров «Тим спирит»;
- гарантии США о неприменении против КНДР ядерного оружия;
- инспекции северокорейскими наблюдателями американских военных баз в Южной Корее.

Основными целями диалога также являлись улучшение двусторонних американо-северокорейских отношений и выработка политически нейтрального подхода МАГАТЭ к КНДР. Для США целью номер один являлось сохранение КНДР в ДНЯО и выполнение Пхеньяном своих обязательств по соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. В числе задач также было оздоровление отношений США с КНДР, выяснение судьбы американских военнопленных и пропавших без вести во время корейской войны и т. д.

Первый раунд прямых американо-северокорейских переговоров на правительственном уровне состоялся 11 июня 1993 г. на встрече официальных представителей КНДР и США в Нью-Йорке, где было подписано заявление, в котором Пхеньян объявил о приостановлении своего выхода из ДНЯО в обмен на обязательства сторон воздерживаться от угрозы и применения силы, не вмешиваться во внутренние дела друг друга, поддерживать процесс мирного объединения Кореи, «беспристрастно применять полномасштабные гарантии безъядерного статуса Корейского полуострова». США обещали «уважать суверенитет КНДР»⁴¹.

Второй раунд американо-северокорейских переговоров состоялся в июле 1993 г. в Женеве. Однако ни на этих переговорах, ни на последовавших за ними рабочих встречах в Нью-Йорке конкретных результатов обеим сторонам добиться не удалось. В ноябре 1993 г. КНДР предложила «пакетный» вариант решения ядерной проблемы: полномасштабные инспекции и возвращение КНДР в ДНЯО в обмен на прекращение «враждебной политики» США против КНДР и нормализацию отношений с ней⁴².

В первой половине 1994 г. вновь обострились отношения КНДР с МАГАТЭ. Пхеньян, используя статус «страны, временно приостановившей действие решения о выходе из ДНЯО», отказывался от проведения обычных и специальных инспекций на своих ядерных объектах. Инспекция ядерного комплекса в Йонбёне в первой половине марта 1994 г. была проведена лишь в объеме, «обеспечивающем непрерывность гарантий»⁴³. 13 июня 1994 г. КНДР известила США как депозитария МАГАТЭ о своем выходе из состава агентства. Одновременно вновь было заявлено, что введение каких-либо международных санкций в рамках ООН Пхеньян расценит как факт объявления войны. Ослабить возникшую снова напряженность в американо-северокорейских отношениях и возобновить диалог помогла посредническая деятельность бывшего президента США Джеймса Картера, находившегося в КНДР с 15 по 18 июня 1994 г. и имевшего личные встречи с Ким Ир Сеном.

Третий раунд американо-северокорейских переговоров, проходивший в два этапа в июле-августе и сентябре-октябре 1994 г. в Швейцарии, увенчался успехом и закончился заключением 21 октября 1994 г. в Женеве Основного соглашения между КНДР и США (известного также как рамочное соглашение), подписанного первым заместителем министра иностранных дел КНДР Кан Сок Чжу и послом США по особым поручениям Робертом Галлуччи⁴⁴. Весьма примечательно то, что 20 октября 1994 г. президент США Б. Клинтон обратился с официальным посланием на

имя «Верховного руководителя КНДР господина Ким Чен Ира⁴⁵», чтобы дать президентскую гарантию выполнения данного соглашения со стороны США.

Соглашение закрепляет следующие положения:

1. Стороны договорились сотрудничать друг с другом в деле замены двух реакторов с графитовыми замедлителями и связанных с ними сооружений на атомных электростанциях КНДР легководными реакторами (ЛВР). Обе стороны исходили из того, что с помощью графитовых замедлителей теоретически доступно получение оружейного плутония-239, а с помощью легководного реактора его получение невозможно ни теоретически, ни практически. При этом:

а) США обязались, согласно президентскому посланию, предпринять меры по поставке в КНДР до 2003 г. оборудования для АЭС с легководными реакторами общей мощностью в 2000 мегаватт;

б) США предпримут меры по компенсации ущерба от неполучения Северной Кореей электроэнергии в результате замораживания реакторов с графитовыми замедлителями и связанных с ними сооружений до завершения строительства АЭС с легководным реактором № 1. Альтернативным энергоносителем был избран мазут. США согласились оказать содействие в организации ежегодных поставок в размере 500 тыс. т (первая партия мазута — 50 тыс. т поступила в КНДР уже в середине января 1995 г.);

в) по мере обеспечения Соединенными Штатами гарантий на поставку легководных реакторов и поставку альтернативных энергоносителей КНДР заморозит и в конце концов демонтирует реакторы с графитовыми замедлителями и связанные с ними сооружения. При этом КНДР полностью будет сотрудничать с МАГАТЭ (1 ноября 1994 г. КНДР объявила о замораживании двух своих реакторов с графитовыми замедлителями)⁴⁶.

2. Стороны договорились постепенно идти к полной нормализации политических и экономических отношений.

В этом рамочном соглашении также сказано, что, по мере урегулирования на консультациях экспертов консульского и других деловых вопросов, стороны учредят в обеих столицах бюро связи, а по достижении дальнейшего прогресса в урегулировании вопросов, представляющих взаимный интерес, КНДР и США могут повысить двусторонние отношения до уровня посольств⁴⁷.

Понятно, что Сеул посчитал себя обманутым основным своим союзником — США. Ведь в начале мая 1993 г., еще до начала

американо-северокорейских переговоров и незадолго до принятия резолюции СБ ООН, заместитель министра обороны У. Перри в беседе с президентом РК Ким Ён Самом заявил: «Вашингтон не будет торопиться с выводом американских войск из Южной Кореи, пока существует прямая угроза создания Пхеньяном ядерного оружия. С учетом стратегического значения восточно-азиатского региона, вывод американских войск в будущем будет осуществляться на постепенной основе», он обещал, что в ходе переговоров с КНДР США будут руководствоваться тремя принципами:

- 1) переговоры будут касаться только ядерной проблемы;
- 2) Вашингтон будет осуществлять постоянные консультации с Сеулом;
- 3) Вашингтон признает, что межкорейский диалог имеет более важное значение, чем американо-северокорейские переговоры, в решении ядерной проблемы⁴⁸.

В американо-северокорейском соглашении наибольшее недовольство южнокорейцев вызывала именно реализация третьего принципа. Администрация Ким Ён Сама не допускала даже мысли о возможном установлении ею и США каких-либо политических отношений с Северной Кореей как с «коммунистическим, диктаторским государством». Тот факт, что США «позволили» себе проявить иной, чем у Сеула, подход, исходя из собственных интересов, вызвал в правящих кругах РК недовольство и замешательство. Но соглашение не было отменено, оно осталось в силе, правда, подвергаясь определенной «корректировке» со стороны Республики Корея.

Достигнутая принципиальная договоренность о взаимном дипломатическом признании КНДР и США, несмотря на то что она до сих пор не реализована (в том числе из-за противодействия РК), конечно же, представляет новую ступень в отношениях между двумя странами. При определенных условиях новое качество может проявиться и в отношениях между Севером и Югом. Признание США и установление КНДР с ними дипломатических отношений могут также активизировать процесс нормализации ее официальных отношений и с Японией. Тогда может осуществиться предложенное еще в середине 1980-х гг. «перекрестное признание» обеих Корей.

3. Стороны договорились приложить совместные усилия к обеспечению безъядерного статуса, мира и безопасности на Корейском полуострове. США дали КНДР официальную гарантию неприменения против нее ядерного оружия и прекращения угроз применения этого вида оружия. В свою очередь КНДР будет пос-

ледовательно принимать меры по выполнению совместной декларации Севера и Юга о безъядерном статусе Корейского полуострова. КНДР обязалась также приложить конструктивные усилия к возобновлению межкорейского диалога в соответствии с духом достигнутого соглашения.

4. Стороны заявили, что приложат совместные усилия к укреплению международной системы нераспространения ядерного оружия. КНДР останется в числе стран — участниц ДНЯО и позволит МАГАТЭ осуществлять контроль за выполнением соглашения о гарантиях по договору. Возобновятся очередные и внеочередные инспекции не законсервированных объектов по обоюдному согласию КНДР и МАГАТЭ.

Как показал дальнейший ход событий, данное соглашение пусть и с трудом, но начало выполняться. При этом наблюдателями подчеркивалось искреннее стремление КНДР к выполнению своих обязательств (сотрудничество с американскими специалистами в консервации существующих ядерных объектов в Йонбёне; приостановка строительства новых объектов; использование получаемого мазута в народнохозяйственных целях и пр.), что подтверждается и южнокорейскими экспертами⁴⁹.

Заключение этого соглашения создало возможность для прямых американско-северокорейских контактов, необходимых для обсуждения расширяющегося круга вопросов, в том числе связанных с возможным официальным признанием сторонами друг друга. Однако, будучи двусторонним по форме, рамочное соглашение было, по сути, многосторонним договором, предусматривающим взаимные одновременные действия по выполнению рассчитанного на 9 лет плана по обеспечению КНДР безопасной для всех ядерной энергией. США оказались в ситуации, когда объективно не могли и не хотели самостоятельно выполнить основное условие договора — предоставить КНДР два дорогостоящих легководных реактора.

В этих условиях Вашингтоном было инициировано создание КЕДО (Korean Peninsula Energy Development Organisation) — Организация по развитию энергетики Корей — широкой международной коалиции, призванной обеспечить финансовые и материальные условия для выполнения положений рамочного соглашения. Организация была официально создана в Нью-Йорке 10 марта 1995 г. тремя странами — США, Южной Кореей и Японией в присутствии представителей более чем 20 стран мира, в числе которых были Австралия, Франция, ФРГ и Россия⁵⁰. В тот же день в состав членов КЕДО вошли Австралия, Новая Зеландия и Канада. Соглашение о создании КЕДО предусматривало

предоставление КНДР «двух стандартных реакторов южнокорейского образца»⁵¹. Выбор южнокорейских реакторов обосновывался тем, что Сеул обладал в этой сфере нужными, достаточно эффективными и безопасными технологиями. Главное же состояло в том, что он согласен был взять на себя бóльшую часть расходов по поставке реакторов в КНДР. Общая же сумма проекта была определена приблизительно в 4,5 млрд долл. По предварительной устной договоренности РК взяла на себя обязательство внести 60—70% этой суммы (что составило примерно 5,5% от ее годового бюджета в 1995 г., или около 3 млрд долл.), Япония обеспечивала 20—30%, США — оставшиеся 10%⁵². Но против поставок южнокорейских реакторов категорически выступила КНДР, заявившая, что «никогда не примет подачку от Южной Кореи», которая считалась основным противником Северной Кореи. В то же время КНДР дала понять, что согласится на поставку легководных реакторов российского или немецкого производства⁵³. При этом Пхеньян предупредил, что если до оговоренного соглашения срока 21 апреля 1995 г. не будет заключен контракт на поставку устраивающих его реакторов, то он приступит к расконсервации своих реакторов с графитовыми замедлителями.

На многонедельных переговорах представителей КНДР и США в Берлине по вопросам поставки легководных реакторов в марте и апреле 1995 г. обоюдоприемлемое решение не было найдено. Во время этих переговоров США предостерегли Пхеньян, что в случае продолжения им своей линии они будут настаивать на принятии международных санкций против Северной Кореи и поднимут этот вопрос в СБ ООН. В таких условиях само рамочное соглашение со всеми содержащимися в нем обязательствами и планами было поставлено под угрозу срыва. В создавшейся ситуации правительство Японии приняло 13 марта 1995 г. решение, согласно которому собиралось выступить на предстоящем заседании КЕДО с предложением включиться непосредственно в строительство легководных реакторов для КНДР. Прежде Япония исходила из того, что ее участие в проекте ограничится лишь финансовым спонсорством⁵⁴. Тем временем делегация КНДР, участвовавшая в работе международной конференции по нераспространению ядерного оружия (апрель-май 1995 г.), заявила, что не присоединится к решению о продлении ДНЯО на новый срок, если страны «ядерной пятерки» не обязуются прекратить совершенствование своего ядерного оружия с последующей полной его ликвидацией⁵⁵. Накануне же окончания работы конфе-

ренции делегация КНДР демонстративно покинула ее в знак несогласия с итоговым документом.

Необходимый компромисс был наконец-то найден в результате еще одного раунда переговоров, проходивших в Куала-Лумпуре с 19 мая по 12 июня 1995 г.⁵⁶, на котором США и КНДР договорились, что:

1. КЕДО под покровительством США полностью обеспечит финансовую поддержку проекта и предоставит КНДР необходимые легководные реакторы.

2. Реакторы будут представлять собой «2 герметизированных легководных реактора, мощностью не менее 1000 мегаватт каждый, с двухконтурной системой охлаждения».

3. Эти реакторы обязательно должны представлять собой «усовершенствованную серийную версию американского образца, изготовленную с соблюдением оригинальной технологии».

4. Все вопросы, касающиеся осуществления проекта по строительству легководных реакторов, должны решаться между КНДР и КЕДО, а не с одними США.

5. КЕДО вправе назначать основных подрядчиков для осуществления проекта.

Соглашение также установило, что КНДР и КЕДО в самый кратчайший срок должны заключить соглашение о сопутствующем обеспечении для выполнения проекта «под ключ». В дополнение к соглашению Исполнительным комитетом КЕДО 12 июня 1995 г. было объявлено, что в своем выборе КЕДО остановилась на производящихся в Республике Корея серийных легководных реакторах моделей «Ыльчин — 3» и «Ыльчин — 4», а южнокорейские фирмы будут основными подрядчиками и исполнителями во всех вопросах, касающихся разработки и изготовления реакторов и общей организации проекта⁵⁷. Таким образом, КНДР получила требуемые реакторы, хотя и изготовленные в Республике Корея, но не имеющие свидетельствующей об этом внешней маркировки. Республика Корея обеспечила себе центральные позиции в осуществлении всего проекта и больше рычагов воздействия на участников проекта, прежде всего на КНДР. При этом глава делегации Ким Ге Гван заявил: «Мы придаем значение тому, где были произведены оригинальные разработки реакторов, а не тому, где они были собраны. Для нас не имеет значения, кто будет основным подрядчиком в выполнении проекта, потому что эту проблему должны будут решить США в рамках своего участия в КЕДО»⁵⁸.

Тем не менее южнокорейская сторона, облеченная полномочиями, предоставленными КЕДО [в марте 1996 г. КЕДО назна-

чило основным подрядчиком в осуществлении проекта Электроэнергетическую корпорацию Кореи (КЕПКО), получившую право на организацию и проведение всех работ по возведению реакторов, а также на поиск и заключение коммерческих договоров с субподрядчиками], активно включилась в подготовку и реализацию проекта. Межкорейский диалог, по признанию южнокорейских наблюдателей, получил благодаря этому свое развитие в новой плоскости. Под эгидой КЕДО в рамках осуществления проекта только с 15 августа 1995 г. по июль 1996 г. КНДР посетили 6 технических делегаций, в состав которых входили от 4 (в первой делегации) до 17 южнокорейских экспертов⁵⁹. Причем, если первые две группы состояли из американских, японских и южнокорейских специалистов, то уже третья группа, представляющая Электроэнергетическую корпорацию Кореи, полностью взяла деятельность экспертных групп под свой контроль⁶⁰.

Третья инспекционная группа, состоявшая из 15 экспертов, из которых 9 являлись южнокорейскими гражданами, находилась на месте будущего строительства с 16 декабря 1995 г. по 16 января 1996 г. В задачи этой группы входило проведение топографического исследования на местности и составление карты в масштабе 1:1000. Четвертая инспекционная группа состояла из 23 экспертов (из которых 16 человек являлись гражданами Южной Кореи) и находилась в КНДР с 16 января по 24 февраля 1996 г. В ее задачи входило проведение сейсмологического теста на прочность каменной подушки, анализа почвы, исследования состояния грунтовых вод в районе строительства. Пятая группа состояла из 7 южнокорейских специалистов и работала с 25 апреля по 7 мая 1996 г. Задачей группы был сбор данных об инфраструктуре порта Янхва. Шестая группа из 13 южнокорейских экспертов работала с 6 по 30 июля 1996 г., изучая подверженность почв землетрясениям, направление грунтовых вод, общую экологическую обстановку в районе предполагаемого строительства. На основании полученных данных КЕПКО в конце августа 1996 г. предоставила КЕДО доклад, в котором сделала вывод об удовлетворительном состоянии и благоприятных природных условиях избранного места строительства — г. Синпхо в провинции Южная Хамгён. Параллельно с этим КЕДО и КНДР начали 30 сентября 1995 г. трехмесячные переговоры по подготовке соглашения о поставках легководных реакторов.

15 декабря 1995 г. в Нью-Йорке было подписано соглашение между КНДР и КЕДО о поставках легководных реакторов, регламентирующее основные моменты осуществления проекта по поставкам в КНДР этих реакторов. Соглашение состояло из 18

статей и четырех приложений, охватывающих широкий круг вопросов от предмета соглашения до путей урегулирования возникающих разногласий и преодоления форс-мажорных обстоятельств⁶¹. Согласно подписанному соглашению, КЕДО пошла на удовлетворение части дополнительных требований КНДР: сооружение порта, испытательных сооружений, а также автомобильной дороги к комплексу реакторов в Синпхо. Пхеньян был вынужден отказаться от своих требований возведения энергопередающей и энергораспределительной систем, а также фабрики по выработке топлива (которую КНДР согласилась построить собственными силами в обмен на содействие КЕДО в получении иностранных целевых займов). Общая стоимость проекта в результате увеличилась почти на 50% и достигла суммы в 6 млрд долл. Очевидно, данную сумму сочли в Пхеньяне достаточной в качестве «отступных» за то, что будут использоваться южнокорейские реакторы «Ыльчин». Примечательно, что в подписанном соглашении были определены также финансовые условия сделки: КНДР обязуется оплатить строительство двух реакторов в течение 20 лет после завершения строительства каждого из них в виде равных взносов, свободных от процентных ставок и производимых раз в полгода. Оплата может быть произведена в валюте, валютных эквивалентах или в натуральном виде. Окончательная сумма и условия оплаты должны быть согласованы в отдельном протоколе. Выполнение соглашения предполагает заключение еще, как минимум, 15 протоколов, направленных на правовое обеспечение поставок реакторов, регламентацию вопросов перемещения персонала, транспортировки оборудования и материалов, соблюдения безопасности и сохранности. Переговоры по этим вопросам начались в апреле 1996 г.

14 июня 1996 г. в Пхеньяне представителями КЕДО и КНДР были подписаны протоколы по транспортному сообщению и связи. Согласно этим протоколам, создается базовая инфраструктура для полномасштабного сотрудничества и обменов между КНДР и РК. В дополнение к уже существующему прямому морскому сообщению Пусан — Раджин достигнута договоренность об использовании воздушного коридора Пекин — Сондок до момента открытия прямого воздушного сообщения между Севером и Югом. Также достигнута договоренность о маршрутах прохождения транспортных барж с оборудованием и материалами вдоль побережья КНДР и РК. По вопросу об открытии сухопутного пути сообщения договоренность достигнута не была. Согласно протоколу о связи, представители КЕДО, а также основного подрядчика и субподрядчиков могут пользоваться почтовым сообщением и все-

ми другими видами связи, доступными в КНДР; им разрешается пользоваться собственными средствами спутниковой и сотовой связи с момента начала работ и в течение двух лет после этого. Таким образом, будет возможно использование межкорейских линий связи через Китай и прямой линии Сеул — Синпхо через спутник связи «Мугунхва» в течение 2 лет с момента начала строительных работ.

11 июля 1996 г. в Нью-Йорке был подписан протокол, определяющий юридический статус, привилегии, иммунитет и консульскую защиту задействованного в осуществлении проекта иностранного персонала КЕДО. Согласно протоколу, сотрудники КЕДО наделяются дипломатическими привилегиями, в том числе статусом неприкосновенности. Персонал основного подрядчика, субподрядчиков и все сотрудники КЕДО находятся под консульской защитой в районах ее действия на территории КНДР (преимущественно в районе Синпхо). 8 января 1997 г. в Нью-Йорке были подписаны протоколы о приемке площадки будущего строительства и об ее обслуживании, позволяющие начать подготовительные работы нулевого цикла. 4 июля 1997 г. введена в действие линия связи между Сеулом и Синпхо в Северной Корее: 8 телефонных линий связи соединили офис КЕПКО и офис КЕДО на месте строительства легководных реакторов. Первый телефонный разговор состоялся между президентом КЕПКО Ли Чон Хуном и руководителем строящегося объекта, представителем КНДР Пак Ён Чолем. Ли Чон Хун также имел телефонный разговор с Ли Хён Чжу, представителем Южной Кореи в офисе КЕДО в Синпхо. Связь с Северной Кореей идет через японский спутник «Интелсат». Кроме того, действует фиброоптический кабель, связавший Пусан и Сеул.

К началу августа 1997 г. в районе строительства находилось около 70 граждан Республики Корея — специалистов, обслуживающего и технического персонала. С началом строительных работ в середине августа 1997 г. произошло увеличение числа южнокорейских специалистов в несколько раз⁶². 28 июля 1997 г. в Синпхо официально открыт офис КЕДО. «Открытие офиса КЕДО означает начало работы по осуществлению проекта ЛВР», — заявил официальный представитель проекта. В функции офиса входит поведение оперативной связи между северокорейской стороной и секретариатом международного консорциума в Нью-Йорке, а также членами консорциума — Южной Кореей, США и Японией. Офис наделен консульскими полномочиями для обслуживания иностранных рабочих, в основном южнокорейцев, задействованных на строительстве объекта. Среди сотрудников

офиса — 5 представителей трех основных участников консорциума: МИД Южной Кореи (Ли Хён Чжу и Со Хун), Государственный департамент США (Джон Хогг и Дэнис Друни), МИД Японии (Таканэ Кадзумаса). Официальное открытие офиса совпало по времени с отправкой из южнокорейского порта Масан первого транспорта с оборудованием. Две баржи, общий вес которых 9000 т, отбыли в КНДР 28 июля⁶³. 9 августа 1997 г. в Синпхо состоялась официальная церемония закладки фундамента реакторов⁶⁴.

Таким образом, можно констатировать, что так называемый ядерный кризис вокруг работ в ядерной области КНДР практически закончился. Попытка силового решения этой проблемы, во многом появившейся искусственно по инициативе США, окончилась неудачей для тех, кто ее предпринимал. Основания для подозрений относительно направленности ядерных изысканий в КНДР, в том виде, как они были выдвинуты МАГАТЭ, судя по всему, отсутствуют. Во всяком случае, убедительных доказательств этому так и не представлено.

Четко осознанной реальностью для всех участников конфликта, вне зависимости от их субъективных устремлений, стало существование двух независимых и достаточно жизнестойких государств на Корейском полуострове. В ходе конфликта все стороны в той или иной степени нашли возможности для поиска компромиссных решений, в конечном счете продемонстрировав желание сохранить существующую систему гарантий ядерной безопасности.

Диалог КНДР с МАГАТЭ перешел теперь в русло рабочих отношений, определенных обязательствами КНДР, вытекающими из ее членства в ДНЯО и обусловленными соглашением о гарантиях.

Урегулирование ядерного кризиса, однако, вовсе не означает, что связанные с ним проблемы целиком ушли в прошлое. Реализация достигнутых по этим проблемам соглашений сопряжена с немалым числом организационных, финансовых и технических трудностей для всех ее участников. Наиболее яркий тому пример — финансовый кризис, постигший с 1997 г. Республику Корея, на долю которой приходится 70% расходов на сооружение двух легководных реакторов в КНДР. Как одно из средств создания необходимого для этого фонда, правительству РК пришлось повысить тарифы на внутреннее потребление электроэнергии, вызвав недовольство населения. Усилилось также давление на него со стороны движения защитников окружающей среды, выступающих вообще против строительства атомных электростан-

ций, тем более в Северной Корее, да еще в столь сложной для РК экономической ситуации⁶⁵. Тем не менее президент РК Ким Дэ Чжун при вступлении в должность в феврале 1998 г. заявил: «Несмотря на нынешние экономические трудности, новое правительство выполнит обещания Республики Корея, данные в связи со строительством легководных реакторов в Северной Корее»⁶⁶. Такое намерение властей РК он не раз подтверждал и впоследствии.

К сожалению, по-прежнему не оставлены попытки оказывать давление на КНДР, теперь уже в ходе выполнения соглашений по ядерной энергетике. С подачи все тех же США в 1998 г. поднята шумиха о строительстве в местечке Кымчханни (в 40 км к северо-западу от Йонбёна) двух подземных туннелей, которые на Западе поспешили объявить якобы предназначенными для продолжения в КНДР секретных работ в области ядерного оружия. Разъяснения официальных представителей КНДР, что данный объект не имеет отношения к ядерной деятельности, не принимались во внимание. К этому еще добавился запуск КНДР в августе 1998 г. искусственного спутника земли, воспринятый многими за рубежом как испытание ею мощной баллистической ракеты, создающее опасность для соседних стран. В знак протеста Япония на время приостановила свое участие в осуществлении программы КЕДО. Конгресс США обставил выделение средств на поставку очередной партии мазута КНДР в 1999 г. жесткими предварительными условиями, прежде всего прояснением вопроса о характере подземного сооружения в Кымчханни. Лишь заключенное в марте 1999 г. соглашение между КНДР и США (допуск инспекторов на подозрительный объект в обмен на большое количество американского продовольствия) устранило этот источник напряженности⁶⁷.

Со своей стороны, КНДР постоянно указывает на точность и полноту выполненных ею обязательств по совершенствованию ядерной энергетике, что, как правило, не оспаривалось посещавшими зону строительства АЭС чиновниками и экспертами КЕДО. Вместе с тем она неоднократно высказывала претензии по поводу нарушения КЕДО согласованных графиков работ, раздающихся из этой организации заявлений о возможности вообще не уложиться в установленные сроки их завершения, перебоев с поставками США мазута для электростанций и т. д. Данные президентом США в октябре 1994 г. гарантии выполнения рамочного соглашения, по мнению руководства КНДР, остаются «пустыми словами»⁶⁸. В результате КНДР приходится выступать с разъяснениями, что она не больше, чем США, заинтересована в

реализации рамочного соглашения и готова (в случае срыва содержащихся в нем договоренностей) вернуться к своей прежней ядерной программе.

Проблема создания ядерной энергетики в КНДР (которая благодаря рамочному соглашению приобрела международный характер), миновав, надо надеяться, критический рубеж, и в начале XXI века не будет снята с повестки дня. Строительство двух АЭС и выполнение большого объема связанных с ним работ, проведение нацеленных на это многочисленных организационно-технических мероприятий с участием официальных представителей и специалистов разных стран (последующее возмещение КНДР затраченных по линии КЕДО средств и пр.) скорее всего не обойдется без новых осложнений и разногласий сторон. Важно, чтобы неизбежные в таком сложном деле противоречия не преступали разумных пределов и не использовались для политических спекуляций, взаимного шантажа и давления, столь опасных для мира и стабильности в этом и без того очень беспокойном регионе.

- ¹ После распада СССР Россия во многом утратила, на наш взгляд, завоеванные позиции на Корейском полуострове, прежде всего в северной его части, что неизбежно повлекло за собой ослабление ее позиций и в отношениях с Югом. При этом в условиях образовавшегося политического и экономического вакуума свои позиции удалось значительно укрепить Китаю и США.
- ² Тона ильбо, 01.10.1953.
- ³ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема. Новый взгляд. М., 1995, с. 90.
- ⁴ Нодон синмун, 04.06.1985.
- ⁵ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Указ. соч., с. 154.
- ⁶ INFCIRK/140, Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, IAEA Information Circular. 22.04.1970.
- ⁷ Peace and Cooperation. White paper on Korean Unification. Ministry of National Unification, ROK, Seoul, 1996, с. 121.
- ⁸ Ким Ир Сен. За новый мир. Статьи и выступления. Палая, М., 1996, с. 393.
- ⁹ Нодон синмун, 24.06.1986.
- ¹⁰ Там же, 14.07.1987.
- ¹¹ Там же, 10.11.1989.
- ¹² Известия, 19.11.1992.
- ¹³ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Указ. соч., с. 96.
- ¹⁴ Там же, с. 48.
- ¹⁵ Там же, с. 98.
- ¹⁶ Там же, с. 202—203.

- 17 Statement of IAEA Director General Hans Blix at informal briefing of United Nations Security Council regarding DPRK, New York, April 6, 1993, с. 1.
- 18 Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Указ. соч., с. 227.
- 19 Нодон синмун, 13.03.1993.
- 20 Там же, 26.02.1993.
- 21 Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Указ. соч., с. 203.
- 22 Минчжу Чосон, 19.07.1992.
- 23 Информационный бюллетень ЦТАК, № 60, 13.03.1993.
- 24 Нодон синмун, 13.03.1993.
- 25 Российская газета, 29.03.1995.
- 26 Нодон синмун, 05.04.1993.
- 27 Там же, 06.04.1993.
- 28 Там же, 12.05.1993.
- 29 Korea Herald, 08.05.1993.
- 30 Известия, 14.04.1993.
- 31 Известия, 15.05.1993.
- 32 Korea Herald, 13.05.1993.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Korea Times, 13.05.1993.
- 36 Resolution 825 (1993), adopted by the Security Council at 3212th meeting (May 11, 1993); S/RES/825 (1993).
- 37 Korea Times, 13.05.1993.
- 38 Там же.
- 39 Korea Times, 13.05.1993.
- 40 Там же.
- 41 Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Указ. соч., с. 207.
- 42 Там же, с. 213.
- 43 Там же.
- 44 Кымсугансан, № 12, 1994.
- 45 Там же.
- 46 North Korea Newsletter, 07.07.1994.
- 47 Кымсугансан, № 12, 1994.
- 48 Korea Times, 13.05.1993.
- 49 Young-Ho Park, North Korean Situation and Prospects for Inter-Korean Relations. // Korea and World Affairs. Vol. XX, № 1, Spring 1996, Seoul, с. 75—76.
- 50 Tongil Hanguk, 1995, № 4.
- 51 Там же.
- 52 Tongil Sinbo, 1995, № 2.
- 53 Сегодня, 29.03.1995.
- 54 Там же, 15.03.1995.

- ⁵⁵ Российская газета, 19.04.1995.
- ⁵⁶ Asian Survey (Berkeley, USA), vol. XXXVI, № 1, Jan. 1996, с. 63—65.
- ⁵⁷ Vantage Point (Seoul, ROK), vol. XIX, № 6, June 1996, с. 54.
- ⁵⁸ Там же, vol. XVIII, № 6, June 1995, с. 9—10.
- ⁵⁹ Korean Focus (Seoul, ROK), vol. 5, № 1, Jan.-Feb. 1997, с. 45—47.
- ⁶⁰ Peace and Cooperation. White paper on Korean Unification. 1996, с. 130—134.
- ⁶¹ Там же, с. 210—233.
- ⁶² Beijing Review, August, 1997, с. 4.
- ⁶³ Там же, August 2, 1997, с. 4.
- ⁶⁴ The Japan Times, October 9, 1997.
- ⁶⁵ Vantage Point (Seoul, ROK), vol. XIX, № 12. Dec. 1996, с. 42.
- ⁶⁶ Korea Observer. Vol. XXIX № 1. Spring 1998, с. 232.
- ⁶⁷ Независимая газета, 13.03.1999; Newsreview, March 20, 1999.
- ⁶⁸ Нодон синмун, 13.01.1999.

При подготовке статьи использованы информационные материалы и документы серверов ООН (WWW. UN. ORG) и МАГАТЭ (WWW. IAEA. OR. AT), полученные через всемирную компьютерную сеть Интернет.

СООТНОШЕНИЕ ВОЕННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ ЮГА И СЕВЕРА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Становление и развитие военных потенциалов Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики происходит в условиях сложных взаимоотношений между этими двумя суверенными государствами с различными социально-экономическими и общественно-политическими системами, а также существенных изменений в геостратегической обстановке в Северо-Восточной Азии. Различия в социально-экономических и общественно-политических системах, подходах к объединению двух государств являются определяющим фактором развития и ориентации их военных потенциалов. Если РК опирается в области военного строительства на западные страны, и прежде всего на США, то КНДР до начала 1990-х гг. осуществляла военное сотрудничество главным образом с Советским Союзом, а позднее стала поддерживать отношения в данной области в основном с КНР. РК выступает за объединение Кореи по формуле: единая нация, единая система, единое государство и правительство; КНДР предлагает другой подход к решению проблемы объединения: одна нация, две системы, одно конфедеративное государство с двумя правительствами. Эти различия, по существу, формируют и военно-политическую обстановку на Корейском полуострове. Более полувека здесь продолжается острое идеологическое, экономическое и военное противоборство, сохраняется атмосфера «холодной войны», чреватая возникновением кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов.

Военно-политическая обстановка на Корейском полуострове осложняется присутствием американских войск на территории Республики Корея. На протяжении многих лет США, используя авторитет и флаг ООН, содержат здесь сравнительно крупную группировку своих вооруженных сил (ВС). О ее предназначении вполне можно судить по той роли, которую американские ВС

совместно с союзными войсками сыграли в Корейской войне 1950—1953 гг. Представляется поэтому, что при сопоставлении военных потенциалов Южной и Северной Кореи и оценки соотношения их сил и средств фактор американского военного присутствия необходимо учитывать в первую очередь. Это тем более необходимо сделать, что, как показала Корейская война, США могут сосредоточить в регионе в короткие сроки группировку войск, которая по своей огневой мощи и мобильности может превзойти военные потенциалы и Северной и Южной Кореи.

За полвека присутствия ВС США на территории Южной Кореи здесь создана сравнительно прочная их правовая, организационная и оперативная база. В соответствии с Соглашением о перемирии 1953 г. мандат на деятельность Командования ООН в Корее продлевался до заключения мирного договора между подписавшими сторонами. Поскольку такой договор еще не был заключен, Командование продолжало функционировать на базе штаба американской армии. Возглавлял его американский генерал. В октябре того же года между США и РК был заключен Договор о взаимной обороне, закреплявший их союзнические отношения. В рамках договора в Республике Корея создана и продолжает функционировать система совместного американо-южнокорейского руководства объединенными ВС двух стран. Высшим органом в данной системе является Консультативное совещание по вопросам безопасности, в работе которого обычно принимают участие министры обороны и иностранных дел или их представители. Совещание вырабатывает военную политику и определяет основные направления развития ВС. Его решения в виде директив направляются в Военный комитет, который на их основе разрабатывает стратегические планы и указания, а также оперативные установки и передает их Командованию объединенных ВС в Южной Корее. Главной задачей последнего является оперативное управление ВС двух стран. Все ключевые посты в совместных органах, как правило, занимают американцы. В декабре 1994 г. было, однако, принято решение о проведении частичной их «кореизации». В соответствии с этой политикой оперативное управление корейскими соединениями и частями в командовании объединенными ВС на период мирного времени передано корейцам¹.

В 1966 г. между США и РК было подписано Соглашение о статусе американских войск, регламентирующее пребывание последних в стране. В течение последующих десятилетий обе стороны постоянно подчеркивали незыблемость отношений между ними, важность американского военного присутствия для обеспечения

безопасности на Корейском полуострове. С момента вступления на пост президента США Б. Клинтон неоднократно посещал Южную Корею, заверяя ее руководство в том, что контингент войск США будет находиться в РК «так долго, как того пожелает ее народ», и что нападение на эту страну будет рассматриваться как «агрессия против самих США».

В начале 1996 г. группировка американских войск в Южной Корее насчитывала 36,6 тыс. человек и включала: штаб армии, выполняющий также функции Командования ООН в Корее, одну пехотную дивизию и одну дивизию ВВС (два крыла). В оперативном отношении эта группировка входит в зону ответственности 7-го американского флота. На вооружении войск данной группировки состоят 116 танков, 237 бронемашин различного назначения, 90 боевых самолетов, а также зенитно-ракетные комплексы «Патриот» и артиллерийские системы². Командование американских войск в Южной Корее проводит и планирует в дальнейшем реорганизацию ВС в соответствии с требованиями стратегии передового базирования. Последняя предусматривает сохранение там ограниченных контингентов войск и подготовку территории для оперативной высадки, развертывания и вступления в бой подкреплений на случай возникновения вооруженных конфликтов.

В середине 1980-х гг. США предложили РК разработать и реализовать план оперативного оборудования территории. В 1991 г. на основе Договора о взаимной обороне было подписано Соглашение о поддержке принимающей страны на случай войны, которое после утверждения парламентом в ноябре 1992 г. вступило в силу. В мае 1996 г. в рамках этого соглашения были разработаны планы № 5027, 5028, которыми предусматривалась переброска в РК десятков тысяч американских солдат и офицеров в случае объявления там чрезвычайного положения. В итоге выполнения последних двух Соглашений территория Южной Кореи покрылась плотной сетью дорог, складов с запасами оружия, аэродромов и портов, полевых инженерных сооружений, как действующих, так и резервных.

Согласно расчетам специалистов, в случае необходимости командование США может за 36—48 часов довести численность личного состава американской группировки в РК до 100—150 тыс. человек. Исходя из такого расчета, подготавливаются и запасы вооружения и других предметов материально-технического обеспечения на юге Корейского полуострова. Важная роль при этом по-прежнему отводится 7-му флоту США. Высокая маневренность и огневая мощь флота, корабли и самолеты которого оснащены ядерным и высокоточным оружием, вновь могут стать

средством, определяющим исход сражения на полуострове в случае возникновения вооруженного конфликта.

По соглашению 1950 г., США предоставляли РК в основном льготную помощь по самым различным каналам. В 1949—1952 гг. ее объем оценивался в 0,5 млрд долл., в 1953—1961 гг. — 4,1 млрд (1,6 млрд — военная), в 1962—1977 гг. — 9,5 млрд (5,5 млрд — военная), в 1985—1989 гг. — 8 млрд долл. С начала 90-х гг. на предоставление такой помощи выделялось от 1,0 до 1,5 млрд долл. (1990 — 1,2 млрд)³. Проводя политику «открытых дверей», Республика Корея получила из иностранных источников займы и кредиты на общую сумму 35—40 млрд долл. В 1993 г. иностранные компании вложили там только в акционерный капитал до 7 млрд долл. Кроме США, значительное экономическое содействие РК оказывает Япония в рамках так называемой программы «стратегической помощи», представляющей ее «вклад» в обеспечение национальной и региональной безопасности (поставки капитального оборудования, передача современной технологии двойного назначения и т. д.). Американская военно-экономическая и японская экономическая помощь позволила РК сократить сроки создания фундамента современной индустрии и использовать его для своего военно-технического и промышленного развития. К началу текущего десятилетия страна прочно занимала 15-е место в мире по общему объему валового национального продукта. В 1996 г. Республика Корея была принята в члены Организации экономического сотрудничества и развития со штаб-квартирой в Париже. Наибольший прогресс был достигнут в таких базовых отраслях промышленности, как машиностроение, особенно транспортное, и прежде всего в судостроении. На долю Республики Корея приходится около 8,5% производственных мощностей мирового судостроения. Приоритетное развитие получили также химическая и нефтехимическая промышленность, электротехническая и другие отрасли. Особенностью промышленного производства в Республике Корея является высокая степень его концентрации. В начале 1990-х гг. в стране насчитывалось 43 финансово-промышленные группы, создающие более 70% валового национального продукта.

Значительные успехи отмечаются и в области развития науки и техники. Научно-технический потенциал РК является крупнейшим в Азии и занимает четвертое место после Японии, Китая и Индии. В стране насчитывается свыше 52 тыс. научно-технических работников и более 2 млн ученых, инженеров и техников. Всего действуют около 3,5 тыс. научно-исследовательских организаций, в том числе 140 государственных, 345 частных (в ос-

новном — НИИ, конструкторские бюро и лаборатории при компаниях и предприятиях). Государственный и частный секторы экономики расходуют на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) до 4,0% ВВП. В последние годы основные усилия этих организаций концентрируются на проведении крупномасштабных НИОКР в области микроэлектроники, биоинженерии, информатики, создания новых материалов и энергий, ядерной и космической технологий. Важным фактором быстрого роста экономического потенциала РК является развитая инфраструктура, включающая широкую сеть железных и шоссейных дорог, воздушное и морское сообщение более чем с 50 государствами Азии, Америки и Европы. Страна обеспечена всеми формами и видами современной связи.

Ориентируясь в своей деятельности главным образом на США, РК разрабатывает свою теорию военного строительства и реализует ее на практике в тесном сотрудничестве с Пентагоном. По мнению руководства страны, для Южной Кореи по-прежнему сохраняется «угроза с севера», и оснований для коренного пересмотра существующих военно-политических установок пока нет. Заявляя о приверженности оборонительной военной доктрине, оно вместе с тем дополняет ее некоторыми существенными стратегическими концепциями, такими как предотвращение агрессии, ведение активной обороны, быстрое и четкое реагирование на вооруженные провокации, поддержание в войсках высокой степени боеспособности и боеготовности⁴. Очевидно, принятие некоторых из этих концепций таит в себе опасность возникновения вооруженного конфликта и перерастания его в широкомасштабные боевые действия.

Исходя из требований военной доктрины и стратегических концепций, в Республике Корея последовательно проводится линия на наращивание собственного военного потенциала, качественное преобразование ВС, а также технической базы их обеспечения. С начала 1970-х гг. в стране реализуются планы модернизации ВС, включаемые с начала 1990-х гг. в долгосрочную программу, известную как «Проект 818». Им предусматривается совершенствование структуры ВС и системы управления ими. Причем, не производя принципиальных изменений в структуре органов управления ВС (которая, в общем, аналогична американской), руководство страны принимает ряд мер по повышению ее эффективности. В частности в министерстве национальной обороны сокращено число управлений с 13 до 5. Серьезной реорганизации подверглась бюджетно-финансовая система. Внесены важные коррективы в функции Объединенного комитета

начальников штабов (ОКНШ) в связи с передачей ему управления южнокорейским контингентом в составе объединенных ВС на мирное время. Так, более тесно увязаны его разведывательные и оперативные функции, усовершенствован процесс принятия решений. При этом особый акцент сделан на проведение политики «опоры на собственные силы»⁵.

С учетом производимых изменений, организация ВС Республики Корея в середине 1990-х гг. характеризуется следующими данными.

ВС подразделяются на два основных компонента:

- регулярные силы и их резерв;
- иррегулярные силы, включающие различные военизированные формирования.

В соответствии с конституцией 1987 г. верховным главнокомандующим ВС является президент Республики Корея. При нем на правах высшего консультативного органа имеется Совет национальной безопасности, главной функцией которого является выработка политики в области военного строительства. Членами Совета являются руководители ведущих ведомств правительства. Управление ВС президент осуществляет через министра национальной обороны (гражданское лицо), а последний — через аппараты министерства национальной обороны, Объединенного комитета начальников штабов, а также командующих видами ВС. При министерстве национальной обороны существует Военный совет с консультативными функциями. ОКНШ возглавляет председатель, назначаемый президентом на двухгодичный срок. Членами комитета являются командующие (они же начальники штабов) видами ВС. Комитет разрабатывает стратегические планы ведения войны, оперативной и боевой подготовки, руководит военной разведкой, координирует свои действия с объединенным американо-южнокорейским командованием. Административное руководство войсками осуществляют командующие видами ВС, в обязанности которых входит разработка вопросов организации войск, их комплектования, подготовки кадров, материально-технического обеспечения.

Проводимая руководством страны политика «опоры на собственные силы» в области военного строительства направлена на создание современных ВС, которыми располагают сегодня передовые промышленно развитые государства. По его мнению, такие ВС необходимы РК для решения сложных задач XXI века, как, например, объединение Кореи и защита суверенитета и независимости страны после вывода американских войск с ее территории. Поэтому численность и боевой состав южнокорейских

ВС продолжают увеличиваться по мере сокращения американского военного присутствия. Данная тенденция, видимо, сохранится и в перспективе. Так, если в 1990 г. регулярные ВС Республики Корея насчитывали 633 тыс. человек, то в 2000 г. их численность возросла до 683 тыс. Растет и их техническое оснащение: число танков увеличилось за это время с 1590 до 2250 ед., бронемашин — с 2060 до 2520, орудий полевой артиллерии (ПА) и минометов с 9400 до 10 500, боевых самолетов и вертолетов с 450 до 461 ед., боевых кораблей со 119 до 192 ед.

Основным и самым многочисленным видом ВС являются сухопутные войска (СВ), насчитывающие 560 тыс. человек. Они включают 3 штаба армии, 11 штабов армейских корпусов, 3 механизированные и 19 пехотных дивизий, 2 отдельные пехотные бригады, 7 бригад специального назначения, 3 бригады по борьбе с разведывательно-диверсионными группами КНДР, 3 отдельные дивизиона тактических ракет, 3 дивизиона зенитных управляемых ракет. В составе сухопутных войск имеются также армейская авиация (авиационное командование, включающее бригады, батальоны, роты), находящаяся в подчинении командующего сухопутными силами, инженерные, химические и войска связи. Они имеют 23 кадрированные дивизии и один штаб армии.

На вооружении СВ состоят: 2250 танков типа М47/48 и Т88, около 2520 бронетранспортеров, 4500 орудий ПА и 6000 минометов, 12 НУР «Онест Джон», УР «Хёнму» и «Найк-КМ», самолеты типа О-1А, боевые вертолеты АН-/1F/J, Хьюз 500 МД (всего до 500 ед., в том числе 117 боевых).

Военно-воздушные силы (63 тыс. человек, 555 боевых самолетов) включают в себя 3 командования: оперативное, учебное и тыловое, имеют 10 авиакрыльев (7 истребительных, управления и наведения, учебно-тренировочное и транспортное), одно крыло ПВО и отдельную эскадрилью. Основной боевой частью ВВС является авиационное крыло. В боевом составе всего имеется: 14 эскадрилий, в том числе 2 истребителя-бомбардировщика типа F-16 C/D (160 ед.), G-F-5A/E (195 ед.), 4 эскадрильи истребителей F-4D/E (130 ед.), одна антиповстанческая эскадрилья самолетов А-37В (23 ед.), одна разведывательная эскадрилья самолетов RF-4C, RF-5A (23 ед.). Имеются также самолеты-корректировщики типа О-2А и ОА-37В, транспортные подразделения, оснащенные самолетами Боинг 737-300, С-118, С/130н, CN-235, вертолет типа Белл 212, 412, УН-1ДН. На вооружении боевых самолетов состоят ракеты «Мейверик», «Спэрроу», «Сайдвиндер».

Военно-морские силы (60 тыс. человек, в том числе 25 тыс. морских пехотинцев) включают 3 флота, авиацию ВМС, мор-

скую пехоту и тыловое командование. Флот состоит из 3 эскадр боевых кораблей (состоящих из дивизионов) и эскадры охраны морских границ, а также отдельных кораблей и судов. ВМС имеют 19 подводных лодок, 6 эсминцев, 9 фрегатов, 24 корвета, 122 других малых кораблей и катеров, 14 минных заградителей, 15 кораблей-амфибий. В составе морской авиации — 23 боевых самолета и 47 боевых вертолетов. ВМС включают также 2 дивизии и одну бригаду морских пехотинцев. На их вооружении состоят 60 танков М47, 60 бронетранспортеров LTV TP-7, артиллерийские системы и ракеты «Гарпун». Основные базы ВМС находятся в портах Чинхе (штаб), Инчхон, Мокпхо, Пусан⁶.

Регулярные ВС Южной Кореи имеют резерв численностью 4,5 млн человек. Кроме того, в стране насчитывается 4,5 млн, составляющих иррегулярные силы, представленные в основном корпусом гражданской обороны. Таким образом, всего в регулярных ВС, а также в военизированных формированиях РК насчитывается более 9,7 млн человек, что составляет свыше 20% от численности населения. В рамках концепции обеспечения «гибкого реагирования» и «боевой готовности» ВС, военно-политическим руководством Республики Корея разработана система приоритетов, включающая в качестве ее главных составляющих решение таких задач, как повышение огневой мощи войск и их мобильности, усовершенствование методов комплектования, учебной, оперативной и боевой подготовки, отмобилизования. Что касается первых двух задач, то они решаются главным образом модернизацией устаревающих образцов оружия и военной техники или приобретением новых за рубежом. В частности мобильность в трех видах ВС достигается наличием в их составе сравнительно крупных десантных компонентов (как воздушных, так и морских), подразделений и частей, полностью укомплектованных личным составом и оснащенных вооружением, готовых к быстрому оперативным действиям в зоне своей ответственности.

С целью планомерного и полного удовлетворения потребностей в личном составе создана отлаженная система комплектования ВС. Она осуществляется на основе Закона о всеобщей воинской повинности 1980 г., определяющего порядок призыва и прохождения службы в ВС и перевода в резерв. В соответствии с этим законом военнообязанными являются все физически здоровые мужчины в возрасте от 17 до 53 лет. Срок действительной службы в сухопутных войсках и морской пехоте 26 месяцев, в ВВС и ВМС — 30 месяцев. По истечении срока службы солдаты и сержанты демобилизуются и зачисляются в резерв первой очереди, включающий в сухопутных войсках лишь часть общего резер-

ва, а в ВВС и ВМС — весь личный состав их резервов. В резерв первой очереди включаются лица, отслужившие действительную службу. Они приписываются к соединениям и частям регулярных войск, где периодически проходят учебные сборы. По достижении 40 лет производится перевод их в резерв второй очереди, призываемый в период всеобщей мобилизации, а в 53 года резервисты снимаются с воинского учета. В резерве находятся также военнообязанные, проходившие либо проходящие военную подготовку в военизированных формированиях. Резерв, насчитывающий 4,5 млн человек, предназначен для доукомплектования соединений регулярных войск, формирования новых соединений и частей, восполнения потерь, обороны тыловых районов и выполнения задач гражданской обороны. По степени укомплектованности соединения и части ВС Республики Корея подразделяются на две категории: постоянной готовности, укомплектованные личным составом, оружием и техникой на 100%, и скадрированные, имеющие 15—20% личного состава и 100% оружия и техники. В целом существующая в стране система комплектования обеспечивает планомерное пополнение соединений и частей личным составом и создание необходимого военно-обученного резерва для нужд мобилизационного развертывания.

С задачами повышения боеготовности тесно увязывается проводимая в ВС Республики Корея учебная, оперативная и боевая подготовка. Учебная подготовка рядового и сержантского состава проводится в специальных частях и подразделениях, а также в учебных центрах и 16 школах специалистов ВС, где читаются курсы по 220—250 специальностям. Офицерский состав готовится в Академии обороны, училищах и командно-штабных колледжах видов ВС. Часть офицеров обучается за границей, в основном в США. Оперативная и боевая подготовка ВС проводится в ходе повседневной деятельности и ежегодных учений в рамках совместных планов обучения американских и южнокорейских войск. Наиболее крупными учениями являются «Тим спирт», командно-штабные учения «Фокус линз», учения войск специального назначения «Фаул игл», летно-тактические учения «Коуп джейд», «Коуп страйк», учения объединенных ВМС «Римпак» и другие.

Учения оперативно-стратегического масштаба «Тим спирт» проводятся с 1976 г., как правило, в феврале-апреле (70—90 суток). Главные их цели — отработка задач усиления американских войск в РК путем переброски войсковых контингентов из США и с военных баз в зоне Тихого океана, получение опыта ведения оборонительных и наступательных операций на Корейском по-

дуострове, демонстрация силы. Всего к учению привлекается более 200 тыс. человек, включая 60—80 тыс. американских военнослужащих, до 1 тыс. самолетов и вертолетов, десятки боевых кораблей. В последние годы усложняются цели и задачи учений. В частности в ходе проведения наступательных операций использовались воздушные и морские десанты. Несколько нарушилась также регулярность их проведения. Заметно возросло влияние военно-политической обстановки на принятие решения об их проведении: при ее улучшении они, как правило, отменяются, а при ухудшении — вновь возобновляются.

Совместные американо-южнокорейские учения «Фокус линз» (с 1971 г.) и «Фокус клиэр» (с 1987 г.) проводятся с привлечением сил обозначения, причем первые проходят, как правило, летом, а вторые — зимой. В них участвует командный состав ВС США и Республики Корея дивизионного звена и выше. На учениях отрабатываются методы и способы ведения оборонительных и наступательных операций против КНДР. С 1976 г. ежегодно (обычно осенью) устраиваются совместные учения войск специального назначения «Фаул игл». С 1982 г. они стали двусторонними. Основная их цель — действия войск в составе десантов и диверсионно-разведывательных групп в тылу противника. В 1995 г. учения проводились в ноябре с участием 30 тыс. военнослужащих США и РК. Помимо сухопутных войск, в них были задействованы и ВМС. Летно-технические учения «Коуп страйк» и «Коуп джейд» проходят с участием американской и южнокорейской авиации и имеют своей целью отработку действий по завоеванию господства в воздухе и поддержке сухопутных войск и морской пехоты, а также прикрытию важных объектов с воздуха. Ежегодно организуются 5—6 учений «Коуп страйк» и 1—2 «Коуп джейд».

С 1971 г. Южная Корея принимает участие в многонациональных военно-морских учениях «Римпак», которые проводятся под руководством Тихоокеанского командования США. В учениях, кроме США и Республики Корея, принимают участие ВМС еще 4 стран: Японии, Австралии, Канады, Чили. К примеру, учения «Римпак-96» проводились летом в районе Гавайских островов в течение месяца и на них отрабатывалась задача охраны морских коммуникаций. Помимо участия в совместных с США и другими странами учениях, каждый вид ВС Южной Кореи ежегодно планирует и проводит на уровне всех основных соединений свои полевые учения, максимально приближенные к боевым условиям. При этом цель учений состоит не только в повышении боевой выучки войск, но и в освоении поступающей на их вооружение новой техники. По мнению американских специалистов, уровень

операций и боевой подготовки южнокорейских ВС в последнее время значительно возрос, а их способность противостоять северокорейским войскам — неоспорима.

Важнейшим компонентом военного потенциала Республики Корея является материально-техническая база, основу которой составляет военная промышленность. В середине 1990-х гг. последняя была представлена 84 крупными компаниями и предприятиями с общим числом занятых на ней 45 тыс. человек. Объем выпускаемой продукции оценивается в 2,5—2,9 млрд долл. По масштабам и уровню развития военного производства РК занимает третье место в Северо-Восточной Азии, уступая лишь Японии и Китаю. Особенностью структуры военной промышленности является ведущая роль гигантских компаний. К ним прежде всего относятся корпорации «Самсон», «Хёндэ», «Лаки Голдстар», «Дэу» и другие. Представляя собой крупномасштабное гражданское производство, они в то же время создают более половины общего объема продукции на военные цели. Военную продукцию корпорации выпускают главным образом в форме лицензионного производства, обеспечивающего как приобретение перспективных технологий за рубежом, так и расширение военно-промышленной базы. Другими видами военного производства являются венчурные, субподрядные и компенсационные, основанные на соответствующих соглашениях с иностранными фирмами.

Одной из ведущих отраслей военного производства является самолето- и ракетостроение, представленная такими компаниями, как «Кориэн эрлайнз» (КЭЛ), «Самсон аэроспейс». Основным предприятием авиаракетной промышленности является авиасборочный завод компании «Кориэн эрлайнз» в Кимхэ. Компания специализируется на производстве по американским лицензиям вертолетов Хьюз 500 MD и A-76 «Игл», а по японской — ВК-117. Производственные мощности предприятия при односменной работе оцениваются в 4—6 машин в месяц. Совместно с корпорациями «Нортроп» и «Макдоннэл Дуглас» ведется сборка из произведенных в основном в США комплектующих истребителей F-5 «Тайгер-11». С последней из них идут переговоры об участии РК в производстве современного пассажирского авиалайнера MD-12, а также авиационных реактивных двигателей. В рамках существующих соглашений американские фирмы привлечены к разработке промежуточной модели корейского самолета, который может иметь транспортный вариант и модификацию учебно-транспортного самолета. Корпорация «Самсон аэроспейс», принимающая участие в проекте разработки современного истребителя, наметила общие цели развития южнокорейской

авиаракетной индустрии: достижение в первой половине XXI в. паритета с развитыми странами в создании летательных аппаратов и двигателей к ним и выход в будущем на уровень передовых стран мира в производстве авиационного радиоэлектронного оборудования.

Производство ракетного оружия началось с середины 1970-х гг. после закупки у американского концерна «Локхид эркрафт корпорейшн» завода твердотопливных двигателей. С конца 1970-х гг. по американским лицензиям были произведены и испытаны ракеты класса «земля-земля» (на базе «Найк-Геркулес») с дальностью действия 35—150 км, а также ПТУР и РСЗО; по французской — ракета класса «земля-воздух» (на базе ракет «Кроталь»). Развитие получило также и кораблестроение. Заказы ВМС на изготовление боевых кораблей, катеров и вспомогательных судов выполняют все основные судостроительные компании, включая «Хёндэ бизнес групп» (Ульсан), «Кориэ Такома марин индастриз» (Масан), «Кориэ шипбилдинг энд энджиниринг корпорейшн» (Пусан); «Дэу шипбилдинг энд хэви машинэри» (Кодже). На предприятиях этих компаний ведется строительство боевых кораблей, от эсминцев и подводных лодок до катеров различного назначения. Республика Корея выполняет также многочисленные заказы на изготовление малых кораблей для государств АСЕАН.

В стране наращиваются производственные мощности автобронетанковой промышленности. Головной компанией в танкостроении является «Хёндэ хэви машинэри индастри», на заводах которой ведется модернизация старых американских машин типа М47, М48, производство танков М48А5, а также собственных танков К1 «Кохеме». На заводах компании «Кориэ хэви машинэри индастри» изготавливаются 105-мм пушки для танков, «Кориэ интегрейтед стил» — бронетранспортеры «Фиат» 6614 по итальянской лицензии. Приоритетной отраслью военной промышленности является также радиоэлектронная. В Республике Корея насчитывается более 450 предприятий, выпускающих радиоэлектронное оборудование и приборы. Основными поставщиками радиоэлектронной продукции для ВС являются заводы компании «Джесе индастриз», «Юбун», «Голдстар», «Сахаи индастриз», «Синян электроник индастриз» (находящиеся в Сеуле). Радиоэлектронная промышленность на 25—30% зависит от импорта современной технологии, некоторых видов сырья и материалов. Потребность ВС в артиллерийско-стрелковом вооружении удовлетворяется в основном за счет собственного производства. К началу 1990-х гг. намечалось полностью обеспечить спрос ВС на радиоэлектронную аппаратуру. К этому времени южнокорейская воен-

ная промышленность удовлетворяла около двух третей потребностей ВС страны в оружии и военной технике.

В соответствии с оценкой правительства экономические трудности, переживаемые Республикой Корея с начала 1990-х гг., вызваны в основном ее технологическим отставанием и снижением конкурентоспособности южнокорейских товаров на мировом рынке. В комплексе мер по экономическому оздоровлению, разработанных в рамках седьмого пятилетнего плана, большое значение придавалось более широкому использованию достижений научно-технического прогресса, намечалось увеличить расходы на НИОКР до 5% ВВП к 2000 г. и привлечь в этих целях как национальный, так и иностранный капитал⁷. Так, правительством одобрены 74 из 172 представленных ему проектов для совместной разработки НИИ государственных, частных и иностранных компаний, в том числе 25 проектов будут разрабатываться в сотрудничестве с Россией. Изучаются также возможности последней в области технического содействия в реализации военно-экономических плановых заданий. Одна из крупнейших южнокорейских корпораций «Хёндэ» совместно с КБ Яковлева создала компанию «Хёндэ Як аэроспейс» для производства на месте легких самолетов общего назначения. Другая компания, «Дэу», в сотрудничестве с КБ Камова, Миля и Казанским вертолетным заводом разработала программу производства вертолета МК-30. С научно-техническим комплексом Камова и ассоциацией «Як» ведутся переговоры о заключении контракта на создание модификации вертолета Ка-62.

Проводимая в Республике Корея программа развития НИОКР предусматривает наращивание научного и военно-технического потенциала в области исследования и освоения атомной энергии и космоса. В стране создана разветвленная инфраструктура по применению ядерных технологий в научных и промышленных целях; действуют 2 исследовательских реактора и 1 промышленный. Всего в соответствии с долгосрочной программой к середине 1990-х гг. планировалось ввести в строй 13 реакторов. Научно-исследовательским институтом атомной энергии разработаны проекты строительства атомных реакторов А3 и А4. Кроме того, в последние годы был создан многоцелевой исследовательский реактор К-MRR (30 тыс. кВт). Учрежденная в 1976 г. Корейская корпорация по атомной энергии имеет три завода по производству ядерного топлива, четвертый планировалось ввести в строй в 1996 г. Центром ядерных исследований является город Тэдок, фактически превращенный в базу научных и военно-технических исследований. Здесь сосредоточено до 10 специализирован-

ных учреждений с общим числом занятых около 15 тыс. обслуживающего персонала. На рынке ядерных технологий доминирующее положение занимают американские и канадские компании. Корейская сторона в принципе готова развивать сотрудничество с Россией.

Прогресс отмечается и в области исследования и освоения космического пространства. В рамках принятой программы, рассчитанной на 10 лет, Республика Корея в ближайшем будущем вступит в клуб «космических держав». Первым шагом на пути должен был стать вывод на орбиту исследовательского спутника, созданного на собственной технологической базе. Спутник (вес — 400 кг) планировалось запустить со специальной платформы на борту американской ракеты «Пегас». В сентябре 1993 г. с космодрома во французской Гвинее ракетой «Ариан» был запущен спутник, созданный в исследовательском центре спутниковой технологии Корейского института науки и техники. В декабре 1991 г. с американской компанией «Джэнерал электрик астроспейс» подписан контракт на разработку проекта «Коризат», предусматривающий создание первого южнокорейского спутника связи. В апреле 1993 г. Республика Корея и Россия достигли договоренности о сотрудничестве в области создания авиационно-космической промышленности и выхода с ее продукцией на рынки стран Восточной Азии. Предполагалось, что к 2001 г. РК сможет выводить на орбиту спутники, используя в основном собственную базу.

Из анализа сложного комплекса мероприятий, проводимых в Южной Корее, по созданию материально-технической базы и подготовке людских ресурсов для формирования и качественного преобразования военного потенциала страны следует, что в стратегических замыслах руководства РК последний может быть использован для ведения прежде всего активной обороны. По существу же, это означает, что в Республике Корея не исключают применения силы для достижения своих целей на Корейском полуострове. Просматривается четкая линия на наращивание военного потенциала и в ближайшей перспективе. Правительство Республики Корея ежегодно увеличивало военные расходы на 9,5—12,5%, выделяя средства на военное строительство в два-три раза больше, чем КНДР, и в полтора-два раза больше, чем Китай и Индия. Лишь постигший страну с конца 1997 г. острый финансовый кризис вынудил основательно сократить ее военные расходы. Но перед РК по-прежнему стоит задача: в кратчайшие сроки переоснастить ВС оружием и военной техникой

XXI века и выйти по их качественным характеристикам на уровень стран Запада.

По состоянию на конец 1995 г. за счет собственного производства Республика Корея удовлетворяла потребности своих ВС в оружии и военной технике на 45—50% и ставила задачу довести этот уровень производства до 75% к концу 90-х гг.

Значительную часть авиационного, ракетного и другого тяжелого вооружения она импортирует из-за рубежа. Причем если до начала 1990-х гг. основным поставщиком такого вооружения являлись США, то в последние годы южнокорейское правительство проводит политику диверсификации источников его приобретения. В частности РК закупает оружие и военную технику во Франции, Великобритании, России и других странах. В России закупки производятся в рамках соглашения о частичном погашении ее задолженности в сумме 1,5 млрд долл. Импорт вооружения производится на основе планов и программ модернизации и реорганизации ВС, соглашений и контрактов, заключаемых с другими государствами. Так, по программе министерства национальной обороны в 1998—2012 гг. из 122 млрд долл., выделяемых на военные цели, до 30% намечается израсходовать на закупки вооружения, в том числе 10% — на приобретение его за рубежом.

В счет этих средств приобретено или заказано: в США — 102 боевых самолета, 37 вертолетов «Апач», 54 модифицированных вертолетов «Кайова уорриер», 775 ПТУРС «Хеллфайр»; в России — танки Т-80У, боевые машины пехоты БМП-3, зенитно-ракетные комплексы «Игл»; в Швейцарии и Франции — 150 колесных боевых бронемашин типа «Пирана». В соответствии с новой программой закупок на 2002—2010 гг. планируется приобрести за рубежом 120—140 новейших истребителей и наладить на месте их производство, построить на верфях концернов «Хёндэ» и «Дэу» несколько эсминцев нового поколения, совершить «прорыв» в ракетно-космической промышленности.

Южнокорейское руководство видит в развитии национально-военного потенциала залог своих успехов в переговорах с Северной Кореей об объединении страны и в обеспечении безопасности в будущем КНДР.

Объединенной военной мощи США и Республики Корея на полуострове противостоит оборонный потенциал КНДР. Его характер, структура и масштабы определяются тремя факторами, которые тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены:

— укрепление обороноспособности и безопасности страны преимущественно с «опорой на собственные силы»;

— объединение Кореи на основе свободного волеизъявления народа без иностранного вмешательства;

— достижение полной независимости республики.

Реально оценивая существующее соотношение военных потенциалов на Корейском полуострове и учитывая возможность быстро наращивать их американско-южнокорейской стороной, КНДР делает главную ставку на создание мощной обороны. В 1962 г. V Пленум ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) принял постановление о четырех основных направлениях военного строительства, которое было положено в основу статьи 14-й конституции республики 1972 г. и закреплено в 1992 и 1998 гг. в статьях 58—61-й обновленного основного закона. В течение почти четырех десятилетий главные усилия страны были сосредоточены на:

— вооружении всего народа;

— превращении территории страны в неприступную крепость;

— воспитании лидеров среди личного состава;

— модернизации ВС⁸.

Приняв на вооружение оборонительную военную доктрину, руководство КНДР не исключает, однако, нанесение контрударов по агрессору, при этом предусматривается проведение быстрых и решительных действий по его разгрому. В соответствии с конституцией и политическими установками ТПК, а также на основе тщательного изучения опыта современных вооруженных конфликтов, в том числе войн на Корейском полуострове, в зоне Персидского залива и Индокитае, в Северной Корее созданы и совершенствуются функции и структура ВС, база их материально-технического и финансового обеспечения.

Отличительной чертой военной организации страны является высокая степень ее централизации. Так, руководство ВС и военным строительством в целом осуществляет Комитет обороны КНДР, возглавляемый верховным главнокомандующим. Комитет вырабатывает военную политику и определяет основные направления развития ВС и военной экономики. Комитету непосредственно подчинено министерство народных вооруженных сил (МНВС), в задачу которого входит практическая реализация решений и директив Комитета обороны по военным вопросам, включая, прежде всего, подготовку кадров, разработку и производство оружия и военной техники. Задачи оперативного управления войсками, повышения их боеспособности и боеготовности решает Генеральный штаб, который по своей структуре и функциям во многом напоминает соответствующий орган в китайских и российских ВС⁹.

По данным зарубежных источников, в 2000 г. в ВС КНДР насчитывалось 1,082 млн человек, 20 корпусов, 27 пехотных дивизий, 119 бригад. На их вооружении состояли: 4,1 тыс. танков, 621 боевой самолет и вертолет, 510 боевых кораблей и катеров. Самым многочисленным видом ВС являются сухопутные войска (СВ), которые составляют 950 тыс. человек, или около 88% общей численности вооруженных сил. В их боевой состав входят 146 дивизий и бригад, в том числе 27 пехотных дивизий, 14 механизированных бригад, 15 танковых бригад, 39 бригад специального назначения и 40 артиллерийских бригад. На вооружении сухопутных войск состоят: 3940 танков, в том числе 3500 типа Т-54 и 55, Т-59, Т-62; 560 легких, типа РТ-76, М-1985, а также около 150 устаревших Т-34; 2500 бронетранспортеров БТР 40, 50, 60, 152, типа 531 (КНР) и типа М-1973 (КНДР); 1500 орудий ПА калибра 122, 130, 152 мм типа М-1931, Д-74, Д-30, М-46, М-1937, 1938, 1943; 4400 самоходных артиллерийских установок калибра 122, 130, 152, 170 мм типа М-1977, М-1981, 1985, 1991, 1975, М-1974, М-1978, 1989; 7200 минометов, 2500 реактивных систем залпового огня (РСЗО), 1100 зенитных орудий, 24 ПУ ракет класса «земля-земля» «Фрог-3, 5, 7», 30 «Скад В/С» (усовершенствованные в КНДР), 10 000 ракет класса «земля-воздух» SA-7, 16¹⁰. Из общего числа соединений и частей сухопутных войск 9 корпусов в общей сложности 60 дивизий и бригад дислоцируются южнее линии Пхеньян—Вонсан.

Большое внимание в КНДР уделяется развитию военно-воздушных сил, они занимают второе место в вооруженных силах по своей численности (86 тыс. человек, или около 8% всей численности ВС). В организационном отношении военно-воздушные силы подразделяются на воздушные корпуса (их 3). Корпуса состоят из полков (16) истребительной и бомбардировочной авиации, а также вертолетных, ракетных частей и подразделений. Самолетный парк ВВС насчитывает 1640 машин, включая 621 сравнительно современных боевых самолетов и 24 боевых вертолета. К ним относятся истребители и бомбардировщики типа МиГ-21, 23, 29, Су-25, Ил-28. На вооружении также состоят около 320 машин типа МиГ-15, 17, 19, которые планируется использовать главным образом для перехвата воздушных целей над территорией КНДР и авиационной поддержки сухопутных войск. Самолеты ВВС базируются примерно на 30 из 70 аэродромов, расположенных в основном вокруг Пхеньяна. Около 40% всех боевых самолетов дислоцируются в южных районах страны и (в зависимости от их боевых возможностей и предназначения) размещаются с таким расчетом, чтобы не только прикрывать север-

ную часть полуострова, но и иметь в пределах досягаемости его южные районы¹¹. В КНДР создана система плотной противовоздушной обороны, включающая как артиллерийские, авиационные, так и ракетные средства.

Северная Корея с трех сторон омывается морями. Если учесть, что в Северо-Восточной Азии США располагают мощной военно-морской группировкой, то именно районы морского побережья страны являются наиболее уязвимыми участками в общей системе обороны КНДР. Военно-морские силы, призванные охранять морскую экономическую зону в мирное время и нанести поражение агрессору в военное, организационно построены и технически оснащены для успешного выполнения данной задачи. Их численность составляет 46 тыс. человек. Они разделены на два флота: восточный и Желтого моря. В своем составе они имеют 510 боевых кораблей и катеров, в том числе восточный флот — 10 групп кораблей разного назначения, и флот Желтого моря — 6. Около 60% корабельного состава размещается на передовых базах восточного и западного побережья. Корабельное вооружение включает ракеты класса «корабль-корабль» типа «Стыкс», торпеды, зенитные средства. На восточном и западном побережье страны установлены противокорабельные ракетные системы типа «Самлет» и «Сылкуорм». В результате модернизации последних их дальность стрельбы существенно возросла. Кроме боевых, ВМС КНДР имеют 130 транспортных кораблей на воздушной подушке, что значительно повышает мобильность, в частности десантных войск.

Исходя из требований постановления о четырех основных направлениях военного строительства, и прежде всего о вооружении всего народа, в Северной Корее создан резерв ВС численностью 4,77 млн человек. Кроме того, до 4 млн человек состоят на учете и проходят подготовку в военизированных формированиях, в том числе в рабоче-крестьянской красной гвардии — 3,5 млн чел. Все резервные компоненты находятся в ведении министерства народных ВС, войска же безопасности (включая пограничные) — министерства общественной безопасности. Резервные войска и военизированные формирования сведены в бригады, батальоны, роты и взводы. На вооружении они имеют легкое стрелковое оружие, минометы и зенитные средства. Система организации резервов и военизированных формирований призвана обеспечить проведение мобилизационных мероприятий в кратчайшие сроки. В частности в случае объявления чрезвычайного положения в стране планируется поставить под ружье в течение первых 12—24 часов около 6,5 млн человек, или более четверти всего населения в возрасте от 14 до 60 лет.

Комплектование ВС личным составом представляет для КНДР непростую задачу, учитывая, что ее население почти в два раза меньше, чем у Южной Кореи (21,5 млн человек и 47,5 млн соответственно). Набор личного состава в регулярные ВС производится в соответствии с законом о воинской обязанности. Согласно закону, срок службы для призывников СВ установлен в 5—8 лет, ВВС — 3—4 года, ВМС — 5—10 лет. По окончании службы увольняемые обязаны встать на учет в резервных соединениях и частях и проходить в них подготовку без отрыва от производства до достижения 45 лет. После этого они переводятся в красногвардейские части, где состоят на учете до 60 лет. В комплексе мероприятий по укреплению ВС, составляющих основу оборонной мощи страны, важное место отводится их оперативной и боевой подготовке.

В вооруженных силах КНДР создана широкая сеть учебных центров, школ, училищ, академий, а также учебных частей и подразделений, в задачу которых входит создание профессиональной армии, владеющей всеми современными средствами вооруженной борьбы и способами ее ведения. Полученные в учебных заведениях знания в последующем закрепляются на учениях всех уровней и масштабов — от роты до дивизии и корпуса. Наибольшее значение придается проведению командно-штабных, полевых учений родов войск и видов ВС, а также общевойсковых маневров. В ходе учений личный состав, участвующий в них, получает навыки ведения боя в дневных и ночных условиях, с учетом характера и особенностей местности. Учебная и боевая подготовка проводится также и в резервных соединениях и частях ВС. В частности наряду с плановыми практикуются тематические, долевы сборы резервистов, по линии гражданской обороны организуются воздушные тревоги и проводятся другие мероприятия.

В КНДР широко используется опыт прошлой Корейской войны при решении национальной задачи по превращению территории страны в «неприступную крепость». По данным американских и южнокорейских военных специалистов, Северная Корея, особенно ее южные районы, представляет собой сплошную зону инженерных сооружений. Последние включают многочисленные подземные укрепления, тоннели, склады, позволяющие защитить личный состав, свести до минимума потери в оружии и боевой технике, избежать крупных разрушений военных и экономических объектов. Утверждают, что там прорыто около 20 тоннелей протяженностью в несколько километров, связывающих тыловые районы с зоной демаркационной линии. Вдоль восточного и западного побережья КНДР построены долговременные

огневые точки. Военное строительство, которое ведется по первым трем основным направлениям, еще не полностью образует необходимый оборонный потенциал и не обеспечивает гарантированной безопасности страны. Поэтому с выработкой политики «самообеспечения» государство стремится создать в данной области научно-технический и промышленный потенциал, а на его базе — военные НИОКР и производство вооружения.

В 50-е и 60-е гг. в КНДР были разработаны долгосрочные планы и программы формирования и модернизации ВС и военного производства, которые тесно увязаны с планами и программами развития национальной экономики. Наличие в Северной Корее месторождений многих видов стратегического сырья и военно-экономическая помощь, прежде всего со стороны Советского Союза, во многом способствовали выполнению этих планов и программ военного строительства. Уже к середине 1980-х гг. в стране было создано около 20 специализированных оружейных заводов, действовало несколько десятков предприятий, выпускающих как гражданскую, так и военную продукцию. Общее число занятых в них составляло более 60 тыс. человек. В последующие годы народнохозяйственными планами, а также планами модернизации ВС предусматривалось проведение мер по качественному перевооружению войск, разработке и производству собственных и закупке иностранных современных систем вооружения. КНДР к середине 1990-х гг. почти полностью удовлетворяла потребности своих ВС в артиллерийско-стрелковом вооружении, отдельных образцах бронетанковой, авиационной, военно-морской и ракетной техники. В частности на местных предприятиях производились в основном усовершенствованные орудия полевой артиллерии, включая самоходные артиллерийские установки типа М-1975/1977/1978/1981/1985/1989/1991. В результате модернизации существенно возросла и дальность стрельбы многих орудий ПА. На базе советских образцов в КНДР созданы и поступают в войска собственные танки «Чонмахо», бронетранспортеры М-1973. Налажено производство по советской лицензии истребителей МиГ-29, запасных компонентов к боевым самолетам типа МиГ-21/23/29, СУ-25.

В Северной Корее большое внимание уделялось развитию таких отраслей военной промышленности, как корабле- и ракетостроение. ВМС страны почти полностью оснащены кораблями собственного производства. Они включают подводные лодки, фрегаты, корветы, ракетные, сторожевые и патрульные катера, минные тральщики, десантные корабли, в том числе на воздушной подушке. Что касается ракетостроения, то можно говорить

об отлаженном производстве на местных предприятиях ракет класса «земля-земля» типа «Скад-В/С», «Фрог-5/7», класса «земля-корабль» типа «Самлет» и «Сылкуорм», противотанковых ракет типа АТ-4, зенитных переносных комплексов типа SA-16. Завершается создание ракет класса «земля-земля» нового поколения. Успешно проведены испытания ракеты «Нодон-1» с дальностью стрельбы свыше 1 тыс. км, заканчивается разработка баллистических ракет «Тэнодон-1» и «Тэнодон-2»¹². Об опыте и темпах производства ракетного оружия можно судить по следующему факту: предприятия ракетостроения могут выпускать в год более 100 ракет «Скад-В/С», что не только покрывает потребности в них собственных ВС, но и позволяет экспортировать часть таких ракет в другие страны. Важную роль в освоении выпуска вооружения на национальной промышленной базе играют военные НИОКР, которые в основном прошли через стадию модернизации и лицензионного производства. Со второй половины 1980-х гг. начался качественно новый этап их развития — этап становления полного цикла создания вооружения от его проектирования, разработки и до производства конечной продукции. Таким образом, поставленные северокорейским руководством задачи достижения самообеспечения в области военного строительства — в основном с «опорой на собственные силы» и в частности создания национальной базы военных НИОКР и военного производства — в целом выполняются. Однако КНДР все еще нуждается в импорте сложных современных систем вооружения, особенно авиационной, ракетной и другой техники.

Со второй половины 1980-х гг., в связи с возросшими экономическими трудностями, темпы наращивания военного потенциала в КНДР несколько замедлились. Об этом говорит, в частности, уровень бюджетных ассигнований на военные цели, которые в 1995 г. составили 12,3% валового национального продукта (12,5% — в 1990 г. и 11,6% ВВП в 1994 г.). По данным западных экономистов, в 1995—2000 гг. общие военные расходы КНДР колебались в пределах 19—21% ВВП, по другим данным, они составляли 9,8% ВВП, или 1,3 млрд долл. Ухудшение военно-экономического положения КНДР в конце 1980-х гг. и начале 1990-х было вызвано во многом введением Советским Союзом валютных расчетов во взаимоотношениях двух стран и последовавшим за ним резким сокращением военного сотрудничества с Россией по ее инициативе. Тяжело сказались также беспрецедентные стихийные бедствия второй половины 1990-х гг.

Северокорейское руководство считает, что раздающиеся с Юга угрозы о применении к КНДР различного рода санкций и других

форм давления (включая демонстрацию силы) вынуждают страну наращивать свой военный потенциал. В 1992 г. в КНДР было создано Управление по подготовке к войне с задачей пересмотреть мобилизационные планы в сторону увеличения в период с октября 1992 г. по декабрь 1998 г. объема производства военной продукции, запасов вооружения и других военных материалов, а также укрепления подземных объектов. Принятие Россией решения об отказе от Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР 1961 г. было воспринято в КНДР далеко не однозначно.

Северокорейское руководство, не отступая от своей принципиальной позиции в вопросах объединения страны и трезво оценивая изменения в геополитической и военно-стратегической обстановке на Корейском полуострове и в регионе в целом, внесло серьезные коррективы в свой внешнеполитический курс. КНДР пошла на дальнейшее сближение с Китаем, развитие отношений с Ливией, Ираном и другими странами. В поисках выхода из тупика, образовавшегося в переговорах с Республикой Корея, она отказалась от членства в Комиссии ООН по наблюдению за перемирием в Корее, вступила в прямой диалог с США по вопросам заключения с ними мирного договора, прекращения состояния войны на Корейском полуострове и вывода иностранных войск из Южной Кореи. По мнению западных экспертов, Северной Корее удалось заметно продвинуться по пути достижения некоторых из этих целей, выйти из изоляции и укрепить свое международное положение.

Итак, социально-политический и идеологический барьер, разделяющий Север и Юг Корейского полуострова и не позволяющий решить вопросы объединения и создания единого государства, по-прежнему остается опасным источником напряженности и вооруженного противостояния. В таких условиях мир на Корейском полуострове является, по существу, заложником продолжающегося наращивания там военных потенциалов.

В Республике Корея, США и ряде других западных государств представители официальных и научных кругов постоянно утверждают, что военная угроза на полуострове исходит от Северной Кореи, ВС которой якобы значительно превосходят южнокорейские. Однако непредвзятый анализ фактов свидетельствует о том, что в основе такого утверждения лежит сугубо формальный подход к оценке военных потенциалов Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики.

В сухопутных силах КНДР в РК в 1996 г. на вооружении войск состояли соответственно 3500 и 2140 танков, 8300 и 4540 орудий

полевой артиллерии. Налицо, казалось бы, явное количественное превосходство КНДР. Что же касается качественных характеристик, то около половины всего северокорейского вооружения было произведено в 1950—1960-х гг. и в основном может быть применено лишь для выполнения ограниченных и вспомогательных задач. Напротив, большая часть вооружения южнокорейских сухопутных сил произведена либо модернизирована в последние пятнадцать лет и имеет более высокие тактико-технические характеристики, включая мобильность, запас хода, точность ведения огня.

В ВВС КНДР и РК соотношение по боевым самолетам составляло соответственно 607 и 488. Из 607 машин Северной Кореи лишь треть можно отнести к категории современных, а именно МиГ-21, 23, 29 и Су-25. Остальные (МиГ-17, 19) и физически, и морально устарели и требуют либо замены, либо модернизации. В то же время из 488 боевых самолетов Южной Кореи половина является современными типа F-16, F-5/E, F-4D/E.

Похожая ситуация сложилась и в ВМС Северной и Южной Кореи. В 1996 г. они имели в строю соответственно 434 и 192 боевых корабля. И в данном случае численное превосходство формально у КНДР. Но северокорейский ВМФ на 84% состоит из малых кораблей водоизмещением до 200 т каждый. Суммарное водоизмещение всех кораблей составляет 68 тыс. т. Почти четверть из них используется свыше 20 лет, а около 50% судов устарели морально. В отличие от ВМС Севера, южнокорейские ВМС держат на вооружении более крупные и современные корабли, включая эсминцы, оснащенные ракетным оружием. Сухопутные силы, ВВС и ВМС Южной Кореи обладают еще одним несомненным преимуществом. Их оружие и боевая техника оснащены более современным электронным оборудованием. При некотором превосходстве КНДР в численности ВС и преимуществе РК в более совершенных системах оружия на Корейском полуострове фактически сложился паритет военных потенциалов. Однако соотношение сил на полуострове резко изменяется в пользу Южной Кореи, если брать в расчет потенциал группировки американских войск в Южной Корее.

Военно-политическая обстановка на Корейском полуострове претерпевает заметные изменения после встречи в верхах президента РК Ким Дэ Чжуна и лидера КНДР Ким Чен Ира в Пхеньяне 13—15 июня 2000 г. Встреча отнесена к разряду эпохальных, так как в принятой совместной декларации подчеркивается решимость сторон покончить с «холодной войной» на полуострове, начать конкретные шаги по пути к объединению Южной и

Северной Кореи и обеспечить развитие всесторонних отношений между ними, в том числе и в области безопасности.

В ходе переговоров после встречи была достигнута договоренность о регулярных обменах делегациями военных ведомств, создании совместного военного комитета для решения вопросов ослабления напряженности в отношениях двух стран и заключения договора о ненападении.

Динамично развиваются отношения стран Корейского полуострова с США. 27 июля 2000 г. в Бангкоке на конференции АСЕАН по вопросам безопасности состоялись переговоры между министром иностранных дел КНДР и госсекретарем США по вопросам улучшения двусторонних отношений. С 9 по 12 октября 2000 г. впервые за всю историю отношений КНДР и США в Вашингтоне находился с визитом специальный представитель председателя комиссии национальной обороны Северной Кореи, первый его заместитель вице-маршал Чо Мён Рок. Последний был принят президентом Б. Клинтоном, министром обороны США У. Коэном, госсекретарем М. Олбрайт, другими официальными лицами. Чо Мён Рок вел переговоры по вопросам развития двусторонних отношений: объявления Корейского полуострова безъядерной зоной, проведения четырехсторонней конференции о заключении мирного договора, ослабления напряженности на полуострове, упрочения безопасности в Северо-Восточной Азии, прекращения разработки и экспорта ракет с большой дальностью действий, исключения Северной Кореи из числа стран, поддерживающих терроризм¹³.

Южная Корея и США, по существу, продолжали последовательно укреплять союзнические отношения и совместные позиции в отношении Северной Кореи. Накануне визита в КНДР Ким Дэ Чжун совершил поездку в Токио, где встречался с президентом США и обсуждал с ним стратегические аспекты предстоящих переговоров в Пхеньяне¹⁴. Неделью спустя, 28 июня 2000 г., министр иностранных дел и труда РК и госсекретарь США в ходе переговоров достигли согласия в том, что «войска США останутся в Южной Корее и будут выполнять роль сдерживающей силы перед лицом угроз со стороны Северной Кореи и стабилизирующего фактора на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом»¹⁵. Основой для переговоров и в первом и втором случае служил доклад, подготовленный бывшим министром обороны США У. Перри и одобренный президентом и Конгрессом США в сентябре 1999 г.¹⁶

В итоге ни в совместной декларации, ни в других официальных документах, относящихся к переговорам между РК, КНДР

и США и касающихся объединения Кореи и решения корейской проблемы в целом, вопросы безопасности и военного противостояния на полуострове должного отражения не нашли. Позиции сторон на данном этапе переговоров по таким важным аспектам, как вывод американских войск из Кореи, создание механизма контроля за вооружениями, прекращения наращивания военных потенциалов и другие, остаются без изменений. Пока сделаны лишь первые шаги. Однако потребуется время и усилия, чтобы достичь компромисса и реального прогресса в решении этих важных проблем. Поэтому в ближайшей перспективе сложившееся соотношение сил на Корейском полуострове в основном сохранится.

¹ Defense White Paper. Seoul, 1996, с. 118.

² Ibid., с. 38.

³ Asia Pacific Defense Reporter. Annual Reference Edition. Canberra, 1991, с. 149.

⁴ Defense White Paper, 1996, с. 75—78.

⁵ Ibid., с. 89.

⁶ Military Balance. London, 2000—2001, с. 202—205.

⁷ Korea Annual. Seoul, 1992, с. 80.

⁸ Defense White Paper, 1996, с. 50.

⁹ Ibid., с. 51.

¹⁰ Military Balance, 2000—2001, с. 202—205.

¹¹ Defense White Paper, 1996, с. 52—55.

¹² Ibid., с. 61.

¹³ Korean Unification Bulletin. Seoul, October 2000, № 24, с. 4—5.

¹⁴ Korea Focus, Seoul, July-August, 2000, № 4, с. 145.

¹⁵ Ibid., с. 146.

¹⁶ The Korea Journal of Defense Analysis, Seoul, Winter 1999, с. 98.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США, КНР, ЯПОНИИ И РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Корейский вопрос на протяжении XX века, особенно во второй его половине, прочно занимал приоритетное место в азиатской политике этих четырех держав и в своем развитии прошел через разнообразные по форме и содержанию этапы — от разрушительной войны 1950—1953 гг. до обнадеживающего сближения и сотрудничества КНДР и РК в 1990—1992 гг. Однако и на рубеже веков он по-прежнему остается трудной и сложной для решения проблемой.

Естественно, что на основные характеристики и параметры современного состояния корейской проблемы, подходы держав к ее урегулированию серьезное воздействие оказывают кардинальные изменения, происходящие в мире после 1991 г., формирующие новые глобальную и региональные системы международных отношений. В них очевидна лидирующая роль США, стремящихся закрепить свой монополизм на мировой арене, усилить присутствие в стратегически важных районах мира, стать там единственным регулятором баланса сил и влияния.

Современная международная обстановка, и это непосредственно касается ситуации в Северо-Восточной Азии (СВА), характеризуется глубокой трансформацией всей структуры международных отношений, изменениями расстановки сил различных государств и групп государств, общим нарушением глобальной стабильности. Дезинтеграция СССР и создание независимых государств на его бывшей территории имели своим результатом не только серьезное ослабление внешнеполитического потенциала России, но и ликвидацию «двухполюсности» современного мира.

В системе международных отношений осталась лишь одна сверхдержава, которая активно пытается использовать создавшуюся уникальную для нее возможность решения своих внешнеполити-

ческих задач. Это — США, которые открыто заявляют о своем стремлении к лидерству в современном мире. Со всей откровенностью основные цели внешней политики США сформулировал бывший государственный секретарь У. Кристофер в опубликованной во втором номере журнала «Форин полиси» за 1995 г. статье «Руководящая роль Америки, благоприятная возможность для Америки». В ней он прямо говорил о приверженности идее руководящей роли США в мировых делах, о том, что «Соединенным Штатам предоставляется уникальная возможность способствовать формированию мира, отвечающего интересам Америки и соответствующего ценностям и идеалам Америки...». Определяя стратегические принципы Вашингтона, бывший шеф внешнеполитического ведомства США утверждал, что «руководящая роль Америки в мире требует, чтобы мы подкрепляли последовательную дипломатию внушающей доверие угрозой использования силы... Мы не являемся мировым жандармом, но наше участие в мировых событиях и наша мощь зачастую может сыграть решающую роль».

Нетрудно заметить, что и после окончания «холодной войны» и самоликвидации их основного стратегического противника архитекторы внешнеполитического курса США по-прежнему считают центральной проблему военно-силового обеспечения своих лидирующих позиций на международной арене. В вышеупомянутой статье У. Кристофер подчеркивал, что и «нынешняя администрация (США) поставила Азию во главу своей долгосрочной внешнеполитической стратегии... Наш стратегический союз с Японией, а также с Южной Кореей и другими нашими союзниками имеет необычайно важное значение для безопасности и процветания Америки...», что «наши политические узы и военное присутствие на передовых рубежах помогают подавлять искушения, могущие возникнуть у какой-либо региональной державы, стремящейся к гегемонии, и ограничивать их возможности на этот счет».

США — Корейский полуостров

Подобными концептуальными установками определялся подход Вашингтона и к корейской проблеме в 90-е гг. XX века. Список десяти основных целей азиатско-тихоокеанской доктрины администрации Б. Клинтона, сформулированной в апреле 1993 г. и изложенной заместителем государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана У. Лордом, открывали задачи в отношении Японии и Кореи:

1. «Создание нового глобального партнерства, отражающего зрелый баланс в распределении ответственности между США и Японией: сохранение существенного американского военного присутствия в Азии...»

2. «Устранение ядерной угрозы и продвижение к примирению на Корейском полуострове. Будущее Корейского полуострова должно быть решено путем переговоров между Севером и Югом. США намерены содействовать этому процессу через консультации с РК и многостороннюю дипломатию. Вашингтон готов к улучшению отношений с Пхеньяном, если последний пойдет на сотрудничество по фундаментальным вопросам...»¹

Внимание Белого дома было сосредоточено на использовании возникшего в последнее время благоприятного для него соотношения сил в регионе СВА с целью расширения собственного влияния на Корейском полуострове посредством различных тактических схем действий: от прямого силового давления в 1991—1994 гг. до попыток приобретения функций посредника в отношениях между Пхеньяном и Сеулом во второй половине 1990-х гг. В соответствии с этим можно выделить два этапа эволюции американской внешнеполитической активности по отношению к Южной и Северной Корей. При этом необходимо отметить, что реализация политики США в указанные годы была значительно облегчена распадом СССР, который последовательно поддерживал КНДР, проводил активное противодействие американским планам на Корейском полуострове и во всей Северо-Восточной Азии, что сделало возможной разрядку международной напряженности в данном регионе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и позволило провести крупномасштабные советско-американские сокращения вооруженных сил (хотя и асимметричных в пользу США), коснувшихся также и юга Корейского полуострова*. В лице же новой, демократической России американская дипломатия

* К 1991 г. вооруженные силы СССР на Дальнем Востоке были сокращены на 200 тыс. человек: сухопутные войска — на 12 дивизий, расформированы 11 авиаполков. Из Тихоокеанского флота выведены 16 боевых кораблей, в том числе 9 крупных надводных и 7 подводных. По сообщению информационной программы «Сегодня» канала НТВ от 25 января 1997 г., силы Тихоокеанского флота РФ в первой половине 1990-х гг. сократились в 2 раза. Уменьшилось число боевых кораблей с 335 до 140 единиц. В 1991 г. завершен вывод из Монголии советских войск общей численностью 50 тыс. человек, возвращено на родину около 850 танков, 110 боевых машин пехоты, 82 единицы различных артиллерийских систем, 190 самолетов и вертолетов. В 1992 г. прекращено использование вооруженными силами СНГ вьетнамской бухты Камрань.

По заявлению бывшего министра иностранных дел РФ А. Козырева японской газете «Иомиури», русские ракеты с ядерными боеголовками в настоящее

нашла партнера, который утратил собственный подход к решению корейской проблемы и фактически занял позицию, ориентированную на Вашингтон.

Используя такой «подарок», а также общее ослабление позиций России на Дальнем Востоке, резкое сокращение российско-северокорейских связей, США, особенно на первом рассматриваемом нами этапе, сделали упор на то, чтобы «дожать» КНДР, усилить ее международную полуизоляцию, применяя при этом методы военно-силового давления. В результате Пентагон, осуществив первый этап трехэтапной программы сокращения своего военного присутствия в Южной Корее (1990—1992), выведя оттуда 5 тыс. военнослужащих сухопутных сил и 2 тыс. человек административного персонала ВВС, прекратил ее дальнейшую реализацию. Председатель Комитета начальников штабов Дж. Шаликашвили объявил в Сеуле в январе 1995 г., что новая стратегия США Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) заключается в отказе от планов поэтапного вывода войск из Южной Кореи, в сохранении мощной американско-южнокорейской системы безопасности и американского воинского контингента в США численностью более 100 тыс. человек.

В 1990—1992 гг. начал успешно развиваться межкорейский диалог, в частности состоялись восемь встреч на уровне премьер-министров КНДР и РК. В 1991 г. были подписаны важнейшие документы: соглашение о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве между двумя государствами, а также Совместная декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова, что, естественно, благотворно сказывалось на военно-политической обстановке на полуострове и вокруг него. К сожалению, начиная с 1993 г. этот процесс прервался практически полностью, отношения между «двумя Кореями» откатились почти до уровня периода «холодной войны». В 1993 г. разразился пресловутый «северокорейский ядерный кризис», едва не сделавший Корейский полуостров ареной военной операции типа «Буря в пустыне» в восточно-азиатском варианте.

В создавшихся условиях преобладания в стратегии США и их союзников военно-политических подходов к корейской проблеме вновь стали активизироваться процессы, характерные для политики времен «холодной войны» и достаточно хорошо знакомые российским и зарубежным ученым. Например, в советских

время больше не нацелены ни на Японию, ни на другие страны Азии. В начале 1990 г. США объявили о планах сокращения своего военного присутствия в АТР на 12%, в частности в Южной Корее на 7 тыс. военнослужащих до 1993 г. и выводе из нее ядерного оружия.

научных и политических кругах длительное время рассматривался вопрос о постепенном развитии неформальной тройственной военно-политической структуры: США — Япония — Южная Корея. Автор данной работы согласен, что нередко этот вопрос преподносился читателю излишне односторонне и эмоционально из политических потребностей той эпохи. Однако сам он не склонен был драматизировать это явление и относился к нему как длительному, эволюционному, но вместе с тем объективному процессу трехстороннего сотрудничества, в котором военно-силовой аспект является одной и, пожалуй, не самой главной составляющей частью².

В последние годы эта тема стала у нас не только не «модной», но в целом даже закрытой для читателя. Однако, как показывают события сравнительно недавнего времени, этот процесс не только не потерял актуальность, но даже активизировался. В период северокорейского ядерного кризиса (хотя наличие у КНДР результативной военной ядерной программы не смогла документально подтвердить ни одна из многих международных инспекций, включая МАГАТЭ) военный механизм сотрудничества между Вашингтоном, Токио и Сеулом заработал на полных оборотах. Так, в начале ноября 1995 г. в обстановке повышенной секретности проводились совместные учения ВМС США и Японии, максимально приближенные к территориальным водам КНДР, в которых со стороны Японии принимали участие почти все основные силы ее ВМС (110 кораблей, 170 самолетов — всего 29 тыс. военнослужащих), а со стороны США — авианосец «Энтерпрайз», 10 кораблей сопровождения, 160 самолетов и т. д. Цель учений — задержание потенциального «судна-нарушителя», пытающегося пройти к КНДР в условиях возможной блокады этой страны. Тогда же более 650 американских самолетов с военных баз США, находящихся за пределами Южной Кореи, проводили учения также вблизи границ КНДР. Список подобных военных мероприятий в опасной близости к КНДР можно продолжить³.

Еще ранее, в апреле 1995 г., командование 7-го флота США предлагало Управлению национальной обороны Японии (УНО) в случае конфликта с КНДР направить к ее берегам японские минные тральщики и противолодочные самолеты Р-3С, поскольку предполагалось наличие у берегов Северной Кореи мощных минных заграждений. УНО тогда отклонило данное предложение, ввиду существующих в стране конституционных ограничений, но выдвинуло план широкой тыловой поддержки флота США, разработку схемы подключения японских ВМС к ведению морской разведки. Разочарованным американским военным пришлось

перебросить свои два тральщика на базу в Сасэбо⁴. В случае же реального военного конфликта с КНДР планировалось, по данным японской газеты «Асахи», направить к ее берегам пять американских авианосцев с кораблями сопровождения. Наличие подобных планов позднее подтвердил и сам президент США. Как отмечала 26 мая 1996 г. «Независимая газета», в Ежегодном послании Конгрессу о безопасности страны в 1996 г. Б. Клинтон говорил о наличии «реальной перспективы одновременных столкновений с Ираком и Северной Кореей в конце лета 1994 года».

Необходимость такого рода действий объяснялась, как нередко и в прошлом, возрастанием «агрессивных намерений» Севера, представители которого на переговорах с заместителем министра по национальному объединению РК Сон Ён Дэ в Пханмунджоме в марте 1994 г. якобы угрожали «превратить Сеул в море огня»⁵, а также сохраняющимся его военным превосходством над Республикой Корея. В опубликованной в 1995 г. «Белой книге по обороне 1995—1996» министерство обороны РК продолжало утверждать, что Северная Корея имеет преимущество над Южной по численности военнослужащих и почти по всем основным видам вооружений (от 1,2 до 13 раз)⁶. Однако в 1990-е гг. большинство аналитиков в различных странах перестало воспринимать подобные аргументы всерьез. Так, Д. Рой из Австралийского национального университета утверждал, что «с точки зрения обычных вооружений у Северной Кореи нет реальных шансов победить Юг и при этом сопоставимая мощь ее вооруженных сил ежегодно деградирует»⁷. Лондонский международный институт стратегических исследований в книге «Военный баланс. 1995—1996» оценивал оборонные бюджеты Северной и Южной Кореи в 1995 г. соответственно в 2,2 млрд долл. и 14,4 млрд долл., что свидетельствует о превосходстве Сеула над Пхеньяном по уровню военных расходов почти в 7 раз⁸. Эту же тенденцию отмечал и авторитетный американский профессор Сэмюэль Ким, указывая, что в течение 1990—1993 гг. военные расходы РК ежегодно увеличивались в среднем на 13%, тогда как в КНДР они сократились суммарно на 58%⁹. Исследования же стокгольмского Института разоружения и мира показали, что в 1989—1993 гг. Южная Корея импортировала вооружений в 4,45 раза больше Северной¹⁰.

Девяностые годы XX века стали свидетелями того, что механизм трехстороннего партнерства вышеуказанных стран превращался во все более значимый инструмент проведения их политики как на Корейском полуострове, так и в СВА в целом. Его важность отметили Б. Клинтон и японский премьер Р. Хасимото в

этапной «Японо-американской декларации о союзе безопасности на XXI век», принятой 17 апреля 1996 г. в Токио. В ее 7-м пункте лидеры двух стран подчеркнули, что «стабильность на Корейском полуострове имеет жизненно важное значение для Японии и США», и подтвердили, что «обе стороны намерены и впредь делать все возможное для содействия обеспечению такой стабильности в тесном сотрудничестве с РК»¹¹.

Военные аспекты стратегической установки на консолидацию трехсторонних усилий по обеспечению стабильности на Корейском полуострове прояснил заместитель командующего американскими войсками в Южной Корее генерал-лейтенант Р. Айверсон, по мнению которого (как сообщило корейское агентство «Рёнхап» 15 ноября 1996 г.), объединенная южнокорейско-американская группировка «сможет сдерживать нападение с Севера в течение нескольких часов, которые потребуются для переброски подкреплений». При этом генерал уверен, что в случае необходимости на Корейском полуострове будет создана такая же ударная группировка ВМС и ВВС, какая была использована США в Персидском заливе. «Все необходимые для этого силы находятся сейчас на японском острове Окинава и они могут быть здесь уже через несколько часов». У аналитиков различных стран не вызвало удивления то, что международная организация по содействию развитию энергетики Кореи (КЕДО), главное предназначение которой в том, чтобы обеспечить замену строившихся в КНДР АЭС на легководные реакторы, не способные производить оружейный плутоний, возникла в результате общих усилий и в составе именно РК — США — Япония, а затем к участию в ее деятельности были приглашены и некоторые другие государства (всего ее членами в марте 1995 г. были уже 23 страны). При этом следует подчеркнуть, что факты последних лет (разработки и рекомендации ведущих американских «мозговых центров», таких, например, как Институт мира США, высказывания ряда государственных деятелей, вовлеченных в дела Корейского полуострова и т. д.) дают возможность наблюдать эволюцию задач, которые Белый дом желал возложить на данную или подобные ей структуры.

Идея организации многостороннего (естественно, под эгидой США) механизма «воздействия» на КНДР или ее «конструктивного вовлечения» в мировое сообщество считается в Вашингтоне весьма продуктивной, она, по его мнению, уже не раз эффективно проявляла себя в отношении некоторых других «проблемных» стран (Ирак, Югославия, Ливия и др.). Мы помним, что и в отношении Пхеньяна США в 1993 г. активно пытались создать

группировку государств с целью объединенного давления на него, подключить их в ООН к проведению коллективных санкций. Тогда эти усилия оказались безрезультатными, но сама идея по-прежнему рассматривается как весьма перспективная.

Во второй половине 90-х гг. наблюдались попытки расширить роль КЕДО и придать ей дополнительные функции, весьма далекие от ядерной энергетики. Выдвигались, например, предложения использовать многосторонние структуры данной организации для реализации программ предоставления КНДР международной гуманитарной, в частности продовольственной, помощи, а также содействия ей в области образования и т. д. Обсуждались варианты возложения на КЕДО задач модернизации транспортной инфраструктуры Северной Кореи.

С середины 1990-х гг. регулярно действует механизм трехсторонних межмидовских консультаций, на которых согласуются планы действий трех государств в отношении актуальных проблем Кореи и всего региона. В феврале 1996 г. в Гонулулу представители внешнеполитических ведомств США, Японии и Южной Кореи выработали общий подход по вопросу оказания продовольственной помощи КНДР, пострадавшей от невиданного по масштабам наводнения; в мае того же года на острове Чеджудо обсуждались практические детали реализации идеи четырехсторонних переговоров по урегулированию этой же проблемы с участием Вашингтона, Пекина, Сеула и Пхеньяна. При этом решили оставить в силе введенные Вашингтоном более 40 лет тому назад санкции против КНДР¹². В ходе состоявшихся тогда встречи стороны договорились придерживаться единой линии в вопросах оказания Северной Корее дозированной гуманитарной помощи и содействия ей в рамках КЕДО, увязав все это с задачей побудить Пхеньян согласиться на участие в четырехсторонних переговорах, встать на путь внутренних реформ и внешней открытости, изменить свою политику в отношении Сеула¹³.

Отражением того факта, что в сознании правящей элиты РК структурированное американо-японо-южнокорейское партнерство в отношении проблем Корейского полуострова уже воспринимается как объективно сложившийся и постоянно действующий трехсторонний механизм, может служить «Обозрение по проблемам объединения Кореи», подготовленное в ноябре 1996 г. Исследовательским институтом по национальному объединению (RINU), являющимся «мозговым центром» правительства РК по вопросам объединения Кореи. Авторы «Обозрения» для составления средне- и долгосрочного прогнозов развития ситуации на Корейском полуострове в числе 38 вопросов, предлагаемых для

ответа ученым-корееведам различных стран, просили оценить эффективность сотрудничества Южной Кореи, США и Японии в их согласованной политике по отношению к Северной Корее.

На начальном этапе администрация Дж. Буша (старшего), а затем первое время и Б. Клинтона в отношениях с КНДР предпочитали исключительно «нажимной» вариант действий, выдвижение жестких предварительных условий, превратив ядерную деятельность Северной Кореи в главное средство давления на Пхеньян. Для этого Белый дом подключил к своим действиям руководство МАГАТЭ, подтолкнув его к принятию антипхеньянской резолюции в феврале 1993 г. КНДР ответила своим объявлением о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), что было воспринято в США с глубокой тревогой. В связи с таким пхеньянским шагом в Вашингтоне даже рассматривались варианты нанесения «ограниченного удара» по ядерным сооружениям КНДР. Тогдашний госсекретарь США У. Кристофер высказывался за введение против нее дополнительных экономических санкций (полное эмбарго на поставки нефти, промышленного сырья и продовольствия). В начале 1993 г. были возобновлены американо-южнокорейские маневры «Тим Спирит» с участием 140 тыс. военнослужащих двух стран, в рамках которых состоялась высадка на корейском побережье морской пехоты США и РК, крупнейшая за всю историю этих учений, проводимых с 1976 г.¹⁴

КНДР, в свою очередь, заявила, что ее «не запугать», обвинила Вашингтон в «открытом нарушении своих обязательств» по ДНЯО, в попытках диктовать свою волю другим странам и международным организациям, проявила завидную твердость и способность противостоять давлению Запада, придерживаясь политики «балансирования на острие ножа». Однако в неблагоприятных для КНДР с начала 1990-х гг. условиях Пхеньян был вынужден все же резко изменить антиамериканскую направленность своей политики и предпринял попытки налаживания контактов с США. Этому способствовал упоминавшийся выше прогресс в межкорейском диалоге в 1990—1992 гг. Вашингтон снял тогда запрет на официальные контакты с КНДР, и с 1992 г. такие контакты начались: в январе — встреча секретаря ЦК ТПК Ким Ён Суна с первым заместителем госсекретаря США Кантором, в декабре — первого заместителя министра иностранных дел КНДР Кан Сок Чжу с сенатором Смитом и т. д. Следует отметить, что и администрация Б. Клинтона с середины 1990-х гг. внесла существенные коррективы в свою «корейскую политику». Наряду с силовым ее обеспечением, в ней все большее внимание стало

уделяться политико-дипломатическим средствам вовлечения Северной Кореи в переговорный процесс с США, РК и другими странами, подготовки ее «мягкого приземления» в современном мире на приемлемых для Вашингтона и его союзников условиях.

Во время обмена весьма резкими взаимными обвинениями и упреками в связи с «ядерным кризисом», в ходе которого Пхеньян не без оснований подчеркивал, что США используют ядерную проблему с целью «ликвидировать северокорейский социалистический строй» и вместе с РК ведут линию на объединение Севера и Юга по германскому образцу, а все эти попытки обречены на провал, Соединенным Штатам следует «освободиться от старой политики в отношении Кореи времен “холодной войны”»¹⁵. КНДР и США вместе с этим оставляли «дверь открытой» для контактов и поиска выхода из опасно обострившейся ситуации. Состоялось несколько закрытых встреч в Пекине, подготовивших прямые северокорейско-американские переговоры. Позиции сторон относительно межправительственного диалога были весьма различны: для США главной целью было сохранение КНДР в ДНЯО и выполнение ею обязательств по соглашению о гарантиях с МАГАТЭ; для КНДР — улучшение северокорейско-американских отношений, гарантии Вашингтона об отсутствии на его базах в Южной Корее ядерного оружия и неиспользования угрозы применения им силы против Пхеньяна, прекращение учений «Тим спирит», политически нейтральный подход МАГАТЭ к КНДР и др. Но эти разногласия, как выяснилось, не оказались непреодолимыми.

Летом 1994 г. КНДР и США, проявив политическую волю и заботу о собственных государственных интересах, свободную от взаимных идеологических, исторических и иных антипатий, неожиданно для многих аналитиков сменили жесткость общения на конструктивность и, после визита в июне 1994 г. в Пхеньян Дж. Картера и его встреч с Ким Ир Сеном, перешли от взаимных угроз к интенсивным дипломатическим контактам. Их переговоры оказались трудными, полными драматических эпизодов, иногда доходящих до грани срыва, но в октябре 1994 г. было заключено рамочное соглашение, а в 1995 г. подписаны в Куала-Лумпуре компромиссные соглашения о замене строившихся на Севере двух АЭС на два сопоставимых по параметрам ядерных легководных реактора за счет КЕДО и международных фондов, в которые основной финансовый взнос из общей суммы в 4,5 млрд долл. должны были внести Сеул и Токио. В результате, с одной стороны, была снята крайне обострившаяся в тот период напряженность на Корейском полуострове и вокруг него, а с другой — достиг-

нут прорыв в американо-северокорейских отношениях, поскольку стороны, после пятидесятилетнего периода взаимной вражды и непризнания, согласились обменяться миссиями связи, сделав этим первый шаг на пути к полной межгосударственной нормализации.

Таким образом, можно говорить об очевидном на этом этапе успехе как дипломатии США, которые явно перехватили инициативу в международных усилиях по урегулированию ситуации на Корейском полуострове и приобрели перспективные возможности для укрепления своих позиций в его северной части, так и дипломатии КНДР, сумевшей выйти из международной полуизоляции и встать на путь развития отношений с западными державами.

После подписания указанных соглашений двусторонние отношения США и КНДР стали весьма активно наполняться конкретным содержанием. В январе 1995 г. Административный совет (правительство) КНДР, а затем Конгресс США приняли постановление об отмене запрета на заход торговых судов в порты друг друга, взаимных ограничений на импорт товаров, в 1995—1996 гг. состоялись встречи экспертов по практическим вопросам, направленным на выполнение договоренностей об открытии бюро связи в Пхеньяне и Вашингтоне, хранении отработанного ядерного топлива, заключении контракта о легководных реакторах, начались под контролем США регулярные поставки дизельного топлива в объеме 500 тыс. т в год для электростанций КНДР и т. д. В результате участие США в делах на Корейском полуострове расширилось настолько, что они получили возможность выполнять функцию регулятора происходящих здесь некоторых важных процессов. Западная печать обращала внимание на то, что «при президенте Клинтоне Вашингтон взял на себя роль посредника между двумя Кореями в попытках обеспечить плавное их объединение». Несмотря на обвинения со стороны южнокорейских руководителей в «мягкости» по отношению к Северной Корее, Клинтон безуспешно пытался умерить жесткую линию главы РК Ким Ён Сама, избранную там после инцидента в сентябре 1996 г., когда у берегов Южной Кореи села на мель северокорейская подводная лодка. По мнению Белого дома, позиция Ким Ён Сама представляла собой «рискованную стратегию, способную дестабилизировать регион»¹⁶. Японская пресса отметила, что США успешно также выступили посредником на американо-северокорейских переговорах в Вашингтоне в декабре 1996 г., сумев на них убедить Пхеньян выразить сожаление по поводу вышеупомянутого инцидента и тем самым добиться необходимого compro-

мисса для предотвращения нараставшей конфронтации между КНДР и РК¹⁷.

Несомненно, ключевую роль сыграл Вашингтон и в обеспечении начала четырехсторонних переговоров (РК — КНДР — США — КНР) с целью урегулирования корейской проблемы, предложение о которых было выдвинуто Б. Клинтон и Ким Ён Самом 15 апреля 1996 г. Посредством вовлечения КНДР, которая вначале негативно отнеслась к данной идее, в серию трехсторонних (США — РК — КНДР) «разъяснительных брифингов», состоявшихся весной 1997 г. в Вашингтоне, США сумели убедить Пхеньян изменить свою позицию. Им удалось организовать проведение на своей территории первого, предварительного, правда, практически безрезультатного раунда переговоров в подобном формате.

Тем не менее переговорный процесс в рамках четырехсторонней конференции хотя и с трудом, но развивается. Как значительный прогресс многие обозреватели оценили результаты ее третьего раунда, состоявшегося в Женеве в ноябре 1998 г. На нем наконец-то удалось сдвинуться с мертвой точки и договориться о создании в рамках этого форума двух специальных рабочих комиссий, которые будут обсуждать пути обеспечения прочного мира и разрядки напряженности на Корейском полуострове.

Подобный сдвиг произошел вследствие важного изменения позиций делегации КНДР, которая на этот раз не стала настаивать на обязательном предварительном обсуждении вопросов о выводе американских войск из Южной Кореи и заключении двустороннего мирного договора между США и КНДР. Однако, как отмечала 27 октября 1998 г. южнокорейская газета «Хангук Геральд», подобная гибкость северокорейской стороны стала возможной в результате достигнутого между Вашингтоном и Пхеньяном «секретного пакта» о поставках в Северную Корею 300 тыс. т американского зерна начиная с 9 ноября 1998 г. Вместе с этим эксперты по проблемам Корейского полуострова с определенной тревогой отмечают нарастание в последнее время активности в США сторонников пересмотра нынешнего курса Белого дома, направленного на «вовлечение» Пхеньяна в переговорные процессы и международные структуры, и возвращения к политике «сдерживания» последнего. С большим трудом и запозданием администрации Б. Клинтона удалось в 1998 г. добиться от Конгресса выделения 3,5 млн долл. на оплату поставки очередной партии мазута в Северную Корею в рамках американской части обязательств по программе КЕДО. Но в ноябре 1998 г. Конгресс США увязал перспективы финансирования поставок дизельного топ-

лива в 1999 г. с успехом американской дипломатии на переговорах по прекращению ракетной программы КНДР, установив ей срок до 31 мая 1999 г.

По сообщению той же южнокорейской газеты от 10 октября 1998 г., влиятельный в США Совет по проблемам внешней политики направил Б. Клинтону открытое письмо, подготовленное группой авторитетных экспертов, в котором потребовал коренного пересмотра северокорейской политики Вашингтона. В нем давние критики рамочного соглашения 1994 г. утверждали, что испытание Пхеньяном 31 августа 1998 г. усовершенствованной ракеты и обнаружение того, что может оказаться новым «подземным ядерным объектом», способны в скором будущем привести к очередному кризису. Подобные настроения прозвучали и в выступлениях некоторых американских участников на состоявшейся 4—7 ноября 1998 г. в Сеуле международной конференции по теме «Изменяющаяся динамика безопасности Кореи», организованной Советом по изучению проблем безопасности США и Кореи. Они не скрывали своего разочарования идеей создания КЕДО и результатами ее деятельности, подвергали сомнению целесообразность дальнейшего участия США в этой международной организации. Подобные факты вместе с массированными усилиями ряда СМИ, прежде всего американских, возродить в конце 1998 — начале 1999 г. тезис о северокорейской ядерной угрозе и вновь жестко поставить вопрос об инспекции «подозреваемого» подземного ядерного объекта, теперь уже в местечке Кымчханри (в 40 км к северо-западу от остановленного по соглашению 1994 г. ядерного научно-исследовательского комплекса в Йонбёне), вызвали у многих корееведов неприятные воспоминания о начальном этапе разыгрывания конфликтного сценария, приведшего к острому кризису на Корейском полуострове в 1993—1994 гг. Что касается американского требования инспектировать вышеназванный северокорейский объект, то по условиям соответствующих приложений к Женевскому соглашению 1994 г. КНДР обязана допускать международные инспекции «подозреваемых» объектов, но только после завершения строительства хотя бы одного из двух легководных ядерных реакторов. Поэтому Пхеньян обоснованно утверждал, что его ничто не обязывает допускать иностранных инспекторов на свои «мирные подземные объекты».

Однако результаты переговоров между бывшим министром обороны США У. Перри, который в те годы был главным «куратором» корейского направления внешней политики Белого дома, и президентом РК, состоявшихся в Сеуле в декабре 1998 г., продемонстрировали, что Ким Дэ Чжун (даже в условиях тяжелой

шего экономического кризиса в РК и необходимости выполнения кабальных требований МВФ и других международных организаций) не хотел все же отказываться от своей политики «солнечного тепла»*.

В ходе состоявшейся дискуссии Ким Дэ Чжун не разделил, по его мнению, излишне эмоциональные и завышенные опасения американских коллег по поводу северокорейского подземного объекта. При этом, учитывая изменение настроения республиканского большинства в Конгрессе США, он выдвинул «пакетное» предложение: КНДР отказывается от новых запусков ракет средней дальности, замораживает свою ракетную программу, разрешает допуск международных инспекторов на объект в Кымчханри; США, в свою очередь, выполняют данное ими еще в 1994 г. при подписании рамочного соглашения обещание установить дипломатические отношения с Северной Кореей, обеспечивая ей адекватную продовольственную и гуманитарную помощь.

Как показали дальнейшие события, основные идеи «пакетного» предложения легли в основу сложных, в несколько раундов, американо-северокорейских «ядерно-ракетных» переговоров весной 1999 г., приведших в конце концов к позитивному результату. На компромиссной основе было достигнуто следующее — Пхеньян соглашается на многоразовые (как минимум, две) инспекции американскими экспертами объекта в Кымчханри, а Вашингтон, как сообщила 7 мая 1999 г. «Корея геральд», обеспечит поставку в КНДР 500 тыс. т продовольствия и 1000 т отборных семян картофеля. В соответствии с этим соглашением команда из 15 американских экспертов в течение недели в мае 1999 г. изучала подземные сооружения в Кымчханри и не обнаружила там ничего, кроме «огромного пустого тоннеля». По сообщению вышеупомянутой южнокорейской газеты 31 мая 1999 г., администрация Б. Клинтона пришла к выводу, что в данном тоннеле «не нашлось ничего подтверждающего того, что Северная Корея нарушала антиядерное соглашение... что в этом месте когда-либо содержалось оборудование, имеющее отношение к программе развития ядерного оружия», а также, что «нет оснований полагать, что американских инспекторов, проводивших на прошлой неделе свою работу, пытались обмануть в процессе ознакомления с пустым тоннелем».

Состоялось еще более знаменательное событие в американо-северокорейских отношениях — первый в истории официальный визит в КНДР специального представителя президента США по

* Курс нынешнего президента РК на примирение и сближение с КНДР с целью широкого вовлечения ее в международное сообщество.

проблемам Кореи У. Перри, возглавившего американскую делегацию самого высокого уровня в эту страну, который передал северокорейскому руководству личное послание Б. Клинтона, а также комплексную мирную программу, разработанную совместно США, РК и Японией, содержащую предложения о поэтапном снятии экономического эмбарго против КНДР и восстановления с ней дипломатических отношений Вашингтоном и Токио в обмен на отказ Пхеньяна от продолжения программ по созданию ядерного и ракетного оружия. По итогам визита У. Перри заявил, что он провел «очень интенсивные, исключительно важные и весьма ценные» переговоры с руководством в Пхеньяне, а СМИ КНДР, в свою очередь, подчеркнули, что беседы прошли «в искренней дружественной атмосфере взаимного уважения». Как известно, в ходе встреч с высокопоставленными руководителями Северной Кореи У. Перри, которому, однако, не удалось встретиться с ее лидером Ким Чен Иром, пытался убедить их (что, кстати, тоже было впервые) в том, что США искренне не желают коллапса КНДР и ее поглощения Югом, а стремятся к нормализации отношений с ней как с независимым государством.

Безусловно, эти позитивные и весьма важные события, связанные с безопасностью на Корейском полуострове, оказали положительное влияние на формирование более благоприятной атмосферы для развития межкорейского диалога и продвижения целей политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна.

Во второй половине 1999 г. и начале 2000 г. тенденция к нормализации межгосударственных отношений между США и КНДР получила дальнейшее развитие. Ее закреплению не помешал даже вооруженный инцидент, происшедший в июне 1999 г. между ВМС РК и КНДР в районе морской разграничительной линии Севера и Юга в Желтом море, в ходе которого был уничтожен один северокорейский боевой корабль. Стороны сумели быстро преодолеть негативные последствия этого события.

Принципиально важным стал успех миссии спецпосланника президента США У. Перри в Пхеньяне в мае и американо-северокорейских переговоров в сентябре 1999 г., в результате которых Пхеньян отказался от замысла повторить испытание ракеты дальнего радиуса действия (запуск которой к тому моменту западными СМИ был представлен как неизбежный, что привело к нагнетанию панических настроений в США, Японии, РК) и согласился приостановить развитие собственной ракетной программы. В ответ США решили частично снять торговое эмбарго и запрет на инвестиции, которые действовали против КНДР в течение 50 лет, и, как тогда казалось, приступили к практической

стадии подготовки обмена с ней внешнеполитическими представительствами.

Процесс сближения США и КНДР, получивший очевидное ускорение во второй половине 2000 г. в результате визитов вице-маршала Корейской народной армии Чо Мён Рока в Вашингтон и госсекретаря США М. Олбрайт в Пхеньян (октябрь 2000 г.) и последовавших за ними переговоров обеих сторон с целью подготовки поездки в Северную Корею президента Б. Клинтона, можно рассматривать как итог энергичных усилий Белого дома с целью сохранения за собой роли единоличного спонсора процесса корейского урегулирования. Вместе с этим нельзя не отметить, что данные изменения — серьезный внешнеполитический успех КНДР, руководство которой сделало задачу нормализации отношений с США приоритетной и последовательно приближается к ее осуществлению.

Несомненно, что прорыв в отношениях между КНДР и РК, обеспеченный в 2000 г. июньским межкорейским саммитом, приведший к значительному возрастанию самостоятельной роли внутрикорейского фактора, а также решительное вторжение на корейское поле России в качестве активного игрока, способного перехватить инициативу и сформировать новую конфигурацию международных сил вокруг Корейского полуострова, были восприняты Вашингтоном как серьезные, во многом неожиданные, но требующие немедленного ответа вызовы его роли лидера, к которой тот успел привыкнуть в 90-е годы. Тот факт, что администрация США оказалась не готовой к межкорейской инициативе, продемонстрировала ее (сразу же подвергнутая критике и дома, и за рубежом) двусмысленная реакция на встречу в верхах «двух Кимов». Стало отчетливо видно, что чуть ли не единственным приоритетом «корейской политики» США является сохранение их военного присутствия в Южной Корее.

Первоначальное восприятие Вашингтоном итогов июньской встречи 2000 г. В. Путина с Ким Чен Иром также оказалось не вполне адекватным. Дело в том, что впервые выраженное в ходе российско-северокорейского саммита согласие Пхеньяна остановить свою ракетную программу (то, чего так долго добивались США) в обмен на запуск собственных спутников ракетоносителями других стран, вызвало в Белом доме растерянность и скептицизм. Однако необходимо отметить проявленные внешнеполитической командой Б. Клинтона профессионализм и способность к быстрой адаптации собственных подходов к динамично изменяющейся обстановке на Корейском полуострове. Взяв на вооружение еще недавно решительно отвергавшуюся «формулу Пути-

на» (о ней см. ниже), М. Олбрайт, находясь в Пхеньяне, сделала ее одной из центральных тем переговоров относительно будущего северокорейской ракетной программы.

В оставшееся до истечения срока президентских полномочий время у Б. Клинтона его команда, используя успешные, по обоюдному мнению, результаты данного визита (достаточно вспомнить, что Ким Чен Ир в нарушение протокольных норм уделил госсекретарю США личного внимания больше, чем иным главам государств), постаралась в серии последовавших за ним в Куала-Лумпуре «ракетных» переговоров на уровне экспертов, «дожать» Пхеньян по этой проблеме с целью создания условий для визита своего президента в КНДР. Не вызывает сомнения, что в случае осуществления такой визит, преподнесенный в пропагандистском плане как эпохальный, был бы использован в том числе и для того, чтобы представить президента США в качестве главного «миротворца» Кореи и оттеснить Москву с пьедестала «первооткрывателя» Северной Кореи для мирового сообщества. Оттягивавший до самого последнего момента принятие решения, Б. Клинтон в конце декабря 2000 г. отказался ехать в Пхеньян. Тем не менее итоги деятельности его администрации на северокорейском направлении впечатляют. За этот период отношения между США и КНДР претерпели кардинальную трансформацию: от состояния почти неминуемого военного конфликта до преддверия дипломатического признания. Обращает на себя внимание и благожелательная тональность объяснения им причин своего отказа приехать — всего лишь нехватка времени для полноценной подготовки визита. Позитивно в целом оценивая прогресс на американо-северокорейских переговорах, продолжавшихся вплоть до объявления им своего окончательного решения, Клинтон явно хотел оставить «дверь открытой» и пригласить в нее команду Дж. Буша.

В этой связи нельзя еще раз не подчеркнуть, что подобные метаморфозы стали также следствием несомненного успеха северокорейской дипломатии. В результате ее усилий из арсенала аргументов сторонников жесткого антипхеньянского курса был выбит ключевой тезис о северокорейской ракетно-ядерной угрозе, а США за годы после подписания рамочного соглашения по различным каналам оказали КНДР помощь на сумму свыше 1 млрд долл. Но самое главное — события последних лет, включая визиты в Пхеньян спецпосланника президента США У. Перри (1999) и госсекретаря М. Олбрайт (2000), внесли важный положительный вклад в процесс раздemonизации в мировом общественном сознании образа КНДР и ее руководителя. Ким Чен Ир теперь

воспринимается международным сообществом как рассудительный и ответственный национальный лидер, а КНДР вступает в полосу дипломатического признания. Однако, принимая во внимание существующие ограничители темпов и масштабов сближения Вашингтона и Пхеньяна, в том числе объективно противоположные цели обеих сторон, надо полагать, что фундаментальный прорыв в американо-северокорейских отношениях в ближайшее время вряд ли возможен. Об этом свидетельствуют и сохраняющиеся расхождения в позициях сторон на «ракетных» переговорах, и сам факт отмены разрекламированного визита в Пхеньян американского президента.

Пхеньян также настораживают высказывания высокопоставленных американских пленных, которые нередко противоречат примирительной риторике представителей государственного департамента относительно готовности Вашингтона предоставить КНДР гарантии безопасности. Первые шаги республиканцев усилили подобные настроения. Широкий резонанс в Пхеньяне получили оценки, о которых сказал на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам 18 января 2001 г. тогда еще «без двух минут» новый госсекретарь США К. Пауэлл, назвавший Ким Чен Ира «диктатором» и отметивший, что Северная Корея по-прежнему обладает армией, которая «значительно превосходит мыслимые потребности в самообороне». Он призвал проявлять бдительность по отношению к ней и не допускать «спешки с целью нормализации двусторонних отношений».

В последовавшем вскоре заявлении северокорейского МИДа, охарактеризовавшего данные высказывания нового главы внешнеполитического ведомства США как «беспрецедентную хулиганскую выходку», отмечалось, что КНДР «ошеломлена такими высказываниями, посрамляющими ее достоинство». При этом МИД КНДР подчеркивал, что «мы ценим прогресс в отношениях с США, достигнутый путем переговоров с их разумными политическими деятелями и не думаем возлагать надежды на тех, кого не устраивает этот сдвиг. Но на нож мы ответим ножом, а на добрую волю — доброй волей»¹⁸.

В первых контактах нового руководства США и правительства РК проводилась мысль о необходимости дальнейшего усиления координации действий США, Японии и Южной Кореи в отношении КНДР на основе уважения достигнутых в последние годы результатов и вместе с этим их критического переосмысления. Все это позволило международным аналитикам прийти к выводу, что в развитии американо-северокорейских отношений неизбежна определенная пауза, которая может наложить свой отпе-

чаток и на динамику межкорейского диалога, несмотря на сохраняющуюся волю лидеров РК и КНДР поддерживать его и расширять.

КНР — Корейский полуостров

Прагматичная, тщательно выверенная внешнеполитическая линия КНР в 90-е гг. дала основания аналитикам журнала «Форин афферс» прийти к справедливому заключению, что «Китай вполне может считаться апостолом реальной политики в мире после “холодной войны”, гораздо меньше многих других склонным подчеркивать политические, культурные, идеологические различия в отношениях с иностранными государствами, и, в отличие от США, которые считают “расширение областей демократии” основным элементом своей стратегии, не стремящимся, за исключением, возможно, Северной Кореи, экспортировать свои идеи “рыночного социализма”»¹⁹.

Но и на Корейском полуострове политика Пекина отличалась взвешенностью и сбалансированностью, была подчинена прежде всего обеспечению национальных интересов Китая в этом регионе. После тщательного анализа ситуации Китайская Народная Республика пошла на установление дипломатических отношений с Республикой Корея, предварительно поставив в известность северокорейское руководство и проведя с ним соответствующую работу. После нормализации межгосударственных отношений торгово-экономические связи между Пекином и Сеулом, и до того достигшие значительного развития, получили мощный импульс: за 1992—1996 гг. товарооборот увеличился с 3,2 до 17 млрд долл., были зарегистрированы 6514 южнокорейских инвестиционных объектов в Китае с общим объемом капиталовложений почти 7 млрд долл.

Конечно, в Пхеньяне без восторга (хотя внешне спокойно) восприняли китайско-южнокорейскую нормализацию: внутри страны подчеркивались важные различия между «социализмом корейского типа» и «социализмом с китайской спецификой», был введен запрет на прослушивание корейскоязычных радиопрограмм, транслировавшихся из Пекина, прекращено распространение газеты «Жэньминь жибао», отозваны на родину корейские студенты, обучавшиеся в КНР. Пхеньян, в свою очередь, в сложившихся условиях счел целесообразным приступить к налаживанию торгово-экономических, туристических связей с Тайванем, открыть свое неофициальное представительство в Тайбэе. Но Пекин при этом последовательно проводил линию на сохра-

нение дружественных отношений с Пхеньяном, подчеркивал решимость укреплять сотрудничество с КНДР, высоко оценивал ее успехи в социалистическом строительстве, поддерживал ее линию в межкорейских отношениях и т. д. Ни Пекин, ни Пхеньян не подвергали сомнению жизненность Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1961 г. между двумя странами, не отказались от регулярного политического диалога, в ходе которого демонстрировалась общая приверженность социализму и проявлялась схожесть позиций по основным международным проблемам. КНР остается одним из крупнейших, а в 1994 г., когда объем товарооборота составил 600 млн долл., — главным торгово-экономическим партнером КНДР, по-прежнему на льготной основе поставляет ей нефть — 1,5 млн т, в 1993 г. предоставила 10 млн долл. в качестве безвозмездной помощи.

Незаменимость китайской поддержки Пхеньян в полной мере ощутил в период ядерного кризиса, когда КНР осталась единственной среди великих держав, отвергшей идею введения санкций, а тем более использования «иракского сценария» против КНДР. Объявив о готовности в случае необходимости применить свое право вето в Совете Безопасности ООН, КНР пыталась удерживать США, Японию и Россию от прямого силового давления на Северную Корею, но при этом однозначно высказывалась за соблюдение КНДР и РК статуса неядерных государств и полную денуклеаризацию Корейского полуострова. Отражением особой конструктивной роли Китая в решении проблем Корейского полуострова явился тот факт, что Пекин стал наиболее, если не единственно, приемлемым местом, где смогли начаться американо-северокорейские консультации в период наивысшего обострения ядерного кризиса, а также периодически проводиться рабочие встречи представителей КНДР и Японии по вопросам нормализации двусторонних отношений. Одновременно с этим спокойная, реалистичная линия Китая по ядерному вопросу произвела впечатление и на южнокорейское руководство, что способствовало поступательному развитию двусторонних отношений. В 1992 г. в Пекине побывал президент РК Ро Дэ У, в 1994 г. президент Ким Ён Сам, а в Сеуле — премьер Госсовета КНР Ли Пэн. В ходе первого в истории визита в РК председателя КНР Цзян Цзэминя в ноябре 1995 г. выявилось много точек соприкосновения по вопросам ослабления напряженности на Корейском полуострове и в регионе СВА, поддержки усилий двух корейских сторон в деле мирного объединения Кореи, а также в жестком осуждении лидерами двух стран попыток некоторых государственных деятелей в Токио обелить роль Японии в период колониаль-

ного правления в Корею и агрессии в Китае. (Накануне визита с неосторожными высказываниями на данную тему выступил, уволенный вслед за этим в отставку, начальник Административно-координационного управления Японии Т. Это.) В связи с указанным инцидентом на совместной пресс-конференции китайский лидер отметил, что «Япония должна иметь правильный взгляд на историю», а Ким Ён Сам заявил: «Мы исправим дурные привычки Японии».

Китайско-южнокорейские переговоры на высшем уровне показали, что КНР, развивая сотрудничество с РК, стремится сохранить и добрые отношения с КНДР. Во время визита премьера РК Ли Хон Гу в Пекин в мае 1995 г. его китайский коллега Ли Пэн не откликнулся на настойчивые просьбы гостя оказать влияние на Пхеньян в продвижении межкорейского диалога по южнокорейскому сценарию. Однако южнокорейское руководство стремилось использовать влияние Пекина на Пхеньян для достижения своих внешнеполитических целей. На третьем ежегодном корейско-китайском форуме, состоявшемся в условиях полного замораживания контактов между РК и КНДР после инцидента с северокорейской подводной лодкой, бывший премьер-министр РК Нам Дук У призывал Китай, так же, как это было в период одновременного вступления Северной и Южной Кореи в ООН и решения северокорейской ядерной проблемы, еще раз «энергично вдохновить Северную Корею на проведение экономических реформ, открытие собственной экономики и улучшение отношений с Южной Кореей»²⁰.

Новый этап китайско-южнокорейских отношений начался после визита в Пекин нового президента РК Ким Дэ Чжуна в ноябре 1998 г. Хозяину Голубого дома* действительно удалось превратить этот саммит в этапное событие. В результате подписания многочисленных соглашений были значительно расширены договорно-правовая база двусторонних отношений и китайско-корейское сотрудничество, до этого сконцентрированное в основном в торгово-экономической сфере. Наблюдатели отметили, что по объему подписанных соглашений и тщательности их подготовки тогдашний саммит можно сравнить только с советско-китайскими встречами в верхах в лучшие периоды отношений между Москвой и Пекином.

Принципиально важным итогом данных переговоров стала полная поддержка руководством КНР курса президента Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР, его политики «солнечного тепла».

* Резиденция президентов РК.

Это свидетельствовало о сближении позиций двух стран как относительно перспектив урегулирования ситуации на Корейском полуострове, так и региональных проблем СВА, о начале действительно «конструктивного партнерства» между Пекином и Сеулом.

Руководство КНР еще раз продемонстрировало, что рассматривает корейскую проблему через призму собственных национальных интересов на международной арене, где главной для него является задача обеспечить стабильную мирную обстановку по периметру китайских границ, в том числе не допустить возникновения кризисной ситуации на Корейском полуострове и вокруг него. Этим объяснялась и конструктивная роль КНР в решении ядерной проблемы в Корее, в результате чего Пекин еще более укрепил свои позиции на полуострове. Этим же стремлением к сохранению статус-кво в регионе объясняется и негативная оценка китайским руководством одностороннего отказа Пхеньяна от условий Соглашения о перемирии 1953 г. В департаменте печати МИД КНДР выразили удивление тем, что Пхеньян заранее не проинформировал своего союзника о «новой инициативе», и отметили, что Китай надеется на обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове и выступает за сохранение прежнего механизма обеспечения безопасности в этом регионе до тех пор, пока не будет создан новый, постоянно действующий. Несомненно, такой ровный, сбалансированный подход позволяет Китаю оставаться весьма влиятельной фигурой в урегулировании комплекса международных проблем, связанных с Корейским полуостровом. На это обстоятельство указывает известный американский специалист по Восточной Азии Ким Иль Бен, который приводит в пример всем заинтересованным державам КНР, сумевшую полностью нормализовать отношения с Сеулом, не ухудшив их с Пхеньяном²¹.

Японская печать отмечала, что Китай, сам пострадавший от стихийных бедствий и не имеющий возможности оказывать продовольственную помощь КНДР в таких же крупных масштабах, как раньше, продолжал все же предоставлять такую помощь «из политических соображений». В мае 1996 г. Пекин согласился поставить своему союзнику 500 тыс. т продовольствия (50% на безвозмездной основе, 50% — по «дружественным ценам»), и с осени через г. Дайдун в Северную Корею направились колонны грузовиков с углем, кукурузой и другими продовольственными товарами²².

Несмотря на распространившиеся в прессе спекуляции об охлаждении китайско-северокорейских отношений на основании

того факта, что в последние годы обмен визитами на высшем уровне между Пекином и Пхеньяном прекратился, а между Пекином и Сеулом продолжался, на самом деле именно КНР стала первой страной, которой руководители КНДР сообщали о своих дальнейших планах по ключевым вопросам. По информации токийской газеты «Санкэй симбун» 26—30 ноября 1996 г., «человек номер два» в руководстве КНДР Чан Сон Тхэк (так в тот период его назвала японская пресса) тайно посетил Пекин в качестве спецпосланника Ким Чен Ира. В ходе визита он сообщил, что по истечении трехлетнего траура после смерти Ким Ир Сена его сын намерен вступить на высшие партийные и государственные посты в КНДР, после этого посетить КНР, и что он, в свою очередь, приглашает китайских лидеров нанести визит в Пхеньян. Чан Сон Тхэк сообщил также о решении северокорейского руководства проводить экономические реформы с учетом китайского опыта²³.

Вышеотмеченные факты давали возможность заключить, что политика Китая на Корейском полуострове, направленная на закрепление и усиление его влияния в обоих корейских государствах в рассматриваемый период, проявила свою эффективность. Пекин поддерживал КНДР, которая традиционно является своеобразным буфером, отделяющим Китай от Южной Кореи и США. КНР подтвердила свою готовность противодействовать тенденциям, чреватым дестабилизацией своего союзника и силовым действиям против него со стороны его оппонентов, сдерживать планы Сеула по изоляции КНДР в надежде ускорить ее коллапс и осуществить объединение по собственному сценарию. Однако Китай при этом максимально расширял с РК торгово-экономическое сотрудничество.

Такого мнения придерживаются и некоторые авторитетные южнокорейские эксперты. Например, редактор крупнейшей газеты «Чунъан ильбо» Ким Ён Хве утверждал, что «Китай рассматривает Северную Корею как ключевой элемент в балансе сил в Северо-Восточной Азии с точки зрения китайской перспективы... а коллапс Северной Кореи или ее поглощение Южной Кореей будут означать для Пекина появление на Корейском полуострове проамериканского объединенного режима и наплыв числа северокорейских беженцев в Китай, что обострит проблемы меньшинств в северо-восточном Китае». В свете вышеозначенной перспективы Ким Ён Хве посчитал «достойными доверия сообщения о том, что Китай принял решение поставлять в Северную Корею ежегодно 500 тыс. т зерна и 1,3 млн т нефти в течение пяти ближайших лет»²⁴.

В отношении стратегических планов Пекина на Корейском полуострове существуют различные версии. Российские ученые А. Торкунов и Е. Уфимцев полагают, что достижение единства Кореи Пекин не устраивает, поскольку появление мощной, динамично развивающейся единой Кореи может подорвать его планы стать лидером в Восточной Азии и АТР²⁵. Такая точка зрения, на наш взгляд, интересна, но не бесспорна, хотя бы уже потому, что оставляет за рамками анализа такой принципиально важный фактор, как характер и содержание будущего режима объединенной Кореи и его внешней политики. Любопытной представляется точка зрения Т. Кристенсена в статье «Политические взгляды китайской элиты», опубликованной на страницах журнала «Форин афферс». Согласно его рассуждениям, фундаментальной предпосылкой, формирующей геополитические воззрения китайских военных и гражданских аналитиков, является исторически укоренившееся «утробное» недоверие к Японии и соответственно главную угрозу китайским планам в АТР представляет возможность ее ремилитаризации. В этих условиях Пекин в целом с удовлетворением воспринял то, что в своем докладе о стратегии в Восточной Азии, опубликованном в феврале 1995 г., Пентагон установил формально низкий уровень своего регионального военного присутствия с намерением его не превышать. То есть КНР не возражает против нынешнего 100-тысячного американского военного присутствия в Восточной Азии, включая Японию и Южную Корею, поскольку это удерживает Токио от каких-либо серьезных военных инициатив, потенциально представляющих большую угрозу будущему Китаю, чем современные вооруженные силы США, размещенные в регионе²⁶.

Как нам представляется, вполне убедительным выглядит заключение о том, что для Пекина более актуальной и тревожной видится задача сдерживания ремилитаризованной Японии, нежели объединенной Кореи. Хотя в ближайшей перспективе, и в этом можно согласиться с анализом, представленным в обоих подходах, главным объектом внимания китайских стратегов все же останется, видимо, поддержание стабильности и статус-кво на Корейском полуострове. При этом руководство КНР остается верным своему прагматичному курсу на сбалансированное развитие отношений с обеими частями Кореи. Вопреки возникшей среди некоторых сеульских политиков эйфории после ноябрьского саммита 1998 г., посчитавших, что им удалось поднять уровень и содержание своих отношений с Пекином выше современного состояния китайско-северокорейских связей, которые продолжали развиваться, с их точки зрения, лишь по инерции, пос-

ледний еще раз подтвердил, что, во-первых, рассматривает собственные отношения с Сеулом и Пхеньяном как независимые категории, имеющие самостоятельную ценность, и, во-вторых, видит в КНДР дружественное и союзное государство.

Свидетельством того стал пятидневный визит в КНР конституционного главы северокорейского государства, председателя Верховного народного собрания (ВНС) КНДР Ким Ён Нама, состоявшийся в начале июня 1999 г. Политические обозреватели сразу отметили, что это первый визит столь высокого уровня после 8-летнего перерыва. Полномасштабность двустороннего сотрудничества на современном этапе и окончательность преодоления некоторого взаимного недопонимания последних лет были подчеркнуты теми фактами, что председатель Ким Ён Нам был тепло принят всеми высшими руководителями КНР; находящиеся в составе его внушительной делегации из 50 человек премьер-министр Хон Сон Нам, министры иностранных дел Пэк Нам Сун и обороны Ким Иль Чхоль провели обстоятельные самостоятельные переговоры с их китайскими визави. Председатель ВНС посетил, помимо Пекина, Шанхай — витрину китайских рыночных реформ, что было воспринято как признание руководством КНДР успеха китайского курса реформ и открытости. Главными же результатами визита стало соглашение о предоставлении Китаю Пхеньяну помощи в размере 150 тыс. т зерна и 400 тыс. т коксующихся углей, а также решение об открытии второго консульства КНДР на территории КНР — в Гонконге. Но, наверное, самое важное значение этих встреч, в ходе которых было немало сказано о прочности китайско-корейской дружбы, основанной Мао Цзедунем и Ким Ир Сеном, заключалось в том, что они стали подготовительным шагом к первому визиту в КНР и за рубеж в целом главы КНДР Ким Чен Ира.

Примечательным фактом, отражавшим как новый характер китайско-южнокорейских отношений, так и общий курс нынешнего руководства РК на оздоровление международной обстановки вокруг Корейского полуострова, стала положительная реакция Голубого дома на данный визит высокого северокорейского гостя в Пекин. По сообщению «Кореа Геральд» 8 июня 1999 г., министр иностранных дел и торговли РК Хон Сун Ён заявил, что «Сеул не только не обеспокоен улучшением связей между Северной Кореей и Китаем, но и приветствует их развитие» и надеется на то, что Пекин передаст гостям из Пхеньяна искреннее пожелание Сеула проводить политику «вовлечения» Северной Кореи в диалог. Любопытно, что менее чем через год, 25 мая 2000 г., г-н Хон, став послом РК в Пекине, получил возмож-

ность на практике реализовывать идеи руководства своей страны в плане развития китайско-корейских отношений.

Визиты Ким Чен Ира в Китай состоялись в мае 2000 г. и в январе 2001 г. — оба неофициальные, о них было объявлено только после их завершения. Сам факт, что никуда до сих пор не выезжавший руководитель Северной Кореи совершил две свои первые зарубежные поездки именно в Пекин и Шанхай соответственно с интервалом всего в 7 месяцев, говорит о многом. Они были восприняты всеми как знаковые события в отношениях между КНДР и КНР. Это были первые встречи северокорейского лидера с руководством Китая после смерти Ким Ир Сена, которые во многом определили направление развития политического диалога между двумя странами. Знакомство состоялось. Пхеньяну и Пекину, по всей видимости, удалось преодолеть отчужденность, возникшую между ними после дипломатического признания Китаем Сеула в 1992 г. Пойдя на проведение встреч на высшем уровне, каждая из сторон, естественно, преследовала свои цели. В Пхеньяне рассчитывали на очередную солидную помощь от Китая, которая позволила бы КНДР ослабить остроту переживаемого страной экономического кризиса. Для китайцев было важно наладить личные контакты с Ким Чен Иром, с тем чтобы прояснить планы последнего относительно направления развития экономической ситуации в КНДР, а также оценки международной ситуации северокорейским руководством, в частности его подход к отношениям с Вашингтоном и Сеулом.

Обе стороны постарались произвести благоприятное впечатление друг на друга. Ким Чен Ир впервые официально дал позитивную оценку проводимой КПК политике «реформ и открытости», хотя при этом подчеркнул, что КНДР будет продолжать курс на строительство «социализма с корейской спецификой». В свою очередь Цзян Цзэминь положительно отозвался о принимаемых ТПК мерах по преодолению социально-экономических трудностей, поддержал достигнутые межкорейские договоренности, особенно результаты саммита Севера и Юга Кореи, состоявшегося в июне 2000 г.²⁷ Как и прежде, подчеркивалась необходимость сохранения линии на укрепление «особых отношений» между КНДР и КНР. В этом контексте китайское руководство выдвинуло ряд предложений, призванных активнее развивать двустороннее сотрудничество. Были выделены пять приоритетных направлений — обеспечение регулярности встреч на высшем уровне, активизация межпартийных связей, усиление взаимодействия на международной арене, повышение эффективности торгово-экономического сотрудничества, расширение свя-

зей между северокаорейскими и китайскими молодежными, общественными организациями и в целом обмена людьми.

Следует отметить, что если в области двустороннего торгово-экономического сотрудничества перелома пока не произошло (товарооборот между КНР и КНДР вырос в 2000 г. на 11% и составил около 400 млн долл. — третье место после Японии и РК в тройке ведущих торговых партнеров КНДР), то в области гуманитарных обменов был достигнут впечатляющий прогресс. Достаточно сказать, что поток только китайских туристов в Северную Корею в 2000 г. составил 5000 человек. В данном контексте необходимо указать на высокую активность китайского мелкого и среднего бизнеса в приграничных районах Северной Кореи, особенно в свободной торгово-экономической зоне Расон, до 2000 г. называвшейся СТЭЗ Раджин—Санбон. В ней на постоянной основе находятся до двух тысяч бизнесменов из КНР, сформировавших до определенной степени китайское лицо данного специального экономического района, созданного для привлечения капиталов со всего мира.

Пхеньян в октябре 2000 г. продемонстрировал подчеркнуто радушный прием военной делегации КНР во главе с министром обороны Чи Хаотянем, прибывшей на празднование 50-летия вступления китайских добровольцев в Корейскую войну. Делегация, в состав которой входило более 20 генералов, главным образом участников Корейской войны и родственников видных китайских политиков и военачальников, была принята Ким Чен Иром. Северокорейский лидер был доброжелателен, подчеркивал важность продолжения традиций, заложенных старшим поколением руководителей. Вместе с этим нельзя не обратить внимание и на то, что в отношениях КНДР — КНР сохранялась некоторая натянутость. Имеются признаки, свидетельствующие о том, что Китай, видимо, стал тяготиться ролью добровольного донора, и в Пекине начинают сигнализировать пхеньянскому руководству, что ожидают коррективов в экономической стратегии КНДР. Возможно, в какой-то степени ответом на это (наряду с другими мотивами) и стал столь скорый и повторный визит Ким Чен Ира в Китай, и именно в Шанхай — сердце и полигон китайской экономической реформы. Здесь в сопровождении главы китайского правительства Чжу Жунцзи северокорейский лидер ознакомился с опытом крупнейшего мегаполиса КНР по использованию иностранных инвестиций, посетил биржу и местный вариант «Силиконовой долины» — новый индустриальный район Пудун, где производится высокотехнологичная продукция и т. д.

Факт столь плотного и заинтересованного в течение четырех дней знакомства Ким Чен Ира с шанхайским вариантом рыночных преобразований в Китае дал почву не только многим обозревателям в мире для далеко идущих прогнозов, но и основание президенту РК Ким Дэ Чжуну заявить на совещании по вопросам безопасности 17 января 2001 г., что КНДР находится на пороге «больших перемен» и пойдет по пути рыночных реформ, оставаясь при этом закрытым государством. Вместе с тем аналитики отмечали, что в центре внимания в ходе неофициального северокорейско-китайского саммита были не только вопросы экономического сотрудничества, но и ключевые международные проблемы: перспективы развития межкорейского диалога, включая подготовку предстоящего ответного визита Ким Чен Ира в Сеул, возможную координацию действий в случае реализации республиканской администрацией Дж. Буша более жесткого подхода к обоим (КНДР и КНР) соседним государствам и др. Еще раз было подтверждено, что Северная Корея воспринимает КНР как важный фактор региональной стабильности и противовес доминированию США в районе Восточной Азии. В Китае также хорошо понимают, что потеря КНДР и вместе с ней всей Кореи будет означать его поражение в геополитическом противоборстве с Вашингтоном.

Таким образом, есть все основания заключить, что на рубеже двух столетий отношения между КНР и КНДР получили новый серьезный импульс и при всех сохраняющихся шероховатостях вышли на более высокий уровень, что является безусловным успехом обеих сторон. Однако, принимая во внимание стратегическую задачу Пекина по укреплению пояса безопасности вдоль всего периметра собственных границ, представляется важным подчеркнуть, что этот результат должен вызывать в столице КНР особое удовлетворение. Одновременно Пекин оставался верен своей прагматичной линии на развитие сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами. Ликвидировав некоторое отставание на северокорейском азимуте, он не забывал и о южном направлении. Хотя на политическом поле связи с Сеулом не были отмечены в эти годы столь яркими событиями (среди них стоит отметить визиты министра обороны КНР Чи Хаотяня в Сеул в январе 2000 г. и главы министерства иностранных дел и внешней торговли РК Ли Чон Бина в Пекин — в апреле), их экономическая составляющая достигла новых рекордов. Двусторонний товарооборот в 2000 г. составил 30 млрд долл.

В итоге руководство КНР, обеспечив на рубеже эпох здоровые, развитые отношения с обоими корейскими государствами,

может без особой тревоги смотреть в будущем на свое присутствие на Корейском полуострове даже при условии возможного нарастания конкурирующих и конфронтационных элементов в отношениях с США.

Япония — Корейский полуостров

В 1990-е гг. Япония продемонстрировала подчеркнуто осторожный и осмотрительный подход к урегулированию проблем Корейского полуострова. Можно согласиться с мнением Мо Чон Руна, профессора сеульского университета Йонсе, высказанным им на международной конференции в Веллингтоне в декабре 1996 г., что, хотя Токио имеет потенциал для влияния на ситуацию на полуострове не только в экономической области, но и в сфере безопасности, Япония все же выбрала подход низкой вовлеченности, в отличие от других держав, связанных с корейской проблемой, и, сделав ставку на сохранение стабильности на полуострове, воздерживается от каких-либо инициатив. Разумеется, осторожность Японии по отношению к проблемам Корейского полуострова вовсе не означает пассивность ее политики в этом направлении.

В те годы «особые» отношения между Токио и Сеулом продолжали углубляться, чему способствовали визиты в Японию президентов РК Ро Дэ У в 1992 г. и Ким Ён Сама в 1994 г. С середины 1990-х гг. эти «особые» отношения стали распространяться и на ту деликатную сферу, на которой государственные деятели обеих стран предпочитают не акцентировать внимание общественности и о которой политологи разных стран уже давно говорили как о недостающем звене для завершения формирования военно-политического треугольника США — Япония — Южная Корея. Речь идет о сотрудничестве в военной и военно-технической областях.

В октябре 1995 г. японская печать сообщила о том, что УНО Японии приняло решение о проведении переговоров с Республикой Корея по вопросам совместной разработки вооружений и экспорта туда японского оружия в ответ на предложение Сеула начать переговоры об обмене информацией и взаимных поставках оружия. Ранее министерство внешней торговли и промышленности и объединение компаний-производителей вооружений обратились к правительству Японии с просьбой отменить для дружественных государств действующий запрет на предоставление другим странам информации, касающейся вооружений и военных технологий, в котором до того было сделано исключение только для США. При этом в печати отмечалось, что Токио

принял данное решение, исходя из установки на то, что японо-южнокорейская кооперация в области военной техники будет способствовать укреплению структуры трехстороннего сотрудничества Вашингтон — Токио — Сеул на Корейском полуострове, а также будет способствовать углублению доверия между Японией и Южной Кореей в области безопасности²⁸.

Подобный подход импонирует и ученым из сеульского Института международных отношений и национальной безопасности при МИД РК, которые подчеркивают: «Наступает время для создания многосторонней структуры азиатско-тихоокеанской безопасности, включающей США, Японию и Корею»²⁹. Симптоматично, что на переговорах Ким Ён Сама и Р. Хасимото, состоявшихся в рамках встречи глав стран — членов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (ТЭС) на Филиппинах в декабре 1996 г., вновь было подтверждено «совпадение мнений по поводу того, что РК, Япония и США будут усиливать координацию их политики в отношении Северной Кореи»³⁰. Все это свидетельствует об углублении японо-южнокорейского сотрудничества, однако не устраняет имеющиеся между двумя странами довольно многочисленные трудности и разногласия, препятствующие более быстрому их сближению. Яркие тому примеры — вспышки антияпонских настроений на Юге в связи с противоположными оценками периода японского колониального господства в Корее, а также вновь (и в весьма драматических формах) начавшийся в феврале 1996 г. давний японо-корейский спор о принадлежности острова Токто-Такэсима³¹. Серьезную тревогу вызывает в Сеуле постепенно набирающая силу тенденция к расширению роли Японии в вопросах, касающихся международных отношений и безопасности в Азии, нашедшая проявление, в частности, в некоторых высказываниях премьер-министра К. Миядзавы, обнародованных в январе 1993 г. и давших основание «ряду американцев и корейцев подозревать Японию в стремлении к мировому лидерству»³².

Желание Токио привести свою политико-стратегическую роль на Дальнем Востоке и в целом в АТР в соответствие с экономической мощью нашло отражение в новой редакции договора безопасности между США и Японией — Японо-американской декларации о союзе по безопасности на XXI век, провозглашенной Б. Клинтон и Р. Хасимото в апреле 1996 г. Средства массовой информации Южной Кореи, Японии и других стран увидели в подписанном документе «решающий прорыв в сфере японо-американского военного сотрудничества и переход партнерских отношений в этой области в качественно новую фазу, в которой

область взаимодействия вооруженных сил двух стран выйдет за рамки двустороннего договора безопасности и расширится до размеров всего АТР» при повышении в этом сотрудничестве роли японского компонента³³. Многие японские аналитики связывали происходящие перемены с проблемами Корейского полуострова. Газета «Майнити», например, утверждала, что «укрепление стратегического альянса между Токио и Вашингтоном настоятельно диктуется беспокойной обстановкой на Корейском полуострове, неопределенностью направления развития ситуации в регионе после возможного объединения двух корейских государств и, наконец, действиями Китая»³⁴.

Неудивительно, что такие факты вызвали беспокойство не только у Сеула, но и у правительств многих стран АТР. Бывший в тот период министром иностранных дел РК Кон Ро Мён выступил с заявлением, в котором, в частности, подчеркнул, что «расширение военных функций Токио будет препятствовать сохранению стабильности в Северо-Восточной Азии». Еще более откровенно высказался будущий преемник на этом посту Хан Сын Джун: «Южная Корея и другие страны региона рассматривают декларацию как зеленый свет для интервенции Японии в проблемы безопасности региона»³⁵. После этого в Сеул сразу же были направлены японские эмиссары для разъяснения содержания «декларации» и содействия его правильному пониманию. Однако эксперты «мозгового центра» министерства обороны РК — Корейского института оборонного анализа (KIDA), на наш взгляд, вполне обоснованно пришли к выводу о том, что в создавшихся условиях «Япония приобретет внушительные военные возможности и в рамках новых договоренностей в области безопасности с США получает новые каналы и усиливает рычаги прямого контроля и влияния на Корею, тогда как ранее ее участие было опосредовано корейско-американским договором безопасности, и это может привести к региональной нестабильности и поставит Корею в особенно трудное положение»³⁶.

Южнокорейские ученые при этом справедливо отмечали, что современные международные отношения после окончания «холодной войны» потенциально благоприятствуют обострению двусторонних разногласий, так как в условиях «исчезновения советской угрозы и спланивающей идеологической антикоммунистической мотивации обе стороны начинают фокусировать свое внимание друг на друге как на потенциальной угрозе»³⁷. В данном контексте в новом свете предстали и проблемы экономических взаимоотношений двух стран. Профессор Мо Чон Рун в докладе на конференции в Веллингтоне с огорчением отмечал, что хотя

Южная Корея не хочет находиться под бременем японских инвестиционных товаров и оборудования и тому подобного и прилагает максимум усилий, чтобы избавиться или уменьшить экономическую зависимость от Японии, однако эта зависимость остается из-за огромного торгового южнокорейского дефицита, который Япония не желает устранять. Изложенные выше причины заставляют сеульских стратегов строить «устремленные в будущее» отношения с Японией, во-первых, на базе укрепления трехстороннего партнерства с США и акцентирования внимания на посреднической роли Вашингтона как регулятора взаимоотношений двух его дальневосточных союзников и, во-вторых, стараясь максимально интегрировать эти отношения в региональную и глобальную структуры сотрудничества, видимо, с той целью, чтобы сузить области, в которых корейцы и японцы могли бы оказаться «с глазу на глаз».

В рассматриваемый нами период прошли свой путь неравномерного развития и японо-северокорейские отношения. Начало 1990-х гг., отмеченное прогрессом в межкорейском диалоге и общим ослаблением напряженности на Корейском полуострове, стало этапом продуктивного развития связей между Токио и Пхеньяном. С 28 сентября 1990 г., когда состоялась первая в истории встреча делегаций правящих партий двух стран, завершившаяся принятием Трехпартийной совместной декларации (Трудовой партии Кореи, Либерально-демократической и Социалистической партий Японии), и до 5 ноября 1992 г. были проведены восемь раундов переговоров на уровне заместителей министров иностранных дел, направленных на нормализацию межгосударственных отношений.

Данная серия переговоров не увенчалась положительными результатами. Стороны обсудили широкий круг проблем и выявили основные разногласия в подходах к вопросу о нормализации двусторонних отношений. КНДР, отвергая какие-либо предварительные условия, настаивала на первоочередности возобновления официальных связей, на включении в текст будущего соглашения об установлении дипломатических отношений официальных извинений японского правительства за колониальное прошлое, а также пункта об обязательстве Японии не стремиться к гегемонии в Корее, требовала согласия Токио выплатить Пхеньяну компенсацию за нанесенный Корее в прошлом материальный ущерб, признания корейско-японских договоров 1905 и 1910 гг. несправедливо заключенными и т. д. Япония же в качестве предварительного условия нормализации выдвигала требование полного урегулирования КНДР ядерной проблемы, пред-

лагала считать вышеназванные договоры законными, вопрос о компенсации рассматривать в рамках «имущественных претензий» и только за период до освобождения Кореи, не включая в него последующие годы, на чем настаивал Пхеньян.

В условиях обострения кризиса, связанного с ядерной программой Северной Кореи, переговоры были прерваны до 30 марта 1995 г., когда японская делегация прибыла в Пхеньян и достигла там соглашения о возобновлении переговоров, но их начало задерживалось из-за нежелания Северной Кореи возобновить переговоры с Южной Кореей. Главной причиной для пересмотра позиции Токио в данном вопросе стал прорыв в американо-северокорейских отношениях после заключения рамочного соглашения в Женеве и опасения Японии «слишком отстать» от остальных участников процесса обретения Пхеньяном нового места в изменяющейся системе региональных отношений. Сразу же после подписания соглашений между США и КНДР в Куала-Лумпуре в июне 1995 г. премьер-министр Японии Т. Мураяма выразил сожаление по поводу отсутствия у его страны дипломатических соглашений с КНДР³⁸. После этого Токио предпринял серию шагов, направленных на возобновление переговоров. С конца 1995 г. Япония на регулярной основе участвует в конфиденциальных встречах с официальными лицами КНДР, посвященных данной проблеме. В марте 1996 г. Пхеньян посетила с этой миссией делегация Института международных отношений при МИД Японии, а затем делегация Института проблем мира и разоружения при МИД КНДР нанесла ответный визит в Токио. Переговорный процесс, видимо, продвинулся достаточно далеко, и японское руководство сочло целесообразным направить летом 1996 г. председателя Политического координационного комитета ЛДП Д. Ямазаки в Сеул с целью заручиться пониманием южнокорейской стороны необходимости возобновления переговоров Японии с Северной Кореей³⁹. Посредством такой активности Токио был намерен извлечь пользу из более благоприятного климата для сближения с КНДР, возникшего, по его мнению, после выдвижения совместной американо-южнокорейской инициативы о четырехсторонних переговорах по урегулированию корейской проблемы, участвовать в которых его, так же как и Москву, не пригласили, и тем самым найти свое место в процессе изменения баланса влияния вовлеченных в проблемы Корейского полуострова держав.

Нельзя не отметить, что в условиях незначительного сотрудничества в торгово-экономической области по официальной линии экономические связи между Японией и КНДР на частном

уровне получили в последние годы некоторое развитие. Роль локомотива в реализации подобных связей играют корейские соотечественники, проживающие в Японии. Основную позицию в отношениях с КНДР занимает четко структурированная и располагающая значительными финансовыми возможностями организация «Чхонрён», состоящая из японских граждан корейской национальности и объединяющая в настоящее время более 200 тыс. человек. В КНДР в то время насчитывалось примерно 130 совместных предприятий с участием иностранного капитала: из них 82 северокорейско-японские, 90% которых были представлены капиталом именно корейских соотечественников в Японии. В создаваемой КНДР свободной торгово-экономической зоне Расон к 1996 г. были заключены свыше 50 контрактов с иностранными инвесторами, большую часть которых опять же составляли корейцы из Японии, преимущественно связанные с «Чхонрён». При этом хорошо известно, что «Чхонрён» является не только каналом экономического сотрудничества между двумя странами, но и на протяжении уже многих лет осуществляет также иные, нередко весьма деликатные миссии в КНДР.

Активное развитие прямого американо-северокорейского диалога и намерение Японии последовать в этом примеру США, естественно, всерьез встревожило Сеул и стали раздражающими факторами в его отношениях с ближайшими партнерами. В таких условиях проявилась эффективность упоминавшегося выше механизма трехсторонних консультаций между США, Японией и Южной Кореей, в рамках которых они вырабатывают согласованный курс в отношении КНДР. Примером координации действий трех государств может служить выработка их позиции по оказанию продовольственной помощи Северной Корее, пострадавшей от разрушительных наводнений в середине 1990-х гг. Первоначально Япония попыталась самостоятельно предоставить КНДР продовольствие, продать рис в кредит по низким процентным ставкам, чтобы таким образом получить важный дополнительный канал воздействия на эту страну для решения своих политических задач. Однако Сеул предпринял энергичные шаги, заблокировав инициативу Токио. Министр иностранных дел РК Кон Но Мён заявил в парламенте своей страны 30 мая 1995 г., что Японии следует поставлять рис в КНДР только после того, как последняя примет сначала рис из Южной Кореи, ибо в противном случае будут подорваны усилия Юга по решению северокорейской ядерной и других проблем Корейского полуострова. В итоге Сеул убедил своих партнеров в необходимости увязки предложений о предоставлении продовольственной помощи Пхеньяну с требо-

ванием о возобновлении межкорейского диалога, получением его согласия на участие в четырехсторонних переговорах по Корее и проведение им ряда внутривластных реформ.

В результате такого подхода к попавшим в бедственное положение соотечественникам в северной части Кореи, который действительно было трудно назвать гуманным и искренним, руководство КНДР объявило об отказе получать гуманитарную помощь на подобных условиях. В феврале 1996 г. постоянный представитель КНДР в ООН Пак Киль Ён, выразив признательность всем странам за оказанное ими гуманитарное содействие, заявил, что его страна «более не рассчитывает на него и не просит о дополнительной помощи» из-за непрекращающихся попыток «враждебных сил» осуществлять вмешательство во внутренние дела. При этом он подчеркнул, что «Япония и Южная Корея фактически занялись блокированием международной гуманитарной помощи», используя ее предоставление для получения политических выгод⁴⁰. Пересмотр позиции Токио по данному вопросу был подтвержден министром иностранных дел Японии Ю. Икэда в интервью газете «Майнити» в декабре 1996 г. Глава внешнеполитического ведомства сообщил, что Токио намерен продолжать оказывать продовольственную помощь КНДР в рамках соответствующих программ ООН, но «осуществление программы помощи на двусторонней основе» при существующей сейчас ситуации на Корейском полуострове не представляется возможным⁴¹.

Нерешенные проблемы в отношениях между Японией и КНДР заблокировали в тот период нормализацию межгосударственных связей. Вместе с тем с середины 1990-х гг. стремление Токио все же решить данную проблему и укрепить свои позиции в обеих частях Корейского полуострова обозначилось вполне отчетливо и поэтому можно было ожидать, что при благоприятных условиях это может реализоваться. Последующие события во многом подтвердили обоснованность такого прогноза. Новый президент РК Ким Дэ Чжун, провозгласивший главной целью своей внешней политики в первый год президентства вывести отношения РК с четырьмя державами, исторически вовлеченными в корейскую проблему (США, КНР, Россия, Япония), на новый, более высокий уровень посредством личных встреч с лидерами указанных государств, проявив творческий подход, настойчивость и политическую волю, действительно сумел добиться немало.

Это в полной мере относится и к современным японо-южнокорейским отношениям. Визит Ким Дэ Чжуна в Токио в октябре 1998 г. многие журналисты назвали историческим. Действительно, в принятую по итогам визита Совместную декларацию о но-

вом партнерстве между РК и Японией, обращенном в XXI век, впервые в письменной форме были включены извинения Японии за преступления, совершенные в период японского колониального правления в Корее, что крайне важно для будущих двусторонних отношений. («Исключительность» дипломатического успеха Ким Дэ Чжуна в этой деликатной сфере отчетливо проявилась спустя два месяца, когда в ходе визита в Японию главы КНР Цзян Цзэминя Токио отказался выразить аналогичные извинения китайскому народу.) Не менее важными оказались и остальные результаты визита. По его итогам был принят план действий, который детализировал более 40 конкретных областей сотрудничества. В частности было выражено стремление двух сторон поднять на новый уровень контакты в области безопасности и обороны, зафиксированы договоренности о снятии корейской стороной запрета на распространение в Республике Корея достижений японской культуры, в том числе ее кинематографа, расширении обмена студентами и т. д. По всеобщему мнению обозревателей, в ходе данного визита Токио и Сеул сделали важный шаг в сторону более зрелого партнерства, охватывающего не только сферу двусторонних отношений, но и широкий круг региональных проблем.

Дальнейший ход событий показал, что октябрьский 1998 г. саммит стал действительно краеугольным камнем в отношениях между двумя странами и придал мощный импульс сотрудничеству между ними. Если до этого японский премьер в течение трех лет не посещал РК, то теперь следующая встреча в верхах произошла всего через четыре месяца, когда премьер-министр К. Обути нанес официальный визит в Сеул в марте 1999 г. Политические обозреватели пришли к выводу, что к числу событий, ставших символом развития достигнутых в Токио договоренностей о распространении двусторонних контактов на широкий спектр неполитических областей, можно отнести и тот факт, что К. Обути явился первым в послевоенной Японии, кто выступил с лекцией в одном из центральных сеульских университетов, и что именно здесь он выдвинул инициативу создания в дополнение к АТЭС северо-восточной азиатской свободной торговой зоны, а также заявил, что Япония и РК призваны сыграть центральную роль в азиатской свободной экономической зоне XXI века, которая должна подняться на уровень Европейского Союза. Справедливости ради надо отметить, что этот первый опыт «хождения японского премьера в корейский народ» прошел не безоблачно. И если одна часть студентов университета «Корё» внимательно его слушала, то другая, сдерживаемая перед центральными воротами мощны-

ми кордонами полиции, громко протестовала под традиционными антияпонскими лозунгами, в результате чего К. Обути был вынужден воспользоваться не парадным, а запасным входом в университетский кампус.

Важнейшими политическими и экономическими результатами этого саммита, с точки зрения администрации Ким Дэ Чжун-на, стало следующее:

во-первых, в политической области японский премьер в условиях нарастания скрытого скептицизма в правящих кругах США в отношении политики «солнечного тепла» (хотя и «в принципе») поддержал курс южнокорейского президента на вовлечение Северной Кореи в диалог и к удовлетворению корейских коллег по переговорам заявил о намерении Японии улучшить отношения с Пхеньяном и даже установить с ним неофициальные контакты;

во-вторых, в экономической области Япония (по сообщению «Кореа геральд» 22 марта 1999 г.), которая из-за отсутствия энтузиазма своих бизнесменов к вложению их капиталов в РК пока обеспечивает только 5% от общего объема иностранных инвестиций в этой стране, согласилась продолжать экономическую помощь Корею по преодолению кризиса. Во время этого визита было подписано соглашение о предоставлении экспортно-импортным банком Японии льготного низкопроцентного (2,4% годовых) кредита в 1 млрд долл. Корейскому банку развития сроком на 7 лет.

Не менее важным событием, учитывая усиливающиеся в последнее время, прежде всего в США, сомнения в целесообразности продолжения реализации проекта КЕДО, стало после некоторых задержек подписание Японией контракта, гарантирующего его финансирование программы строительства легководных реакторов в Северной Корею в объеме 1 млрд долл., о чем сообщила «Кореа геральд» 5 мая 1999 г. 4 мая 1999 г. та же газета сообщила о новой любопытной инициативе Токио, свидетельствующей о дальнейшей активизации его «корейской политики». На встрече с Б. Клинтоном в мае 1999 г. К. Обути предложил расширить ведущиеся в настоящее время двусторонние американо-северокорейские переговоры по ядерно-ракетной и иной проблематике стратегического характера до четырехстороннего формата за счет подключения к ним Японии и РК. Нельзя не отметить новизну и даже неожиданность такого подхода. По всей видимости, это первое предложение по многостороннему урегулированию корейской проблемы, выдвинутое в последние годы и не предусматривающее участие в нем не только России, но и Китая.

Главной же сферой двустороннего сотрудничества, развитию которой октябрьский саммит 1998 г. дал мощный импульс, стала военно-политическая. Как известно, низкий уровень взаимодействия между Японией и РК в данной области долгое время считался чуть ли не единственным фактором, сдерживающим оформление тройственных связей между Вашингтоном, Токио и Сеулом в официальные союзнические отношения. Похоже, что в 1999 г. два дальневосточных соседа решили форсировать процесс ликвидации данного пробела и сумели в короткий срок вывести военно-техническое сотрудничество между собой на принципиально новый уровень.

Активизировались военные обмены между представителями всех родов войск: в марте 1999 г. Корею посетила группа из 20 офицеров сухопутных частей сил самообороны Японии, которые впервые занимались в РК непосредственной военной подготовкой. Ответный визит их корейских коллег был запланирован на следующий год. Во время четырехдневного визита генерала Ю. Хираока, начальника штаба японских ВВС, в мае 1999 г. в Сеул он договорился со своим корейским коллегой генералом Пак Чун Тэком расширить взаимные обмены и усилить взаимодействие ВВС двух государств. И, наконец, главное — то, что не могли представить себе еще год назад даже самые убежденные сторонники военного сближения в обеих странах, — Токио и Сеул договорились провести в августе 1999 г. в районе острова Чечжудо первые в истории совместные двусторонние военноморские маневры с участием авиации⁴². Кроме того, ускорилось организационное формирование военного сотрудничества: в 1999 г. были проведены первые консультации и подписано соглашение о сотрудничестве в области безопасности между силовыми структурами приморских провинций двух стран; в мае были одновременно установлены три линии горячей связи между министерством обороны РК и УНО Японии, командованием ВВС и ВМС двух стран на основе соглашения, достигнутого в ходе визита в Сеул главы японского военного ведомства в январе 1999 г.⁴³

Необходимо отметить, что во всех названных случаях при обосновании подобных действий неизменно присутствовал тезис о более тесном координировании усилий двух стран в деле нейтрализации угрозы со стороны Северной Кореи, противодействии проникновению северокорейских подводных и надводных кораблей в воды Японии и РК. У аналитиков это невольно вызывает некоторые ироничные рассуждения: неужели в Сеуле и Токио угроза со стороны одинокой и ослабленной многочисленными экономическими проблемами и продовольственными трудностями

КНДР воспринимается всерьез и расценивается опаснее, чем «советская угроза» времен СССР и «холодной войны», раз они теперь решили укреплять многостороннее сотрудничество. Во всяком случае, в апреле 1999 г. официальный Сеул с меньшей озабоченностью, чем это было ранее, встретил принятие очередного билля японским парламентом, узаконивающего более широкую военную роль Токио в рамках новой редакции американо-японского союза и допускающего участие японских сил самообороны в некоторых военных операциях (использование минных тральщиков, разведывательные операции, тыловая поддержка и т. д.) в случае возникновения конфликта на Корейском полуострове.

Усиливающееся сотрудничество между Токио и Сеулом стало, по-видимому, одной из необходимых предпосылок возможного оформления (ставших уже регулярными) трехсторонних консультаций между США, Японией и Южной Кореей на уровне глав внешнеполитических и военных ведомств. Как сообщила «Кореа геральд» 27 апреля 1999 г., руководство этих трех стран на встрече своих высокопоставленных представителей в Гонолулу 23—25 апреля решило создать Трехстороннюю координационную наблюдательную группу (TCOG)* с целью систематической координации их «северокорейской политики». Группа должна собираться на высоком официальном уровне не реже одного раза в три месяца. Такое решение представляется нам важным практическим шагом на пути окончательного оформления тройственного военно-политического союза в составе США, Японии и Республики Корея.

Вместе с этим нельзя не отметить, что в целом в конце последнего десятилетия XX века корейское направление политики Японии, прежде всего ее северное измерение, выделялось сверхконсерватизмом. Даже в отношениях с Сеулом, которые после вышеотмеченных саммитов продолжали оставаться на подъеме и обогащаться новым содержанием**, Токио пытался

* TCOG — Trilateral Coordination Oversight Group. Обращает на себя внимание интенсивность консультаций в рамках созданного механизма: только в течение первых двух месяцев после его образования высокопоставленные официальные лица трех государств встречались трижды — 24 мая в Токио, 29 мая в Сеуле и 25 июня в Вашингтоне.

** В 2000 г. Токио посетили: президент РК Ким Дэ Чжун — дважды (апрель, сентябрь); глава МИД ВТ РК Ли Чжон БИН (октябрь); министр обороны РК Сон Тхэ (май). В Сеуле побывали премьер-министр Японии Е. Мори (май); министр иностранных дел Е. Коно — дважды (март, июль); министр образования Х. Накасонэ — впервые после установления дипломатических отношений между двумя странами (март). Данный визит, так же, как и приглашение МИД ВТ РК

первоочередное внимание придать вопросам усиления координации действий «тройки» (США — Япония — РК) в отношении КНДР, не скрывая своих намерений удерживать партнеров от «поспешных» шагов на пути нормализации их связей с последней.

Японо-северокорейские отношения в эти годы находились в застое. Одной из главных причин, видимо, следует считать аккумуляровавшийся в себе и уязвленный национальный престиж и осознание собственной незащищенности, глубокий психологический шок, в котором оказались японское общество и его правящая элита в связи с запуском КНДР искусственного спутника Земли (по трактовке Пхеньяна), а по трактовке Токио, испытанием баллистической ракеты. Нельзя сказать, что сторонами не предпринимались попытки возобновить переговорный процесс. Но ни встреча министров иностранных дел двух стран в Бангкоке в июле 2000 г., ни три тура межправительственных переговоров в том же году не продвинули диалог между ними.

Пхеньян, расценивая как недостаточные извинения, которые высказал японский премьер Т. Мураяма в 1995 г., настаивает на ликвидации «наследия прошлого» и отвергает японскую формулу «подведения черты под прошлым», использованную в случае урегулирования схожей ситуации с Сеулом в 1965 г., когда установление дипломатических отношений «обменяли» на массивную экономическую помощь РК. В рамках северокорейского подхода к Токио выдвигаются требования официального признания им ответственности за последствия оккупации Кореи, возмещения материального ущерба всем пострадавшим, включая корейцев, проживающих в Японии, предоставления им «достойного» статуса, возвращения вывезенных из Кореи культурных ценностей.

Серьезным раздражителем в двусторонних отношениях остаются настойчивые попытки Токио ввести в повестку дня переговоров вопрос «о похищенных японцах». Пхеньян подчеркивает, что в условиях отсутствия у японской стороны юридических оснований для этого он согласился содействовать поиску «пропавших японцев», исходя исключительно из гуманных соображений. Осложняют ситуацию, с точки зрения руководства КНДР, действия японского руководства по наращиванию военного потен-

в ноябре молодежной делегации будущих политических руководителей Японии, воспринимался в определенном смысле как знаковое событие, поскольку именно минобразование, выпустившее несколько учебников по истории, «обелявших» колониальную политику Японии, всегда находилось на острие критики южнокорейской общественности.

циала, расширению сферы действия «сил самообороны», согласие Японии на участие в противоракетной обороне театра военных действий (ПРО ТВД), что воспринимается северокорейскими лидерами как непосредственная угроза безопасности их страны.

Резко негативную реакцию вызывают в Пхеньяне попытки Японии сформировать «единый фронт» соседних государств с целью заставить КНДР отказаться от новых ракетных испытаний (1999), затормозить процесс ее международного признания (2000). Так, министр иностранных дел Японии Е. Коно в Стокгольме на встрече с представителями ЕС (большинство ведущих государств которого, как известно, уже приняли решение об установлении дипломатических отношений с Пхеньяном) 14 января 2001 г. призывал их осторожно подходить к вопросу нормализации отношений с КНДР, увязывая последний с ракетной программой, проблемами прав человека в Северной Корее и «похищенных японцев». Комментируя визит во Францию начальника УНО Сайто, северокорейская газета «Нодон синмун» 31 января 2001 г. писала об обнажившемся «“черном намерении” Японии, которая усиливает дезинформацию о Корее и стремится вбить клин в улучшение отношений между КНДР и странами Европы и изолировать нашу Республику».

Однако, несмотря на сохраняющуюся напряженность, руководство обеих стран не намерено «сжигать мосты» и заинтересовано в продолжении переговорного процесса. В декабре 2000 г. в Пхеньяне приняли на уровне председателя президиума ВНС КНДР бывшего премьер-министра Японии Т. Мураяму, к посредническим услугам которого стороны уже неоднократно прибегали в случае обострения взаимоотношений. В ходе состоявшихся переговоров стороны прозондировали перспективы выхода из создавшегося тупика. При этом северокорейцы постоянно подчеркивали, что в условиях набирающего темп межкорейского диалога и наметившихся перемен в отношениях КНДР — США дальнейшее усиление конфронтации не отвечает интересам прежде всего Японии.

Примечательно, что при всей жесткости позиций Токио и Пхеньян между тем демонстрируют готовность сотрудничать там, где это отвечает их интересам. В ходе 10-го тура переговоров в Токио была достигнута договоренность о налаживании контактов между внешнеполитическими ведомствами и развитии торгово-экономического сотрудничества на неправительственном уровне. По линии обществ Красного Креста в 2000 г. были организованы три поездки на историческую родину японок, про-

живающих в Северной Корее, в КНДР побывали парламентские делегации Социал-демократической партии и партии «Комэй-то», шесть делегаций обществ японо-корейской дружбы из различных провинций Японии. Как примирительный сигнал в мире была расценена официальная благодарность, выраженная Пхеньяном японскому правительству за оказанную КНДР продовольственную помощь в размере 600 тыс. т.

Парадоксально, но факт, что неурегулированность политических проблем, жесткость антияпонской и антисеверокорейской риторики в национальных СМИ обеих стран не мешают Токио быть крупнейшим торговым партнером КНДР с товарооборотом в 500 млн долл. Очевидно, что современное состояние отношений между Токио и Пхеньяном сложное, но все-таки не тупиковое, для выхода даже на уровень отношений начала 90-х гг. им потребуется затяжной переговорный марафон. Вместе с этим руководство Японии, как представляется, в целом с большим энтузиазмом, чем многие ее соседи в СВА, восприняло приход к власти в США республиканской администрации, традиционно наделяющей Токио статусом самого ценного союзника в Восточной Азии и одновременно в большей степени разделяющей сдержанный подход последнего к Северной Корее. В новом тысячелетии японское руководство, видимо, попытается преодолеть состояние аутсайдера в процессе урегулирования проблем Корейского полуострова, в котором оно оказалось в конце 90-х годов прошлого века.

Российская Федерация — Корейский полуостров

В рассматриваемый период политика РФ в отношении двух корейских государств претерпела столь коренную трансформацию, что представляется возможным выделить в ней три этапа: 1991—1995 гг.; 1995—1999 гг.; 2000—2001 гг.

Первый этап характеризовался подчеркнуто односторонней ориентацией Кремля на форсированное развитие сотрудничества с РК при параллельном курсе на «отдаление от КНДР» и фактическое свертывание с ней межгосударственных отношений, что привело к ощутимому ослаблению позиций России на Корейском полуострове в целом.

Второй этап, связанный с приходом на пост министра иностранных дел РФ академика Е. М. Примакова, отмечен энергичными попытками российского руководства нейтрализовать негативную тенденцию изменения соотношения влияния на Корей-

ском полуострове, в том числе путем восстановления сбалансированного подхода к обоим корейским государствам.

Третий этап, явившийся логичным продолжением второго, характеризуется восстановлением дружественных отношений России с КНДР, возвращением к инициативной, энергичной политике на Корейском полуострове.

В 1990 г. СССР был первой и единственной из четырех рассматриваемых в данной статье держав, исторически вовлеченных в проблемы Корейского полуострова, которая, установив дипломатические отношения с Южной Кореей, получила возможность непосредственно контактировать с обоими корейскими государствами и проводить с ними линию конструктивного сотрудничества. Это обстоятельство было с явной настороженностью воспринято другими тремя державами, каждая из которых, в свою очередь, постаралась наверстать упущенное с целью восстановления существовавшего баланса интересов.

Основополагающими слагаемыми внешнеполитического успеха СССР в тот период стали новые подходы к АТР, включая корейские государства, нашедшие отражение в известных владивостокских (1986) и красноярских (1988) инициативах Москвы, и конкретные действия по их реализации. После распада СССР Россия, ставшая его правопреемницей, коренным образом изменила свой подход к восточным соседям, в частности к Корее. Главными постулатами новой политики Российской Федерации были провозглашены:

- деидеологизация внешней политики;
- создание пояса добрососедства по периметру границ РФ и СНГ;
- продолжение поиска путей интеграции РФ в СВА и АТР.

Анализ этой концепции целесообразно начать с третьего пункта. После периода односторонней ориентации России на США и Запад и практически полного игнорирования АТР в начале 90-х гг. (которые потом были названы годами «демократического романтизма») во внешней политике РФ в данном регионе произошли серьезные метаморфозы, непосредственно коснувшиеся и ее корейского направления.

К очевидным успехам внешнеполитической деятельности России в АТР в последние годы, несомненно, стоит отнести ее «наступательную», грамотно подготовленную деятельность на конференции стран АСЕАН (в столице Брунея) в августе 1995 г., в результате которой в ЮВА и АСЕАН, где всегда настороженно относились к СССР—РФ, впервые конструктивно восприняли серию предложений российской делегации. Особенно позитивно

участники конференции оценили идею выработки кодекса межгосударственного общения в АТР и проект декларации О принципах безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предусматривающие разносторонний и многовариантный процесс сотрудничества стран региона. Эта линия была результативно продолжена в июле 1996 г., когда делегация РФ во главе с Е. Примаковым на очередной конференции министров иностранных дел в Джакарте добилась важного успеха — Россия стала полноправным партнером АСЕАН по диалогу и полноправным участником ее постминистерской конференции, а также на последующих форумах этих организаций. Проявлением данного курса стала работа российской делегации на конференции Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Осака в ноябре 1995 г., принявшей ряд важных решений, определяющих стратегию развития региона до 2020 г. Логичным завершением этого процесса стало вступление РФ в АТЭС в 1998 г. Но вместе с этим следует признать, что результаты активности России, направленной на то, чтобы найти свое место в Восточной Азии и в организациях АТР, где она в тот период еще не была представлена, в целом оказались весьма скромными. Отношение к России со стороны видных деятелей стран АТР оставалось достаточно сдержанным. Так, по мнению одного из архитекторов АТЭС, профессора Токийского промышленного института Т. Ватанабэ, следовало, что присоединение России к этой организации вряд ли будет выгодно как для самой этой страны, так и для АТЭС, потому что создавать экономические объединения имеет смысл только тем странам, у которых есть тесные экономические связи и развитая система сотрудничества. Россия же сегодня имеет столь слабые торгово-экономические связи со странами АТР, что ее вступление в АТЭС вряд ли стоит считать разумным. Такое заключение японского профессора имело под собой веские основания. Во времена Советского Союза позиции СССР в АТР также были довольно скромными, но они все же были. Здесь у него имелись надежные друзья и союзники: КНДР, МНР, страны Индокитая. В 1989 г. была осуществлена полная нормализация взаимоотношений с Китаем. Со всеми перечисленными странами имелись складывавшиеся десятилетиями полномасштабные контакты во всех областях.

В этой связи, исходя из государственных интересов России, невозможно было понять логику действий творцов ее внешней политики «романтических времен», которые, провозгласив курс на интеграцию в АТР, без каких-либо серьезных объективных причин отвернулись от вышеупомянутых партнеров и на практи-

ке почти полностью свернули сотрудничество с ними. Их недалёковидная политика непосредственно отразилась на российско-корейских отношениях, о чем на международной конференции по теме: «Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове», состоявшейся 1—2 марта 1995 г. в Москве, авторитетный специалист в этой области М. Тригубенко сказала: «Россия почти потеряла своего традиционного партнера и соседа на Дальнем Востоке (речь идет о КНДР. — А. В.), что противоречит национально-государственным интересам России закрепиться в Тихоокеанском регионе в новом качестве и влиять на развитие политического диалога на Корейском полуострове»⁴⁴.

Чтобы понять, что заставило руководство новой, демократической России пойти на демонтаж отношений с традиционными партнерами Советского Союза на Дальнем Востоке и в Индокитае, необходимо обратиться к обозначенному выше первому принципу внешней политики РФ — ее деидеологизации. Этот тезис на деле обернулся идеологической нетерпимостью к руководству и политическим режимам этих стран, отодвинувшей на дальний план реальные национально-государственные интересы России в данном регионе. Архитекторы подобного «великого перелома», видимо, наивно рассчитывали на его высокую оценку державами Запада и на то, что это поможет РФ утвердиться среди них в качестве союзника.

В результате эти азиатские страны, неожиданно потеряв в лице РФ своего важного политического и экономического союзника, оказались в труднейшей хозяйственной и внешнеполитической ситуации. Но, как показали 1993—2001 гг., все они, с разными темпами и степенью успеха, сумели, пережив этот болезненный шок, найти более или менее эффективные пути обеспечения собственной жизнеспособности. Некоторые из них, например Вьетнам, рост ВВП которого в 1995 г. составил 9,5%, уже встали на рельсы хозяйственного процветания⁴⁵. Разумеется, для этого нашим бывшим партнерам пришлось пойти на коренное изменение своих внешнеэкономических и политических приоритетов. Характерно, что преодолевать созданные Москвой трудности им энергично помогают те самые западные страны, на поддержку которых своими действиями последняя надеялась. Естественно, что это сопровождается укреплением позиций западных стран в данном регионе. Любопытно, что в таких условиях даже РК, до недавнего времени остававшаяся враждебным к Вьетнаму государством, в 1990-е гг. сумела стать для него третьим по важности, после Японии и Сингапура, торговым партнером, доведя объем

двустороннего товарооборота со 100 млн долл. в 1990 г. до 1,5 млрд долл. в 1996 г. Объем же южнокорейских инвестиций во вьетнамскую экономику, который усилиями 400 корейских компаний в 1996 г. достиг 2,2 млрд долл., примерно в 33 раза превышает капиталовложения РК в экономику России⁴⁶.

Россия же не смогла сохранить разумный баланс своей политики на Корейском полуострове. С одной стороны, стремительно развивались политические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея на самом высоком уровне. В те годы состоялись две встречи президентов: в Сеуле в ноябре 1992 г. Б. Ельцин и Ро Дэ У подписали Договор об основах отношений между двумя странами, в июне 1994 г. Б. Ельцин встретился в Москве с Ким Ён Самом. Премьер-министр РФ В. Черномырдин нанес визит в Южную Корею в сентябре 1995 г., тогдашний спикер верхней палаты российского парламента В. Шумейко — в октябре 1993 г. Состоялись также многочисленные взаимные визиты на уровне министров. В мае 1995 г., во время посещения Сеула российским министром обороны П. Грачевым, было парафировано соглашение о военно-техническом сотрудничестве между двумя странами, предполагающее поставку в Южную Корею самых современных образцов российского вооружения в счет оплаты долга Москвы. Министерство обороны РФ поставило в 1996 г. в РК 30 БМП-3, танков Т-80У и зенитно-ракетные комплексы «Игла», что вызвало резко негативную реакцию в Пхеньяне. Американские и южнокорейские эксперты, в частности бывший в то время послом РК в Москве Хон Сун Ён, отмечали, что в тот период «правительство Ельцина не только демонстрировало обостренный интерес к вопросам военных обменов и сотрудничества, но и рассматривало Южную Корею в качестве потенциального союзника»⁴⁷. Эти же эксперты обратили внимание на то, что «жестким контрастом» вышеотмеченному стремлению к максимальному сближению с Сеулом представлялась позиция «Ельцина, который полностью игнорировал Ким Ир Сена, держался на расстоянии от Северной Кореи, считая неприятным ее режим, с которым он не хотел иметь никаких связей»⁴⁸.

В отношениях с КНДР наблюдалась не менее последовательно проводимая, только в обратном направлении, линия на снижение уровня межгосударственных визитов и политических контактов, вплоть до почти полного их свертывания. К 1994 г. они практически велись лишь на уровне посольств. Эта линия нашла логическое завершение в отказе Москвы в 1995 г. от продления Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР от 6 июля 1961 г. (хотя, по мнению специалистов,

данный договор не утратил позитивного потенциала, при необходимой корректировке мог быть приведен в соответствие с современными реалиями и, предложенный в обновленном виде Пхеньяну, был бы последним конструктивно воспринят). Внешнеполитическое руководство РФ предпочло его фактически денонсировать и предложить КНДР обсудить возможность заключения нового, ставшего типовым для российского МИДа последних лет, договора об основах межгосударственных отношений. Реакция Пхеньяна на это предложение последовала лишь в сентябре 1996 г., когда он представил свой проект договора. С тех пор велась длительная и непростая работа над согласованием его окончательного текста. В результате РФ и КНДР на несколько лет остались без основополагающего документа, регулирующего межгосударственные отношения на весьма долгую перспективу.

Очевидно также и то, что подобный подход к Северной Корее — стране, имеющей общую с Россией границу, явно противоречил упомянутому выше второму принципу внешней политики Москвы: создание пояса добрососедства по периметру границ Российской Федерации. Реализация такой важной установки в отношении Пхеньяна практически исключалась и концептуальным подходом к нему российского МИДа в начале рассматриваемого периода, ориентировавшим внешнюю политику Москвы на «неизбежное отдаление от КНДР»⁴⁹. Это подтверждалось заявлением тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева в 1992 г. о том, что Россия готова продавать оружие кому угодно, только не Северной Корее⁵⁰. Одновременно с обострением международного кризиса 1993—1994 гг., связанного с преувеличенной угрозой использования Северной Кореей в военных целях результатов ядерных исследований (осуществлявшихся на базе реакторов с графитовыми стержнями советского производства), Россия избрала недружественную по отношению к КНДР позицию, которая порой была даже более жесткой, чем у некоторых других стран, объединившихся по инициативе США в единый фронт для давления на КНДР. В результате Пхеньян стал негативно относиться вообще к какой-либо роли РФ в делах Корейского полуострова, упрекая ее в проамериканском и просеульском подходе. Однако летом 1994 г. КНДР и США, проявив политическую волю, перешли от взаимных угроз и обвинений к интенсивным и конструктивным дипломатическим контактам, которые привели к подписанию ими в октябре того же года рамочного соглашения в Женеве. Таким образом, можно говорить об очевидном успехе в тот период дипломатии КНДР и США, которые сумели достичь важных для своих стран результатов.

К сожалению, нельзя сказать подобное о российской дипломатии. По мнению автора, в период совместного давления международного сообщества на Северную Корею в проявленной Россией чрезмерной прозападной солидарности в определенной степени растворились ее собственные интересы на Корейском полуострове и была утрачена инициатива. Когда же там наступил неожиданный поворот в развитии ситуации, Москва оказалась к нему неготовой и осталась вне переговорного процесса Вашингтон — Пхеньян. В его обеспечении, как известно, важную посредническую роль играл Пекин и, как всегда в таких случаях, придерживался позитивно-выжидательной позиции Токио, сразу же проявивший готовность оперативно занять для себя нишу на севере Кореи. Попытка Москвы подключиться к переговорному процессу посредством выдвижения интересной самой по себе, но к тому моменту запоздавшей инициативы о созыве многосторонней (сначала шестисторонней, затем восьмисторонней) конференции по Корее, «была холодно встречена другими членами Совета Безопасности ООН, прежде всего США, а также Пхеньяном»⁵¹. Поэтому трудно не согласиться с заключением российского корееведа В. Ткаченко: «Достаточно проанализировать итоги кризиса (ядерного кризиса в Корее. — А. В.), чтобы убедиться, что в выигрыше оказались США, Китай и КНДР, тогда как Россия и Республика Корея утратили свои позиции или оказались дистанцированными от участия в решении актуальных проблем безопасности региона»⁵².

Отражением ослабления влияния России на Корейском полуострове и продолжением линии на ее вытеснение из состава государств, активно участвующих в урегулировании проблем безопасности в Корее, можно считать американско-южнокорейскую инициативу, выдвинутую 16 апреля 1996 г., о созыве четырехсторонней конференции по Корее с участием двух корейских государств, США и КНР и с возможным лишь на последующих этапах приглашением к работе в ней РФ и Японии. Похоже, что в то время в умах политической и академической элиты Запада все более утверждалось представление о прогрессирующей тенденции к утрате Россией вообще какой-либо роли в делах Корейского полуострова. Так, выступая в рамках предвыборной президентской кампании в Детройте 22 октября 1996 г., Б. Клинтон, говоря об опасности ядерной программы КНДР, подчеркнул, что «благодаря нашей дипломатии и помощи Японии, Южной Кореи и Китая удалось убедить Корею заморозить эту программу, не вспомнив ни одним словом ранее проявленную прозападную активность российской дипломатии в данном вопросе. В специ-

альном докладе по Корее, опубликованном осенью 1996 г., эксперты Института мира США призывали Белый дом теснее координировать свои усилия по преодолению энергетического, продовольственного и политического кризисов в КНДР, а также в выработке фундаментальной политики в отношении Пхеньяна с правительствами Южной Кореи, Китая и Японии, но снова без РФ⁵³.

Автору представляется, что такое состояние отношений России с обоими корейскими государствами и не оправдавший себя стратегический подход к ним не могли более удовлетворять российское руководство и потребовали существенной корректировки. Изменения внешнеполитического курса Москвы на этом направлении начались на обозначенном нами втором этапе. Как сигнал к изменениям следует считать тот факт, что в феврале 1996 г. президент России Б. Ельцин (который уклонился от личного выражения соболезнования в связи с кончиной Ким Ир Сена в июле 1994 г., переложив это на премьер-министра РФ) поздравил руководителя КНДР Ким Чен Ира с днем рождения. Хотя и в данном случае проявилась инерция тех лет: текст поздравительной телеграммы был опубликован и широко комментировался во всех центральных северокорейских, но не в российских газетах. Важными событиями в развитии двусторонних отношений, позволившими хоть частично вывести их на новый уровень, стали: первое заседание в апреле 1996 г. в Пхеньяне Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и КНДР; поездки в столицу КНДР весной 1996 г. (после длительного перерыва) российских руководителей высокого уровня — вице-премьера РФ В. Игнатенко и спикера Госдумы Г. Селезнева.

На втором этапе российская дипломатия взяла курс на восстановление сбалансированности корейского направления внешней политики Кремля, на вывод отношений РФ с КНДР из тупика. Осенью 1996 г. между министерствами иностранных дел двух стран были подписаны план дипломатических обменов на 1997—1998 гг., затем соглашение о культурном и научном сотрудничестве. Все это дало основания тогдашнему вице-премьеру, министру иностранных дел КНДР Ким Ён Наму заявить в ноябре 1996 г., что у России и КНДР есть возможность поднять на более высокий уровень двусторонние отношения и выразить удовлетворение наметившимися в них позитивными тенденциями.

МИД РФ начал действовать с целью нейтрализовать негативное для России изменение баланса сил на Корейском полуострове и попытался восстановить ее позиции. Так, министр иностранных дел Е. Примаков на российско-японском семинаре в

Москве, посвященном 40-летию восстановления дипломатических отношений с Японией, в октябре 1996 г. пригласил Токио к взаимодействию по урегулированию в Корее, заявив, что Россия и Япония заинтересованы в том, чтобы их не отодвигали от решения проблем Корейского полуострова и что укрепление российско-японских отношений могло бы способствовать стабилизации на Корейском полуострове и в АТР в целом⁵⁴. МИД РФ продолжал продвигать идею созыва широкого международного форума по Корее с участием представителей двух корейских государств, всех постоянных членов СБ ООН, Японии и некоторых специализированных организаций ООН, в частности МАГАТЭ. Такой форум, по словам в то время заместителя министра иностранных дел РФ Г. Карасина, реализуя формулу комплексного решения проблем Корейского полуострова, в большей степени отвечал бы существующим здесь реалиям. При этом после некоторых колебаний Москва заняла позицию «позитивного нейтралитета» по отношению к идее четырехсторонних переговоров, заявив, что приветствует любые шаги, направленные на снижение напряженности на Корейском полуострове.

Во время визита в РК министра иностранных дел РФ 23—26 июля 1997 г., ставшего в целом важной вехой в развитии двусторонних отношений и придавшего им новые важные импульсы, Е. Примаков подчеркивал: «Поскольку сейчас вырисовываются контуры формата переговоров в виде “два плюс два”: две Кореи плюс КНР и США, то мы не видим оснований для противодействия и будем им способствовать. Одновременно считаем полезным расширение рамок таких переговоров, вплоть до созыва международной конференции». Одновременно, как отмечалось корреспондентами ИТАР-ТАСС в «Дипкурьере» № 14 за август 1997 г., глава российского внешнеполитического ведомства утверждал, что «Москва — не просто претендент на подключение к этому процессу, она может войти в клуб тех участников урегулирования, которые непосредственно не вовлечены в конфликт». Находясь в Сеуле, Е. Примаков убедительно объяснил президенту Ким Ён Саму, почему Россия может в позитивном плане влиять на ситуацию на Корейском полуострове, выделив при этом два фактора: во-первых, наличие отношений с обоими корейскими государствами, чего нет у некоторых других стран, вовлеченных в процесс межкорейского урегулирования, и, во-вторых, то, что «высокой степени развитости» достигли отношения России с США, Китаем и Японией и мы «могли бы координировать нашу линию в плане урегулирования корейской проблемы с тремя самыми крупными международными игроками».

Примерно в то же время посол Российской Федерации в Пхеньяне В. Денисов заявил, что «настроен устранять те препятствия, которые имеются на пути развития отношений между Россией и КНДР» и убежден, что «Россия кровно заинтересована» в мире и стабильности на ее дальневосточных границах и намерена поддерживать отношения с обоими корейскими государствами так, чтобы отношения с одной стороной не наносили ущерба отношениям с другой⁵⁵. Продолжением этой линии стал визит в КНДР заместителя министра иностранных дел РФ Г. Карасина в январе 1997 г., который, остановившись в Пекине на пути в Пхеньян, подтвердил, что «Москва намерена играть более активную роль на Корейском полуострове», и в отношении главной цели своей поездки — обсуждения проекта нового договора между РФ и КНДР — отметил, что «наши дипломаты рассчитывают, что договор будет готов к подписанию уже в этом году». Как полагают журналисты, одной из задач Г. Карасина являлась подготовка визита в Северную Корею «не только министра иностранных дел Евгения Примакова», но и, возможно, встречи на высшем уровне⁵⁶.

Российско-южнокорейские отношения в 1998 г. прошли через серьезное испытание «на прочность». Во-первых, жестокий финансовый кризис в обеих странах, особенно в России, заметно сузил возможности экономического сотрудничества. Ряд уже проработанных и готовых к реализации крупномасштабных проектов, таких как, например, создание корейского технополиса в районе Находки, оказался фактически замороженным. Неудивительно, что двусторонний товарооборот, составлявший в 1996 г. 3,6 млрд долл., сократился в 1998 г. до 2,1 млрд. Еще более скромными выглядели достижения обеих стран в области инвестиционного сотрудничества. Сейчас в России функционируют всего около 80 СП с участием южнокорейского капитала, инвестировавших в общей сумме всего 120 млн долл. Примерно 10 российско-корейских СП ведут свою деятельность в Южной Корее. Для сравнения отметим, что товарооборот между РК и КНР, установивших дипломатические отношения на два года позже, чем СССР и РК, составил в 1998 г. 20 млрд долл., а южнокорейские инвестиции в китайскую экономику — 7 млрд.

Неблагоприятно отразился на двусторонних отношениях шпионский скандал, случившийся летом 1998 г. Усилиями СМИ обеих стран, особенно южнокорейских, эта досадная история, которой следовало бы стать предметом профессионального разбирательства двух спецслужб, вышла на высокий политический уровень и даже привела к отставке министра иностранных дел РК. В целом она ухудшила психологическую атмосферу в двусто-

ронных отношениях. К счастью, данный инцидент был сравнительно быстро исчерпан. На встрече в сентябре 1998 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке уже новые министры иностранных дел обеих стран поставили окончательную точку в этой малоприятной истории и решили вернуть развитие двусторонних отношений в конструктивное русло, в частности заняться подготовкой визита президента РК Ким Дэ Чжуна в РФ.

Несмотря на суждения обозревателей некоторых стран о кризисе в отношениях между Россией и Республикой Корея в связи со спадом в области их экономического сотрудничества и особенно ухудшением политического климата, вызванного вышеупомянутой «шпионской историей», на наш взгляд, темпы и форма преодоления отмеченных трудностей свидетельствуют об обратном. Двусторонние отношения стали только более зрелыми, причем не на декларативном, а на реальном уровне. Обе стороны освободились от некоторых иллюзий и завышенных ожиданий и сейчас в большей мере основывают свои действия на фундаменте прагматичного подхода друг к другу. Необходимо подчеркнуть, что приход к власти в РК администрации президента Ким Дэ Чжуна в начале 1998 г., можно сказать, открыл новую страницу в российско-южнокорейских политических отношениях.

В отличие от своего предшественника, Ким Дэ Чжун, как нам представляется, достаточно хорошо понимает роль и значение РФ в урегулировании корейской проблемы, как важного гаранта безопасности на полуострове, наряду с США, КНР и Японией, что он не раз подчеркивал в своих выступлениях. Не случайно (одновременно с желанием активно продвигать вперед четырехсторонние переговоры) в первые же дни своего пребывания на посту президента РК он выступил с весьма близкой по содержанию к российской программе созыва многосторонней международной конференции по урегулированию корейской проблемы инициативой организации шестистороннего (РК — КНДР — РФ — США — КНР — Япония) или семистороннего (плюс Монголия) форума по обсуждению проблем безопасности в СВА, включая Корейский полуостров.

Став президентом, Ким Дэ Чжун отнес к своим первоочередным внешнеполитическим задачам посещение всех четырех столиц государств, исторически вовлеченных в проблемы Корейского полуострова, чтобы поднять двусторонние отношения с ними на новый уровень, найти другие формы многостороннего сотрудничества. С впечатляющим успехом он выполнил эти задачи в отношении всех стран, кроме России, чему помешал «шпионский скандал». Президент РК был полон решимости довести

до логического завершения намеченную внешнеполитическую линию. Учитывая то обстоятельство, что визиты Ким Дэ Чжуна в Японию и Китай, также состоявшиеся в условиях экономического кризиса и наличия немалого числа взаимных болевых точек, превратились не в рутинные встречи в верхах, а в этапные события в двусторонних отношениях, имелись основания ожидать, что и российско-корейский саммит в 1999 г. если и не станет прорывом в развитии взаимного партнерства, то, может быть, выведет его на качественно новый уровень.

Эти ожидания оправдались в ходе состоявшегося 27—30 мая 1999 г. саммита между президентами Ким Дэ Чжуном и Б. Ельциным в Москве. В подписанном по итогам встречи в верхах совместном заявлении главы государств подчеркнули: «Стороны согласились с тем, что укрепление конструктивного и взаимодополняемого партнерства является руководящей концепцией многоликого взаимодействия между двумя государствами на пороге XXI века»⁵⁷. Результаты продуктивных переговоров подвели итог пятилетнему периоду двусторонних отношений после последней встречи в верхах (1994 г.) и поставили точку на разговорах об их охлаждении и чуть ли не надвигающемся кризисе между Москвой и Сеулом. Результаты встречи оказались весьма плодотворны во многих областях, и обе стороны выразили свое удовлетворение ими. Как сообщила «Корея геральд» 29 мая 1999 г., по мнению южнокорейских участников, самым главным итогом переговоров стало то, что «Ким заручился критически важным обязательством России поддерживать его северокорейскую политику и обещанием президента Ельцина играть конструктивную роль в ее осуществлении». Российская сторона была удовлетворена тем, что президент РК подтвердил тот факт, что он считает РФ влиятельным «игроком» на Корейском полуострове, способным выполнить позитивную роль, и разделяет российский подход к организации многостороннего форума по решению проблем стабильности и безопасности Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии.

В экономической области также были достигнуты положительные результаты. Было подписано соглашение о создании совместного индустриального комплекса в свободной торгово-экономической зоне Находка, достигнута договоренность о создании совместного комитета (включающего официальных лиц и бизнесменов) по сотрудничеству между Кореей и российскими регионами Дальнего Востока и Сибири, были обсуждены перспективы разработки газового месторождения в районе Иркутска, корейское предложение об экспорте технологии сотовых телефо-

нов CDMA, юридические проблемы корейских рыбаков, ведущих лов в российских территориальных водах, и многие другие. Необходимо отметить, что в этой поездке в Российскую Федерацию Ким Дэ Чжун сопровождала группа из 60 ведущих корейских бизнесменов. Любопытно, что именно президент РК призвал их активнее принимать участие в экономическом сотрудничестве с Россией и шире использовать бартерную торговлю.

Свидетельством более высокого уровня двустороннего партнерства стало заключение соглашений о взаимной юридической помощи в рамках борьбы с преступностью и сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии, меморандума о взаимопонимании в сфере промышленного сотрудничества, а также значительное продвижение в переговорах по заключению контракта на приобретение РК российских подводных лодок в счет погашения российского долга. Факторами, способствующими сближению позиций РФ и РК по ряду важных международных вопросов, стали решение Сеула не участвовать в планах США, поддержанных Японией и Тайванем, но вызвавших осуждение в Москве, Пекине и Пхеньяне; создание новой системы противоракетной обороны театра военных действий в районе Дальнего Востока, а также зафиксированная в совместном заявлении приверженность обеих стран политическому урегулированию ситуации в Югославии и идеям денуклеаризации Корейского полуострова.

Линия на углубление двустороннего сотрудничества получила развитие, и в 2000 г. Центральными событиями года стали две встречи президентов двух стран в Нью-Йорке 8 сентября в рамках юбилейной сессии ГА ООН и затем прибытие в Москву премьер-министра РК Ли Хан Дона. На встрече с председателем правительства России М. Касьяновым, в частности, была достигнута договоренность о визите президента РФ В. Путина в Сеул в первой половине 2001 г. Визит В. Путина состоялся в феврале 2001 г. Российско-южнокорейский саммит, внесший вклад в разрешение ряда проблем в двусторонних отношениях и продвинувший сотрудничество между двумя странами, продемонстрировал приверженность руководства РФ к проведению на Корейском полуострове активной и сбалансированной политики.

Примечательно, что в рамках состоявшихся переговоров появился новый сюжет — обсуждались и перспективы трехстороннего (РФ — РК — КНДР) взаимодействия в экономической области, что стало отражением складывающихся новых реалий на Корейском полуострове, возникших после первой в истории встречи президентов двух корейских государств в июне, и рос-

сийско-северокорейского саммита — в июле 2000 г. В этой связи представляется необходимым подчеркнуть, что начиная с 2000 г. в отношениях между Москвой и Сеулом все активнее проявляется новый фактор — прогрессирующее российско-северокорейское сотрудничество.

Позитивные изменения в российско-северокорейских отношениях, начавшись в середине 90-х гг., во второй половине десятилетия стали постепенно приобретать характер тенденции восстановления многопланового сотрудничества. Но процесс этот оказался сложным. К числу постоянных раздражителей в двусторонних отношениях в тот период относилось продолжающееся сотрудничество между РФ и РК в военно-технической области. Аргументы российской стороны о том, что ограниченные поставки вооружений из РФ в РК не нарушают военный баланс на полуострове и являются со стороны Москвы вынужденной мерой, призванной обеспечить погашение долга перед Сеулом, в Пхеньяне не принимались во внимание. Другим «естественным» ограничителем форсирования двусторонних отношений для Пхеньяна служил «фактор Ельцина». Пока последний занимал вершину пирамиды российской государственной власти, руководство КНДР, помнящее о негативном отношении первого президента России к КНДР, не было уверено в том, что последовательные усилия МИДа, Госдумы и других структур РФ по восстановлению здоровых добрососедских отношений не окажутся «под вопросом». Это «психологическое» препятствие было снято с приходом к власти в России В. Путина. Накопившийся к этому времени потенциал доверия был в полной мере реализован в 2000 г. Достаточно отметить, что в 1996—2000 гг. между двумя странами были заключены 21 межправительственное и межведомственное соглашение, включая документы о поощрении и взаимной защите инвестиций, избежании двойного налогообложения, о сотрудничестве в различных областях экономики, сельского хозяйства, культуры и др. Начал медленно расти товарооборот до 105 млн долл. в 2000 г. против 90 млн в 1997 г. и т. д.

В феврале 2000 г. долго и нелегко готовившийся Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между двумя странами был подписан в ходе визита в Пхеньян министром иностранных дел России И. Ивановым. При этом обе стороны отметили, что «заключение этого Договора знаменует начало нового этапа развития отношений между двумя государствами», а он сам «является основополагающим правовым документом, на котором базируется весь комплекс двусторонних отношений» между РФ и КНДР⁵⁸. Во всем мире данное событие было воспринято как факт восстанов-

ления дружественных отношений между двумя странами. Необходимо подчеркнуть, что в Договоре впервые в дипломатической практике КНДР были зафиксированы стремление обеих сторон уважать цели и принципы ООН, общепризнанные нормы международного права, задачи обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Сам факт, что КНДР подписалась под этими базовыми в международном сообществе принципами и согласилась с тем, что договор не направлен против интересов третьих стран, свидетельствует об очевидном успехе российской дипломатии.

В июле того же года состоялся первый в истории РФ (и СССР) визит ее президента В. Путина в КНДР. Этот визит стал также первым посещением иностранным лидером Северной Кореи по личному приглашению Ким Чен Ира. В ходе его были подписаны Совместная декларация и достигнуто взаимопонимание по проблемам как двусторонних, так и международных отношений. Достаточно упомянуть озвученное В. Путиным согласие Ким Чен Ира на запуски на безвозмездной основе двух-трех корейских спутников в год ракетносителями государства, озабоченных ракетной программой КНДР, в обмен на отказ от дальнейшего производства аналогичных ракет, которого так долго добивались США. Этот дипломатический успех российского президента сразу же получил у международных обозревателей название «формула Путина».

Таким образом, российской стороне удалось в значительной степени ослабить аргументацию Вашингтона относительно необходимости создания национальной системы ПРО, поставив под сомнение в глазах всего мира, включая союзников США, факт существования северокорейской ракетно-ядерной угрозы, и в какой-то мере перехватить инициативу в диалоге с Белым домом по этой проблеме. Есть основания полагать, что залог успеха внешнеполитического дебюта В. Путина на форуме «Окинавской восьмерки» летом 2000 г. был в значительной степени обеспечен в Пхеньяне.

Неожиданный поворот событий оказался вызовом лидирующим в процессе корейского урегулирования США и заставил их в срочном порядке перестраивать свои традиционные внешнеполитические схемы в отношении Корейского полуострова. Администрация Б. Клинтона, первоначально «не поверив» в возможность подобного проявления доброй воли руководства КНДР, в октябре 2000 г. направила в Пхеньян госсекретаря М. Олбрайт, сделавшую «формулу Путина» основным «коньком» своего также первого и по-своему «исторического» визита в столицу вче-

рашнего «государства-изгоя». Можно с уверенностью говорить о том, что в результате пхеньянского саммита Россия вернулась в число активных «игроков на корейском поле», продемонстрировав способность отстаивать собственные стратегические интересы в этом районе мира. К числу важнейших результатов данной встречи в верхах следует отнести сам факт выхода политического диалога Москвы и Пхеньяна на самый высокий уровень, предоставивший возможность лидерам РФ и КНДР в ходе семичасового личного общения лучше понять друг друга.

Принципиальное значение имело закрепление в подписанной В. Путиным и Ким Чен Иром Совместной декларации совпадения взглядов сторон по важнейшим международным проблемам: укреплению и обновлению ООН, упрочению ее центральной роли в мировых делах, неприятию концепции «гуманитарной интервенции», борьбе с терроризмом и сепаратизмом, снижению роли фактора силы в международных отношениях, необходимости противодействия планам развертывания НПРО и ПРО ТВД, расширения НАТО и др. Сразу же проявившимися позитивными последствиями саммита стали изменения тональности публикаций на российскую тематику в северокорейских СМИ, накануне и после визита начавших подавать сообщения о России в подчеркнуто благожелательном тоне и т. д.

Визит в Пхеньян российского президента дал импульс развитию сотрудничества в практических областях. В октябре 2000 г. в Пхеньяне состоялась III сессия Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в прагматическом ключе обозначившая существующие проблемы, например факт задолженности КНДР перед РФ по «советским долгам» в объеме порядка 4 млрд клиринговых рублей. К таковым относятся активно продвигаемые МПС России планы его участия в модернизации железнодорожной магистрали КНДР, призванной связать в районе Приморья транскорейскую железную дорогу с Транссибом и направить через нее поток грузов в Европу как из Южной Кореи, так и других восточноазиатских государств. Состоявшиеся в ноябре 2000 г. в Пхеньяне в рамках четвертого заседания подкомиссии по транспорту Межправительственной комиссии переговоры первого заместителя министра путей сообщения РФ А. Целько выявили не только готовность МПС инвестировать в данный проект 250 млн долл., но и явную заинтересованность корейской стороны отдать предпочтение «российскому» маршруту межкорейской железной дороги перед «китайским», предлагаемым Сеулом.

В декабре 2000 г. в Пхеньяне результативно прошла 14-я сессия Российско-корейской смешанной комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства, отметившая углубление кооперации в данной сфере: от совместного промысла, выращивания различных видов морепродуктов до их совместной переработки, в частности на консервном заводе г. Синпхо, с вывозом готовой продукции в Россию, ремонта российских рыболовных судов в северокорейской свободной торгово-экономической зоне Расон, организации отдыха членов экипажей кораблей Акционерного общества «Дальморепродукт» и их семей в курортных районах КНДР и т. д.

Продолжает развиваться традиционная форма сотрудничества в использовании северокорейской рабочей силы на лесозаготовках постоянно расширяющегося числа субъектов РФ: Хабаровского и Приморского краев, Амурской области, в ближайшем будущем — в Иркутской области, на Сахалине и др. Восстанавливаются традиции приграничного сотрудничества, в частности между провинцией Северная Хамгён и Приморским краем. Таким образом, имеются основания рассматривать и торгово-экономические отношения между РФ и КНДР в качестве важного резерва развития многогранного сотрудничества.

Главным итогом корейской политики России в 2000 г. стало укрепление ее позиций на корейском азимуте международной политики. Подтверждением нового уровня постоянной включенности Москвы в динамично развивающуюся корейскую ситуацию может служить факт продолжения в 2001 г. интенсивного диалога на высшем уровне и то, что, в отличие от недавних лет, эти саммиты также ожидалось с нетерпением в обеих корейских столицах.

Ретроспективно рассматривая последнее десятилетие политики России по отношению к Корее, можно наблюдать весьма любопытный феномен. Так же, как в самом начале последнего десятилетия XX столетия, когда «революционное» решение СССР установить дипломатические отношения с Сеулом взорвало сложившийся к тому времени консервативный статус-кво вокруг Корейского полуострова, так и десять лет спустя неожиданная для многих инициатива вновь обретшей зрелость и динамизм российской дипломатии на северокорейском направлении изменила сложившийся на рубеже веков баланс международных сил и вновь заставила другие заинтересованные державы в срочном порядке искать нестандартные ответы.

Очевидно, российско-северокорейский саммит, сделавший в глазах международной общественности именно В. Путина лиде-

ром, вводящим «отшельника» Ким Чен Ира в мировое сообщество, наряду с сенсационной межкорейской встречей в верхах летом 2000 г., стал одним из главных побудительных мотивов, подвигнувших администрацию Б. Клинтона на форсирование процесса нормализации отношений с КНДР. Трудно предсказуемые еще за несколько месяцев до их осуществления визиты де-факто второго человека в Пхеньяне вице-маршала Чо Мён Рока в Вашингтон и госсекретаря США М. Олбрайт в столицу Северной Кореи в октябре (признанные обеими сторонами успешными) были нацелены на подготовку в конце концов так и не состоявшегося визита в КНДР самого Б. Клинтона, который до последнего момента (менее месяца до истечения срока президентских полномочий) не хотел отказываться от этой идеи. Несмотря на то что новая республиканская администрация не поддерживала энтузиазм своих предшественников, прогресс, достигнутый в американо-северокорейских отношениях в последние месяцы 2000 г., несомненен.

Одним из важных последствий происходящих изменений стал тот факт, что даже участники четырехсторонних переговоров по Корее — США, КНР, КНДР, РК, — начатых в 1996 г. (присоединение к которым России ими не приветствовалось), стали признавать следующее: в результате смещения центра тяжести в сторону активизировавшегося процесса двусторонних саммитов, прежде всего по линиям Москва — Пхеньян, Москва — Сеул, Пхеньян — Пекин, Пхеньян — Сеул, роль и значимость четырехстороннего механизма значительно снизились. Таким образом, есть основания полагать, что на современном этапе Россия вновь стала восприниматься как важная стабилизирующая сила, способная не только быть инициативной, но и эффективно влиять на формирование новой конфигурации международных сил вокруг Корейского полуострова. Как представляется, значимость уравновешивающего потенциала политики РФ может приобрести дополнительную ценность в глазах и Пхеньяна, и Сеула на фоне новых интонаций в «корейской политике» республиканской администрации США, способных поставить под сомнение успехи межкорейского диалога в 2000 г.

При этом в столицах обоих корейских государств обратили внимание на конструктивный подход, проявленный Москвой к обозначившемуся в 2000 г. прорыву в межкорейских отношениях, когда перспективы, пусть и отдаленного, объединения Кореи, возможно, впервые начали обретать контуры реально развивающегося процесса. Данный феномен сам по себе стал своего рода

лакмусовой бумажкой, тестирующей идеи воссоединения двух частей Корейского полуострова.

Позиция России выделялась конструктивностью и доброжелательностью на фоне плохо скрытой озабоченности США относительно будущего своего военного присутствия в Южной Корее и возможности утраты контроля над процессом усиления самостоятельности внутрикорейского фактора. К тому же Пхеньян и Сеул очень беспокоило откровенно негативное отношение к данным событиям Японии, которая, возможно, почувствовав осязаемость перспективы появления серьезного конкурента в лице нового объединенного государства, фактически попыталась притормозить развитие как японо-северокорейской нормализации, так и межкорейского сближения.

МИД РФ сразу же после межкорейского саммита в июне 2000 г. заявил о полной, без каких-либо оговорок, поддержке его результатов и приветствовал возрастание самостоятельной роли внутрикорейского фактора в общем процессе урегулирования корейской проблемы. Тем самым руководство РФ подтвердило: тезис о том, что появление объединенной, нейтральной, свободной от иностранного военного присутствия Кореи соответствует национальным интересам России, — это не просто красивое пропагандистское сопровождение ее «корейской политики» на протяжении почти всей истории последней, а реальный факт на рубеже второго и третьего тысячелетий в такой же степени, каким он был и на рубеже XX и XXI веков. Такую же точку зрения разделяют и некоторые американские политологи и, в частности, Сен Хо Джу, который утверждает: многие русские верят в то, что демократическая и нейтральная объединенная Корея будет соответствовать интересам России, поскольку «дружественная России объединенная Корея станет противодействовать установлению в регионе доминирования Японии или Китая»⁵⁹.

На наш взгляд, принципиально важными факторами, остающимися, как ни странно, вне поля зрения исследователей, но более, чем другие, определяющими возможные подходы рассматриваемых нами держав к воссоединению Кореи, являются: состояние глобальных и региональных международных отношений в тот период (мирные или конфронтационные); условия объединения и характер режима будущей единой Кореи, а также направления ее внешней и внутренней политики.

Если объединенная мирным путем Корея станет нейтральным, демократическим, безъядерным, дружественным по отношению к соседям государством (что, кстати, отражено в программе объединения, выдвинутой КНДР), то появление такого субъекта ми-

рового сообщества приветствовали бы и РФ, и скорее всего Китай. Однако в последние годы в Сеуле и среди его союзников все более распространяется уверенность в том, что в силу преобладания в два раза по численности населения все увеличивающегося превосходства Южной Кореи над Северной в экономической, а теперь уже и в военной областях, нарастания трудностей у последней, будущее объединение Кореи в той или иной форме произойдет под эгидой РК и по южнокорейскому сценарию, предполагающему в конечном итоге поглощение ею КНДР. Такую точку зрения высказывал, в частности, посол в РФ Ли Чон Бин на конференции корееведов Москвы, состоявшейся в декабре 1996 г. в ИДВ РАН.

При таком развитии событий объединенная Корея останется союзником США, и их военное присутствие на Корейском полуострове не только сохранится, но и, весьма вероятно, приблизится к российским границам. Данный сценарий по объему потенциального ущерба национальной безопасности РФ некоторыми российскими военными экспертами сравнивается с последствиями расширения НАТО на Восток. Как нам представляется, подобный вариант объединения Кореи не может быть воспринят как приемлемый для интересов национальной безопасности наварняка в Пекине и, видимо, в Москве.

Таким образом, возможные в XXI веке подходы США, КНР, Японии и РФ к урегулированию корейской проблемы и перспективе объединения Кореи представляются многовариантными, зависящими от сочетания разнообразных условий и факторов глобальных, региональных и межкорейских отношений. Однако национальные интересы России (по сравнению с другими указанными странами) объективно более способны адаптироваться к этим условиям и конструктивно воспринять появление в Северо-Восточной Азии объединенного корейского государства.

* * *

В заключение можно отметить, что на рубеже веков Корейский полуостров стал свидетелем серьезного изменения баланса сил и конфигурации взаимоотношений между основными участниками урегулирования корейской проблемы и, в частности, взаимодействия разноректорных тенденций.

С середины 1990-х гг. США, Япония и РК стремились укрепить сложившийся механизм их военно-политических и экономических трехсторонних связей с целью выработать общий подход к КНДР и сформировать соответствующие их интересам условия нормализации на Корейском полуострове. В этих рамках

отчетливо видно усиление влияния США и его распространение на север полуострова.

Очень важно возвращение в ряды активных участников урегулирования корейской проблемы России, в значительной степени восстановившей собственные позиции в КНДР и на полуострове в целом.

Мы видим также стремление КНР, которая, вероятно, более других заинтересована в сохранении существующего на Корейском полуострове статус-кво поддерживать свое весомое и конструктивное присутствие в обеих частях Кореи.

Необходимо отметить (с точки зрения хронологической последовательности, но никак не значимости) прорыв в межкорейском диалоге, вышедшем на высший уровень и поставившем в повестку дня задачи практического решения многочисленных вопросов, касающихся различных аспектов сотрудничества между Пхеньяном и Сеулом. В результате значительно повысилась роль самостоятельного внутрикорейского фактора в общей сумме усилий, направленных на урегулирование корейской проблемы, что наложило отпечаток на поведение всех четырех держав, «корейская политика» которых стала предметом исследования в данной статье.

- ¹ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема. Новый взгляд. М., 1995, с. 168—169.
- ² Воронцов А. В. Треугольник США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность? М., Наука, 1991, с. 200.
- ³ ЦТАК, 23.11.1995.
- ⁴ Асахи, 25.11.1995.
- ⁵ Song-Young-dae. How to Respond to North Korean Provocation's. Korea Focus, 1996, Nov.-Dec., vol. 6, с. 11.
- ⁶ Young-Ok Park. Korea's Defense for the 21st Century. — Korea and World Affairs, vol. XX, № 1. Spring 1996, с. 24.
- ⁷ Dr. Denny Roy. North Korea: A New View? — SDSC Newsletter. Winter 1996, с. 4.
- ⁸ The Military Balance. 1995—1996. London. — The International Institute for Strategic Studies, с. 172—198.
- ⁹ Asian Survey, 1995, vol. XXXV, № 1, с. 21.
- ¹⁰ Стокгольмский институт проблем разоружения и мира (СИПРИ). Стокгольм, 1994, с. 284, 384.
- ¹¹ Korea Focus, 1996, vol. 4, № 3, с. 12—13.
- ¹² Коммерсант-Daily, 15.05.1996.
- ¹³ Song-Young-dae., с. 13.
- ¹⁴ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П., с. 204, 211.

- ¹⁵ Нодон синмун, 1.03.1993.
- ¹⁶ Файнэншл таймс, 15.11.1996.
- ¹⁷ Токио синбун, 19.12.1996.
- ¹⁸ Нодон синмун, 26.01.2001.
- ¹⁹ Компас, № 45, ИТАР-ТАСС, 7.11.1996, с. 3.
- ²⁰ Nam Duck-woo. Asia — Pacific Region and Korea — China Relations. — Korea Focus, 1996, Sept.-Oct., vol. 4, с. 59.
- ²¹ Korea and World Affairs, vol. XVI, № 3, Fall 1992, с. 4.
- ²² Нихон кэйдзай, 04.12.1996.
- ²³ Санкэй синбун, 25.12.1996.
- ²⁴ Kim Young-hie. China's Role in Korean Issue. Korea Focus. 1996, July-August, vol. 4, № 3, с. 124—125.
- ²⁵ Торкунов А. В., Уфимцев Е. П., с. 197, 198.
- ²⁶ Компас, № 45., с. 34.
- ²⁷ Нодон синмун, 21.01.2001.
- ²⁸ Глобус, № 40, ИТАР-ТАСС, 06.10.1995.
- ²⁹ Hee-Suk Shin. Prospect of Korea-Japan Security Cooperation. Korea Observer, vol. XXVI, № 2, Summer 1995, с. 61.
- ³⁰ Backgrounder, Ministry of Information, Seoul, Korea, № 149, 1995, December 20, с. 8.
- ³¹ Известия, 16.02.1996.
- ³² Hee-Suk Shin., с. 55.
- ³³ Тона ильбо, 28.04.1996.
- ³⁴ Компас, № 20, ИТАР-ТАСС, 16.05.1996, с. 26.
- ³⁵ Тона ильбо, 28.04.1996.
- ³⁶ Young-Sun Song. Korean Concern on the US — Japan Security Arrangement. — Korea and World Affairs, vol. XX, № 2, Summer, 1996, с. 199.
- ³⁷ Young-Sun Song, с. 218.
- ³⁸ Правда, 30.06.1995.
- ³⁹ Jhe Seong-ho. North Korea's Rapprochement with U.S. and Japan. — Korea Focus. 1996, July-August, vol. 4, № 4, с. 67—68.
- ⁴⁰ Тона ильбо, 12.06.1996.
- ⁴¹ Майнити, 02.12.1996.
- ⁴² Кореа геральд, 11.03; 08.05.1999.
- ⁴³ Кореа геральд, 01.04; 05.05.1999.
- ⁴⁴ Тригубенко М. Е. Кризис в российско-северокорейских экономических отношениях. — Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове. Материалы международной российско-корейской конференции в Москве, 1—2 марта 1995 г., М., 1995, с. 39.
- ⁴⁵ Citra Indonesia, vol. II, № 009, September, 1996, с. 1.
- ⁴⁶ Backgrounder, с. 3.

- ⁴⁷ Чосон ильбо, 12.03.1992.
- ⁴⁸ Seung-Ho Joo. Russian Policy on Korean Unification in the Post-Cold War Era. — Pacific Affairs. Vancouver B. C., Canada, vol. 69, № 1, Spring 1996, с. 36, 34.
- ⁴⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. — Дипломатический вестник МИД РФ. 1993, январь. Спецвыпуск, с. 16.
- ⁵⁰ Дефанс насьональ, октябрь 1996. Компас № 45, ИТАР-ТАСС, 07.11.1996, с. 22.
- ⁵¹ Seung-Ho Joo, с. 47.
- ⁵² Ткаченко В. П. Социально-экономические процессы в Корее и перспективы национального объединения. — Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове, с. 65.
- ⁵³ The United State Institute of Peace, Special Report: «A Coming Crisis on the Korean Peninsula?», 1996, November, с. 2.
- ⁵⁴ Дипкурьер, октябрь 1996, № 15 (41), с. 14.
- ⁵⁵ Дипкурьер, октябрь 1996, № 16.
- ⁵⁶ Известия, 23.01.1997.
- ⁵⁷ Дипломатический вестник МИД РФ, 1999, № 6, с. 31.
- ⁵⁸ Дипломатический вестник МИД РФ, 2000, № 3, с. 14.
- ⁵⁹ Seung-Ho Joo, с. 40.

КОРЕЯ НА ТРУДНОМ ПУТИ К ВОССОЕДИНЕНИЮ

С середины 1980-х гг. международная общественность пережила определенный период эйфории, связанной с надеждами на окончание «холодной войны». Это время совпало с провозглашенным М. С. Горбачевым «новым политическим мышлением», сочетавшим в себе наивный политический романтизм с отражением реальных потребностей стремительно меняющегося мира. Великим державам, прежде всего СССР и США, удалось сделать ряд важных шагов в сторону смягчения международной напряженности, остановки безумной гонки вооружения, создания атмосферы взаимного доверия и делового партнерства. Казалось, ушла навсегда в прошлое надоевшая всем конфронтация двух общественно-политических систем, истощавшая материальные и интеллектуальные ресурсы ее участников, покончено с нависшей над человечеством постоянной угрозой ядерной катастрофы.

Однако довольно скоро наступило отрезвление. Жизнь показала, что прекращение длившейся десятилетиями «холодной войны» — сложный и противоречивый процесс, требующий всеобщих искренних устремлений и больших усилий, а это на практике проявляется далеко не всеми и не всегда. Но главное — нужно много времени для преодоления вредоносных наслоений прошлого. Тем более что до сих пор сохраняются опасные рудименты этой войны — региональные конфликты. Наряду со старыми возникают новые региональные конфликты (Югославия), также осложняющие ситуацию в мире.

Среди региональных конфликтов корейский, безусловно, выделяется своей продолжительностью и остротой. Вызванный «холодной войной» в самом ее начале, раскол Кореи привел к образованию в 1948 г. двух государств: Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики. Противоречия между ними и стоявшими за их спинами США и СССР привели к ожесточенной войне 1950—1953 гг., едва не переросшей в третью

мировую, ядерную войну. С тех пор почти полвека Корейский полуостров находится в состоянии постоянной конфронтации двух корейских государств, периодически то несколько ослабевающей, то обостряющейся до кризисного предела.

Корейский вопрос, суть которого — устранение не прекращающейся в Корее военной напряженности и поиск мирных путей преодоления раскола страны, входит в число наиболее застарелых и трудных международных проблем. Его нынешнее положение и дальнейшие перспективы по-прежнему во многом зависят от общего климата в мире и, в свою очередь, способны оказать на него немалое влияние. Урегулирование корейского вопроса в интересах самого корейского народа, его ближайших соседей и всего мирового сообщества должно стать важным шагом к действительной ликвидации «холодной войны» и ее последствий. Вот почему необходимы анализ современной ситуации на Корейском полуострове, выявление основных взаимодействующих тенденций, определяющих ее развитие на рубеже XXI века.

Подобно любой крупной международной проблеме, корейский вопрос имеет множество аспектов, различающихся между собой по степени значимости. Из их числа автор выбрал для рассмотрения несколько наиболее важных, решение которых, по его мнению, может сказаться на урегулировании всей обстановки в Корее и вокруг нее.

Две программы — два подхода к объединению Кореи

Разрядка международной напряженности в 1970-х гг. не обошла стороной Корейский полуостров. К тому времени два корейских государства, отношения между которыми в середине 1960-х гг. не раз приближались к критической черте, начали осознавать необходимость серьезного пересмотра своих позиций. «Вплоть до 1960-х гг., — отмечает официальное южнокорейское издание, — Юг рассматривал северный режим как незаконное марионеточное правительство, созданное в соответствии с экспансионистской стратегией Советского Союза и, следовательно, как объект возвращения (утраченного. — Ю. В.). К 1970 г., однако, он пришел к пониманию того, что, хотя и не признавая легитимность Северной Кореи, он должен признать де-факто существование этого режима как реальности и что его подход к объединению станет более практичным только тогда, когда он базируется на таком понимании»¹. Можно полагать, что к сходным выводам приходили тогда и в КНДР. «Великий вождь, товарищ Ким Ир Сен, — сообщает северокорейское издание, — на

основе научного анализа резко меняющейся ситуации внутри и вне страны наметил курс на широкие переговоры Севера и Юга для объединения Родины»².

Корректировка взглядов руководителей КНДР и РК на межкорейские отношения привела к беспрецедентному явлению: впервые после четверти века взаимного категорического неприятия и вражды стороны вступили в переговоры на уровне высокопоставленных доверенных лиц двух президентов³. Их итогом стало историческое Совместное заявление Севера и Юга от 4 июля 1972 г.⁴ Главное в нем — согласованные сторонами принципы будущего объединения Кореи: самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация. Первый из них означает взаимный отказ от опоры на внешние силы, недопущение вмешательства в корейские дела посторонних сил; второй — неприменение друг против друга вооруженных сил; третий — участие в мерах по сближению Севера и Юга не только официальных властей, но и политических партий и общественных организаций, широких народных масс, независимо от различий в идеологии, идеалах и строе, то есть общенациональный характер межкорейского диалога по вопросам воссоединения страны.

Со времени подписания Совместного заявления Севера и Юга прошло более четверти века. Начатый переговорный процесс через несколько лет захлебнулся. Затем он неоднократно возобновлялся и все с тем же результатом. Во взаимоотношениях двух корейских государств чередовались периоды крайнего обострения и некоторого смягчения конфронтации. В каждом из них сменились лидеры (в РК даже четырежды). И если все же КНДР и РК за минувший период не только не отвергли принципы объединения, сформулированные в Совместном заявлении Севера и Юга от 4 июля 1972 г., но и при каждом удобном случае подчеркивают их историческую значимость и декларируют свою им приверженность (хотя далеко не всегда следуют им на практике), то это свидетельство объективной необходимости указанных принципов, отсутствия иной, не чреватой катастрофой для корейского народа, основы восстановления национального единства Кореи.

Можно выделить 1980 год как определенный рубеж в процессе выработки Севером и Югом своих подходов к объединению страны. До того с обеих сторон много раз звучали заявления общего характера по этой проблеме, выдвигались отдельные конкретные предложения по тем или иным ее аспектам⁵. Однако к началу 1980-х гг. идеи и представления руководства двух корейских государств оформились в относительно цельные комплексные программы объединения Кореи. В самой Кореи и за рубежом

их нередко воспринимают только как пропагандистские акции в идеологическом противоборстве сторон. Вероятно, в какой-то степени это так. Но пропагандистское обрамление программ не должно заслонять их сущность. А она, на наш взгляд, в том, что программы воплощают в себе курс соответствующих правительств в принципиальных вопросах корейского урегулирования, их видение перспектив национального воссоединения. Сам факт появления программ объединения отнюдь не случаен: в нем отражена нарастающая потребность Севера и Юга в поиске путей преодоления затянувшейся трагедии раскола корейской нации.

Как известно, первым с весьма развернутой программой объединения страны выступил Ким Ир Сен в октябре 1980 г. на VI съезде Трудовой партии Кореи (ТПК). Лидер КНДР подтвердил верность республики основополагающим принципам Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. — самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация — и резко критически отозвался об отношении к ним властей Южной Кореи, установивших там, по его словам, военно-фашистский режим, далекий от национальных интересов корейского народа и опирающийся на поддержку США, которые проводят политику увековечения ситуации «двух Корей». Он высказался за уменьшение напряженности на Корейском полуострове, замену перемирия прочным миром, создание условий для сближения Севера и Юга, налаживания разносторонних связей между ними.

Главным в программе Ким Ир Сена было предложение о формировании конфедерации двух корейских государств. «Добиваясь объединения Родины, — говорил Ким Ир Сен, — наша партия предлагает создать Конфедеративную Республику, в которой на основе взаимного признания существующих в двух зонах идеологий и систем Севером и Югом будет образовано единое национальное правительство, в состав которого на равноправных началах войдут представители Севера и Юга и под руководством которого Север и Юг, имея равные полномочия и обязанности, будут каждый осуществлять систему регионального самоуправления»⁶.

В рамках предложенного Ким Ир Сеном единого государства — Демократической Конфедеративной Республики Корё (ДКРК) — надлежало учредить Верховное национальное конфедеративное собрание из равного числа представителей Севера и Юга и определенного числа зарубежных корейцев и создать при нем в качестве единого правительства сформированный по такому же принципу Постоянный конфедеративный комитет. Оба эти органа

должны вести общими вопросами политики, обороны, внешних сношений и другими вопросами общенационального значения, работать над укреплением консолидации и сотрудничества Севера и Юга, проявляя уважение к их общественным системам, мнениям их администраций, политических партий, группировок, всех слоев населения и не допуская, чтобы одна сторона навязывала другой свою волю. Региональные правительства Севера и Юга сохраняли бы самостоятельность в пределах своей компетенции и прилагали усилия к обеспечению единого развития страны и нации. ДКРК должна быть нейтральным государством. Ким Ир Сен следующим образом наметил политический курс предлагаемой им конфедерации:

1. Твердо придерживаться самостоятельности и проводить независимую политику во всех сферах государственной деятельности.

2. Утвердить демократию по всей стране и во всех сферах общества, содействовать великой национальной консолидации.

3. Обеспечить экономическое сотрудничество и обмен между Севером и Югом, самостоятельное развитие национальной экономики.

4. Наладить обмен и сотрудничество между Севером и Югом в областях науки, культуры, образования и по единому плану развивать науку и технику, национальную культуру и искусство, национальное образование страны.

5. Восстановить прерванные транспортное сообщение и связь Севера и Юга, обеспечить в масштабах всей страны свободу пользования транспортом и связью.

6. Содействовать стабилизации жизни трудящихся, прежде всего рабочих, крестьян, добиваться систематического повышения благосостояния всего народа.

7. Положить конец состоянию военной конфронтации между Севером и Югом, организовать Объединенную национальную армию и охранять нацию от внешней агрессии.

8. Защищать национальные права и интересы всех корейских соотечественников, проживающих за рубежом.

9. Решить вопрос о международных связях, установленных Севером и Югом до объединения страны, координировать деятельность двух региональных правительств на международной арене.

10. Развивать дружественные отношения со всеми странами мира и проводить миролюбивую внешнюю политику⁷.

Следует напомнить, что вопрос о конфедерации к 1980 г. не был новым для Кореи. Впервые Ким Ир Сен выдвинул идею ее

создания еще в августе 1960 г., когда на Юге, после свержения Ли Сын Мана, ширилось движение за активизацию контактов с Севером. Тогда конфедерация мыслилась только как временное, промежуточное государственное формирование, необходимое для облегчения совместной с Югом подготовки всеобщих выборов, считавшихся наиболее приемлемым для всех средством объединения Кореи. Но южнокорейские власти в то время отвергли предложение Ким Ир Сена. В последовавшие затем два десятилетия различия между Севером и Югом в социально-экономических системах, политике и идеологии углубились настолько, что надеяться на сравнительно быстрое воссоединение страны не приходилось. Поэтому в КНДР более не видели для себя смысла в проведении всеобщих выборов и исключили этот вопрос из своей программы объединения Кореи.

Вариант 1980 г. принципиально отличался от выдвигавшегося в 1960 г. Теперь конфедерация предлагалась как форма действительного объединения Севера и Юга, их сосуществования в рамках единого государства, как важнейший этап на пути к их полному и окончательному слиянию. Именно на это нацелены изложенные выше наметки политического курса ДКРК. «Наша партия считает, — заявлял Ким Ир Сен, — что наиболее реальным и рациональным шагом в направлении самостоятельного и мирного объединения Родины на основе принципа великой национальной консолидации является образование одного конфедеративного государства, в которое вошли бы Север и Юг, при условии сохранения существующих в обеих частях идеологий и общественных систем»⁸. С 1980 г. и по сей день предложение о создании конфедерации Севера и Юга лежит в основе программы КНДР по мирному объединению Кореи. Она воплощена в формуле: одна нация, одно государство, две системы, два правительства. Вряд ли есть официальные документы, выступления руководящих деятелей разного уровня, в которых бы вновь и вновь не излагалась и не разъяснялась эта позиция КНДР.

Сам Ким Ир Сен много раз возвращался к вопросу о конфедерации, подчеркивая, что это единственный реальный путь к мирному объединению страны, не ущемляющий важнейших прерогатив Севера и Юга, отвечающий коренным национальным интересам корейского народа и интересам его соседей. Для перехода к объединению через конфедерацию, неоднократно указывал он, необходимы соответствующие предпосылки. Прежде всего — устранение угрозы войны, смягчение напряженности на Корейском полуострове, для чего следует заменить перемирие в Корее стабильным и прочным миром, сократить поэтапно до

минимума (по 100 тыс. человек с каждой стороны) вооруженные силы Севера и Юга и так же поэтапно сократить, а затем и вывести с корейской территории американские войска и вооружения, включая ядерное. Непременное требование, обращенное им к властям Юга: проводить действительно самостоятельную политику, исходящую из национальных интересов, прекратить подчинение диктату США, не допускать вмешательства внешних сил в дела корейского народа. Выступая за широкую демократизацию Юга, он особенно настаивал на отмене действующего там Закона о государственной безопасности, откровенно враждебного КНДР, препятствующего межкорейскому диалогу, лишаящего население возможности воссоединиться.

Ким Ир Сен не отрицал возможностей дальнейшей корректировки своей концепции. С этой точки зрения представляется важной его новогодняя речь 1991 года. В ней он высказался, причем не впервые, в пользу совместной разработки вопроса объединения Кореи: «С целью достижения общенациональной договоренности о пути объединения страны мы предлагаем как можно скорее созвать политическое консультативное совещание по национальному единству, в котором приняли бы участие представители властей, политических партий и организаций Севера и Юга и уточнили бы метод воссоединения Родины»⁹. Выразив вновь уверенность в том, что инициатива о создании ДКРК может стать «основополагающим началом национальной договоренности», Ким Ир Сен вместе с тем заявил о готовности «обсудить и проблему постепенного завершения дела воссоединения путем введения конфедерации, идя в направлении того, чтобы временно предоставлять больше полномочий региональным правительствам самоуправления в рамках Конфедеративной Республики, а в дальнейшем еще более расширять функции центрального правительства»¹⁰. Такое пояснение дано тем критикам идеи конфедерации, которые опасались, что с переходом к ней будут чрезмерно ограничены prerogatives двух имеющих ныне правительств.

Не прошел Ким Ир Сен и мимо суждений своих критиков, которые считали, что для объединения «гетерогенных» (разнородных) Севера и Юга необходимо восстановить их «гомогенность» (однородность) и провести их предварительную унификацию посредством «конвергенции систем» на базе одного государства, одной системы, подразумевая при этом, конечно же, Южную Корею. «Люди Севера и Юга, — утверждал он, — как единая нация и раньше и сейчас неизменно сохраняют свою национальную общность и по-прежнему остаются однородными с национальной точки зрения. Если есть разница между Севером и

Югом, то она сводится к разнородности, порожденной существовавшими на протяжении более 40 лет двумя системами. Но это не станет серьезной проблемой, если сравнить ее с национальной однородностью, которая сформировалась и упрочивалась на протяжении тысячелетий. Различие между двумя системами ни в коем случае не может быть основанием для того, чтобы наша нация жила в состоянии раскола. Оно не может стать неодолимой преградой на пути пути воссоединения Севера и Юга»¹¹

Возражая сторонникам «унификации», Ким Ир Сен высказал мнение, что определение метода окончательного слияния двух корейских государств — не главное для настоящего времени: «Дело объединения разных систем на Севере и Юге можно передать и нашим потомкам, чтобы они в будущем решили эту проблему неспешно, без помех. А вопрос формирования одного объединенного государства в рамках одной нации независимо от различий в идеологиях и системах уже не терпит дальнейшего отлагательства»¹². В связи со сказанным, выглядит весьма убедительным следующее предостережение лидера КНДР: «На Севере и Юге фактически существуют отличные друг от друга две системы, два правительства и ни одна из сторон не хочет уступать свое другой. Стало быть, в этих условиях воссоединение страны на основе одной системы нереально, да и невозможно предвидеть, когда оно будет осуществлено. Тем более попытка к унификации систем, какими бы ни были ее способы, предполагает поглощение одной стороны другой — следовательно, эта концепция неприемлема для любой из сторон. Попытка навязать другой стороне неприемлемое неизбежно приведет к усугублению недоверия и противоборства, а далее к столкновению, что повлечет за собой непоправимые национальные бедствия»¹³.

Важнейшим средством ускорения мирного объединения страны через образование конфедерации Севера и Юга в КНДР по-прежнему считается «великая национальная консолидация». Не случайно Ким Ир Сен посвятил ей один из последних своих трудов — «Программу по великой национальной консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов», опубликованную в апреле 1993 г.¹⁴ Утвержденная тогда же Верховным народным собранием КНДР, она стала официальной государственной программой. Вот ее основное содержание:

1. Создание посредством великой консолидации всей нации независимого, мирного и нейтрального государства. Таковым должна стать конфедерация Севера и Юга, сохраняющая на равных правах две существующие ныне системы и два правительства, представляющая всех членов нации, независимо от их

партийной, групповой и социальной принадлежности, и не ориентирующаяся ни на какую крупную державу.

2. Сплоченность на основе любви к нации и духа национальной самостоятельности. Самостоятельность нации — жизненно важный фактор ее существования. Необходимо отвергать низкопоклонство и нигилистическое отношение к своей нации.

3. Сплоченность на основе принципов сосуществования, процветания, обеспечения общих интересов и подчинения всего великому делу воссоединения Родины. Север и Юг должны признать и уважать отличные друг от друга идеи, идеалы и системы, не посягать друг на друга, добиваться совместного прогресса и процветания. Интересы нации превыше региональных и классовых интересов.

4. Прекращение во имя этого политической полемики, поощряющей раскольничество и противоборство соотечественников, отказ от взаимной клеветы и инсинуаций. Сплоченными силами нации, сообща противостоять агрессии и вмешательству извне.

5. Устранение угрозы нападения на Север и на Юг, а также антикоммунизма и коммунизации, достижение взаимного доверия и сплоченности.

6. Уважение к демократии, различным политическим убеждениям. Свобода обсуждения и деятельности по вопросам объединения, прекращение репрессий в отношении оппозиции, освобождение и реабилитация всех политзаключенных.

7. Защита материальных и духовных богатств личности и коллектива, поощрение их использования для великой национальной консолидации. Признание — до и после объединения — государственной, кооперативной и частной собственности, защита капитала и имущества отдельных лиц и организаций, совместных предприятий с иностранным капиталом, сохранение социального статуса каждого человека.

8. Достижение взаимопонимания, доверия и сплоченности всей нации через контакты, передвижения и диалог. Устранение всех препятствий и дискриминации на этом пути.

9. Укрепление взаимной солидарности всех членов нации на Севере и Юге страны, за ее пределами. Отказ от предубеждений в поддержке всего полезного для объединения Родины, координация действий и сотрудничество во имя этой цели.

10. Высокая оценка людей, внесших вклад в дело великой национальной консолидации и объединения Родины. Предоставление особых льгот заслуженным людям, потомкам погибших патриотов. Великодушие к тем, кто предал нацию в прошлом, но раскаялся и встал на путь патриотизма.

Всем своим содержанием «Программа» нацелена на сплочение национальных сил Севера и Юга, активизацию их совместной деятельности во имя объединения Кореи. В ней также ощущается косвенный ответ на некоторые существующие за пределами КНДР сомнения и предубеждения. В первую очередь это касается соотношения национальных, социальных и политических факторов в процессе объединения. Ким Ир Сен отдает первым из них безусловный приоритет. В кратком вступлении к «Программе» он обращается на равных к коммунистам и националистам, неимущим и имущим, атеистам и теистам как членам одной нации, призывая их «независимо от всех различий, вместе открыть путь к объединению Родины»¹⁵. В одном из пунктов он прямо говорит о необходимости «обеспечивать прежде всего интересы всей нации, стоя выше региональных и классовых интересов»¹⁶. Такого рода высказывания никак не подтверждают все еще бытующие в южнокорейской пропаганде подозрения относительно намерений КНДР «коммунизировать Юг», насадить там «диктатуру пролетариата» и т. д.

«Программа» провозглашает принципы сосуществования и сопроцветания Севера и Юга, ставит задачу содействия их совместному прогрессу, подчеркивая важность межкорейского сотрудничества для дела объединения. В ней признается легитимность существующих в обеих частях Кореи форм собственности и необходимость их сохранения на будущее, выражена готовность защищать капитал и имущественные права отдельных личностей, организаций, совместных с иностранцами предприятий. Все это, как нам представляется, не пропагандистские лозунги, а отражение, применительно к данному документу, происходящего в КНДР поворота к взаимодействию с иностранным и южнокорейским капиталом, к использованию в экономике элементов рыночных отношений.

Обращают на себя внимание пункты «Программы» о поддержке всего полезного для объединения Кореи, совместном устранении того, что ему вредит, подходе к объединению без предубеждений, при координации и сотрудничестве патриотических сил Севера, Юга и зарубежных корейцев. Ставится также вопрос о поощрениях в борьбе за сплочение нации и объединение Родины, о снисходительном отношении к тем, кто в прошлом предал нацию, но затем раскаялся и встал на патриотические позиции, что следует оценивать по справедливости. В этом можно видеть заинтересованность в создании благоприятных условий для национальной консолидации, понимание необходимости большей гибкости при сплочении разнородных политических сил Севера

и Юга, умелого использования накопленного ими позитивного опыта ради общей цели — объединения страны.

В 1994 г. Ким Ир Сена не стало, но разработанная им концепция воссоединения Кореи через конфедерацию Севера и Юга и «Программа по великой национальной консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов» в полной мере сохраняют свою силу и при новом руководстве КНДР. Вместе с выдвинутыми ранее тремя основополагающими принципами (самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация) они, по словам Ким Чен Ира, составляют «три хартии объединения Родины». «Три хартии, — писал он в августе 1997 г., — предлагают наиболее справедливый и рациональный путь скорейшего объединения Родины в соответствии как с реальными условиями нашей страны, на Севере и Юге которой долгое время существовали отличающиеся друг от друга идеологии и политические системы, так и единодушными чаяниями всей нации, горячо желающей воссоединения страны»¹⁷.

Решающим условием самостоятельного и мирного объединения Кореи считается «великая национальная консолидация». «Наш долг, — говорилось в обращении Ким Чен Ира к участникам научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию первого Объединенного совещания представителей партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, в апреле 1998 г., — всем сердцем восприняв идеи товарища Ким Ир Сена о великой национальной консолидации и Программу из десяти пунктов, вести активную борьбу за тесное сплочение всех соотечественников на Севере, Юге и за рубежом, добиться самостоятельного и мирного объединения Родины сплоченными силами нации»¹⁸. Настаивая на неотложности воссоединения Кореи, он утверждал: «Чем дольше раскол, тем больше несчастий и страданий выпадает на долю нашей нации, тем серьезнее опасность изменения свойственного нашей нации характера. Да и усугубление недоверия и противоборства между Севером и Югом может обернуться катастрофой»¹⁹.

Идея объединения Кореи посредством конфедерации Севера и Юга и конкретные предложения по ее реализации постоянно отвергались южнокорейскими властями. Такая же участь постигла и выдвинутую в ее развитие «Программу по великой национальной консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов». «Мы надеялись на то, что южнокорейские правители, откликнувшись на нашу программу, встанут на путь примирения и сотрудничества, — сетовал по этому поводу Ким Ир Сен в мае 1994 г. — Однако они, повернувшись спиной к стрем-

лениям всей нации объединить страну, идут по пути ориентации на внешние силы по пути противоборства между Севером и Югом»²⁰.

Но отвергнуть программу КНДР, скомпрометировать ее в глазах корейской и мировой общественности — это только часть забот властей Южной Кореи. Главное же в том, чтобы противопоставить ей нечто более значительное, внешне более привлекательное, что при том в наибольшей степени отвечало бы сокровенным целям правящих кругов РК. Так появились после 1980 г. объединительные программы трех последовательно сменивших друг друга президентов РК — Чон Ду Хвана, Ро Дэ У и Ким Ён Сама. Все эти программы аналогичны по сути, отличаясь лишь в некоторых формулировках и конкретных деталях. Поэтому можно судить о них по той, которую отстаивал недавний президент Ким Ён Сам и пропагандировали южнокорейские средства массовой информации.

В речах и статьях Ким Ён Сама, как и его предшественников, нередко неприкрытые выпады против концепции Ким Ир Сена. Вот один из них, содержащийся в его речи по случаю 49-й годовщины освобождения Кореи (август 1994 г.): «Процесс объединения должен фокусироваться не на том, как разделить власть, а на том, как дать нашему народу возможность жить вместе. Объединение должно базироваться скорее на ценностях свободы, демократии и благосостояния для всех, чем на какой-то идеологии, нацеленной узко на какой-либо определенный класс или группу. Усилия к объединению должны быть связаны не столько с развитием гипотетической структуры объединенного государства, сколько с образованием национального сообщества, в котором все корейцы смогут жить вместе»²¹.

Упомянутое Ким Ён Самом «национальное сообщество» составляло стержень его собственной программы объединения Кореи. Разработанная им «формула объединения» в Корейское национальное сообщество (или содружество) охарактеризована в следующем отрывке из той же речи: «Правительство (Южной Кореи. — Ю. В.) уже обнародовало трехэтапную формулу объединения. Она призывает сначала к примирению и сотрудничеству между Югом и Севером, затем к образованию Корейского содружества и, наконец, к созданию единого, объединенного национального государства. Прежде всего, ныне враждебные и конфронтационные отношения Юг — Север должны быть заменены отношениями дружбы и сотрудничества. Йемену не удалось предотвратить гражданскую войну даже после того, как он был объединен политически. Это произошло потому, что объедине-

ние было поспешным и поверхностным, без прохождения через процесс реального примирения и сотрудничества.

Южная и Северная Корея должны сначала содействовать существованию и сопроцветанию и затем объединиться в Корейское содружество для обеспечения прочного мира. На стадии содружества два района Кореи должны сформировать и развивать единое социально-экономическое сообщество, чтобы заложить фундамент политической интеграции. Короче говоря, правительственная трехэтапная формула создания Корейского национального содружества предназначена в конечном счете для создания единого национального государства путем прохождения через промежуточные стадии интеграции»²².

Официальные комментаторы, излагая концепцию Ким Ён Сама, утверждали, что она базируется на философии «либеральной демократии» и основана на трех принципах: независимость, мир и демократия. Первый из этих принципов трактуется как требование достичь объединения на основе возможностей самого корейского народа, без вмешательства извне или, иными словами, «в соответствии с духом самоопределения две Кореи должны бороться за объединение, основываясь на их собственных желаниях и решимости через прямой диалог между ними». Второй «предписывает, что объединение должно быть достигнуто мирным способом, не через войну или свержение одной стороны другой. Хотя объединение может быть национальным заказом, оно никогда не должно повлечь за собой насилия, принуждения или какой-либо формы вынужденной жертвы для части корейского народа». Третий принцип «требует, чтобы объединение было достигнуто в форме демократической интеграции, при которой свобода и права каждого члена Корейского содружества были бы обеспечены. Это означает не только то, что процесс объединения должен быть демократичным, но также и то, что объединенная Корея должна быть обществом, в котором его индивидуальные члены могут жить как порядочные люди»²³.

Разъясняя выдвинутую Ким Ён Самом трехэтапную формулу объединения, южнокорейские комментаторы²⁴ так определяли первый этап: сначала две Кореи признают системы друг друга и устраняют взаимное недоверие и враждебность. Затем, базируясь на вновь обретенном взаимном доверии, они сосредоточивают усилия на примирении и расширяют внутрикореиские обмены и сотрудничество. Сохраняя мир, две Кореи все еще остаются на этой стадии разделенными и увеличивают сотрудничество в экономической и социальной областях. Когда внутрикореиские обмены и сотрудничество разрастутся и будет создано взаимное

доверие, обе Кореи будут готовы тогда перейти к следующему этапу — строительству содружества.

Корейское содружество на втором этапе является «промежуточным соглашением на пути к полному объединению». Это социально-экономическое и культурное сообщество, в котором установлен внутрикорейский мир. На данном этапе Юг и Север совместно подготавливают законодательный и организационный фундамент объединенной Кореи. Ими создаются соответствующие учреждения для совместного обсуждения различных вопросов национального строительства. Регулярно проводятся с этой целью межкорейские встречи на высшем уровне, совещания двух кабинетов. Одновременно внутрикорейский Конгресс подготавливает необходимые юридические процедуры для полного объединения.

Третий, заключительный этап — образование единого национального государства. Две Кореи, уже имеющие общие сферы жизни, полностью интегрируют свои системы в единый политический организм и создают сообщество одной нации и одного народа. По конституции, предварительно разработанной внутрикорейским Конгрессом, проводятся всеобщие демократические выборы. На их основе образуются единое правительство и законодательный орган, которые и завершают процесс объединения Кореи окончательной интеграцией государственных институтов двух предыдущих режимов.

На первый взгляд, схема объединения Кореи, предлагаемая Ким Ён Самом, не так уж далека от концепции Ким Ир Сена: почти те же принципы (самостоятельность, мир, нет только «великой национальной консолидации»); Корейское сообщество, или содружество, по характеру и задачам внешне сходно с конфедерацией и т. д. Однако при внимательном рассмотрении видны принципиальные различия между ними. Концепция Ким Ир Сена выглядит более продуманной и реальной. Предлагаемая им конфедерация — апробированное в мировой практике государственное формирование с достаточно четко очерченными задачами и структурой, системой взаимоотношений центральных и региональных органов управления. Противопоставленное ему Корейское содружество — нечто аморфное, неопределенное, представляющее скорее благое пожелание, нежели серьезный и конкретный проект.

Но главное, конечно же, не в этом. А в том, каким лидеры обеих частей Кореи видели путь окончательного воссоединения своей страны. Как уже говорилось, Ким Ир Сен воздержался от того, чтобы уже сейчас намечать метод полного слияния двух

систем, благоразумно оставив его выбор будущим поколениям. Позиция Ким Ён Сама на этот счет вполне недвусмысленна: трехэтапная формула, как подчеркивают ее комментаторы, имеет своей конечной целью то же, что выдвигали все его предшественники, — объединение Кореи посредством всеобщих выборов. Учитывая то, что на Юге вдвое больше населения, чем на Севере, нетрудно предвидеть, в чью пользу будет их результат. Перед нами, если оставить в стороне привлекательные рассуждения о принципах, этапах и прочем, все та же традиционная линия южнокорейских правителей на поглощение Севера Югом.

Корейское содружество, составляющее основу трехэтапной формулы, предопределяет именно такую участь КНДР. Ким Ён Сам осторожно обходил этот вопрос. Но его комментаторы более откровенны: «Север, однако, должен быть трансформирован в плюралистское общество перед тем, как свободные выборы могут быть проведены в Корее. Иными словами, Северная Корея должна быть трансформирована в либеральное, демократическое государство, подобное Южной Корее. Вот почему две Кореи должны сначала восстановить ощущение гомогенности через процесс создания доверия»²⁵. Это та самая «гомогенность», против которой, как сказано выше, возражал Ким Ир Сен. Ее задача — преобразовать КНДР по образу и подобию РК и тем облегчить их последующее воссоединение под эгидой и по сценарию Южной Кореи.

В выступлениях Ким Ён Сама не было недостатка в миролюбии, дружественных заверениях в адрес КНДР. Вот, например, что он говорил в августе 1996 г. по случаю 51-й годовщины освобождения Кореи: «Кардинальные факторы улучшения межкорейских отношений и достижения мирного объединения — это мир и сотрудничество. Только мир и сотрудничество могут помочь нам преодолеть боль национального разделения. Они являются ключом, который откроет путь к объединению и процветанию. С этой точки зрения я выскажу нашу позицию в поддержку мира на Корейском полуострове и межкорейского сотрудничества.

Первое. Мы желаем стабильности в Северной Корее. Мы не хотим, чтобы трудности, которые испытывает сейчас Северная Корея, дошли до той точки, где они заденут ее стабильность.

Второе. Мы не хотим, чтобы Северная Корея была изолирована. Мы надеемся, что Северная Корея станет действительным членом международного сообщества, чтобы вместе с нами она могла увеличить потенциал и возможности нашего народа и оказать содействие миру.

Третье. Мы не преследуем такого объединения, которое навязывалось бы одной стороне другой. Корейский вопрос должен быть решен мирным и практическим путем в соответствии с соглашениями между Югом и Севером»²⁶.

Как это часто бывает у политиков, торжественные декларации далеки от их истинных намерений и действий.

Объединение Кореи посредством поглощения Севера Югом категорически неприемлемо для КНДР. В уже цитированной нами новогодней речи 1991 г. Ким Ир Сен говорил: «Путем поглощения другой стороны, будь то военный или мирный (путь), не осуществится воссоединение нашей страны. Это уже было доказано историей... Объединить страну путем введения конфедерации, предполагающей существование двух систем, двух правительств в рамках одной нации, одного государства — таков великий принцип в разработке метода воссоединения Родины, отвечающий реальным условиям нашей страны. Именно в реализации этого принципа — путь к ликвидации состояния раскола страны, взаимному примирению и сплочению соотечественников Севера и Юга как единой нации и максимальному ускорению процесса мирного воссоединения Родины»²⁷.

Планы поглощения Севера Югом не отвечают также чаяниям народа Южной Кореи. В этом отношении показательны результаты общественного опроса, организованного правительством РК в июне 1992 г.: 53% населения выразили тогда веру в то, что объединение Кореи возможно в пределах 10 лет, 21,1% — 20 лет. На вопрос о методе объединения 85,6% высказались за интеграцию и только 10,1% отдали предпочтение германскому пути, то есть поглощению Севера Югом. Напомним, что опрос проходил вскоре после объединения Германии и ее пример все еще продолжал будоражить общественность. И тем не менее подавляющее большинство южнокорейцев выступили против метода поглощения, за мирную интеграцию Севера и Юга²⁸.

Ким Ён Сам неоднократно высказывался, что объединение Кореи не может произойти в одночасье, поскольку слишком много сложного и трудного разделяет две ее части, и это должен быть постепенный, поэтапный процесс. В его словах сквозит понятная осторожность опытного политика. Но одновременно в них можно усматривать и предостережение своим согражданам, в среде которых определенно нарастает тяга к преодолению становящегося все более нетерпимым раскола Кореи. В выступлениях Ким Ён Сама все чаще и явственнее звучала тревога в связи с усиливающимися на Юге настроениями в пользу ускорения движения

к объединению, поиска для этого эффективных путей сближения и сотрудничества с Севером.

«Мы должны быть осторожными относительно объединительных фантазий, — указывалось в его Послании о национальной политике на 1996 г. — Мы должны помнить, что любая теория поспешного объединения, которая может вызвать общественную тревогу и побудить северокорейцев к ошибочным расчетам, не будет содействовать улучшению внутрикорейских отношений или самому объединению»²⁹. Эту же мысль Ким Ён Сам повторил в августе 1996 г.: «Мы должны реалистически подготовиться к объединению. Чем сильнее наше желание объединения, тем разумнее и осторожнее должны быть наши шаги. Сентиментализм или идея, что одна сторона должна сделать одолжение другой, чтобы добиться объединения любой ценой, не помогут решить межкорейские проблемы»³⁰.

Как раз в те дни, когда отмечалась 51-я годовщина освобождения Кореи и произносились эти слова, в Сеуле происходили бурные события. Целую неделю там продолжались схватки студентов с полицией, требовавших от правительства свободы общения со сверстниками из Северной Кореи, права участия в совместном с ними мероприятии во имя объединения родины. Как обычно в таких случаях, власти приписали студенческие волнения проискам «подрывных элементов» с Севера. Под воздействием официальной пропаганды население столицы, напуганное действиями студентов, их не поддержало. Но это, на наш взгляд, не меняет того факта, что студенчество — наиболее чуткая и активная часть общества — своим выступлением выразило общий настрой народа РК, недовольного политикой правительства в вопросах объединения. Жестокой расправой со студентами власти РК тогда показали, что не разделяют таких настроений и готовы силой пресекать их проявления.

Рассмотренные выше программы Севера и Юга интересны исследователям тем, что в значительной мере отражают разные подходы двух корейских государств к путям объединения Кореи.

На Севере — курс на постепенное объединение посредством созданных совместно с Югом государственных структур конфедерации с заранее согласованным и четким обозначением их задач и функций, стремление не ограничиваться в объединительном процессе официальным уровнем и включить в него широкую патриотическую общественность. Но главное для него — недопущение каких-либо преимуществ у более многонаселенного и экономически сильного Юга, соблюдение строго паритетных основ на всех стадиях формирования конфедерации и ее деятель-

ности по строительству фундамента будущего полного слияния двух частей Кореи. Северу категорически неприемлемы любые поползновения нарушить при этом принципы равного участия и равной выгоды, навязать ему противоречащие его интересам взгляды и решения, тем более такие, которые грозят ему потерей самостоятельности, зависимостью от партнера по переговорам. Отсюда повышенная настороженность в конкретных вопросах межкорейских отношений, резкое противодействие всему, что содержит хоть малейший намек на нарушение суверенных прав и достоинств Севера, возможность поглощения его Югом.

На Юге — расчет также на постепенный, трехэтапный процесс воссоединения, но неизвестно каким образом начинающийся и не поставленный в согласованные конкретные организационные рамки. Смысловая его нагрузка видна невооруженным глазом — максимально возможное давление на Север с целью подталкивания его к таким преобразованиям, которые в конечном счете подготовили бы и облегчили поглощение его Югом. В основном из этих побуждений исходят многие требования к Северу, выдвигаемые в качестве предварительных условий общения с ним. Однако все рассуждения о постепенном, ненасильственном характере процесса объединения не должны заслонить тот факт, что власти Юга не исключают кризисного, скачкообразного его развития. «Я еще раз повторяю, что мы надеемся на объединение постепенное и поэтапное, — говорил Ким Ён Сам в августе 1994 г. — Однако существует, разумеется, и возможность того, что объединение может произойти неожиданно, в любое время. Мы должны изучить любую возможность и быть готовыми к любому исходу»³¹. Политика правительства РК последних лет президентства Ким Ён Сама давала основания полагать, что оно исходило из ожиданий именно такого поворота событий, связывая их с надеждами на критическое изменение ситуации на Севере.

В какой-то степени можно понять резко негативное отношение руководства КНДР к южнокорейской программе: кому на самом деле охота соглашаться с вариантом объединения, заведомо предполагающим утрату им власти, смену существующего в республике строя, присоединение ее к другому государству. Труднее понять нежелание властей РК даже обсуждать вопрос о конфедерации с КНДР. Скорее всего тут проявляются их личные амбиции или боязнь недовольства со стороны тех, кто продолжает ориентироваться только на силовые методы решения корейского вопроса. Как нам представляется, конфедерация способна открыть Югу возможности не просто сосуществования и сотрудничества с Севером, но и реального воздействия на его

политику и общественное мнение, создания там доверия к своим целям и идеалам, действительного продвижения на этой основе к национальному единству. Если власти Юга не на словах, а на деле стремятся к мирному, демократическому, добровольному воссоединению страны, они не должны бездумно отмахиваться от преимуществ конфедерации.

Частые ссылки на то, что предложения КНДР о конфедерации — пропагандистская уловка, рассчитанная на «коммунизацию» Юга, кажутся убедительными. Во-первых, лозунги «коммунизации» давно отсутствуют в политических документах КНДР, уступив место установкам на национальные цели и интересы. Во-вторых, такого рода опасения свидетельствуют о том, что правящие круги Юга сами не очень прочно себя чувствуют, не верят в жизнестойкость и предпочтительность для всего корейского народа существующей в РК общественно-политической системы. Самый верный способ проверить искренность намерений руководства КНДР, реальное содержание и пригодность его программы объединения — вступить с ним в переговоры по этому поводу, конкретно и без предубеждений обсудить ее достоинства и недостатки и лишь на такой основе определить к ней свое отношение.

Выдвигаемая КНДР формула объединения Кореи: одна нация, одно государство, две системы, два правительства и базирующееся на ней предложение о создании конфедерации Севера и Юга — не столь уж беспочвенны, как иногда у нас считают. Их реалистичность подтверждает, в частности, практика соседнего Китая, где возвращенный в его состав в 1997 г. Гонконг останется на последующие полвека капиталистическим анклавом крупнейшего в Азии социалистического государства, и там в рамках одной страны должны будут сосуществовать две разные системы. Изберут ли две Кореи сходный путь воссоединения, будет зависеть от стечения многих внутренних и международных обстоятельств, от того, какие силы и интересы в каждой из них возобладают, как сложатся в будущем их взаимоотношения.

Некоторую надежду на сближение программ Севера и Юга порождает вступление в феврале 1998 г. в должность президента РК Ким Дэ Чжуна. Этот крупный политик, давний противник диктаторских режимов, известен как один из сторонников конфедеративной концепции объединения. Отстаивая необходимость постепенного, поэтапного воссоединения Кореи, Ким Дэ Чжун еще в 1991 г. говорил: «Я думаю о “трех принципах, трех ступенях”. Три принципа — это мирное сосуществование, мирные обмены, мирное воссоединение. Первая ступень воссоединения —

конфедерация корейских республик — “одна конфедерация и два независимых правительства”. Вторая ступень — “одно конфедеративное правительство и два региональных автономных правительства” и третья ступень — полное воссоединение — “одно государство, одно правительство”»³².

Хотя Ким Дэ Чжун уверял, что его концепция принципиально отличается от концепции Ким Ир Сена, на самом деле, по нашему мнению, у них все же больше общего, чем разного. Отчасти сходны основополагающие принципы и поэтапный подход к созданию конфедерации. Примерно одинаково предполагаются конфедеративный парламент и правительство из равного числа представителей, которые должны работать на основе единогласно принятого соглашения. В их компетенции проблемы мирного сосуществования, мирных обменов и мирного объединения, а также все дела, порученные каждым государством, входящим в конфедерацию. Главное отличие в том, что у Ким Дэ Чжуна вопросы обороны, внешних и внутренних дел на начальной стадии остаются в ведении правительств двух Корей, тогда как у Ким Ир Сена предусмотрена их передача конфедеративным органам. Однако, как уже говорилось, Ким Ир Сен в 1991 г. соглашался на значительное расширение полномочий местных правительств, возможно, имея в виду и то, на чем настаивал Ким Дэ Чжун. Очевидно, не без оснований Ким Дэ Чжун заявлял тогда: «В январе 1991 г. Президент Ким Ир Сен, хотя и критиковал мой план, но вносил изменения в свой давний проект Конфедеративной Республики Корё»³³. Высказывания Ким Дэ Чжуна лишний раз подтверждают жизненность и перспективность для Кореи идеи конфедерации, способы и формы воплощения которой, естественно, можно и нужно обеим сторонам совместно уточнять и конкретизировать.

Межкорейский диалог

В истории корейского вопроса принципиально важное место занимает начало 1990-х годов. В сентябре 1990 г. Советский Союз и Республика Корея установили между собой дипломатические отношения. То же самое (некоторые даже раньше) сделали другие социалистические страны. Следующий шаг в этом направлении предприняла КНР, активно сотрудничавшая с РК в экономической сфере и в 1992 г. вступившая с ней в дипломатические отношения. Тем самым завершился длительный период непризнания РК социалистическим лагерем. Указанный факт имеет огромное значение, выходящее за рамки двусторонних связей с

РК названных выше стран. Благодаря ему открылись новые возможности позитивного развития ситуации на Корейском полуострове и международных отношений во всей Северо-Восточной Азии (СВА).

Глядя с сегодняшних позиций, можно утверждать, что политика полной изоляции РК от Советского Союза и его союзников в целом себя не оправдала. Игнорирование этими странами РК не помешало ей достичь высокого уровня по многим параметрам развития, обрести весомый международный авторитет. Зато они лишили себя на долгое время немалых экономических выгод от общения с РК и упустили дополнительные возможности через взаимоотношения с ней положительно влиять на урегулирование проблем Кореи. Видимо, практика непризнания одних государств другими вообще себя изживает. Она тем более была неуместна и нелогична для таких стран, как СССР и КНР. Ведь в недавнем прошлом их самих также отказывались признавать ведущие державы мира, и эти два государства резонно сетовали на такую несправедливость, доказывая необходимость считаться с ними как с объективной реальностью, обладающей всеми законными правами в международном сообществе. Однако это не помешало им самим занять столь же неразумную позицию в отношении РК. КНДР болезненно отреагировала на совершенный СССР и другими социалистическими странами крутой поворот в их «корейской политике», хотя сама также была вовлечена в общий поток позитивных перемен, наметившихся в мире. В том же 1990 г. начались переговоры КНДР с Японией о нормализации их отношений. По разным причинам они до сих пор не принесли результата, но важен сам факт их начала, учитывая то, как много острых проблем и взаимного недоверия накопилось у этих двух стран на протяжении XX века.

Самое главное — в 1990 г. возобновился, в очередной раз заглохший к тому времени, межкорейский диалог. Первые обнадеживающие признаки его оживления и конструктивного развития проявились в вопросе о членстве двух корейских государств в ООН. Как известно, КНДР долгое время противилась их одновременному вступлению в эту организацию, полагая, что это еще больше закрепит раскол Кореи. Но в 1990 г. она смягчила свою позицию, согласившись на допуск КНДР и РК в ООН при условии, что они займут там одно место. Весной 1991 г. КНДР вновь пересмотрела свою точку зрения и, как она подчеркивала, идя навстречу пожеланиям партнера по межкорейскому диалогу, высказалась за полномасштабное, без всяких оговорок, самостоятельное представительство в ООН обеих Кореи. В сентябре 1991 г.

КНДР и РК стали полноправными членами ООН, что открыло каждой из них возможности более широкого участия в делах мирового сообщества. Можно без преувеличения назвать это крупным международным событием, завершившим длительную историю сложных и противоречивых взаимоотношений с ООН двух корейских государств.

Состоявшиеся в это же время шесть туров переговоров глав правительств КНДР и РК, проходившие попеременно в Сеуле и Пхеньяне, были беспрецедентными в межкорейских отношениях. Они знаменательны достигнутым на них результатом. В декабре 1991 г. были подписаны Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между Севером и Югом (далее — Основное соглашение) и Совместная декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова³⁴. К весне 1992 г. оба документа прошли необходимые процедуры ратификации и вступили в законную силу³⁵.

Основное соглашение обращает на себя внимание прежде всего тем, что его участники согласились считать отношения между ними «временно сложившимися в ходе продвижения к воссоединению особыми, а не межгосударственными отношениями»³⁶, подчеркнув таким образом их промежуточное состояние на пути к объединению Кореи. Впервые стороны заявили об официальном признании существующих друг у друга систем, взяли взаимные обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не заниматься клеветой и нападками, не предпринимать акций, направленных на дезорганизацию и свержение другой стороны, прекратить конфронтацию на международной арене, сотрудничать и прилагать совместные усилия «во имя достоинства и интересов нации»³⁷. Север и Юг обещали также не применять вооруженных сил против другой стороны, урегулировать разногласия и спорные вопросы мирным путем, через диалог и переговоры. В ряде статей определены задачи экономического сотрудничества «в целях пропорционального развития национальной экономики в едином порядке и повышения благосостояния всей нации»³⁸, восстановления прерванных многие десятилетия транспортных коммуникаций и связи, сотрудничества и обмена в различных областях науки, техники и культуры, в гуманитарной сфере и т. д. Для реализации достигнутых договоренностей стороны условились создать специальные организационные структуры.

Совместная декларация ставила целью «добиться безъядерного статуса Корейского полуострова и тем самым ликвидировать опасность ядерной войны, создать благоприятные условия и обстановку для мира и мирного объединения нашей страны и вне-

сти вклад в мир и безопасность в Азии и во всем мире»³⁹. В ней Север и Юг отказывались от испытания, изготовления, производства, принятия, хранения, размещения и применения ядерного оружия, обязались использовать ядерную энергию только в мирных целях, договорились о проверке безъядерного статуса Корейского полуострова посредством взаимных инспекций соответствующих объектов друг друга. Для осуществления положений Декларации надлежало в установленный срок учредить совместную комиссию Севера и Юга по ядерному контролю.

Оба изложенных нами вкратце документа имеют поистине историческое значение. Фактически КНДР и РК наконец-то признали друг друга, юридически закрепив давно необходимый отказ от прежних претензий каждой из них считать себя единственным законным представителем всей Кореи⁴⁰. Подписав их, КНДР и РК не только открыли перспективы собственного взаимопонимания и сближения, но и внесли вклад в общие усилия мирового сообщества по оздоровлению международной обстановки.

Естественно, что достигнутые КНДР и РК соглашения, как и любые другие аналогичные документы, могли проявить свою реальную значимость лишь при условии последующей работы по их выполнению. Такая работа началась вскоре после ратификации документов. В мае 1992 г. состоялась очередная встреча премьер-министров КНДР и РК в Сеуле, на которой договорились образовать Совместную комиссию по примирению, Совместную военную комиссию, Совместную комиссию по экономическим обменам и сотрудничеству, Совместную комиссию по социальным и культурным обменам и сотрудничеству, а также создать Службу связи между Севером и Югом. Стороны условились обмениваться группами граждан (по 240 человек, главным образом из числа членов разделенных семей) ко Дню освобождения Кореи — 15 августа, назвав это «первым символическим шагом в осуществлении исторического Основного соглашения Севера и Юга»⁴¹. Следующая (восьмая) встреча глав двух правительств прошла в Пхеньяне в сентябре 1992 г. На ней были подписаны Протокол о примирении, Протокол о ненападении, Протокол об обменах и сотрудничестве, конкретизирующие и развивающие соответствующие разделы Основного соглашения⁴². Стороны наметили график мероприятий до конца 1992 г. Тем временем перечисленные выше комиссии, а также Совместная комиссия по контролю за использованием ядерной энергии начали свою деятельность, проведя каждая несколько заседаний⁴³.

Основное соглашение начало наполняться некоторым реальным содержанием и в экономической сфере. Открылись перегово-

воры об участии южнокорейского капитала в создании на крайнем северо-востоке КНДР международной свободной экономической зоны (Туманганский проект). Обсуждался также вопрос об организации специальной экономической зоны для южнокорейского бизнеса на западном побережье КНДР, в районе г. Хэджу. Более 40 фирм РК изъявили желание вступить в деловые контакты с КНДР⁴⁴. Глава известного концерна «Дэу» Ким У Чун заключил с правительством КНДР соглашение о строительстве в г. Нампхо пошивоччнabriки и отеля. Рассматривались планы возведения еще одного отеля в горах Кымгансан или Мёхянсан, создания в КНДР современной туристической индустрии. В июле 1992 г. тогдашний вице-премьер правительства КНДР Ким Дар Хён посетил Сеул для обсуждения широкого круга проблем двустороннего экономического сотрудничества, встречался там с Ро Дэ У, побывал на крупнейших промышленных предприятиях.

Нельзя сказать, что с подписанием изложенных выше документов отношения КНДР и РК коренным образом изменились. Стороны по-прежнему не скупились на резкие заявления, предъявляли разного рода взаимные претензии, выражали сомнения в искренности друг друга и т. д. Но тем не менее встречное движение двух частей Кореи, пусть медленно, с издержками и отступлениями, все же происходило. Однако это явно не всех устраивало. Как уже не раз случалось в истории Кореи, в ее внутреннее дела вмешались внешние силы.

Инициативу взяли на себя США. Видимо, там сочли, что правительство РК слишком поспешно и далеко пошло навстречу КНДР. «Правительство США, — отмечал один из американских участников международной научной конференции в Сеуле в сентябре 1992 г., — казалось озабоченным тем способом и скоростью, с которыми южнокорейское правительство двигалось к этим соглашениям. С точки зрения США, Южная Корея проявляла тенденцию к преуменьшению проблемы доступа Северной Кореи к ядерному оружию, которая, по мнению США, была наиболее важной и приоритетной. Южнокорейское правительство выглядело таким образом, что под давлением внутренних политических соображений оно стремилось к быстрому улучшению его отношений с Северной Кореей путем отказа от собственных предварительных условий и некритического принятия многих северокорейских условий»⁴⁵. В правящих кругах США явно возникло опасение, что процесс сближения КНДР и РК может выйти из-под американского контроля и привести к нежелательным последствиям для стратегических интересов США на Корейском полуострове и во всей Северо-Восточной Азии. Поэтому процесс,

по их мнению, следовало притормозить. К тому же в СССР, странах Восточной Европы и Монголии только что пал социализм, и политики США определенно надеялись добиться его ликвидации и в КНДР.

Формальным прикрытием неблагоприятных целей, противоречащих насущным потребностям всего корейского народа, его растущему стремлению к национальному единству, явилась инспирированная США шумиха относительно «ядерных притязаний» КНДР. Поддаким надуманным предложением КНДР стала объектом массированного нажима со стороны США и их союзников. К развернутой против КНДР враждебной кампании поспешило присоединиться правительство РК. Вероятно, не обошлось без соответствующей «разъяснительной работы» со стороны США. Выступая 15 августа 1992 г. по случаю Дня освобождения Кореи, президент РК Ро Дэ У заявил, что до тех пор, пока остается неясность в вопросе о разработке северокорейской ядерной программы, невозможно ожидать улучшения в отношениях между Югом и Севером⁴⁶. Приуроченный к этому празднику обмен группами граждан состоялся. В начале октября 1992 г. делегация южнокорейских чиновников и бизнесменов посетила Северную Корею, чтобы ознакомиться с состоянием легкой промышленности в Нампхо и обсудить возможности создания на ее основе совместного предприятия. Затем по указанию правительства РК все намеченные проекты сотрудничества с КНДР были заморожены, деловые контакты с ней запрещались до выяснения «ядерного вопроса». Одновременно США и РК объявили о возобновлении в 1993 г. военных маневров «Тим спирит» (в 1992 г. они не проводились), которые в КНДР считают крайне опасной провокацией у своих границ. В знак протеста КНДР прекратила участие в деятельности комиссий, работавших над реализацией Основного соглашения и Совместной декларации. В итоге к началу 1993 г. межкорейский диалог, так многообещающе проходивший в 1992 г., был полностью прерван.

Рассмотренная выше «Программа по великой национальной консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов», опубликованная Ким Ир Сеном в апреле 1993 г., явилась, как нам кажется, своеобразным сигналом о необходимости двум Кореям не поддаваться нагнетаемой извне атмосфере враждебности, а вместе предпринять новые усилия к восстановлению единства и сплоченности корейской нации. Не случайно «Программа» начиналась констатацией: «Положить конец почти полувековой истории раскола и конфронтации, объединить Родину — единодушное требование и воля всей нации», а один из ее пун-

ктов призывал: «Не надо враждебно относиться к соотечественникам, а надо сплоченными силами нации сообща противостоять агрессии и вмешательству внешних сил»⁴⁷. Миролюбивый тон «Программы», ее конструктивное содержание изъясняли готовность КНДР возобновить попытки совместно с РК самостоятельно решать назревшие для всей Кореи вопросы.

Можно полагать, в Сеуле не остался незамеченным сигнал из Пхеньяна. Однако новый президент Южной Кореи Ким Ён Сам не только продолжил линию своего предшественника, но и ужесточил требования урегулировать «ядерный вопрос», прежде чем заниматься внутрикорейскими делами. В мае 1993 г. его правительство предложило КНДР провести переговоры высокого уровня по этой теме. КНДР внесла свое предложение: организовать встречу лидеров по проблемам объединения, а для обсуждения нерешенных вопросов предварительно произвести обмен специальными посланниками двух президентов. Сеул тогда не принял это предложение. В сентябре 1993 г. КНДР вновь выступила с идеей обмена спецпосланниками для выработки мер по укреплению безъядерного статуса Корейского полуострова, уменьшения напряженности между Севером и Югом, совместной подготовки к проведению в жизнь Основного соглашения. На этот раз Сеул, удовлетворенный тем, что в намечаемой программе бесед спецпосланников первым был назван «ядерный вопрос», дал свое согласие. С 5 октября 1993 г. по 19 марта 1994 г. состоялось 8 рабочих встреч по подготовке обмена спецпосланниками. Но они закончились крупной неудачей. Представитель Юга в ультимативной форме потребовал от КНДР немедленно прекратить нападки на лидера РК и разжигание антиправительственной борьбы в Республике Корея, предоставить «ядерному вопросу» при обмене спецпосланниками безусловный приоритет перед другими вопросами. Со своей стороны, представитель Севера утверждал, что возобновление Югом военных учений «Тим спирит» и ввоз им американских ракет «Пэтриот» равнозначны «декларации о конфронтации по всему фронту» и даже «объявлению войны»⁴⁸. Участники переговоров обменялись под конец угрожающими заявлениями и разъехались, ни о чем не договорившись.

Провал попытки восстановить южнокорейский диалог через обмен спецпосланниками (в чем стороны упрекали друг друга) еще более осложнил ситуацию. «Обстановка на Корейском полуострове резко ухудшилась, — говорил Ким Ир Сен в апреле 1994 г., — она становится чреватой опасностью возникновения войны»⁴⁹. Нужен был смелый, решительный шаг, чтобы не допустить трагического развития событий. И такой шаг был сделан.

18 июня 1994 г. в Сеул прибыл бывший президент США Дж. Картер, посетивший перед этим Пхеньян. Он привез с собой послание Ким Ир Сена с предложением о встрече на высшем уровне. Ким Ир Сен выразил готовность участвовать в такой встрече без каких-либо предварительных условий после соответствующей подготовительной работы.

28 июня 1994 г. состоялись переговоры вице-премьеров двух правительств, на которых было подписано соглашение о подготовке внутрикорейского саммита. Его договорились провести в Пхеньяне 25—27 июля 1994 г. На двусторонних рабочих совещаниях 1 и 2 июля были обсуждены составы делегаций (по 100 присутствующих и 80 журналистов с каждой стороны), форма и продолжительность встречи лидеров, порядок обеспечения их безопасности и другие организационные вопросы. Следующее рабочее совещание намечалось на 13—16 июля⁵⁰. Но оно так и не состоялось. Президент КНДР Ким Ир Сен 8 июля 1994 г. скоропостижно скончался. Вскоре в Сеуле было получено извещение о том, что из-за «непредвиденных обстоятельств» внутрикорейский саммит «должен быть отложен на неопределенный срок»⁵¹. Так внезапная смерть одного из лидеров не позволила провести уже почти подготовленную встречу на высшем уровне, на которую в обеих Кореях возлагались большие надежды. Трудно не согласиться с суждением официального южнокорейского издания: «Это был бы первый внутрикорейский саммит за 50 лет национального раскола. Многие ожидали, что это будет поворотный пункт в межкорейских отношениях, решающий не только ядерный вопрос, но и вообще все другие нерешенные вопросы»⁵².

Приходится признать, что в связи с кончиной Ким Ир Сена правительство РК повело себя, мягко говоря, не лучшим образом. В КНДР получили соболезнования по этому поводу от большинства глав государств. Среди немногих, кто не прислал их, был президент Ким Ён Сам, хотя сделать это обязывала элементарная дипломатическая вежливость, тем более что речь шла о соотечественнике (как бы ни оценивать его роль в истории Кореи). Но Ким Ён Сам даже усугубил нетактичность избранной им позиции, распорядившись в дни траура по Ким Ир Сenu привести вооруженные силы РК в повышенную боевую готовность и запретив южнокорейцам участвовать в прощальных церемониях. Автору данной статьи довелось побывать в КНДР в сентябре-октябре 1994 г. и лично наблюдать, как оскорблены были северокорейцы вызывающе недружественным поведением властей РК, противоречащим национальным традициям.

Действия президента Ким Ён Сама имели неблагоприятный моральный эффект, ухудшив и без того тяжелую обстановку на Корейском полуострове. Но дело не только в этом. Как нам кажется, была совершена крупная политическая ошибка: упущен шанс установления контакта с новым руководителем КНДР Ким Чен Иром. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что главные рычаги подготовки намеченного на июль 1994 г. саммита были в его руках. Наверняка при его поддержке Ким Ир Сен лд сие на встречу с Ким Ён Самом, вместе с Ким Чен Иром готовил к ней свои предложения. Все это могло стать основой для осуществления Ким Чен Иром того, что не успел сделать Ким Ир Сен в налаживании переговорного процесса на высшем уровне. Но Ким Ён Сам не только не проявил к этому интереса, но и оттолкнул Ким Чен Ира, нанеся ему личную обиду подчеркнутым неуважением к его покойному отцу.

Смягчение позиций правительства РК произошло сразу же после того, как КНДР и США подписали 21 октября 1994 г. так называемое рамочное соглашение, открывшее путь к устранению «ядерных подозрений» в отношении КНДР и к нормализации ее отношений с США. В очередной раз власти РК продемонстрировали слишком тесную зависимость своего внутрикорейского курса от политики США. Уже 7 ноября 1994 г. на встрече с лидерами южнокорейского бизнеса Ким Ён Сам провозгласил наступление «эпохи примирения и сотрудничества», говорил о необходимости поэтапных мер по активизации экономических контактов между Югом и Севером. На следующий день конкретные задачи, вытекающие из рамочного соглашения и выступления президента, были рассмотрены на правительственном уровне. В результате министерство национального объединения РК обнародовало 24 ноября 1994 г. новый курс межкорейского экономического сотрудничества, сводившийся главным образом к облегчению бюрократических процедур при оформлении совместных проектов и торговых операций с КНДР, создании на Севере представительств южнокорейского бизнеса и т. д.⁵³

В КНДР более чем жестко отреагировали на инициативу Ким Ён Сама. В заявлении представителя Комитета по мирному объединению родины (это основной орган проведения курса КНДР в межкорейских отношениях) Ким Ён Сам обвинялся в нарушении данного при вступлении в должность президента обещания «сделать интересы нации приоритетными», в возобновлении крупномасштабных учений по подготовке к ядерной войне «Тим спирит», безропотном присоединении к «ядерной» шумихе, инициированной внешними силами, одностороннем замораживании

диалога между Севером и Югом. В тексте заявления напоминалось, что в дни траура по Ким Ир Сёну правящая группировка Ким Ён Сама «нарушила нравственный кодекс и даже, не выразив соболезнования, объявила по всей стране “чрезвычайное положение”, направила ствол в грудь нации, не позволяя южнокорейскому народу выразить соболезнование, совершила невиданные в истории преступления против человечества, против нации, которые не могут быть оправданы». Выступление Ким Ён Сама 7 ноября было названо в заявлении «упражнением в пустословии», сам же он должен «извиниться перед нацией» и в качестве предварительного условия для налаживания сотрудничества и доверия отменить Закон о государственной безопасности, квалифицирующий КНДР как «антигосударственную организацию», а контакты с ней — преступление⁵⁴.

Несмотря на столь резкие политические высказывания КНДР в адрес властей РК и лично Ким Ён Сама, экономические связи между Севером и Югом все же несколько оживились. В 1995—1996 гг. для обсуждения вопросов совместного предпринимательства и кооперативного сотрудничества в КНДР побывали более 200 южнокорейских бизнесменов, представлявших свыше 30 фирм и компаний⁵⁵. Южнокорейский капитал проявляет растущий интерес к создаваемой на северо-востоке КНДР свободной торгово-экономической зоне Раджин—Сонбон. В международной конференции по поводу этого проекта, проведенной Пхеньяном в сентябре 1996 г., намеревались участвовать многие деятели южнокорейского бизнеса, но не смогли этого сделать из-за организационных расхождений между властями КНДР и РК. Взаимная торговля двух Корей (через третьи страны) не прекращалась даже в 1992—1994 гг. Но в 1995 г. ее общий объем увеличился почти в 1,5 раза по сравнению с 1994 г. и составил 287,2 млн долл.⁵⁶ К 1997 г. он вырос до 308,3 млн долл.⁵⁷ Во внешней торговле КНДР третье место (после КНР и Японии) заняла РК, потеснив Россию и другие страны.

В последние годы КНДР испытывает огромные трудности с продовольствием. В 1994 г. в ряде районов была засуха, в 1995 г. страну постигло беспрецедентное по масштабам и губительным последствиям наводнение, в 1996 г. — снова наводнение, хотя и меньших размеров, но также с большим уроном для экономики. Нелегкими оказались и последующие годы. Поэтому впервые за всю историю КНДР страна вынуждена была обращаться за помощью к мировому сообществу. Вместе с другими государствами на просьбу КНДР о помощи откликнулась РК. Ее правительство выделило КНДР безвозмездно 150 000 т риса, которые в июне —

октябре 1995 г. в несколько приемов были доставлены на южнокорейских судах в порты Раджин и Чхонджин. Вопросы, связанные с их поставкой, обсуждались в ходе трех раундов переговоров представителей КНДР и РК в Пекине в июне, июле и сентябре 1995 г.⁵⁸ В 1996 г. в ответ на призыв международных организаций оказать КНДР дополнительную помощь РК предоставила в распоряжение Мировой продовольственной программы ООН 2 млн долл. на покупку зерна и передала Фонду ООН помощи детям 203 т сухого молока на сумму 1 млн долл. Кроме того, она пожертвовала 50 тыс. долл. Всемирной метеорологической организации на восстановление метеорологической службы в КНДР. Взносы организаций и частных лиц РК аккумулировал ее национальный Красный Крест. С ноября 1995 г. по октябрь 1996 г. им были направлены в КНДР через Международный Красный Крест продовольствие (мука, пищевое масло, сухое молоко, лапша быстрого приготовления и др.) и шерстяные одеяла на сумму 1,8 млн долл.⁵⁹

Признавая большое значение и гуманный характер оказанной КНДР помощи, нельзя не отметить вместе с тем некоторую двусмысленность поведения властей РК. С одной стороны, не было недостатка в выражениях сострадания КНДР. «Северная Корея сейчас переживает серьезную нехватку продовольствия, — говорил Ким Ён Сам в августе 1996 г., — особенно ущерб от наводнения, вызванного проливными дождями последнего месяца, увеличил страдания северокорейцев. Как часть одного и того же народа мы не можем не проявлять искреннего сочувствия им. Мы с братской любовью помогли северокорейцам в прошлом и будем прилагать усилия к получению международной помощи Северной Корее в будущем»⁶⁰. С другой стороны, делались попытки использовать трудности КНДР для давления на нее. Из Сеула не раз звучали предостережения, что дальнейшая помощь КНДР будет зависеть от изменения ее отношения к РК, от ее шагов к смягчению напряженности. Стремясь ограничить прямые контакты США и Японии с КНДР, правительство РК добилось, чтобы эти страны предоставляли КНДР помощь только через международные организации. Представители последних, контролируя непосредственно в КНДР распределение международной помощи, неоднократно отвергали утверждения официальных лиц РК, что эта помощь якобы расходуется там на нужды армии, а не населения. Власти же РК препятствовали предоставлению КНДР через свой Красный Крест главного для корейцев продукта питания — риса. Заместитель министра национального объединения заявил в июне 1996 г.: «Некоторые творцы политики здесь считают, что рис

является стратегическим предметом. Поэтому правительство советовало частным организациям не предлагать (КНДР) рис»⁶¹.

Едва наметившиеся межкорейские связи снова были прерваны в сентябре 1996 г. из-за инцидента с подводной лодкой КНДР, севшей на камни вблизи южнокорейского города Каннин на восточном побережье. В РК объявили это актом агрессии, ввели чрезвычайное положение. Президент Ким Ён Сам вновь запретил любые контакты с Севером. В КНДР отвергли обвинения в преднамеренных подрывных действиях, характеризовали инцидент как несчастный случай во время учебного похода подводной лодки. Стороны обменялись резкими угрожающими заявлениями в адрес друг друга. Инцидент с подводной лодкой был исчерпан после того, как в конце декабря 1996 г. КНДР официально выразила «глубокое сожаление» по поводу случившегося и заверила, что приложит усилия к тому, чтобы подобное не повторилось, и что она «будет действовать в направлении установления прочного мира и стабильности на Корейском полуострове»⁶². Видимо, сказалось воздействие на обе стороны мирового сообщества, в первую очередь США, не желавшего допустить опасного разрастания последствий инцидента. Но, как нам кажется, этот шаг КНДР, беспрецедентный для ее отношений с РК, свидетельствует также о каких-то новых явлениях в политике, действительной заинтересованности в продвижении к нормализации обстановки на полуострове.

Как бы то ни было, примирительное заявление КНДР было с удовлетворением воспринято на Юге. Вскоре последовало возобновление экономических контактов между ними. В апреле 1997 г. власти РК отменили запрет на предоставление частными организациями и отдельными лицами продовольственной помощи КНДР. Разрешено было посылать туда даже рис, но только не отечественный, а импортный. Все поставки такого рода должны идти через национальный Красный Крест и КОТРА (Корейская корпорация содействия торговле). Что касается государственной помощи, то она, как было заявлено, может быть оказана лишь после соответствующих переговоров на официальном уровне⁶³. Тогда же, в апреле 1997 г., КНДР посетила делегация КОТРА, договорившаяся об открытии в свободной торгово-экономической зоне на северо-востоке торгового представительства РК для содействия южнокорейским бизнесменам, намеревающимся вложить здесь свой капитал. Стороны условились также провести переговоры о развитии торговли, преимущественно товарами легкой промышленности, в которых с южнокорейской стороны предполагалось участие около 15 фирм, выпускающих обувь, одеж-

ду, компоненты электронного оборудования⁶⁴. Отмеченные выше контакты между КНДР и РК 1994—1997 гг. в основном не вышли за пределы некоторых аспектов экономического сотрудничества. К ним можно добавить еще контакты по линии ядерной энергетики (через КЕДО*). Однако все они были далеки от того высокого правительственного уровня, на котором велся межкорейский диалог в 1991—1992 гг., тем более от уровня согласованной, хотя и не состоявшейся встречи двух президентов.

В совместном заявлении по итогам переговоров президента Ким Ён Сама с президентом США Б. Клинтоном на о-ве Чеджудо в апреле 1996 г. была подтверждена «готовность Республики Корея встретиться без предварительных условий на правительственном уровне с представителями КНДР»⁶⁵. Такого рода жесты делались официальными лицами РК не раз, но за ними не следовали какие-либо конструктивные шаги. Со своей стороны, КНДР также высказывалась за межкорейский диалог, но выражала сомнения в искренности призывов РК к переговорам. «Подобно тому, как в одной миске нельзя смешать воду и огонь, диалог не может сочетаться с войной», — говорилось в заявлении Комитета по мирному объединению Родины в июле 1996 г. В заявлении подчеркивалось, что с приходом к власти в Сеуле первого гражданского президента Ким Ён Сама ситуация лишь обострилась и доведена до грани войны. Только по официальным данным, если в 1992 г. в Южной Корее было проведено 8 военных учений, направленных против КНДР, то в 1993 г. — уже 16, в 1994 г. — 32, а в 1995 г. — 37. На Юг были переброшены новейшие виды вооружений для массового истребления людей, включая ракетную технику. Среди препятствий на пути межкорейского диалога заявление Комитета КНДР выделило попытки властей РК прибегать к военной угрозе, опираться на внешние силы, монополизировать в руках правительства право на диалог, в то время как КНДР считает диалог и воссоединение внутренним делом самих корейцев и «держит открытыми двери диалога для всех, кто поистине стремится к воссоединению страны и процветанию нации»⁶⁶.

Нынешний президент РК Ким Дэ Чжун в предвыборных выступлениях охарактеризовал северокорейскую политику Ким Ён Сама как «полностью неудачную», критиковал его за непоследовательность в вопросах оказания Северу продовольственной помощи, за допущение возможности поглощения Севера Югом, за то, что многократно заявлялось о намерениях сделать решительные предложения Северу, но никогда дело не доводилось

* Korean Peninsula Energy Development Organisation.

до конца и т. д. Ким Дэ Чжун высказывался о нежелательности коллапса на Севере, необходимости ослабить существующие у КНДР опасения агрессии против нее и посредством межкорейских переговоров и международной помощи повернуть Северную Корею от изоляции к открытости и реформам⁶⁷. Официальный орган министерства национального объединения РК так оценивает теперь итоги деятельности администрации Ким Ён Самы: «Предшествующая политика сдерживания Севера привела к повышению напряженности и таким образом к неудаче в улучшении внутрикорейских отношений»⁶⁸.

В речи на церемонии инаугурации 25 февраля 1998 г. Ким Дэ Чжун говорил: «Внутрикорейские отношения должны развиваться на базе примирения и сотрудничества, а также установления мира. Отношения Юг — Север стиля холодной войны, которые не позволяли членам разделенных семей даже выяснить, живы или умерли их родители, братья и сестры, не говоря уж о диалоге и обменах, должны быть окончены как можно скорее. Я не могу не чувствовать безграничного стыда перед нашими предками, которые сохраняли единую страну более чем 1300 лет»⁶⁹. Путь к урегулированию имеющихся у Юга и Севера проблем, продолжал далее Ким Дэ Чжун, уже открыт: это выполнение Основного соглашения, заключенного ими в декабре 1991 г., в котором стороны достигли согласия по вопросам примирения, ненападения, обменов и сотрудничества. «Если только мы осуществим эти соглашения, мы сможем успешно решить внутрикорейские проблемы и двинуться вперед по широкой дороге к объединению»⁷⁰.

Ким Дэ Чжун сформулировал в этой речи следующие три принципа своей политики относительно Севера: «Первое: мы никогда не потерпим вооруженную провокацию любого рода. Второе: мы не имеем какого-либо намерения подорвать или поглотить Северную Корею. Третье: мы будем активно следовать примирению и сотрудничеству между Югом и Севером, начиная с тех сфер, которые могут стать доступными для нас»⁷¹. Как только обмены и сотрудничество между Югом и Севером сдвинутся с места, заверил Ким Дэ Чжун, новое правительство РК поддержит Север в налаживании взаимодействия со своими друзьями, включая США и Японию, а также с международными организациями. Несмотря на экономические трудности, оно выполнит обязательства РК по строительству на Севере легководных реакторов, не будет скупиться на оказание ему продовольственной помощи. Но самый неотложный вопрос, по мнению Ким Дэ Чжуна, — судьбы огромного числа людей, чьи родственники после Корейской войны навсегда оказались по другую сторону 38-й параллели: «Я на-

стоятельно обращаюсь к северокорейским властям. Многочисленные члены разделенных семей стареют и умирают. Мы должны позволить тем, кто разлучен со своими семьями на Юге и Севере, встретиться и связаться друг с другом как можно скорее». С удовлетворением отметил он некоторые позитивные меры, принятые к тому времени Севером в этом вопросе⁷².

Свой курс относительно Севера Ким Дэ Чжун назвал политической «солнечного тепла». Разъясняя ее смысл, упоминавшийся выше материал министерства национального объединения РК сообщает: «Политика солнечного тепла относится к ключевым принципам северокорейской политики Правительства народа (так именует себя нынешняя администрация. — Ю. В.), которое стремится улучшить взаимоотношения, основанные на примирении и сотрудничестве, и вместе с тем одновременно гарантировать прочную национальную безопасность. Маловероятно, чтобы объединение было осуществлено в ближайшем будущем, поскольку две Кореи имеют долгую историю конфронтации и конфликта за прошедшие 50 лет после их расчленения. На данной стадии более подходяще сосредоточиться скорее на сосуществовании двух Корей через установление мира на Корейском полуострове, чем на усилиях по немедленному их объединению»⁷³.

Во взаимоотношениях с Севером правительство Ким Дэ Чжуна выдвинуло на первый план экономическое сотрудничество. Для его облегчения провозглашен принцип «разделения экономики и политики». Помимо экономических, ставится задача расширения также культурных, религиозных и прочих обменов. Сотрудничество на всех направлениях предполагается вести на основе взаимности, принимаясь прежде всего за те проблемы, которые легче поддаются совместному решению. За время своего президентства Ким Дэ Чжун не раз демонстрировал намерение восстановить диалог и улучшить отношения между РК и КНДР. В предвыборный период и при вступлении в должность он высказывался за обмен спецпосланниками руководителей двух государств и даже за встречу на высшем уровне, если Север того пожелает. Последняя оговорка вызвана тем, что формально по инициативе Севера был отложен саммит, не состоявшийся в 1994 г. из-за кончины Ким Ир Сена. В речи по случаю 50-летия провозглашения Республики Корея (15 августа 1998 г.) Ким Дэ Чжун предложил активизировать деятельность совместных комиссий, созданных ранее для реализации Основного соглашения, но из-за «ядерного кризиса» не успевших развернуть работу. Он выдвинул также идею организации на двусторонней основе механизма постоянного диалога между Югом и Севером на уровне мини-

стров или их заместителей, обещал поддерживать и поощрять взаимное сотрудничество в реализации проекта туристического освоения северокаорейских гор Кымгансан, а также в аграрной и других сферах экономики⁷⁴.

Для позиции Ким Дэ Чжунa весьма показательно его отношение к экономическим санкциям против КНДР, введенным США еще во времена Корейской войны и приведшим фактически к непрерывной с тех пор блокаде республики. Ким Дэ Чжун выступает не только за ослабление, но и за полную отмену таких санкций, справедливо полагая, что без этого невозможен процесс либерализации на Севере⁷⁵. Вопрос о санкциях Ким Дэ Чжунa обсуждал в ходе официального визита в США в июне 1998 г., не встретив, однако, поддержки своих взглядов со стороны президента Б. Клинтона, сославшегося на препятствия законодательного характера⁷⁶. Тем не менее на последующих встречах с представителями правительства США Ким Дэ Чжун продолжал призывать к прекращению экономических санкций против КНДР.

Примечательно, что сигналы в пользу возобновления межкорейского диалога одновременно шли и из Пхеньяна. В уже цитированном нами обращении к участникам состоявшейся в апреле 1998 г. научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию первого Совместного совещания представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, Ким Чен Ир подчеркивал: «Для достижения великой консолидации нашей нации необходимо оздоровить отношения между Севером и Югом. Переход отношений между Севером и Югом от недоверия и противоборства к доверию и примирению насущно требуется ныне для осуществления национального сплочения и объединения Родины». При этом изъяслялась готовность КНДР «спланиваться под знаменем великой национальной консолидации» с правящей верхушкой, деятелями правящей и оппозиционных партий, крупными капиталистами и военачальниками Южной Кореи, «если они дорожат общими интересами нации и желают объединения страны»⁷⁷.

Ради «великой консолидации нации» Ким Чен Ир настаивал на взаимных поездках и контактах соотечественников на Севере, Юге и за рубежом, развитии диалога между ними, укреплении их солидарности. Диалог между Севером и Югом, утверждал он, не должен быть монополией правящего меньшинства и особо подобранных представителей классов и прослоек, его необходимо сделать широким диалогом общенационального значения, способным представлять волю различных политических партий, социальных групп и слоев населения. По мнению Ким Чен Ира,

«в диалоге между Севером и Югом должны соблюдаться следующие принципы: приоритет общенациональных интересов, устранение недоверия и состояния конфронтации, подчинение всех дел делу воссоединения Родины»⁷⁸.

Послание Ким Чен Ира — это своего рода программное заявление лидера КНДР по вопросу о межкорейских отношениях на современном этапе. Проявленная в нем заинтересованность КНДР в переходе от конфронтации к диалогу была затем воплощена на практике. Стало уже традиционным проведение в Пхеньяне в начале каждого года крупных политических мероприятий, на которых формулируются текущие задачи в борьбе за мирное объединение страны на основе «великой национальной консолидации» и принимаются соответствующие обращения к общественности Юга с призывами к сплочению и совместной деятельности на благо единства корейской нации. Очередное такое мероприятие состоялось 3 февраля 1999 г. Но если раньше устраивались совещания только представителей партий и общественных организаций республики, то теперь было организовано «совместное заседание правительства, политических партий и организаций КНДР». Впервые обращались не только к общественности, но и к властям Юга, показывая тем самым, что правительство РК также считается одним из участников объединительного процесса.

В письме, принятом на заседании 3 февраля 1999 г. и адресованном властям Южной Кореи, содержались призывы «под знаменем самостоятельности и великой сплоченности нации» пресечь военные акции США, решительно отвергать низкопоклонство и ориентацию на внешние силы, искренне следовать известным трем принципам объединения Родины, согласованным и совместно провозглашенным Севером и Югом. Главное в письме — предложение провести «широкоохватный диалог» между Севером и Югом, в том числе между властями. В нем названы конкретные меры по ликвидации Югом барьеров на пути диалога: отказ от «скоординированных действий» с внешними силами против КНДР, прекращение совместных с ними военных учений, отмена Закона о государственной безопасности, обеспечение патриотическим организациям и деятелям Южной Кореи, выступающим за воссоединение, свободы действий⁷⁹. Большое значение, которое придавалось в КНДР содержанию письма от 3 февраля 1999 г., видно хотя бы из того, что его направили в РК в 150 адресов, начиная с президента Ким Дэ Чжуна. За год до этого аналогичное по форме обращение было послано всего лишь в 70 адресов. Это свидетельствует о размахе развернутой Пхенья-

ном кампании по доведению до всех слоев населения южнокорейского общества важной инициативы КНДР.

Предложение КНДР об организации во второй половине 1999 года политических переговоров между Севером и Югом на высоком уровне в целом с одобрением было воспринято в РК. Позитивную оценку дал ему 4 февраля официальный представитель министерства национального объединения, заявивший, что РК настаивает на проведении таких переговоров как можно скорее⁸⁰. Приветствуя инициативу КНДР, Ким Дэ Чжун отметил, что она улучшает перспективы возобновления внутрикорейского диалога. «Мы попытаемся, — сказал он, — возобновить заглушенные внутрикорейские переговоры в не слишком отдаленном будущем»⁸¹.

Однако для РК было неприемлемо требование Пхеньяна об устранении «барьеров на пути диалога», которыми обусловлена возможность переговоров на высоком уровне. В РК согласны на такие переговоры, но только без каких-либо предварительных условий. В ответ на заявления представителей Южной Кореи по этому поводу из Пхеньяна 8 февраля прозвучало предостережение, что без выполнения выдвинутых условий не будет внутрикорейских переговоров⁸². И они действительно в 1999 г. не состоялись.

Между тем при всех трудностях с возобновлением официального диалога межкорейские связи продолжают постепенно расти и шириться. Гуманитарная помощь Южной Кореи КНДР, оказанная правительством с 1995 г. (в основном по линии международных организаций), оценивалась к октябрю 1999 г. в 300,9 млн долл., частная — 44,4 млн долл. (через общества Красного Креста, которые для этого провели еще несколько туров переговоров)⁸³. Правда, объем двусторонней торговли заметно сократился: с 308,3 млн долл. в 1997 г. до 221,9 млн долл. в 1998 г. Объясняется это финансовым кризисом в РК, вызвавшим резкое уменьшение закупок дорогостоящих товаров КНДР. Гораздо меньше (всего на 10%) пострадала одна из перспективных форм экономического сотрудничества — производство в КНДР товаров для РК на комиссионной основе (его объем в 1998 г. — около 71 млн долл.). Ассортимент изделий даже несколько расширился за счет продукции машиностроения и электроники, увеличилось число фирм, сотрудничающих с предприятиями КНДР. Впервые 33 южнокорейских специалиста на долговременной основе оказывали этим предприятиям технологическую помощь. Правительство Ким Дэ Чжуна приняло в 1998—1999 гг. ряд новых мер содействия своему бизнесу в деловых контактах с КНДР: сокращен с 205 до 178 статей перечень промышленного оборудования, по-

ставки которого требуют разрешения властей, облегчены многие юридические процедуры, сняты или ослаблены некоторые прежние ограничения и т. д. Результаты этих мер и общей политики оздоровления экономики РК уже сказываются: в 1999 г. объем межкорейской торговли вырос до 333 млн долл.⁸⁴, а в 2000 г. превысил 400 млн долл.⁸⁵

Для атмосферы, складывающейся в межкорейском экономическом сотрудничестве, весьма показательны контакты, завязываемые с КНДР крупнейшей в РК промышленной группой «Хёндэ». Ее основатель и почетный президент Чон Джу Ён с середины 1998 г. неоднократно посещал Пхеньян, встречался там с лидером КНДР Ким Чен Иром (зарубежным гостям такое редко удастся). В результате проведенных переговоров КНДР предоставила «Хёндэ» эксклюзивные права на создание и использование в течение 30 лет международного туристического центра в природной жемчужине Кореи — горах Кымгансан на восточном побережье. За это «Хёндэ» обязалась выплатить КНДР до 2005 г. 942 млн долл. В развитие этого центра (обустройство знаменитых горячих источников, строительство отелей, многоквартирных домов, лыжных баз и т. д.) планируется вложить в ближайшие годы 397 млн долл. «Хёндэ» рассчитывает к 2004 г. привлечь сюда 4,9 млн туристов и получить доход в 3,79 млрд долл.⁸⁶ С середины ноября 1998 г., когда началась реализация этого соглашения, и к концу 1999 г. красотами Кымгансана полюбовались уже свыше 180 тыс. туристов⁸⁷.

Помимо соглашения по Кымгансану, «Хёндэ» достигла также договоренности с властями КНДР о совместном поиске нефти на западном побережье с последующей транспортировкой в случае ее обнаружения на Юг по трубопроводам, проложенным этой фирмой; о создании в этом районе обширного индустриального комплекса; строительстве автосборочного завода и предприятия по выпуску автомобильных радиоприемников, а также новой ТЭЦ под Пхеньяном и т. д. «Хёндэ» — не единственная южнокорейская фирма, налаживающая взаимовыгодное экономическое сотрудничество с КНДР. Все больше их внимание привлекает к себе свободная торгово-экономическая зона Раджин—Сонбон, предоставляющая благоприятные возможности для бизнеса.

В последнее время в РК и КНДР стали более активными не только экономические связи, но и контакты между людьми. КНДР посетили в 1998 г. (кроме туристов на Кымгансане) 3317 южнокорейцев. Для сравнения скажем, что с 1989 по 1997 гг. их там побывало в общей сложности всего 2408 человек⁸⁸. К сожалению, мы не имеем данных о потоке посетителей в обратном направлении. Но в любом случае можно говорить о растущей открытости

КНДР для общения с соотечественниками из РК, чему, со своей стороны, содействует администрация Ким Дэ Чжуна. Заметное оживление межкорейского сотрудничества в разных его аспектах, конечно же, создает благоприятные условия для возобновления полномасштабного и конструктивного диалога двух корейских государств. Однако возлагать слишком большие надежды на устойчивость и результативность того позитивного, что на этом пути намечается, было бы неверно.

В КНДР по-прежнему обостренно реагируют на продолжающиеся (причем в нарастающих масштабах) американско-южнокорейские военные маневры у ее границ и расценивают их как меры по подготовке к войне. Большую тревогу вызывают в Пхеньяне активные военные контакты между США, Японией и РК. Не без оснований в них усматривают завершающий этап сколачивания азиатского блока типа НАТО, цель которого — монопольное господство США в АТР, ликвидация социалистического строя в КНДР. Если США не откажутся от своих намерений в отношении КНДР, предостерегает Пхеньян, то неизбежно военное столкновение, и КНДР готова «одним ударом уничтожить агрессоров»⁸⁹.

Сама КНДР также подверглась обвинениям в нагнетании военной напряженности. Поводом послужило происшедшее дважды в 1998 г. обнаружение у южнокорейских берегов ее разведывательных подводных лодок: одна попала в сети к рыбакам, другую потопили ВМС РК. Ко всеобщему удовлетворению, политическое руководство и военные власти РК не пошли из-за случившегося на чрезмерное обострение отношений с КНДР, как это было сделано после аналогичного инцидента в сентябре 1996 г. Однако власти РК все же сочли необходимым продемонстрировать Пхеньяну готовность к силовому решению возникающих проблем. На этот раз инцидент, гораздо более серьезный и опасный, произошел у западного побережья Кореи. Его главная причина — нечеткость разграничения на море, допущенная еще Соглашением о перемирии 1953 г. США и РК провели затем в одностороннем порядке демаркацию акватории Желтого моря (прилегающей к берегам центральной Кореи), с чем КНДР никогда не соглашалась. В результате таких произвольных действий к РК отошел участок моря, где северокорейские рыбаки обычно добывали крабов. Они продолжали делать это и дальше, причем без особых последствий: их просто отгоняли оттуда пограничные корабли РК. Но в июне 1999 г. группа рыбацких судов КНДР прибыла в этот район для ловли крабов в сопровождении военных катеров. РК спешно направила сюда часть своих ВМС. Дело дошло до настоящего боя, в ходе которого один северокорейский катер был

потоплен, с обеих сторон имелись человеческие жертвы. К месту столкновения его участники подтянули дополнительные силы, соответствующие меры были предприняты командованием войск США. К счастью, вооруженный конфликт не получил продолжения. Юг и Север обвинили в нем друг друга, потребовали извинений. Спор затем постепенно заглох, хотя вызвавшая его причина осталась.

31 августа 1998 г. КНДР, согласно ее официальному сообщению, вывела трехступенчатой ракетой на орбиту свой искусственный спутник Земли. В США и Японии этому не поверили, утверждая, что КНДР тогда произвела испытание мощной баллистической ракеты, способной поразить их территории. Уже несколько лет США ведут безуспешные переговоры с КНДР, пытаясь вынудить ее отказаться от производства и экспорта ракет, присоединиться к Международному договору о нераспространении ракетных технологий. Подозрения относительно произведенного КНДР испытания баллистической ракеты, между прочим, так и не доказанные, были использованы для угрозы «наказать» непокорную КНДР в случае повторного запуска ею ракеты, благо США накопили в Ираке, а затем и в Югославии изрядный карательный опыт мирового жандарма.

С конца 1998 г. в печати ряда стран появляются сведения о разработке Пентагоном плана «ОР-5027»⁹⁰. Судя по этим публикациям, речь идет о многоэтапной американской военной акции, конечная цель которой — ликвидация КНДР. В КНДР, разумеется, тотчас же откликнулись на такую информацию. В широко распространенном заявлении Генерального штаба КНДР говорилось, что таким образом США готовятся ко второй Корейской войне. Как показывает современная практика, предлог для начала военных действий против КНДР может быть избран любой, и Генштаб перечислял их: «права человека», «ядерные подозрения», «требование “открытия дверей”» и «инспекции подозрительного ядерного подземного объекта», запуск искусственного спутника, который считают «запуском баллистической ракеты». Угроза новой войны на Корейском полуострове, утверждалось в заявлении, из гипотетической способна стать вполне реальной. Генштаб недвусмысленно дал понять, что не только у США есть право на нанесение превентивного удара. «Нужно четко осознавать, — сказано в его заявлении, — что на планете не будет места, где можно уклониться от удара возмездия». Объектами подобного удара названы, помимо США, следующие в фарватере их политики Япония и Южная Корея. «Мы не желаем вой-

ны, — предупреждал Генштаб КНДР, — но раз она станет неизбежной, то мы не упустим такого случая»⁹¹.

Пытаясь предотвратить опасное развитие событий, президент РК не раз призывал США к терпению и сдержанности. Видимо, с такой же целью в феврале 1999 г. им было выдвинуто предложение о «пакетном соглашении»: в обмен на дипломатическое признание со стороны США и Японии, экономическую помощь и гарантии безопасности КНДР должна отказаться от разработки ядерного оружия, производства и экспорта ракетной техники, от угроз силой объединить Корею. Мотивируя свою идею, Ким Дэ Чжун указал на то, что с КНДР связано большое число проблем, и если их решать поочередно, одну за другой, то на это потребуется много времени. По его словам, «пакетное соглашение» поддержали в США и в связи с этим были также контакты с КНР и Японией⁹². Однако Пхеньян отверг инициативу Ким Дэ Чжуна на том основании, что южнокорейские власти не в состоянии выдвигать относящиеся к Северу спорные вопросы. Тем самым еще раз подчеркнули, что не признают самостоятельной роли РК в корейском урегулировании⁹³.

Угрожающие заявления, демонстрация силы — все это делалось не впервые и, вероятно, составляло часть большой политической игры, давно уже идущей вокруг нерешенных проблем Кореи. Их цель — активнее воздействовать на противоположную сторону, удержать ее от нежелательных шагов, добиться выгодных для себя уступок и т. д. Но нельзя не видеть того, что одновременно это и проявления новых осложнений, периодически возникающих на Корейском полуострове. Любое из них способно ухудшить, а то и поставить на грань срыва межкорейские отношения, до предела затрудненные взаимным недоверием и грузом нерешенных проблем. Всего лишь один тому пример: реализацию договоренности «Хёндэ» с властями КНДР по выгодному для обеих сторон проекту создания туристического центра Сеул сразу же на время приостановил, как только США и Япония выразили недоверие к информации о запуске 31 августа 1998 г. северокорейского спутника. Хорошо, что в данном случае дело ограничилось лишь небольшой заминкой в осуществлении возможного совместного проекта.

Военное противостояние Севера и Юга

Проблема войны и мира в Корее на протяжении нескольких десятилетий неизменно главенствует на политическом горизонте. После окончания Корейской войны и до сих пор на полуострове

сохраняется хрупкое, неустойчивое перемирие, неоднократно соскальзывавшее на кризисную грань. Конфронтация между двумя корейскими государствами все это время не прекращается, почти ежегодно происходят обострения их военного противостояния. Вполне оправданно Корейский полуостров относят к числу особо взрывоопасных регионов, таящих угрозу миру и безопасности не только соседей Кореи, но и всей Северо-Восточной Азии.

В существующей на Корейском полуострове военной напряженности, периодическом ее обострении КНДР и РК, как обычно, упрекают друг друга. Надо признать, что РК делает это более активно и умело, привлекая на свою сторону средства массовой информации США и других своих союзников, которые с готовностью подхватывают и распространяют все ее обвинения в адрес КНДР, чьи контраргументы упорно замалчиваются или изворачиваются. По их стопам идут и «демократические» СМИ России, некритически воспринимающие утверждения южнокорейской и американской пропаганды и изображающие КНДР нарушителем мира и спокойствия в Корее, чуть ли не готовым вот-вот развязать войну против миролюбивой, безукоризненно ведущей себя РК. Вряд ли нужно доказывать, что такого рода позиция является частью враждебной КНДР пропагандистской кампании и далека от добросовестного, объективного анализа реального положения дел.

В задачу данной статьи не входит рассмотрение конкретного соотношения вооруженных сил на Корейском полуострове. Менее всего автор хотел бы принимать на себя функции судьи, определяющего степень «виновности» каждой из сторон в существующей там опасной напряженности. Но, как и каждый заинтересованный наблюдатель, он считает себя вправе высказать некоторые суждения о сложившейся на Корейском полуострове военной ситуации. Вопреки бездоказательным утверждениям зарубежных и российских СМИ, автор убежден, что в настоящее время КНДР не желает войны и кровно заинтересована в мире и стабильности. В пользу такого вывода говорит следующее:

1. В КНДР хорошо знают истинную «цену» войны. Там не забыли колоссальных жертв и разрушений времен Корейской войны и не могут не понимать, что при современном уровне развития вооруженных сил и вооружений военные действия на корейской земле приведут к несравнимо более губительным последствиям.

2. В годы Корейской войны КНДР противостояла коалиция 16 стран во главе с США. Но на ее стороне была тогда значительная часть мирового общественного мнения. Сравнительно недав-

ние события в районе Персидского залива показали, что против агрессора может быть создан превосходящий его по силе и средствам многосторонний блок, способный быстро нанести поражение. Международная общественность наверняка не поддержит теперь зачинщика войны, какими бы ни были его побуждения.

3. Советский Союз, КНР и другие социалистические страны оказали КНДР неоценимую, во многом решающую помощь в период Корейской войны. Но сейчас ситуация совсем иная. СССР нет, его бывшие союзники отвергли социализм и социалистический интернационализм. Россия отказалась от Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с КНДР и не без труда восстанавливает добрососедские отношения с ней, не предусматривающие каких-либо военных обязательств с ее стороны. У КНДР остался единственный союзник — КНР, сохраняющая в силе свой с ней Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Однако КНР, всецело занятая реформированием и развитием своей социально-экономической системы, более всего заинтересована в сохранении мира и стабильности на Корейском полуострове и, можно не сомневаться, воспротивится любым попыткам их нарушения.

4. В КНДР, безусловно, учитывают огромную разницу своего и РК военно-экономических потенциалов. Еще в 1981 г. Ким Ир Сен говорил: «Мы не намерены “напасть на Юг”, к тому же у нас для этого нет реальных сил. В Южной Корее находятся войска США, она и сама имеет куда более значительный контингент современных вооруженных сил, чем мы. Откровенно говоря, сейчас под угрозой находимся мы, а не Южная Корея»⁹⁴. Зная повышенное самолюбие северокорейского лидера, его безмерную гордость своей страной и ее армией, можно поверить, что ему нелегко далось такое признание и он при этом, скорее всего, не лукавил.

За минувшие с тех пор почти два десятилетия у КНДР явно не прибавилось сил. Напротив, по ряду причин ее экономическое положение серьезно осложнилось, свидетельством чего явилось официально подтвержденное невыполнение третьего семилетнего плана развития экономики (1987—1993). С последовавшим за ним планом «урегулирования» экономики, рассчитанным на 2—3 года, судя по всему, также не все благополучно. Тяжелый удар по народному хозяйству КНДР нанесли засуха 1994 г., катастрофические наводнения 1995 и 1996 гг., неурожай последующих лет, вынудившие ее даже обратиться за продовольственной помощью к мировому сообществу. Ухудшение экономического

положения, конечно же, не могло не сказаться соответствующим образом на военных возможностях страны.

Отмеченные выше обстоятельства отнюдь не означают, что КНДР утратила надлежащую способность к обороне. Не должно быть сомнений в том, что при необходимости Корейская народная армия (КНА) и весь народ КНДР сумеют постоять за себя и у них хватит на то сил. Но эти силы не того масштаба и состояния, которые позволили бы предполагать их предназначенность каким-то наступательным целям. В этой связи кажутся нелепыми высказываемые часто домыслы о том, что руководство КНДР якобы ищет выход из трудностей в военной авантюре. Можно как угодно относиться к лидерам КНДР, но не следует отказывать им в способности трезво оценивать обстановку и свои возможности, а тем более считать их самоубийцами. Не хуже других они понимают, что преодолевать такого масштаба трудности несравнимо легче в условиях мира и стабильности.

5. Каждый, кто посещает КНДР, обращает всегда внимание на широкий размах ведущегося там гражданского, промышленного и культурно-бытового строительства. Огромный объем работы был выполнен к 1989 г., когда в Пхеньяне состоялся XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Активное строительство продолжается весь последующий период. Даже в тяжелейшие 1995 и 1996 гг. был завершен ряд крупных объектов. Строительство — одно из наиболее развитых, но не единственное направление деятельности властей и трудящихся КНДР по благоустройству городов и сел, повышению, насколько позволяют возможности, уровня жизни населения. Отвлекать на эти цели столько сил и средств, которых к тому же и так не слишком много, вероятно, не стало бы государство, действительно готовящееся к войне.

Изложенные нами соображения вовсе не продиктованы стремлением придать КНДР облик некоего «голубя мира». Как и всякое современное государство, КНДР содержит необходимые ей вооруженные силы, поддерживая на доступном ей уровне их боеготовность. Постоянная конфронтация с РК, присутствие на Юге войск и военных баз США, многочисленные военные маневры у границ КНДР заставляют ее тратить на оборонные нужды, может быть, больше, чем хотелось бы, и в ущерб другим неотложным потребностям. В опасных осложнениях, периодически происходящих на 38-й параллели, обычно обвиняют только КНДР, хотя в них, наверное, бывает не менее повинна и противоположная сторона. Как показывает практика последних лет, под давлением обстоятельств КНДР способна на резкие заявле-

ния, смелые и даже рискованные шаги, демонстративно жесткую позицию. Но в таких акциях, зачастую вынужденных, не следует усматривать наличие у нее агрессивных замыслов, стремления насильственно «коммунизировать Юг», о чем по привычке твердит южнокорейская пропаганда. Сказанное о КНДР может быть во многом отнесено и к РК. Там, без сомнения, также помнят о трагических последствиях Корейской войны. Как и везде, народ РК жаждет мира и спокойствия и, при всей тяге к скорейшему объединению Кореи, категорически не приемлет военных методов его достижения. Провозглашенный прежним и не отвергнутый нынешним правительством курс на «глобализацию» корейской экономики, амбициозные планы вступления РК в начале XXI века в первую десятку промышленно развитых стран мира, конечно же, требуют для нее гарантированного мира и стабильности.

Однако некоторые аспекты политики правительства РК не могут не вызывать беспокойства. К примеру, кажется странной, чтобы не сказать подозрительной, та настойчивость, с которой РК добивалась от России отказа от Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНДР. Этот договор, существовавший с 1961 г., являлся важной составной частью военно-политического баланса сил на Корейском полуострове, сыграл большую роль в поддержании мира и безопасности в этом регионе и не утратил, на наш взгляд, позитивного потенциала до настоящего времени. Тем не менее высшее руководство России после длительных колебаний решило заменить его новым, менее обязывающим договором с КНДР, оправдывая такой шаг разными доводами. Как нам кажется, одну из основных причин четко обозначил недавний министр иностранных дел РК Кон Ро Мён: договор 1961 г. «не соответствует нынешним южнокорейско-российским отношениям и ситуации в СВА». Он выразил удовлетворение тем, что Россия, которая в прошлом была «союзником Северной Кореи, стала нашим партнером и сотрудничает с нами во всех вопросах»⁹⁵. Насколько целесообразным и достойным выглядит такой поворот в корейской политике России — особый разговор. Но откровенное и настойчивое стремление РК лишить КНДР главного стратегического союзника, ликвидировать ее Договор с СССР 1961 г., служивший долгое время одной из важных опор относительной стабильности на Корейском полуострове, порождает тревожные мысли. Тем более что в то же время сама РК не только не сокращает, но, напротив, всемерно увеличивает сотрудничество с США по линии Договора о совместной обороне и других соглашений с ними военного характера.

Настораживает также слишком активный рост лидерства РК в гонке военных расходов. Впечатляющую картину происходящего рисуют южнокорейские данные (северокорейских нет), которые если и грешат против истины, то, конечно же, никак не в пользу КНДР. По этим данным⁹⁶, РК начала обгонять КНДР по военным расходам с 1978 г. Соотношение между ними в 1989—1992 гг. выглядело следующим образом (в млрд долл.):

Годы	РК	КНДР
1989	9,18	4,49
1990	9,68	4,96
1991	10,59	5,13
1992	11,19	5,54

Таким образом, даже по южнокорейским сведениям, с конца 1980-х гг. РК ежегодно тратила на военные цели в два с лишним раза более средств, чем КНДР.

В свете приведенных данных страным выглядит такое заявление, сделанное Республикой Корея в 1993 г.: «Если Юг оставит свои расходы на прежнем уровне, равном 4% от ВВП, то к середине 90-х гг. его военный потенциал достигнет 80% военной мощи Севера даже в том случае, если Северная Корея будет по-прежнему выделять 24% от ВВП на военные нужды. Полное равновесие будет достигнуто в начале 2000-х гг. при условии сохранения нынешних темпов»⁹⁷. Это заявление, отражающее точку зрения официальных властей РК, переключалось во многие, в том числе российские, публикации о современном военном положении на Корейском полуострове. Между тем, как свидетельствуют материалы Корейской службы информации для зарубежных стран, РК потратила на военные цели в 1965—1992 гг. в общей сложности 96,9, а КНДР — 74,5 млрд долл., то есть почти на 1/3 меньше. Остается неясным, как при такой большой разнице в расходах РК удалось обеспечить себе лишь 80% военного потенциала КНДР. Последняя для этого должна была потратить много больше 100 млрд долл., но это далеко не так. Вряд ли КНДР до сих пор сохраняет преимущества за счет потенциала, накопленного ею до 1965 г., тем более что и РК тогда занималась тем же. Поэтому напрашивается предположение, что заявления РК о военном потенциале КНДР — примитивное пропагандистское прикрытие своего превосходства над Северной Кореей в военном отноше-

нии и оправдание намеченных планов своего дальнейшего увеличения военных расходов.

Предпринимаемые властями РК затраты кажутся особенно вызывающими на фоне сообщений последнего времени о сокращении военных расходов КНДР. Сами южнокорейцы приводят данные Международного института стратегических исследований (Лондон) о том, что в 1995 г. оборонный бюджет РК составлял 14,4 млрд долл., а у КНДР — 2,2 млрд⁹⁸. По сведениям из того же источника, в 1985—1998 гг. РК увеличила военные расходы на 44,4% (с 8,9 до 12,9 млрд долл.), а КНДР уменьшила их на 66,2% (с 5,9 до 2 млрд долл.)⁹⁹. Можно по-разному относиться к точности этих цифр, но, видимо, следует признать, что в целом они верно отражают существующие сейчас в обеих Кореях тенденции.

Курсу властей РК на взвинчивание военных расходов «помог» упоминавшийся выше инцидент в сентябре 1996 г. с подводной лодкой КНДР. Ссылаясь на него, министерство обороны РК объявило в декабре 1996 г. об увеличении военного бюджета в 1997 г. до 17 млрд долл. и о планах иметь его в 1998—2002 гг. в размере почти 126 млрд (в среднем по 25 млрд долл. в год). Как заявил представитель министерства, «деньги будут потрачены на создание военной мощи, достаточной для того, чтобы сдерживать возможную вспышку войны на Корейском полуострове, а также улучшить благосостояние и мораль военнослужащих»¹⁰⁰. Экстраординарные усилия РК в военной сфере обычно объясняют опасениями агрессии со стороны КНДР. С этим трудно полностью согласиться. Во-первых, изложенные нами соображения о сложной ситуации, в которой сейчас находится КНДР, безусловно, известны на Юге, и там в соответствующих ведомствах им дается трезвая оценка. Во-вторых, даже если теоретически допустить наличие у КНДР каких-то агрессивных замыслов, противопоставляемые им военные приготовления РК явно превосходят предел достаточной обороны, тем более с учетом огромных ресурсов ее главного союзника — США, находящихся в Южной Корее и поблизости, в Японии.

Видимо, есть основания полагать, что чрезмерно высокие военные затраты РК имеют далеко идущие цели. Как известно, в период «холодной войны» СССР расходовал колоссальные силы и средства на достижение военного паритета с США. Развязанная ими многолетняя гонка вооружений в конце концов подорвала экономику СССР и в значительной мере предопределила распад Союза и крушение социализма. Нельзя совсем исключать того, что и РК встала на такой же путь. Ее активность в военной сфере, можно быть уверенными, вызывает ответные шаги со сто-

роны КНДР, как бы ей не было трудно их делать. Навязывая такое разорительное «соревнование», РК, имеющая несравнимо более прочные экономические позиции, вероятно, рассчитывает измотать и ослабить КНДР, вынудить ее стать сговорчивой, податливой внешнему диктату.

Надежды на то, что общий кризис социалистической системы захлестнет КНДР и в результате произойдет объединение Кореи по германскому образцу (разумеется, под эгидой РК), не оправдались и, как уже говорилось, сравнительно немногие на Юге продолжают их питать. Не сбываются и ожидания, что после смерти Ким Ир Сена созданный им на Севере политический режим вскоре рухнет. Этот режим, унаследованный Ким Чен Иром, при всех возникших у КНДР неимоверных трудностях, проявляет свою жизнеспособность. Тем не менее в РК не устают говорить и писать о разложении существующего в КНДР общественного строя, катастрофическом упадке ее экономики, росте народного недовольства и оппозиции лидеру в правящих кругах, нередко при этом выдавая желаемое за действительное. На такой сомнительной основе строятся представления о нарастающем системном кризисе в КНДР. Вполне вероятно, что именно на случай предполагаемого крушения КНДР готовится столь крупномасштабный военный потенциал РК, может быть даже с потаенным умыслом на определенном этапе «подтолкнуть» этот процесс в желательном направлении.

К своему удивлению, автор обнаружил, что не одинок в такого рода опасениях. Схожие мысли высказаны в Специальном докладе Института мира США «Надвигающийся кризис на Корейском полуострове? Продовольственный кризис, экономический упадок и политические соображения», обнародованном в 1996 г. «Хотя Северная Корея может в безрассудстве ударить по-военному, — пишут его составители, — вероятность такой акции вообще считается низкой, поскольку это в действительности будет иметь результатом самоубийство северокорейского правительства». Но, продолжают они далее, «даже более серьезным вызовом для военных планировщиков США является возможность того, что южнокорейские военные могут соблазниться пересечь границу, чтобы восстановить порядок в случае политической нестабильности или фракционной борьбы за власть в Северной Корее или, возможно, чтобы лучше установить зоны для беженцев в Северной Корее, чем позволить большому количеству северокорейских беженцев хлынуть на Юг»¹⁰¹.

Финансовый кризис 1997 г. и вызванные им экономические трудности вынудили правительство РК сократить все расходы

государства, в том числе на оборону. В 1998—2000 гг. они были в пределах 10—12 млрд долл. в год. Министерство обороны РК в феврале 1999 г. обнародовало свои планы на 2000—2004 гг., предусматривающие расходы на его нужды за пятилетие в 81,5 трлн вон, или около 68 млрд долл., то есть примерно по 13,5 млрд долл. в год (в среднем 1200 вон за 1 доллар по курсу 1999 г.). И при этих расходах по-прежнему предполагается, что РК почему-то достигнет лишь 88% военного потенциала КНДР. Треть намечаемых средств должна пойти на закупку новейших вооружений, которые «значительно увеличат силы Южной Кореи по сдерживанию Северной Кореи и помогут ей играть существенную роль в обеспечении безопасности Северо-Восточной Азии». Но военные РК в своих планах заглядывают дальше: 5-летняя программа рассчитана ими также на подготовку программы безопасности Кореи в «эру после объединения»¹⁰².

Видимо, не требует особых доказательств мысль о том, что любые серьезные катаклизмы в КНДР чреваты потрясениями во всей Корее, опасными осложнениями и для ее соседей. Поэтому, если действительно желательны глубокие позитивные изменения на Севере, его реальные подвижки в сторону сближения и последующего воссоединения с Югом, необходимы прежде всего обеспечение на деле мирных условий для этого, ликвидация устоявшейся там атмосферы осажденной крепости, не дающей нужного простора для коренных преобразований, терпеливый и целенаправленный поиск взаимопонимания и компромисса, смелые и конструктивные решения с обеих сторон. И уж никак не обращение одной из них к насильственным методам, пагубность которых недавняя история Кореи продемонстрировала более чем убедительно. Без преувеличения, может произойти катастрофа, если отмеченные выше тревожные симптомы подтвердятся, и корейские политики своими непродуманными действиями покажут, как это часто бывает, что история их ничему не научила.

Перемирие и мир

Важной предпосылкой упрочения мира и стабильности на Корейском полуострове и вокруг него призвана стать замена перемирия в Корее мирным договором. Со времени подписания Соглашения о перемирии в Корее (июль 1953 г.) минуло почти полвека — срок более чем достаточный для того, чтобы найти ему более устойчивую и полноценную замену. К сожалению, этого не произошло. Соглашение соблюдалось чем далее, тем менее строго. Напомним, что намеченная им на октябрь 1953 г. Политичес-

кая конференция не состоялась. Попытка достичь урегулирования корейского вопроса на Женевской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции в 1954 г. потерпела неудачу. В противоречие с Соглашением о перемирии, США и РК заключили в 1953 г. Договор о совместной обороне, позволяющий американским войскам до сих пор находиться на корейской земле (китайские войска покинули КНДР еще в 1958 г.). Довольно скоро начались нарушения установленных Соглашением ограничений на наращивание вооруженных сил и ввоз в Корею новейшего вооружения. До недавнего времени США использовали Южную Корею как один из крупнейших ядерных арсеналов, и у КНДР все еще нет полной уверенности, что американское атомное оружие оттуда действительно удалено.

Комиссия нейтральных стран по контролю за соблюдением перемирия с самого начала испытывала трудности в работе и постепенно превратилась в ничего не значащий орган. Военная комиссия, предназначенная для оперативного решения конкретных вопросов перемирия, действовала с годами все менее эффективно и практически перестала функционировать после того, как в 1991 г. КНДР отказалась в ней участвовать, поскольку делегацию противоположной стороны возглавил тогда южнокорейский генерал, что в КНДР сочли незаконным. Теперь полем прямого соприкосновения вооруженных сил двух Корей и США становится 4-километровая демилитаризованная зона, предусмотренная Соглашением о перемирии для разъединения враждующих сторон. Нет необходимости здесь разбирать, кто больше и в чем конкретно виноват. Но трудно не согласиться с КНДР, когда она утверждает, что созданный Соглашением механизм поддержания перемирия в Корее изжил себя и разрушился.

Многие годы КНДР настаивает на необходимости замены перемирия мирным договором. Причем ее позиция по этому поводу периодически видоизменяется в зависимости от ситуации на Корейском полуострове. В январе 1972 г. Ким Ир Сен говорил: «Для смягчения напряженности в Корее прежде всего необходимо, чтобы Соглашение о перемирии в Корее стало мирным соглашением. Мы настаиваем на том, чтобы заключить мирное соглашение между Севером и Югом, а когда будут выведены из Южной Кореи агрессивные войска американского империализма, резко сократить вооруженные силы в Северной и Южной Корее»¹⁰³. Это было сказано в период некоторого улучшения межкорейских отношений, приведший к историческому Совместному заявлению Севера и Юга 4 июля 1972 г. Однако уже в марте 1974 г., когда это улучшение пошло на убыль, сессия Вер-

ховного народного собрания КНДР, констатировав бесплодность переговоров с Южной Кореей, обратилась с посланием к Конгрессу США, предложив заключить мирный договор непосредственно между КНДР и США¹⁰⁴. США отвергли тогда инициативу КНДР, высказавшись за то, чтобы переговоры о мирном договоре вели между собой Северная и Южная Кореи. Сами они с 1976 г. выступали с идеей трехсторонней конференции (США, РК и КНДР) для обсуждения путей урегулирования корейской проблемы. КНДР в 1984 г. выдвинула свой вариант трехсторонней конференции, в ходе которой предлагала рассмотреть вопросы о заключении мирного договора между КНДР и США, о выводе американских войск из Южной Кореи и подписании Декларации о ненападении между Севером и Югом¹⁰⁵. США и РК отклонили это предложение и к идее трехсторонней конференции больше не возвращались. В конце 1980-х гг. РК обнародовала проект шестисторонней конференции (США, СССР, КНР, Япония, РК, КНДР), но теперь КНДР выразила категорическое несогласие, усматривая в нем попытку закрепления ситуации «двух Корей», против чего она долгое время протестовала.

Новый и весьма важный элемент в вопрос о мирном договоре внесло Основное соглашение 1991 г. между Севером и Югом. Его статья 5-я гласит: «Север и Юг совместно прилагают усилия к превращению нынешнего состояния перемирия в состояние прочного мира в стране и соблюдают действующее ныне Соглашение о военном перемирии до поры установления такого мирного состояния». В статье 11-й говорится: «Граница и район ненападения между Севером и Югом определяются военно-демаркационной линией, проведенной Соглашением о военном перемирии от 27 июля 1953 г., и зонами, находящимися до сих пор под контролем каждой из сторон»¹⁰⁶. Эти две статьи Основного соглашения позволяют прийти к некоторым важным выводам. Прежде всего относительно взглядов КНДР на причастность РК к Соглашению 1953 г. о перемирии в Корее. Дело в том, что Соглашение о перемирии подписано корейско-китайской стороной именно с США, подписи РК под этим документом нет. Но стоит вспомнить, что США подписывали Соглашение о перемирии от имени «сил ООН», участвовавших в Корейской войне. В июле 1950 г. РК официально передала свои вооруженные силы в распоряжение командования «сил ООН» и можно, таким образом, полагать, что США подписывали Соглашение 1953 г. и от ее имени. Во всяком случае, в цитированной выше статье 5-й Основного соглашения РК выглядит равноправным с КНДР субъектом выполнения Соглашения о перемирии в Корее. Примерно то же

можно сказать о военно-демаркационной линии и районе, прилегающем к ней с юга. Прежде эта пограничная с КНДР территория считалась находящейся под исключительным контролем США, и только с ними КНДР соглашалась обсуждать все касавшиеся ее вопросы. Теперь же впервые военно-демаркационная линия официально признана обеими сторонами границей между Севером и Югом, а прилегающий к ней с юга район, судя по статье 11-й Основного соглашения, отнесен к компетенции РК. Главное, что обращает на себя внимание в приведенных выше двух статьях Основного соглашения 1991 г., — КНДР и РК взяли на себя обязательство соблюдать Соглашение о перемирии в Корее и совместными усилиями добиваться превращения перемирия в прочный мир. В них не сказано прямо, кем и как будет подписан взамен перемирия мирный договор, но из содержания статей, как нам кажется, вытекает со всей определенностью, что это должно быть делом самих двух корейских государств.

Последовавшее затем резкое ухудшение ситуации на Корейском полуострове из-за «ядерных подозрений» в отношении КНДР соответственно проявилось и в вопросе о замене перемирия в Корее мирным договором. Основное соглашение 1991 г. между Севером и Югом, включая рассмотренные выше его статьи, заморожено. Созданный сторонами механизм его выполнения, в том числе в военной сфере, так и не был введен в действие. В такой обстановке КНДР продолжила линию на заключение ею мирного договора непосредственно с США. В апреле 1994 г. правительство КНДР обратилось к США с предложением провести взаимные консультации для установления новой системы обеспечения мира в Корее вместо прежнего механизма перемирия, пришедшего, по его мнению, в негодность. В заявлении по этому поводу выражена точка зрения КНДР: Соглашение о перемирии в Корее из-за многочисленных его нарушений со стороны США превратилось в «бесполезный листок бумаги»¹⁰⁷. Устами представителя Госдепартамента США незамедлительно ответили, что считают Соглашение о перемирии и предусмотренные им линии связи между его участниками действующими в полной мере, из чего следовал полный отказ их пересматривать.

Обращение к США правительство КНДР подкрепило тогда же серьезными односторонними шагами: отозвало своих представителей из Военной комиссии по перемирию. (Деятельность которой КНДР бойкотировала с тех пор, как в марте 1991 г. во главе делегации Командования сил ООН был поставлен южнокорейский генерал.) Взамен этого в переговорном центре Пханмунджом на 38-й параллели было открыто представительство

Корейской народной армии (КНА), взявшее на себя соответствующие контакты с США. В августе 1994 г. КНР также отозвала своих представителей из Военной комиссии. Тогдашний министр иностранных дел КНДР Ким Ён Нам в июне 1994 г. направил письмо генеральному секретарю ООН, в котором, в частности, отмечал: «Сегодняшняя действительность, когда аннулированы основные статьи Соглашения о перемирии, призванные гарантировать мир на Корейском полуострове, а механизм по наблюдению за перемирием стал номинальным, требует принять решительные меры по установлению новой системы обеспечения безопасности, позволяющей исправить ситуацию, вступившую в опасную стадию, и предотвратить наращивание вооруженных сил и возникновение новой войны». Напомнив, что между КНДР и РК была достигнута договоренность о ненападении, он указал на то, что «с США, разместившими свои вооруженные силы в Южной Корее, мы все еще находимся в состоянии перемирия». Ким Ён Нам сообщил о сделанном в апреле 1994 г. предложении КНДР провести переговоры с США и предпринятых в этой связи его страной мерах, охарактеризовав их как «принципиально новую акцию доброй воли». В заключение он выразил надежду на то, что генеральный секретарь ООН обратит особое внимание на мирную инициативу КНДР, «направленную на установление новой системы обеспечения мира за столом корейско-американской консультации», и окажет активное содействие ее осуществлению¹⁰⁸.

Продолжая настаивать на прямых контактах и консультациях с США, КНДР вместе с тем категорически отвергала призывы вступить в переговоры о мире непосредственно с РК. В феврале 1995 г. представитель МИД КНДР заявил: «Вопрос о создании новой системы обеспечения мира, которая заменила бы Соглашение о перемирии на Корейском полуострове, должен быть решен нами с США. Южнокорейские власти не имеют никакого основания и права вмешиваться в это дело». Обосновывая позицию своего правительства, он доказывал, что командование «сил ООН» в Корее, подписавшее в 1953 г. Соглашение о перемирии — на самом деле американское командование: «ООН не осуществляла юрисдикцию над “войсками ООН” в Южной Корее и никогда не ставила им задачу по поддержанию мира. “Войска ООН” в Южной Корее являются не чем иным, как американскими войсками, служащими США в осуществлении их азиатской стратегии. Поэтому пока продолжается оккупация Южной Кореи американскими войсками, Соединенным Штатам не уклониться от своей юридической ответственности за установле-

ние новой системы обеспечения мира... Реальность такова, что южнокорейские правители не имеют полного контроля над собственными вооруженными силами и уж, конечно, не имеют никаких полномочий осуществлять его в отношении американских оккупационных войск в Южной Корее. Таким образом, если бы южнокорейские власти вмешались в вопрос о создании новой системы безопасности, то только осложнили бы ситуацию, ведь делать им там нечего». По словам представителя МИД КНДР, такое «безрассудное вмешательство» южнокорейских властей может превратить Соглашение Севера и Юга о ненападении в «пустую бумажку»¹⁰⁹. Из приведенного выше и других официальных документов КНДР последнего времени вырисовывается предлагаемая ею довольно сложная система поддержания мира и безопасности в Корее, направленная по двум взаимосвязанным, но самостоятельным линиям: КНДР — США и КНДР — РК, причем явное предпочтение отдается первой из них.

В заявлении по случаю 50-летия пребывания американских войск в Южной Корее представитель МИД КНДР в сентябре 1995 г. говорил: «Что касается вопроса обеспечения всеобщего мира на Корейском полуострове, как мы уже недвусмысленно заявляли, то здесь отдельно существует проблема, которая должна быть решена между Севером и Югом страны, и вопрос, подлежащий решению двумя сторонами — КНДР и США». Придавая перво-степенное значение установлению мира между Севером и Югом, утверждал он, КНДР добилась в 1991 г. принятия Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене между ними, и в результате был подготовлен организационный механизм, обеспечивающий ненападение со стороны каждого из них. «В отношениях между Севером и Югом, — констатировал представитель МИД КНДР, — остается нерешенным лишь вопрос приведения в действие уже подготовленного механизма обеспечения мира. Теперь остается установить новую систему обеспечения мира между нами и Соединенными Штатами, которые разместили свои войска в Южной Корее и несут главную ответственность за обеспечение мира на Корейском полуострове». Созданием КНДР совместно с США юридического и организационного механизма поддержания мира в Корее обусловлено и введение в действие Соглашения 1991 г. между Севером и Югом¹¹⁰.

Тем временем КНДР продолжила односторонние шаги, вытекающие из нежелания мириться дольше с полной недееспособностью, по ее представлениям, Соглашения о перемирии в Корее и созданных им контрольных органов. Теперь встал вопрос о Комиссии нейтральных стран по наблюдению за перемирием (в ее

состав со стороны Юга включены представители Швеции и Швейцарии, со стороны Севера — Польши и Чехословакии). Посылка ею инспекционных групп для проверки на местах фактов нарушения условий перемирия прекратилась еще в 1956 г. С тех пор Комиссия постепенно утрачивала способность реально влиять на обстановку в демилитаризованной зоне (ДМЗ).

Вслед за срывом работы Военной комиссии в 1991 г. была парализована деятельность и приданной ей Комиссии нейтральных стран. Ответственность за это КНДР возложила на США. Хотя представители входящих в нее стран на нескольких совещаниях призывали стороны, подписавшие Соглашение о перемирии в Корее, предоставить им возможность и дальше выполнять свои обязанности, но желаемого результата они не достигли. В связи с распадом Чехословакии КНДР в марте 1993 г. потребовала от чешской делегации покинуть Пханмунджом. В марте 1995 г. она выдворила оттуда и польскую делегацию. Объясняя причины, представитель МИД КНДР утверждал: «Ныне эта Комиссия ничего не делает, только ест и спит. Если она что-то и делает, то только выступает в роли ширмы для оправдания несправедливой позиции США, пытающихся по-прежнему поддержать полностью рухнувшую систему холодной войны»¹¹¹.

В мае 1995 г. представительство КНА в Пханмунджоме протестовало против того, что после вывода делегаций Чехословакии и Польши из Комиссии нейтральных стран «американская сторона, с целью использовать ее в качестве игрушки для прикрытия своих агрессивных военных приготовлений, по сей день периодически разыгрывает фарс с проведением “заседания” этой Комиссии». Такое заявление представительства КНА в Пханмунджоме было вызвано тем, что в ответ на внесенное в апреле 1994 г. предложение КНДР о новой системе обеспечения мира на Корейском полуострове США весной 1995 г. отменили прежний план поэтапного сокращения своих войск в Южной Корее, продолжая наращивать там военную технику и проводить угрожающие КНДР военные учения. «Тем более серьезным, — говорилось в заявлении, — является то, что США подбивали Южную Корею на сооружение в большом количестве укреплений и военных объектов в демилитаризованной зоне — буферной зоне, установленной по обоим сторонам военно-демаркационной линии, а в последнее время вводят и размещают в ней большое число танков, бронетранспортеров, орудий и другое тяжелое вооружение. Они чуть ли не каждый день, мобилизовав тысячи военнослужащих, вооруженных современным оружием, совершают военные провокации против нашей стороны в демилитаризованной зоне.

Таким образом, сегодня район южной стороны, который обязан играть роль буферной зоны, предназначенной для предотвращения вооруженных столкновений между обеими сторонами, в противоречие с присущей ему миссией превратился в исходную позицию для нападения на Север».

Реагируя на подобные действия американско-южнокорейской стороны, представительство Корейской народной армии объявило о следующих своих мерах: опечатываются находившиеся под его контролем служебные и культурно-бытовые помещения Комиссии нейтральных стран; в условиях демонтажа механизма по наблюдению за перемирием сотрудникам стороны американских войск, журналистам и членам Комиссии нейтральных стран запрещается без разрешения переходить в северный сектор совместной охраны в Пханмунджоме. «Если американская сторона, осуществляющая контроль над южным районом демилитаризованной зоны, — предостерегало в заключение представительство КНА, — продолжит потворствовать наращиванию южнокорейскими марионетками вооружений и военным провокациям в этой зоне, то в ответ на это мы предпримем меры, связанные со статусом демилитаризованной зоны»¹¹².

На проходивших в мае—сентябре 1995 г. переговорах военных представителей КНДР и США о выходе из создавшегося тупика был достигнут некоторый прогресс, однако, как утверждают в КНДР, переговоры были прерваны по инициативе американцев. В ряде официальных заявлений со стороны США действия КНДР квалифицировались как «растущая угроза» миру и стабильности на Корейском полуострове. Опровергая их, представитель МИД КНДР в декабре 1995 г. трактовал «версию об угрозе со стороны Севера» как попытку «выдать черное за белое», создать предлог для нападения на КНДР и для продолжения размещения американских войск в Южной Корее и Японии. «Благодаря нашим требованиям и миролюбивым усилиям, — доказывал он, — до сих пор на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии сохраняются мир и стабильность, несмотря на сложную обстановку, когда на полуострове парализован механизм перемирия из-за одностороннего расторжения Соединенными Штатами Соглашения о перемирии и по обеим сторонам ДМЗ огромные контингенты вооруженных сил КНДР и США противостоят друг другу вследствие враждебных отношений». Корейский представитель предупреждал, что если США продолжают военную конфронтацию, то КНДР придется «ответить противоборством на противоборство»¹¹³. Не получая ожидаемого отклика на обращение к США, КНДР несколько видоизменила и конкретизировала свою пози-

цию. В феврале 1996 г. в Пхеньяне было распространено официальное заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы неизменно настаиваем на том, что для создания механизма обеспечения полного, всеобщего и постоянного мира на Корейском полуострове надо заключить мирное соглашение между КНДР и США. Однако, учитывая политику США в отношении Кореи и уровень нынешних корейско-американских отношений, мы считаем необходимым срочно создать хотя бы минимальный режимный механизм, призванный предотвратить вооруженное столкновение и войну на Корейском полуострове».

Для достижения указанной цели в заявлении предлагалось:

Во-первых, заключить временное соглашение между КНДР и США, которое заменяло бы Соглашение о перемирии до тех пор, пока не будет подписан полномасштабный мирный договор. Документ мог бы включать такие вопросы сохранения безопасности, как контроль над военно-демаркационной линией и демилитаризованной зоной, разрешение возникающих вооруженных столкновений и неожиданных происшествий, определение состава и полномочий совместного военного механизма, порядок внесения поправок и дополнений во временное соглашение и т. д.

Во-вторых, для исполнения временного соглашения и контроля над ним организовать и привести в действие корейско-американский совместный механизм в Пханмунджоме, который заменил бы Военную комиссию по перемирию.

В-третьих, для принятия временного соглашения и обсуждения вопроса об образовании корейско-американского совместного военного механизма должны быть проведены переговоры на соответствующем уровне¹⁴.

Новая инициатива КНДР продолжила и конкретизировала ту, которая была выдвинута ею в апреле 1994 г. Вызвана она упорным отказом США заключить мирный договор с КНДР. Временное соглашение с США, предлагаемое февральским заявлением 1996 г., по содержанию сходно с существующим Соглашением о перемирии в Корее, но, видимо, предполагает более четкое определение взаимных обязательств именно КНДР и США по обеспечению мира и безопасности применительно к современной ситуации на Корейском полуострове. Соответственно и подписано оно должно быть КНДР непосредственно с США, в чьих руках военно-политическое руководство на Юге, а не с фиктивным и незаконным, по мнению Пхеньяна, «командованием сил ООН», под вывеской которого скрываются все те же США.

Февральское заявление 1996 г. еще раз показало, что в Пхеньяне сложилось представление о необходимости для Кореи двух

самостоятельных механизмов поддержания мира и безопасности: КНДР — США и КНДР — РК. Исходные мотивы такого представления в какой-то мере можно понять, если учесть, что на 38-й параллели КНДР противостоят США и РК и к каждому из них у нее особое отношение. Но остается неясным, как мыслится параллельное существование и взаимная связь на практике этих двух механизмов в нынешней сложной и противоречивой обстановке на Корейском полуострове, тем более при высокой степени координации действий противостоящих КНДР вооруженных сил. Как и следовало ожидать, США не пошли навстречу новой инициативе КНДР, ссылаясь на достаточную эффективность Соглашения о перемирии в Корее. В начале марта 1996 г. Пханмунджомское представительство КНА в меморандуме по этому поводу отметило: «Американская сторона пока не дала положительного отклика на наше великодушное предложение о создании новой системы обеспечения мира. США не следует ошибаться, считая наше предложение о проведении переговоров выпрашиванием мира. Право на выбор имеется не только у США. Если американская сторона будет заниматься проволочками, не давая согласия на наше предложение о проведении рабочих контактов, — предупреждал меморандум, — мы будем вынуждены предпринять окончательные и энергичные меры по замене старой системы перемирия новым механизмом»¹¹⁵.

Обещанные в меморандуме «энергичные меры» не заставили себя ждать. В конце марта 1996 г. последовало более чем жесткое заявление для печати тогдашнего первого заместителя министра Народных вооруженных сил КНДР Ким Гван Джина, основательно встревожившее весь мир. В нем утверждалось, что состояние перемирия на Корейском полуострове «подошло к критическому пределу». В Южной Корее раздувают шумиху о «возможности военных авантюр» со стороны КНДР, но одновременно с этим южнее военно-демаркационной линии происходят массовые перемещения войск, которые обычно можно наблюдать лишь перед началом войны. Направленные против КНДР военные учения у ее границ превосходят по масштабам проводимые ранее маневры примерно в полтора раза. «Все факты показывают, — говорилось в заявлении, — что южнокорейский режим держит наготове оружие для нападения на Север. Им остается лишь нажать на спусковой крючок. Главный вопрос в настоящее время заключается не в том, вспыхнет ли война на Корейском полуострове или нет, а в том, когда она начнется». После такой устрашающей оценки военной ситуации на Корейском полуострове Ким Гван Джин недвусмысленно предупреждал: «В это суровое время

наша Народная армия должна принять решительные ответные меры. Эти ответные меры включают в себя такие шаги, которые вытекают из понимания того, что статус ДМЗ и военно-демаркационной линии больше не может соблюдаться»¹¹⁶.

4 апреля 1996 г. Пханмунджомское представительство КНА опубликовало заявление о том, что южнокорейские военные власти в нарушение Соглашения о перемирии ввезли в демилитаризованную зону большое число танков и орудий различных калибров, развернули там многочисленный контингент вооруженных сил и возводят крупные военные объекты всего в 100 метрах от военно-демаркационной линии. «Сегодня, — сообщалось в заявлении, — южная часть демилитаризованной зоны полностью потеряла свое предназначение буферной зоны, а военно-демаркационная линия и демилитаризованная зона, установленные на основе Соглашения о перемирии, превратились в милитаризованную зону, предназначенную для нападения на Север, в новый исходный пункт для атаки. В такой ситуации мы больше не можем в одностороннем порядке соблюдать статьи Соглашения о перемирии, касающиеся демилитаризованной зоны и военно-демаркационной линии». В качестве «первоочередной меры самозащиты» объявлялось, что Корейская народная армия «снимет с себя обязательства по Соглашению о перемирии, связанные с поддержанием и управлением военно-демаркационной линией и демилитаризованной зоной»; персонал и транспортные средства стороны КНДР не будут иметь установленные опознавательные знаки в районе совместной охраны в Пханмунджоме и в демилитаризованной зоне¹¹⁷.

В тот же день на это заявление откликнулось командование войск США и РК, назвав объявленную в нем меру одним из шагов КНДР к одностороннему срыву Соглашения о перемирии. «Акции, предпринятые КНДР, которые содействуют уменьшению эффективности процесса военного диалога, — говорилось в их ответном заявлении, — не полезны для продолжающихся усилий по поиску длительного и справедливого мира на полуострове. Командование Объединенных Наций сожалеет об этой неудачной акции КНДР и остается верным Соглашению о перемирии»¹¹⁸. События тех дней приняли напряженный характер. 7 апреля 1996 г. военные власти США и РК сделали заявление о том, что в северную часть района совместной безопасности в Пханмунджоме в нарушение Соглашения о перемирии третью ночь подряд вводятся войска и вооружения КНДР, количество и виды которых превышают установленные Соглашением пределы. Каждый раз 150—180 солдат КНА вели здесь что-то вроде военных трениро-

вочных занятий: у одного из сторожевых постов появлялись безоткатное орудие и пулемет, у другого — два малокалиберных миномета. Вместе с тем указывалось, что не замечено каких-либо изменений численности, позиций или активности КНА и армии РК вдоль всей демилитаризованной зоны; войска США в этой зоне или вдоль нее не расположены. «Руководство Командования Объединенных Наций, — гласило это заявление, — продолжает наблюдать за ситуацией с серьезной обеспокоенностью, но отмечает, что эти нарушения не являются основанием для особой тревоги. Сообщения о том, что состояние “боевой готовности” подразделений, вверенных командованию Объединенных сил РК — США, повышено, являются неправильными. Все силы, предназначенные для передовых районов юга демилитаризованной зоны, всегда в высокой степени готовности, и ничего в состоянии их готовности не изменилось от стандартного высокого уровня, который сохраняется здесь многие годы»¹¹⁹.

Шумиха, развернувшаяся в СМИ (в том числе российских), побудила МИД КНДР выступить 12 апреля 1996 г. с опровержением «вздорных слухов» о том, что «меры самообороны» КНДР якобы являются «политической провокацией», попыткой «оказать давление» для заключения временного соглашения с США. В его заявлении по этому поводу повторены прежние обвинения в адрес США и РК, которые своими «поджигательскими выпадами» вынудили вооруженные силы КНДР «принять активные меры для самообороны». Этот документ МИД КНДР многозначителен в следующей своей части: «До сих пор правительство КНДР, выдвигая реалистические предложения о превращении перемирия в прочный мир на Корейском полуострове, неизменно прилагало терпеливые усилия для их реализации. И при нынешней подорванной системе перемирия мы выступили с предложением об установлении новой системы обеспечения мира, призванной восполнить опасное состояние вакуума в деле безопасности и сохранения мира, мы официально выразили готовность соблюдать Соглашение о перемирии до тех пор, пока не будет создана новая система. Это означает, что до создания новой системы безопасности нынешнее Соглашение о перемирии сохраняет силу (подчеркнуто автором)»¹²⁰. Думается, нет необходимости пояснять, насколько важно и своевременно такое прояснение позиции КНДР в вопросе о перемирии.

Вскоре после описанных событий, 16 апреля 1996 г. на о-ве Чеджудо состоялась встреча президента РК Ким Ён Сама с президентом США Б. Клинтоном. В совместном заявлении по итогам переговоров они высказались в пользу того, что существующее

Соглашение о перемирии должно сохраняться до тех пор, пока его не заменит постоянный мирный договор. «Оба президента подтвердили фундаментальный принцип, что установление стабильного, постоянного мира на Корейском полуострове — это задача корейского народа. Оба президента согласились, что Южная и Северная Корея должны взять на себя инициативу возобновления поиска соглашения о постоянном мире и что отдельные переговоры между Соединенными Штатами и Северной Кореей по вопросам мира не могут быть предметом обсуждения». Здесь дан недвусмысленный ответ не только на призывы КНДР к заключению мирного договора непосредственно с США, но и на опасения РК, что США могут в обход нее пойти на такой шаг.

Центральное место в совместном заявлении занимают два пункта, отражающие взгляды его авторов на приемлемый для них метод урегулирования проблемы мира в Корее: «Два президента предложили созвать четырехстороннюю встречу представителей Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов так скоро, как это возможно, и без предварительных условий. Это предложение должно положить начало процессу, целью которого является достижение соглашения о постоянном мире» и «Два президента согласились, что этот мирный процесс должен быть также направлен на широкий круг мер по снижению напряженности». Хотя предложение о четырехсторонней конференции оформлено от имени двух президентов, из дальнейшего текста заявления видно, что это — инициатива Ким Ён Сама, поддержанная Клинтоном¹²¹. Идея четырехсторонней конференции сама по себе не нова. Ее прежние варианты (разные по составу) уже упоминались. В нынешнем виде эта идея не кажется безупречной. Во-первых, она не совсем логична на фоне выдвинутого совместным заявлением «фундаментального принципа», что мир на Корейском полуострове — задача самого корейского народа и КНДР и РК должны взять на себя инициативу в поиске необходимого для этого соглашения. Конференция в таком случае должна быть двусторонней. Во-вторых, не ясен подход к подбору участников конференции. Если это страны, воевавшие когда-то в Корее, то их намного более четырех. Если же это только «подписанты» Соглашения о перемирии, то к ним формально не относится РК. Участие в конференции других заинтересованных стран вообще не предусмотрено. В частности обойдена Россия, которая как правопреемница СССР должна активно участвовать в мирном урегулировании в Корее. Мир непосредственно у границ России гораздо важнее ей, чем США. Напомним, что поэто-

му еще в марте 1994 г. Россия выступила с предложением о многосторонней конференции по проблемам Кореи.

Конструкцию конференции, предложенной на о-ве Чеджудо 16 апреля 1996 г., тогдашний министр иностранных дел РК Кон Ро Мён излагал следующим образом: «Исходя из того, что, по существу, проблемы Юга и Севера должны быть согласованы между этими непосредственно заинтересованными сторонами, хотя в переговорах на начальном этапе принимают участие 4 страны, данное предложение опирается на концепцию, согласно которой на этапе обсуждения существенных вопросов консультации ведут в основном Южная и Северная Корея, а США и Китай должны осуществлять вспомогательную роль и оказывать поддержку». Напрашивается вывод, что у инициаторов конференции нет уверенности в способности двух Корей самим договориться о мире и поэтому привлекается «вспомогательная команда» в лице США и КНР. Что касается России, то ей лишь обещано: «В процессе продвижения четырехсторонних переговоров Республика Корея будет принимать во внимание российские интересы и будет поддерживать тесные консультации с российской стороной по этому вопросу»¹²². В КНДР игнорировали причастность Ким Ён Сама к идее четырехсторонней конференции и относились к ней как инициативе одного только Б. Клинтона. В официальных заявлениях по поводу этой идеи неоднократно утверждалось, что изложена она не конкретно, КНДР не ясны цели и задачи предлагаемой конференции и т. д. Вместе с тем сама идея четырехсторонней встречи в КНДР категорически не отвергалась. Более того, там старались увязать с ней собственные предложения по вопросам замены перемирия мирным договором.

Пханмунджомское представительство КНА в июле 1996 г. высказалось за необходимость предпослать мирному договору заключение временного соглашения с США, на чем КНДР настаивает с февраля 1996 г. В его заявлении указывалось, что «положение на Корейском полуострове настоятельно требует без промедления установить накануне обсуждения вопроса о заключении мирного соглашения официальный канал для контактов между военными, призванный предотвратить неожиданное вооруженное столкновение и эффективно сохранять перемирие. Исходя из этого, мы предлагаем американской стороне возобновить рабочие консультации для проведения переговоров на уровне генералов между военными КНДР и США, являющихся сторонами, подписавшими Соглашение о перемирии в Корее, в связи с вопросом о заключении временного соглашения для предотвращения конфронтации и столкновений в районе военно-де-

маркационной линии и вопросом об учреждении временного механизма, призванного выполнять временное соглашение. С заключением временного соглашения, несомненно, откроется выход к переговорам о заключении постоянного мирного соглашения»¹²³.

Возможность проведения четырехсторонней конференции в КНДР поставили также в зависимость от выполнения своего давнего требования — вывод из Южной Кореи американских войск. «США предлагают “четырёхсторонние переговоры”, которые не имеют ясного контура и неизвестно, когда они состоятся, противопоставляя свое предложение нашему предложению о заключении временного соглашения», — говорилось в заявлении для печати представителя МИД КНДР. В распространенной 16 апреля «Чеджудоской декларации» США отметили, что цель «четырёхсторонних переговоров состоит в начале процесса подготовки постоянного мирного соглашения». Если это так, то главной темой переговоров должен быть вопрос об эвакуации американских войск. Соединенные Штаты обязаны недвусмысленно осветить свою позицию по этому вопросу¹²⁴. Свое участие в четырехсторонней конференции, помимо вывода американских войск, КНДР изначально связывала с предоставлением ей более значительной и регулярной иностранной помощи, по-прежнему необходимой для выправления ее экономического положения. Попытки правительства Республики Корея сделать согласие КНДР на переговоры предварительным условием оказания ей помощи, скоординировать для усиления давления на нее гуманитарные меры других стран жестко критиковались в КНДР как «антинациональные» и «преступные» акции, обрекающие «на еще большее несчастье соотечественников, пострадавших от стихийных бедствий»¹²⁵.

В ответ на сетования КНДР по поводу неясности задач и конкретного содержания четырехсторонней конференции США и РК несколько раз предлагали организовать для нее соответствующие «брифинги» с разъяснением всех возникших вопросов. Такие «брифинги» представители этих трех стран провели в Нью-Йорке в марте—апреле 1997 г. Стороны на них разошлись во мнениях относительно того, что чему должно предшествовать. Сначала вывод американских войск из Южной Кореи и предоставление КНДР крупномасштабной помощи, затем подписание мирного договора (позиция КНДР) или наоборот: сначала мирный договор, затем все остальное (позиция США и РК). Одно из следствий «брифингов» — появление формулы «3+1», отражавшей неудовлетворенность КНДР своим положением в сравнении с

другими участниками переговоров. Это подвигло КНДР на предложение идеи двухступенчатой схемы конференции.

«Пхеньян в принципе желает принять участие в четырехсторонних переговорах, — говорил в конце апреля 1997 г. заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гван. — Чтобы сделать эти переговоры более эффективными и продуктивными, мы хотим иметь больше раундов переговоров с Соединенными Штатами и Южной Кореей перед началом конференции в полном составе». Китай, по его мнению, мог бы присоединиться к перечисленным странам после того, как определится «юридический и политический статус» КНДР и страны-участницы достигнут доверия относительно четырехсторонних переговоров. Ким Ге Гван назвал несправедливым то, что Южная Корея, Китай и США имеют друг с другом дипломатические отношения, тогда как КНДР их лишена (кроме Китая). «Пхеньян не может нормально вступать в четырехсторонние переговоры в такой ситуации», — заявил он¹²⁶. Таким образом, КНДР высказалась за проведение переговоров сначала с США и РК, а затем — в полном предложенном составе. В ее намерении — определить на начальном этапе конференции свой «юридический и политический статус» и через это обрести доверие к переговорам — некоторые наблюдатели усматривали желание ускорить полную нормализацию отношений с США, добиться от них отмены эмбарго на торгово-экономические связи и предоставления ей совместно с РК крупномасштабной помощи¹²⁷. Однако предложенная КНДР схема конференции не получила поддержки остальных участников.

Последующие события показали явно растущую склонность КНДР к принятию идеи четырехсторонней конференции. В начале августа 1997 г. состоялся первый тур посвященных ей предварительных переговоров. Его участники сравнительно быстро пришли к согласию относительно места будущей конференции (Женева), ее состава (министры иностранных дел) и сроков проведения (через шесть недель после завершения предварительных переговоров). Но не удалось тогда договориться о главном — о повестке дня конференции. США и РК предложили включить в нее два пункта: о заключении стабильного мирного договора и мерах по укреплению доверия и снижению напряженности на Корейском полуострове. В контрпроекте КНДР также значились два пункта: вывод американских войск из Южной Кореи и подписание мирного договора между США и КНДР. Не придя к единству мнений, стороны условились продолжить переговоры¹²⁸.

КНДР болезненно реагировала на слишком откровенные попытки вынудить ее сесть за стол переговоров. В начале ноября

1997 г., когда распространились вести, что на прошедшей незадолго перед тем американо-китайской встрече в верхах стороны пришли к единству мнений о необходимости потребовать от КНДР принять участие в четырехсторонних переговорах, представитель МИД КНДР в сердцах сказал: «Подобные слухи только раздражают нас и не окажут никакого содействия решению вопроса». Задержку с переговорами он объяснил тем, что США не рассеяли озабоченность КНДР по поводу повестки дня и статуса участников переговоров. Вместе с тем он отметил «плодотворно складывающуюся атмосферу» в вопросе о переговорах¹²⁹.

На третьей предварительной встрече 21 ноября 1997 г. КНДР наконец согласилась участвовать в четырехсторонних переговорах. Аргументируя это решение, представитель МИД КНДР заявил: «В результате наших искренних усилий в настоящее время созданы атмосфера доверия и политическая обстановка, которые позволяют четырем сторонам сесть за стол переговоров, а также возможность для того, чтобы на “четырёхсторонних переговорах” можно было интенсивно обсудить вопрос о выводе американских войск и заключении корейско-американского мирного соглашения, как мы того требовали до сих пор. В таких условиях мы согласились на начало “четырёхсторонних переговоров”»¹³⁰.

Конференция с участием делегаций США, КНР, РК и КНДР открылась в Женеве 9 декабря 1997 г. Ее работа почти сразу же забуксовала, поскольку столкнулись противоположные взгляды и подходы, проявившиеся еще на предварительной стадии. Делегация КНДР продолжала настаивать на выводе американских войск из Южной Кореи, нормализации взаимоотношений США и КНДР и заключении между ними мирного договора, усматривая в этом залог обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове. Делегация США отказывалась даже обсуждать эти вопросы, делая упор на необходимости принятия мер для реализации Основного соглашения 1991 г. между Югом и Севером и установления на его основе мира между ними. Такая позиция была категорически отвергнута делегацией КНДР, утверждавшей, что отношения КНДР и РК — внутринациональная проблема, США же пытаются ее интернационализировать, чтобы создать предпосылки для иностранного вмешательства в дела корейской нации; необходимо решать вопросы, существующие между КНДР и США, так как от этого, главным образом, зависят снижение напряженности, мир и стабильность на Корейском полуострове¹³¹.

Основными участниками дискуссии на конференции были представители США и КНДР. Делегация РК полностью солидаризировалась с позицией США, китайская, как правило, при-

держивалась нейтралитета, хотя ей, видимо, также больше импонировала американская позиция. Судя по всему, такой расклад сил вообще характерен для этих четырехсторонних переговоров. Непримируемость высказанных на конференции точек зрения привела к тому, что делегации разъехались, ни о чем не договорившись. Столь же безрезультатным и по той же причине оказался второй раунд четырехсторонних переговоров, состоявшийся в марте 1998 г. Некоторый прогресс был достигнут лишь в ходе третьего раунда в октябре 1998 г. Делегация КНДР согласилась с внесенным ранее предложением о создании в рамках конференции для повышения эффективности ее работы двух подкомитетов: по вопросам обеспечения на Корейском полуострове устойчивого мира и по вопросам снижения там военной напряженности. При этом делегация подчеркнула, что КНДР не идет на уступки в главном и видит цель создания подкомитетов только в более глубоком подходе к ее «фундаментальным требованиям» о выводе американских войск из Южной Кореи и заключении мирного договора между КНДР и США¹³². Четвертый раунд переговоров в январе 1999 г. был посвящен задачам активизации деятельности двух учрежденных накануне подкомитетов. Делегация РК предложила начать с разработки ими относительно небольших и доступных мер по укреплению доверия между двумя Кореями, таких как взаимные извещения о предстоящих военных учениях, налаживание контактов между военными представителями, установление «горячей линии» связи. Ее поддержали делегации США и КНР. Но делегация КНДР, признавая в принципе необходимость оживить работу подкомитетов, считала все же первоочередной задачей рассмотрение своих «фундаментальных требований». Как сказал глава делегации, «пока американские войска продолжают оставаться на юге Корейского полуострова, нельзя ожидать позитивного развития переговорного процесса». В итоге встреча на этот раз ограничилась обменом мнениями ее участников о функциях подкомитетов и согласованием некоторых процедурных вопросов¹³³. Примерно в таком же порядке и столь же безрезультатно прошел в апреле 1999 г. пятый тур четырехсторонних переговоров.

С нашей точки зрения, мир, конечно же, должен быть установлен между двумя корейскими государствами независимо от каких-то формальностей. Именно КНДР и РК были главными действующими лицами Корейской войны. Им самим, больше чем кому-либо другому, нужен мир на Корейском полуострове, в их власти (пусть и с оговорками) поддерживать его на приемлемом уровне, чтобы обеспечить благоприятные условия для националь-

ного воссоединения. Это соответствует духу и букве Основного соглашения 1991 г., по которому КНДР и РК обязались общими усилиями превратить перемирие в прочный мир.

Участие КНДР в четырехсторонних переговорах, как нам кажется, продиктовано не только всем понятными прагматическими интересами, но и более глубокой причиной: осознанием настоятельной необходимости покончить с изматывающей и разорительной конфронтацией, заменить ненадежное перемирие более или менее гарантированным миром, чтобы обезопасить пострадавшую от тяжких невзгод республику, позволить ей переключиться на созидательные цели часть обременительных военных расходов, предоставить возможность в спокойной обстановке решать стоящие перед ней труднейшие задачи.

В том же направлении, что и четырехсторонние переговоры, действует еще один канал связи по проблемам корейского урегулирования. Напомним, что с уходом КНДР в начале 1990-х гг. из Военной комиссии по перемирию прекратилось ее непосредственное общение с противоположной стороной по самой жгучей и неотложной проблеме — военной. Последовавшие затем призывы КНДР к прямым переговорам на генеральском уровне с военными властями США оставались без ответа. Лишь в начале 1998 г. очередной такой призыв был услышан. В феврале 1998 г. командование «войск ООН» в Южной Корее направило через Пханмунджом свое предложение об организации военных контактов с КНДР на генеральском уровне. При этом оно предупредило, что совершенно исключены переговоры между военными КНДР и США в обход Южной Кореи и что их будет вести делегация командования «войск ООН», включающая представителей РК и США. Фактически это означало восстановление деятельности Военной комиссии по перемирию, хотя официально так не говорят. КНДР приняла предложение, и с середины 1998 г. состоялось несколько встреч генералов противостоящих друг другу на Корейском полуострове вооруженных сил. Обсуждались протесты сторон по поводу некоторых инцидентов на разграничительной линии, пути предотвращения конфликтов из-за возможных сбоев в компьютерной системе управления ракетами, целесообразность установки дополнительной линии «горячей связи» в Пханмунджоме и другие вопросы¹³⁴.

Четырехсторонние переговоры, встречи и дискуссии генералов не принесли пока ощутимых результатов. Да и наивно было бы ожидать их быстрого и полного успеха. Слишком велик груз накопившихся проблем, слишком тонки нити, на которых держится переговорный процесс. Тем не менее созданные таким об-

разом линии взаимодействия Севера и Юга при участии других стран являются новым и очень важным фактором современной политической ситуации на Корейском полуострове. Они, безусловно, лежат в русле отмеченной выше позитивной тенденции, которая, можно надеяться, все же приведет к возобновлению и эффективному продвижению межкорейского диалога.

Историческая встреча лидеров двух Кореи

2000 год с полным основанием можно назвать «годом Кореи». За это время произошло дипломатическое признание КНДР рядом крупных государств мира, прежде отказывавшихся от контактов с нею. Пхеньян посетили и вели важные переговоры с руководством КНДР президент РФ В. В. Путин, государственный секретарь США М. Олбрайт, представительные делегации других стран. В свою очередь, первый заместитель председателя Государственного комитета обороны КНДР Чо Мён Рок нанес визит в США, где был принят президентом Б. Клинтон, которому передал личное послание Ким Чен Ира. Все такого рода события заслуженно заняли видное место в международной жизни. Они, безусловно, явились реакцией на позитивные сдвиги, наметившиеся на Корейском полуострове, и способствовали активизации этих изменений.

Не случайно 2000 год начался с многообещающих заявлений с обеих сторон 38-й параллели. В краткой новогодней речи президент РК Ким Дэ Чжун включил в число важнейших национальных задач «содействие сотрудничеству с Севером»¹³⁵. Выступая 3 января на массовой церемонии по случаю Нового года и формулируя главные направления своей политики, он, в частности, сказал: «Правительство продолжит продвигать примирение и сотрудничество с Северной Кореей, чтобы положить конец структуре холодной войны на Корейском полуострове. Гуманитарная помощь Пхеньяну будет расширена, но экономическое взаимодействие должно осуществляться таким образом, чтобы приносить выгоды обеим сторонам и привести к общему процветанию»¹³⁶. Отметив при этом, что в 1999 г. заметно ослабла напряженность между Югом и Севером и возросли разноплановые взаимные обмены, Ким Дэ Чжун несколько странно, на наш взгляд, объяснил растущее мирное сотрудничество «замечательными стараниями» вооруженных сил, их «триумфом» в июньском морском бою в Желтом море¹³⁷. Тем самым он неоправданно принизил значение того, что делалось властями и общественностью РК для примирения и сближения двух частей Кореи.

Оптимистическая оценка перспектив 2000 года прозвучала и с Севера. Совместная новогодняя передовая статья трех крупнейших газет КНДР (в такой форме заменены теперь традиционные прежде программные новогодние речи президента) утверждала: «Только в объединении заключено выживание и процветание корейской нации. Настоящий, 2000 год, когда отмечается 55-летие возрождения Родины, должен стать годом великого исторического поворота в борьбе за ее объединение. Сейчас вся нация видит в выдающейся деятельности товарища Ким Чен Ира светлую перспективу объединения Родины. Сделать южнокорейское общество свободным от внешней зависимости является требованием эпохи, выполнение которого не терпит дальнейшего отлагательства. Без самостоятельности не может быть объединения Родины»¹³⁸. Статья привлекает к себе внимание тем, что 2000 год будет годом «нового исторического поворота», «началом переломной фазы в объединении Родины», что можно считать сбывшимся предвидением ее авторов.

Важной вехой в реализации зревших на Севере и Юге ожиданий новых шагов навстречу друг другу стало выступление Ким Дэ Чжуна в Берлине 9 марта 2000 г.¹³⁹ Рассмотрев позитивные и негативные аспекты воссоединения Германии, Ким Дэ Чжун в очередной раз пришел к выводу о неприменимости германского опыта в условиях современной Кореи (отсутствие необходимого для этого огромного экономического потенциала, недостаток демократических навыков в обществе, тяжелые последствия ожесточенной междоусобной войны 1950—1953 гг.). «Поэтому, — говорил он, — вместо торопливости с достижением немедленного воссоединения, более реалистичным и благоразумным подходом кажется необходимым работать прежде всего над устранением повсеместных угроз конфликта и затем следовать по пути примирения, сотрудничества, сосуществования и сопроцветания. Любые попытки воссоединить разделенную страну должны предприниматься после этого»¹⁴⁰. Выступая в Берлине, Ким Дэ Чжун вновь обнародовал свою концепцию трехэтапного воссоединения Кореи (используя несколько иную, чем прежде, юридическую терминологию). Первый этап — образование союза двух государств. Второй — федеративная система, при которой у Юга и Севера сохраняются местные автономные административные единицы. Третьим и последним шагом должно быть полное их объединение. Напомнил он также свои три принципа отношений с КНДР: Южная Корея не потерпит никаких вооруженных провокаций со стороны Северной Кореи; РК не будет пытаться каким-либо образом нанести ущерб Северу или поглотить его; Юг

и Север должны примириться и сотрудничать. «Эти принципы, — пояснил Ким Дэ Чжун, — главное в моей политике солнечного тепла, нацеленной на демонтаж холодной войны»¹⁴¹.

От имени Республики Корея Ким Дэ Чжун дал «три важных обещания» Пхеньяну: гарантировать его национальную безопасность; помочь в его усилиях по оздоровлению экономики; активно поддерживать его на международной арене. В свою очередь, Ким Дэ Чжун выразил желание получить от Пхеньяна «три гарантии»: Север должен раз и навсегда отказаться от вооруженных провокаций против РК; он должен выполнять свои предыдущие обещания не создавать атомное оружие; он должен отказаться от стремлений создать ракеты дальнего радиуса действия. «Мой подход, — характеризовал Ким Дэ Чжун свою методологию, — это всеобъемлющее урегулирование главных нерешенных вопросов, основанное на принципе “даю — беру” или взаимности»¹⁴².

В «попытке установить постоянный мир и осуществить примирение и сотрудничество с Северной Кореей» Ким Дэ Чжун внес следующие четыре предложения, составившие ядро его Берлинской декларации:

Первое: «Правительство республики Корея готово помочь Северной Корее преодолеть ее экономические трудности. Назрело время для сотрудничества правительства с правительством. Правительство Республики Корея готово позитивно ответить на любую просьбу Северной Кореи в этом отношении».

Второе: «На нынешней стадии наша ближайшая цель — положить конец конфронтации холодной войны и установить мир, прежде чем попытаться осуществить объединение. Правительство Республики Корея намерено лучше сделать это оказанием помощи Северной Корее в духе искреннего примирения и сотрудничества. Мы настоятельно советуем властям Пхеньяна принять нашу добрую волю без каких-либо оговорок, идти вперед и ответить на наше предложение сотрудничать и примириться».

Третье: «Северная Корея должна ответить на наш призыв принять меры к воссоединению родственников, разлученных в разных частях разделенной страны. Мы не можем позволить себе терять драгоценное время, учитывая тот факт, что многие пожилые члены семей умирают».

Четвертое: «Чтобы эффективно рассмотреть различные нерешенные вопросы, правительственные власти обеих Корей должны безотлагательно начать диалог. В моей инаугурационной речи я предложил Северу, чтобы Сеул и Пхеньян обменялись спецпосланниками для осуществления Основного соглашения Юг —

Север, заключенного в 1991 г. Я повторяю, что Северная Корея должна позитивно ответить на это предложение»¹⁴³.

Предложения, с которыми Ким Дэ Чжун собирался выступить в Берлине, заблаговременно были сообщены Пхеньяну. Там их явно восприняли благожелательно, поскольку уже 17 марта начались неофициальные переговоры спецпосланников лидеров РК и КНДР, проходившие до 8 апреля в Пекине и Шанхае (КНР). 10 апреля мир узнал ошеломившую всех новость: достигнуто соглашение о визите в Пхеньян в середине июня 2000 г. президента Ким Дэ Чжуна по приглашению председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ира. Стороны договорились также о проведении дополнительных переговоров для обсуждения вопросов организации встречи на высшем уровне. Пять раундов таких переговоров прошли с 22 апреля по 18 мая в Пханмунджоме и завершились согласием сторон по всем рассмотренным вопросам.

Межкорейская встреча на высшем уровне состоялась 13—15 июня 2000 г. в Пхеньяне. По общему мнению ее участников и международных наблюдателей, она оказалась более чем удачной. Лидеры РК и КНДР продемонстрировали высокое уважение друг к другу, дружелюбие, готовность выслушать и понять партнера по переговорам, желание решать все накопившиеся сложные проблемы на взаимной основе и в конструктивном духе. По итогам встречи была принята Совместная декларация Юга и Севера. Видимо, целесообразно привести здесь полностью этот небольшой, но емкий и крайне важный документ¹⁴⁴.

«Совместная декларация Юга и Севера».

В соответствии с благородным стремлением всей нации к мирному объединению Родины президент Республики Корея Ким Дэ Чжун и председатель Государственного комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ир с 13 по 15 июня 2000 года провели в Пхеньяне историческую встречу и переговоры на высшем уровне.

Главы Юга и Севера, расценив эту встречу и переговоры, состоявшиеся впервые в истории раскола (страны), как имеющие важное значение для углубления взаимопонимания, развития отношений между Югом и Севером, осуществления мирного объединения, провозглашают следующее:

1. Юг и Север вопрос об объединении страны будут решать самостоятельно, общими усилиями его (вопроса об объединении. — Ю. В.) хозяина — нашей нации.

2. Юг и Север, признавая общность предложения южной стороны об объединении страны посредством союза и предложения север-

ной стороны о конфедерации низкой стадии, впредь будут двигаться этим курсом к объединению.

3. Юг и Север скорейшим образом решат вопрос об обмене группами посетителей из разлученных семей и родственников по случаю 15 августа текущего года, вопрос об узниках, находящихся в заключении длительные сроки и не изменивших своих убеждений, и другие гуманитарные вопросы.

4. Юг и Север через экономическое сотрудничество будут сбалансированно развивать национальную экономику, активизировать сотрудничество и обмены в социальной, культурной, спортивной сферах, в здравоохранении, (защите) окружающей среды и других сферах, укреплять взаимное доверие.

5. Юг и Север для скорейшего претворения в жизнь указанных выше согласованных статей в ближайшее время начнут диалог соответствующих органов.

Президент Ким Дэ Чжун сердечно пригласил председателя Государственного комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ира посетить Сеул. Председатель Государственного комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ир посетит Сеул в подходящее время».

Проблематика переговоров и принятые на них решения достаточно четко освещены в декларации. Пять ее пунктов отражают наиболее важные задачи, стоящие сейчас перед двумя Кореями, намечают принципы и пути их совместной реализации. Все эти пункты в высшей степени актуальны, тем не менее первые два привлекают к себе особое внимание.

Во главу угла изложенной в декларации программы взаимодействия Севера и Юга поставлен принцип их самостоятельности в деле объединения Кореи. Этот принцип был провозглашен ими еще в Совместном заявлении Севера и Юга от 4 июля 1972 г., но не соблюдался властями РК, за что те постоянно подвергались резкой критике со стороны КНДР. Ким Ир Сен, а вслед за ним и Ким Чен Ир упорно и неустанно отстаивали полнейший суверенитет корейского народа, его безраздельные права «хозяина» в вопросе национального воссоединения, недопустимость вмешательства извне. Подтверждение принципа самостоятельности, предоставления ему центрального места в нынешней декларации свидетельствует о том, что два корейских лидера сумели найти общий подход к этой непростой (особенно для РК) проблеме.

Официальное издание РК, комментируя итоги пхеньянского саммита, сообщает: «Вновь подтвердив принципы объединения страны, согласованные в Совместном заявлении от 4 июля 1972 г.,

обе стороны договорились о том, что воссоединение Кореи является исключительно корейским вопросом, который должен быть решен самостоятельно, то есть “силами хозяина” этого вопроса согласно воле и намерению 70-миллионной нации. В связи с этим президент Ким Дэ Чжун подчеркнул важность самостоятельного решения этого вопроса при поддержке и сотрудничестве мирового сообщества, не исключая при этом участие внешних сил в решении вопроса о воссоединении Кореи, и председатель Ким Чен Ир согласился с этим»¹⁴⁵.

Декларация обошла молчанием, пожалуй, самый болезненный для КНДР аспект внешнего вмешательства в корейские дела — присутствие на Юге войск США. Вот какую информацию приводит уже цитированное нами официальное издание РК: «...Вышеуказанное самостоятельное решение вопроса о воссоединении Кореи вовсе не означает вывод контингента американских войск с Корейского полуострова, на чем Северная Корея настаивала ранее. После откровенного и искреннего диалога главы обоих государств разделили точку зрения в том, что американский контингент играет важную роль в укреплении мира и безопасности в Северо-Восточной Азии»¹⁴⁶.

Наличие договоренности по одной из наиболее острых проблем неоднократно подтвердил президент РК Ким Дэ Чжун. Так, например, выступая с лекцией в Сингапуре в конце ноября 2000 г., он заявил: «...Северная Корея согласилась со взглядом Юга о необходимости пребывания американских войск на Корейском полуострове. Корея — единственная в мире страна, окруженная четырьмя великими державами: США, Японией, Китаем и Россией. Я давно был убежден, что американское военное присутствие на полуострове необходимо для стабильности и баланса сил здесь и в Северо-Восточной Азии. Я объяснил это Ким Чен Иру, и он с готовностью согласился во имя безопасности корейского народа. Это было кардинальным отходом от северокорейского требования о выводе американских войск, которое выдвигалось в течение 50 лет со времени начала Корейской войны. Это очень важное совпадение взглядов»¹⁴⁷. Руководство КНДР воздержалось от публичного разъяснения своей нынешней позиции относительно пребывания на Юге войск США и вообще причастности внешних сил к межкорейскому урегулированию. Но со стороны северян не последовало каких-либо критических замечаний или возражений по поводу южнокорейской версии этой части переговоров. Видимо, корейские лидеры действительно пришли здесь к компромиссу, устранив очень серьезное препятствие на пути сближения Севера и Юга.

Переводы с корейского на другие языки второго пункта декларации показывают, что Север и Юг по-разному понимают программные установки друг друга о форме будущего объединения Кореи. В Пхеньяне по-прежнему исходят из того, что они предложили для этой цели конфедерацию, хотя и «низкой фазы», а Сеул — содружество¹⁴⁸. В Сеуле же считают, что именно они выдвинули конфедерацию, а Пхеньян — федерацию «низкого уровня»¹⁴⁹. Выступая с лекцией в Сингапуре, Ким Дэ Чжун утверждал: «Особенно важно то, что Север отказался от своего многолетнего требования централизованного федерального правительства, которое должно быть установлено для всей Кореи, чтобы достичь объединения. Вместо этого Север предложил мягкую форму федерации в качестве формулы объединения. Это новое предложение близко к формуле Юга о конфедерации Юга и Севера (по принципу): один народ, две системы и два правительства. Была найдена общая основа, на которой обе стороны могут начать переговоры об объединении»¹⁵⁰.

Расхождения в терминах, в юридической квалификации сторонами выдвинутых ими концепций, на наш взгляд, малозначительны и не имеют принципиального характера. В какой-то мере можно согласиться с мнением официального издания РК: «Юг и Север наконец-то смогли отказаться от бесполезных споров по поводу проекта объединения страны». Главное состоит в том, что Север и Юг признали в декларации «общность» этих концепций, подчеркнув тем самым наличие у них общей платформы национального воссоединения, и взяли на себя обязательство впредь «двигаться этим курсом к объединению». Сами лидеры Севера и Юга справедливо назвали в декларации свою встречу «исторической», учитывая ее беспрецедентное место в более чем полувековой истории межкорейских отношений в условиях расчлененной страны. Столь же высоко оценила ее значение мировая общественность. Зримым свидетельством такой оценки стало присуждение Ким Дэ Чжуну Нобелевской премии мира. Награда вполне заслуженная, хотя, по мнению многих, вместе с Ким Дэ Чжун-ом ее мог быть удостоен и Ким Чен Ир. Ведь каждому руководителю на своем участке пути навстречу друг другу пришлось преодолевать большие препятствия, проявить максимум воли и политической смелости, стремления к совместной деятельности во имя высших интересов всей нации. Исторический саммит в Пхеньяне не только определил принципы и основные направления взаимодействия двух Корей, но и придал осязаемый стимул активизации и углублению их сотрудничества. Началась конкретная

работа по «Совместной декларации Юга и Севера» и практической реализации достигнутых в Пхеньяне договоренностей.

В августе 2000 г. Ким Чен Ир принял группу работников южнокорейских средств массовой информации. В дружественной и деловой обстановке обсуждались итоги его недавних переговоров с Ким Дэ Чжуном. Руководители ведущих СМИ Южной Кореи договорились о сотрудничестве с северокорейскими партнерами в информационном обеспечении выполнения Совместной декларации, обменялись с ними взаимными обязательствами воздерживаться от нападок и клеветы, стремясь способствовать достижению национальной консолидации и воссоединению Кореи¹⁵¹. Тогда же состоялась встреча Ким Чен Ира с крупными бизнесменами — руководителями компаний, входящих в промышленно-финансовую корпорацию «Хёндэ». Разговор также шел о результатах саммита в Пхеньяне и перспективах расширения экономического сотрудничества между Севером и Югом. Ким Чен Ир поблагодарил представителей «Хёндэ» за их новый щедрый подарок — 1,5 тыс. голов крупного рогатого скота. В конце сентября он ознакомился с объектами, возводимыми «Хёндэ» в туристической зоне в горах Кымгансан, и выразил удовлетворение проводимой там работой¹⁵².

Вскоре после саммита начались активные контакты представителей правительств и экспертов КНДР и РК по актуальным проблемам двустороннего сотрудничества. В частности заключено соглашение о гарантиях инвестиций, избежании двойного налогообложения, принятии единой расчетной единицы для коммерческих сделок и т. д. Подписан контракт на поставку в КНДР 500 тыс. т риса и кукурузы. С этой целью РК предоставила КНДР долгосрочный кредит на достаточно льготных условиях и взяла на себя закупки зерна в Таиланде и Китае¹⁵³. Делается это очень кстати, поскольку сельское хозяйство КНДР в 2000 г. вновь понесло серьезный урон из-за длительной и жестокой засухи. Среди форм экономического сотрудничества Севера и Юга новой и приоритетной становится железнодорожное строительство. В Пхеньяне два руководителя договорились восстановить железнодорожное сообщение в Корею, прерванное на десятилетия после расчленения страны. Конкретно речь идет о магистрали, связывающей южнокорейский порт Пусан с городом Синийджу на северо-западе полуострова, возле границы с Китаем. Обсуждается также северо-восточный вариант железной дороги: от Сеула через Кэсон и Вонсан к станции Хасан на границе с Россией. В дальнейшем планируется соединить железнодорожную систему Кореи с российской Транссибирской ма-

гистралью, что откроет более короткий и выгодный путь для торгово-экономического обмена Кореи и ее соседей со странами Европы. Этот проект обещает стать крупным объектом многостороннего сотрудничества. Одновременно предполагается также стыковка шоссейных дорог, идущих от Пхеньяна и Сеула к 38-й параллели. В районе северокорейского города Кэсон, где сомкнутся автомагистрали, намечается создание большого промышленного комплекса.

Как и указано в Совместной декларации, 15 августа 2000 г., в День освобождения Кореи, Пхеньян и Сеул посетили первые группы членов разделенных семей. Состоялись полные драматизма свидания родных и близких людей, которых судьба страны более чем на полвека лишила возможности общаться. В конце 2000 г. прошла еще одна такая встреча, и надо надеяться, что такие встречи будут происходить и далее. Власти Севера и Юга разрабатывают меры предоставления разделенным семьям информации друг о друге, организации переписки между ними. 2 сентября 2000 г. Пхеньян торжественно встречал 63 человека из числа тех, кто в Совместной декларации названы «узниками, находящимися в заключении длительные сроки и не изменившими своих убеждений». Это военнопленные времен Корейской войны 1950—1953 гг., революционеры-подпольщики, арестанты, осужденные как «агенты Севера». Престарелые, тяжело больные, но морально не сломленные люди, они вернулись наконец-то на родину благодаря усилиям руководства КНДР и доброй воле правительства РК. Ярким проявлением наметившихся в Корее перемен явилось совместное участие ее спортсменов в Олимпийских играх в Сиднее (сентябрь 2000 г.). На торжественном открытии Олимпиады две корейские спортивные делегации прошли единой колонной под олимпийским знаменем, в ходе игр они не раз демонстрировали взаимную поддержку.

Труднее всего поддается новым веяниям военная сфера. Некоторые сдвиги есть и в ней. Так, уже в середине августа 2000 г. возобновлена прерванная за несколько лет до того деятельность миссий связи КНДР и РК в Пханмунджоме, между ними установлены две «горячие линии» телефонной связи¹⁵⁴. Уникальной для всей истории межкорейских отношений стала встреча министров обороны КНДР и РК на острове Чеджудо в конце сентября 2000 г. По словам Ким Дэ Чжуна, «они согласились никогда не развязывать новую войну на полуострове, активно поддержать Совместную декларацию Севера и Юга от 15 июня»¹⁵⁵. Однако практическая мера согласована была только одна: совместная работа по разминированию того участка разделяющей КНДР и

РК демаркационной зоны, где проходят восстанавливаемые транспортные артерии.

Между Севером и Югом по-прежнему сохраняются взаимная настороженность, недоверие к миролюбивым заявлениям друг друга, не предпринимаются пока реальные шаги по снижению военной напряженности. Пхеньян протестует против продолжения американо-южнокорейских военных учений, которые он считает опасными для себя, осуждает Юг за наращивание военного потенциала. В свою очередь, Сеул выражает недовольство тем, что КНДР предпочитает обсуждать военные проблемы только с США. В официальных выступлениях, в изданиях министерства обороны РК все еще называют КНДР «противником номер один». Как и прежде, утверждают, что Север якобы намеревается «коммунизировать» Юг, для чего сосредоточил вдоль 38-й параллели основную часть своих вооруженных сил. Наряду с этим заявляют о неверии в то, что КНДР действительно серьезно сокращает оборонные расходы¹⁵⁶.

Тем не менее «Совместная декларация Юга и Севера» и достигнутые на июньской встрече 2000 г. договоренности двух лидеров уже начали осуществляться. Но не следует допускать чрезмерной эйфории, надеяться на скорые и гигантские по масштабам результаты. От этого предостерегает прошлый опыт Кореи. Важно, чтобы Север и Юг остались верны согласованным на саммите в Пхеньяне целям и принципам, не утратили созданный там настрой на компромисс, совместную конструктивную работу ради национального единства Кореи.

* * *

Объединение страны было и остается важнейшей национальной задачей Кореи. Судя по всему, ее решение придется на долю наступившего XXI века. Несмотря на все трудности и противоречия на пути к этой цели, ни одно из двух корейских государств не отказывается от надежд на объединение. Более того, в современных условиях эти надежды там растут, заставляя правительства искать методы и средства их осуществления. Можно как угодно скептически относиться к тем или иным официальным заявлениям и акциям, но не стоит сомневаться в искреннем и непреодолимом стремлении к объединению всего корейского народа. Нам не известны какие-либо массовые опросы по этой теме в КНДР, но, думается, есть все основания верить утверждениям ее властей о всенародном характере борьбы за объединение родины. В РК такие опросы периодически проводятся. Один из них,

состоявшийся в 1995 г., показал, что 91,2% населения Юга также выступают за объединение¹⁵⁷.

Десятилетия раскола и противостояния двух Корей в XX веке не прошли бесследно. Наряду с негативными и даже трагическими последствиями они дали и некоторый положительный результат. Более чем наглядно и убедительно доказана непригодность и недопустимость силового решения в этом вопросе, способного привести лишь к непредсказуемой катастрофе. Нарастает осознание того, что объединение — длительный и сложный процесс преодоления взаимной вражды и недоверия, устранения накопившихся за десятилетия противоречий, совместного поиска компромиссных подходов к взаимопониманию и сближению двух частей Кореи. Другого пути к воссозданию национального единства у этой страны просто нет. Свидетельствами того, что этот вывод пробивает себе дорогу, являются программы объединения, разрабатываемые руководителями КНДР и РК. При всех различиях между ними, они сходны в главном — в подчеркивании постепенного и мирного характера грядущего объединения Кореи.

Разумеется, путь к объединению по-прежнему очень непрост. Слишком далеко ушли друг от друга в своем развитии два корейских государства, слишком много накопилось в их взаимоотношениях взрывчатого материала. К старым взаимным подозрениям и неприязни присоединяются новые, вызванные недобросовестным внешним вмешательством или непродуманными действиями внутренних политических сил. Поэтому ситуация на Корейском полуострове остается весьма неустойчивой, не исключаяющей попятных движений и даже кризисных срывов. Многое зависит от выдержки и дальновидности корейских лидеров, их готовности подняться выше личных амбиций и эгоистических расчетов, от их искренней заинтересованности в том, чтобы межкорейские отношения вели не к увековечению раскола, а к восстановлению национального единства страны.

Национальное воссоединение Кореи немыслимо без мира и стабильности на полуострове. Их сохранение и упрочение должно постоянно быть главной заботой корейских лидеров и всех политических сил. Можно надеяться, что пережившее все разумные сроки послевоенное перемирие наконец-то будет заменено полноценным мирным договором, который, конечно же, значительно оздоровит обстановку на Корейском полуострове. Но одно это не снимет всех опасных проблем. Военное противостояние двух корейских государств, периодически обостряющееся до критических пределов, не перестает вызывать тревогу в мире. Неоднократные предложения КНДР снизить на взаимных началах

до нормального минимума вооруженные силы и вооружения Севера и Юга отвергаются последним как «пропагандистские». Сам же Юг каких-либо ощутимых практических шагов к совместному снижению военной напряженности не предпринимает. Напротив, он активизирует наращивание своего военного потенциала, что, как уже говорилось, не кажется оправданным и вызывает серьезные опасения. Корея снова может стать ареной страшной трагедии, если в одной ее части возобладает желание искусственно ускорить объединение страны, не останавливаясь ради этого перед применением силы.

Объединение Кореи — дело воли и целенаправленных действий самого корейского народа. Однако оно отнюдь не безразлично для соседей Кореи и всего мирового сообщества. Мирное урегулирование проблем Кореи очень много значит для укрепления общей безопасности на Дальнем Востоке. Страны, исторически причастные к корейскому вопросу (США, КНР, Россия, Япония), должны соблюдать максимальную осторожность и создавать со своей стороны благоприятные возможности для сближения двух корейских государств, смягчения конфронтации между ними, особенно в военной сфере. Корейский вопрос возник как международный и останется таковым до полного разрешения. Его состояние неизменно зависит от общей ситуации в мире. Как правило, ее ухудшение влекло за собой опасное обострение противоречий КНДР и РК, зато каждый заметный шаг в смягчении международной напряженности давал ощутимые стимулы к снижению накала этих противоречий и движению двух корейских государств навстречу друг другу. Дальнейший их путь к мирному объединению, безусловно, будет в огромной степени определяться уровнем нормализации всей международной обстановки, преобладания здоровых тенденций в мировой политике.

XX век принес Корею длительное японское колониальное иго, радость освобождения и последовавшую тут же за ней трагедию раскола и братоубийственной войны, десятилетия раздельного существования двух ее частей в условиях постоянного жесткого противоборства. Корейский народ за этот век пережил слишком многое и полной мерой испытал чашу бед и страданий. Хочется верить, что начавшийся XXI век будет к нему более благосклонным и не за горами то желанное время, когда Корея вновь станет единой и как сильное процветающее государство займет подобающее место в мировом сообществе.

¹ Peace and Cooperation. White Paper on Korean Unification. 1996. Ministry of National Unification Republic of Korea. Seoul, 1996, с. 37—38.

- ² Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян, 1979, с. 613.
- ³ Попытка межкорейских переговоров осенью 1961 г. не в счет, поскольку они велись на низком уровне представительства и завершились безрезультатно (см.: Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996, с. 140—143).
- ⁴ Его содержание см.: Корея: расчленение, война, объединение. М., 1995, с. 258—260.
- ⁵ Там же, с. 263—267.
- ⁶ Ким Ир Сен. Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой Партии Кореи VI съезду партии. — Сочинения. Т. 35. Пхеньян, 1989, с. 389—390.
- ⁷ Там же, с. 391—400.
- ⁸ Там же, с. 389.
- ⁹ Ким Ир Сен. Новогодняя речь 1 января 1991 года. — Корея сегодня, 1991, № 1, с. 6.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, с. 5.
- ¹² Там же, с. 6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ким Ир Сен. Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов. Пхеньян, 1993.
- ¹⁵ Там же, с. 1.
- ¹⁶ Там же, с. 2.
- ¹⁷ Ким Чен Ир. Последовательно претворять в жизнь заветы великого вождя товарища Ким Ир Сена в деле воссоединения Родины. М., 1997, с. 7.
- ¹⁸ Ким Чен Ир. Осуществим самостоятельное и мирное воссоединение Родины на основе великой консолидации всей нации. М., 1998, с. 8.
- ¹⁹ Там же, с. 8—9.
- ²⁰ Нодон синмун, 20.05.1994.
- ²¹ President Kim Young Sam's 1994 Liberation Day Speech. August 15, 1994. A New Task for Unity. President Kim Young Sam's 1994 Liberation Day Speech with Explanatory Notes. August 15, 1994. Published by Korean Overseas Information Service. Seoul, Korea, August 1994, с. 6—7.
- ²² Там же, с. 7—8.
- ²³ Peace and Cooperation, с. 46—47.
- ²⁴ Там же, с. 47—48.
- ²⁵ Там же, с. 42.
- ²⁶ President Kim's Address on 51st Anniv. of National Liberation. — Korea Observer, vol. XXVII, № 3, 1996, с. 487—488.
- ²⁷ Корея сегодня, 1991, № 1, с. 6.
- ²⁸ Yang-Hoon Cho. Unification in the 1990s: Historiographical Prospects. — Korea Observer, vol. XXVII, № 1, 1996, с. 85.

- 29 Address by President Kim Young Sam on National Policies for 1996 (January, 9, 1996). — Korea Observer, vol. XXVII, № 1, 1996, с. 140.
- 30 President Kim's Address on 51st Anniv. of National Liberation. — Korea Observer, vol. XXVII, № 3, 1996, с. 490.
- 31 President Kim Young Sam's 1994 Liberation Day Speech..., с. 10.
- 32 Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992, с. 275.
- 33 Там же, с. 261.
- 34 Оба документа официально были подписаны премьер-министрами КНДР и РК в феврале 1992 г., тогда же утверждены двумя президентами, а в апреле ратифицированы парламентами. На этом основании их нередко считают принятыми в 1992 г.
- 35 Тексты документов см.: Объединение Кореи — насущный вопрос современности. Пхеньян, 1993, с. 256—261.
- 36 Там же, с. 256.
- 37 Там же, с. 257.
- 38 Там же, с. 258.
- 39 Там же, с. 260.
- 40 Впрочем, Конституция РК по-прежнему утверждает, что юрисдикция РК распространяется на весь Корейский полуостров и прилегающие к нему острова. До сих пор в Сеуле содержат «губернаторов» провинций Северной Кореи, тратя на них деньги налогоплательщиков.
- 41 Korea and World Affairs, vol. XVI, № 2, 1992, с. 368.
- 42 Там же, vol. XVI, № 3, 1992, с. 569—582.
- 43 Peace and Cooperation..., с. 98—102.
- 44 Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995, с. 223.
- 45 U.S. Policy Towards North Korea: Random Notes. Young C. Kim. Director, Gaston Sigur Center for Asian Studies. The George Washington University. Presented at the International Conference on Four Major Powers Policies Towards the PDRK. September, 30.1992. The Research Institute for National Unification. Seoul, Korea, с. 3—4.
- 46 Корея. Справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. Сеул, 1993, с. 378.
- 47 Ким Ир Сен. Программа по великой консолидации..., с. 1, 2.
- 48 Peace and Cooperation..., с. 108—110.
- 49 Ким Ир Сен. За новый мир. Статьи и выступления. Палей. М., 1996, с. 390.
- 50 Peace and Cooperation..., с. 110—112.
- 51 Там же, с. 113.
- 52 Там же, с. 111.
- 53 Korea and World Affairs, vol. XVIII, № 4, 1994, с. 793—795.
- 54 Нодон синмун, 11.11.1994.

- 55 Peace and Cooperation..., с. 160.
- 56 Там же, с. 150.
- 57 Korean Unification Bulletin, 2000, № 21. Seoul, Korea, с. 7.
- 58 Peace and Cooperation..., с. 113—117.
- 59 Там же, с. 163—164.
- 60 President Kim's Address on 51st Anniv. of National Liberation. — Korea Observer, vol. XXVII, № 3, 1996, с. 489.
- 61 Korea and World Affairs, vol. XX, № 2, 1996, с. 489.
- 62 Пульс планеты. Информационное телеграфное агентство России ИТАР-ТАСС. Ежедневный бюллетень информации. 30 декабря 1996 г. «АК» — 4,5.
- 63 Там же, 2 апреля 1997 г. «АК» — 5,6.
- 64 Там же, 9 апреля 1997 г. «АК» — 4.
- 65 Korea Focus on Current Topics, 1996, vol. 4, № 2, с. 171.
- 66 Пульс планеты, 17 июля 1996 г. «АК» — 8.
- 67 Korea Herald, 12.12.1997.
- 68 Korean Unification Bulletin, 1998, № 2, Seoul, Korea, с. 2.
- 69 Let Us Open a New Era: Overcoming National Crisis and Taking New Leap Forward by President Kim Dae-Jung February 25, 1998. — Korea Observer, vol. XXIX, № 1, 1998, с. 231.
- 70 Там же, с. 232.
- 71 Там же.
- 72 Там же.
- 73 Korea Unification Bulletin, 1998, № 2, с. 2.
- 74 President Kim's Address on «Second Nation-Building». — Korea Focus, 1998, vol. 6, № 4, с. 153—154.
- 75 Известия, 06.06.1998.
- 76 Korea and World Affairs, vol. XXII, № 2, 1998, с. 259.
- 77 Ким Чен Ир. Осуществим самостоятельное и мирное воссоединение Родины на основе великой национальной консолидации всей нации, с. 15—16.
- 78 Там же, с. 19—20.
- 79 Нодон синмун, 04.02.1999.
- 80 Korea Unification Bulletin, 1999, № 5, Seoul, Korea, с. 7.
- 81 News review. February 20, 1999, с. 5.
- 82 Vantage Point. Developments in North Korea. February 1999, vol. 22, № 2, с. 48.
- 83 Korea Unification Bulletin, 1999, № 5, с. 4.
- 84 Korea Unification Bulletin, 2000, № 21, с. 7.
- 85 Пульс планеты, 7 декабря 2000 г. «АК—3».
- 86 News review. January 23, 1999, с. 25.
- 87 Korea and World Affairs, vol. XXIV, № 1, 2000, с. 135.

- 88 Kim Dae-Jung's Policies on North Korea: Achievements and Future Goals. Ministry of Unification. The Republic of Korea. 1999, с. 20—21.
- 89 Нодон синмун, 19.01.1999.
- 90 Независимая газета, 05.12.1998; Известия. 10.02.1999.
- 91 Пульс планеты, 3 декабря 1998 г. «АК»—5.
- 92 News review. February 20, 1999, с. 5; Пульс планеты, 12 февраля 1999 г. «АК»—5.
- 93 Vantage Point. March 1999, vol. 22, № 3, с. 30.
- 94 Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 36. Пхеньян, 1990, с. 206—207.
- 95 Выступление министра иностранных дел Республики Корея Гон Ро Мена в Московском государственном институте международных отношений: Задачи внешней политики Республики Корея на XXI век и отношения между Республикой Корея и Российской Федерацией. Москва, 8 мая 1996 г., с. 8, 9.
- 96 Vantage Point. November 1999, vol. XVII, № 11, с. 20.
- 97 Корея. Справочник, с. 390.
- 98 Korea and World Affairs, vol. XX, № 2, 1996, с. 202.
- 99 Korea Focus, 2000, vol. 8, № 2, с. 24.
- 100 Korea Herald, 11.12.1996.
- 101 United State Institute of Peace. Special Report. A Coming Crisis on the Korean Peninsula? The Food Crisis, Economic and Political Considerations. Washington, 1996, с. 13—14.
- 102 News review. February 20, 1999, с. 8.
- 103 Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 27. Пхеньян, 1986, с. 45.
- 104 Объединение Кореи — насущный вопрос современности, с. 141.
- 105 Там же, с. 177.
- 106 Там же, с. 256—257.
- 107 Korea and World Affairs, vol. XVII, № 2, 1994, с. 366—368.
- 108 Нодон синмун, 03.06.1994.
- 109 Там же, 25.02.1995.
- 110 Там же, 08.09.1995.
- 111 Там же, 01.03.1995.
- 112 Там же, 04.05.1995.
- 113 Там же, 12.12.1995.
- 114 Там же, 23.02.1996.
- 115 Там же, 09.03.1996.
- 116 Там же, 29.03.1996.
- 117 Там же, 05.04.1996.
- 118 Korea and World Affairs, vol. XX, № 2, 1996, с. 300.
- 119 Там же, с. 302.
- 120 Нодон синмун, 13.04.1996.
- 121 Korea Focus, 1996, vol. 4, № 2, с. 171.

- ¹²² Выступление министра иностранных дел Республики Корея Гон Ро Мена в Московском государственном институте международных отношений..., с. 13.
- ¹²³ Нодон синмун, 27.07.1996.
- ¹²⁴ Там же, 03.09.1996.
- ¹²⁵ Бюллетень ЦТАК, 12.08.1996.
- ¹²⁶ Vantage Point. May 1997, vol. XX, № 5, с. 16—17.
- ¹²⁷ Там же, с. 17.
- ¹²⁸ Korea Herald, 09.08.1997.
- ¹²⁹ Нодон синмун, 05.11.1997.
- ¹³⁰ Там же, 24.11.1997.
- ¹³¹ Там же, 13.12.1997.
- ¹³² Vantage Point. November 1998, vol. XXI, № 1, с. 3.
- ¹³³ Korean Unifaction Bulletin, March 1999, № 5, с. 6; Пульс планеты, 21 января 1999, «АК»—5.
- ¹³⁴ Korea Herald, 20.02.1998; News review. February 20, 1999, с. 11.
- ¹³⁵ Korea and World Affairs, vol. XXIV, № 1, 2000, с. 95.
- ¹³⁶ Там же, с. 105.
- ¹³⁷ Там же, с. 106.
- ¹³⁸ Корея сегодня, 2000, № 2, с. 11.
- ¹³⁹ Korea and World Affairs, vol. XXIV, № 1, 2000, с. 132.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 134.
- ¹⁴¹ Там же, с. 134—135.
- ¹⁴² Там же, с. 135.
- ¹⁴³ Там же, с. 136.
- ¹⁴⁴ Переводы Декларации на русский язык, опубликованные в изданиях РК и КНДР, в некоторых деталях не совпадают, поэтому автор предлагает собственный вариант перевода ее текста с корейского языка (Тхониль Хангук, 2000, № 7, с. 18).
- ¹⁴⁵ Вместе как один. Саммит между Югом и Севером Кореи — новая страница в истории корейского народа. Министерство Республики Корея по делам объединения. Сеул, июль 2000 г., с. 12.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ International Herald Tribune, 28.11.2000.
- ¹⁴⁸ Корея, 2000, № 8, с. 5.
- ¹⁴⁹ Вместе как один, с. 52.
- ¹⁵⁰ International Herald Tribune, 28.11.2000.
- ¹⁵¹ Корея сегодня, 2000, № 10, с. 8.
- ¹⁵² Пульс планеты, 10 августа 2000 г. «АК»—5; 4 сентября 2000 г. «АК»—7.
- ¹⁵³ Там же, 4 октября 2000 г. «АК»—7.
- ¹⁵⁴ Там же, 14 августа 2000 г. «АК»—2.
- ¹⁵⁵ International Herald Tribune, 28.11.2000.
- ¹⁵⁶ Пульс планеты, 6 декабря 2000 г., «АК»—7.
- ¹⁵⁷ Peace and Cooperation..., с. 28.

SUMMARY

The collection of essays «Korea on the Border of Centuries» discusses the academically and politically urgent problems of the recent situation in Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea, their inter-relations, military-political settings in the Korean peninsula, as well as the place of Korea in the policies of the USA, China, Russia and Japan. The contributors attention is centred around the programs and real measures undertaken by both Korean states to overcome the more than half a century old partition of the country and to search for the pathways to the national unification of Korea.

The authors do not just give a detailed account of the major processes and phenomena of the present-day Korean reality, but clarify their reasons and characteristic features along with the dynamics of development and concrete results. The analysis of the problems under research is based upon material, mainly from the Korean official sources and press, in most cases utilized for the first time.

The collection of essays offers a rather full and comprehensive view of the complicated and contradictory conditions under which the two Korean states enter the XXIth century. But the contributors do not limit them selves by bringing to light the facts, estimates and conclusions pertaining to the situation on the Korean peninsula in the period of junction of the two centuries. They try to look into the future, to denote what they see as the nearest perspectives of the social and political development of Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea, their movement towards the objectively inevitable peaceful unification of Korea. Against similar background the Korean policies of the major world powers is being assessed.

Научное издание

Корея на рубеже веков

Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М. С. Баландина*
Корректоры *М. Я. Колесник, Л. В. Хохлова*
Компьютерный набор *З. А. Исаева*
Компьютерные верстка, дизайн обложки *А. Б. Дунаева*

Сдано в набор 14.11.01. Подписано к печати 27.12.01.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 25. Уч.-изд. л. 26. Тираж 350 экз.
Заказ № 5467

Лицензия ИД № 04697 от 28.04.01.

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю. В. Чудодеев

Отпечатано в ППП типография «Наука»
Академиздатцентра «Наука» РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6